

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

3 (93)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1965

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1937 г.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Подписано к печати 3/VIII 1965 г.

Тираж 2135 экз.

Зак. 2545

Формат бум. $70 \times 108 \frac{1}{16}$

Печ. л. 2,1+4 вкл.

Бум. л. $7 \frac{1}{2}$

Уч.-изд. листов 24,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

В. Н. Ярхо

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПОЭМАХ ГЕСИОДА

Как это ни покажется парадоксальным, творчество Гесиода до сих пор изучено недостаточно. Я имею в виду отнюдь не новые папирусные фрагменты, вошедшие в недавно опубликованный XXVIII том Оксиринхских папирусов¹, и не множество отрывков и свидетельств о приписываемых Гесиоду произведениях². Речь идет о двух классических и бесспорно гесиодовских поэмах — «Теогонии» и «Трудах и Днях», о которых среди исследователей нет единства во мнениях ни о составе текста, ни о характере мировоззрения Гесиода.

Так, Жах³ оставляет в «Теогонии» известный эпизод, изображающий вступление Зевса в борьбу с титанами (687—712), Мазон решительно его устраняет⁴; Кирк в докладе, прочитанном в 1960 г.⁵, присоединился к сторонникам атетезы, но в возникшей затем дискуссии практически уступил свои позиции под нажимом Фрица, Грималя и других ее участников⁶. Сражение Зевса с Тифоеем (820—880) Мазон исключает, но сохраняет в тексте первое упоминание Тифаона (306 сл.), которое Фриц, напротив, расценивает как позднейшую интерполяцию⁷. Ритуальные запрещения и «календарь» в «Трудах и Днях» (724—759 и 765 до конца) еще Вилламовиц считал поздним добавлением, и мнение его до сих пор поддерживает Диллер⁸, в то время как Гронинген, исходя из законов архаической композиции, и Вердениус, исследуя ассоциативное художественное мышление Гесиода, отстаивают подлинность обоих кусков⁹. Ни малейшего сомнения в единстве поэмы не возникает и у Куманецкого, посвятившего

¹ См. обстоятельную рецензию: М. Уэст, «Spomen», 35, 1963, № 8, стр. 752—759.

² На этот вопрос почти исчерпывающий ответ дает теперь книга J. S c h w a r t z, Pseudo-Hesiodica, P., 1960.

³ Hesiodi carmina, rec. A. R z a c h. 3-е изд., Lipsiae, 1913.

⁴ Hésiode. Texte établi et traduit par P. M a z o n, 5-е изд., P., 1960, стр. 13 сл., 56 сл.

⁵ Сб. «Hésiode et son influence», «Entretiens sur l'antiquité classique», VII, Genève, 1962 (далее — II), стр. 83, 98, 101.

⁶ Там же, стр. 102, 104.

⁷ K. v o n F r i t z, Das Prooemium der hesiodischen Theogonie, «Festschrift B. Snell», Münch., 1956, стр. 44.

⁸ H. D i l l e r, Die dichterische Form von Hesiods Erga, «Ak. d. Wiss. u. Liter., Abhandl. der Geistes u. Sozialwiss. Kl.», Mainz, 1962, № 2, стр. 30. Ср. также А. М а s a r a c c h i a, L'unità delle «Opere» esiodee..., «Helikon», I, 1961, стр. 239.

⁹ B. A. v a n G r o n i n g e n, La composition littéraire archaïque grecque, Amsterdam, 1958, стр. 290, 301; W. J. V e r d e n i u s, Aufbau und Absicht der Erga, II, стр. 151—155. См. также А. К р o k i e w i c z, Moralność Homera i etyka Hezjoda. Warszawa, 1959, стр. 233.

недавно ее анализу обстоятельную статью¹⁰. Для современного состояния критики текста Гесиода чрезвычайно характерно различие в подходе к нему со стороны Кирка и Вердениуса в уже упомянутом VII томе «*Entretiens*»: первый старается отсечь от «Теогонии» как можно больше сомнительных или представляющихся ему таковыми стихов, второй стремится сохранить в «Трудах» едва ли не все до последней строки¹¹. При такой ситуации необходимо указать, на какой состав текста опирается исследование, составляющее содержание настоящей статьи.

В «Теогонии» почти общепризнанным инородным телом является большое описание Тартара (736—819), а также заключительные 58 стихов (965—1022), повествующие о браках богинь со смертными; последние, возможно, заимствованы из какой-либо другой «каталогообразной» поэмы самого Гесиода, но к замыслу «Теогонии» они прямого отношения не имеют. Несколько иначе обстоит дело со ст. 820—880. Эпизод с Тифооём вполне родственен типологически основной идее и содержанию «Теогонии», так как исходит из того же представления о борьбе между богами и победе сильнейшего, что и мифы о свержении Крона или о битве богов с титанами¹². Включение этого эпизода в состав поэмы легко объясняется той техникой «удваивания мотивов», по которой построена бесспорно гесиодовская титаномахия (сначала вступление в борьбу сторуких, потом — самого Зевса, см. НI, стр. 21, 102). Наконец, даже исследователи, отрицающие авторство Гесиода, относят эпизод с Тифооём примерно к тому же времени, что и основной текст поэмы¹³. Нам кажется поэтому, что нет достаточных оснований изымать его из дошедшей до нас «Теогонии». Вопрос о незначительных по размеру позднейших вставках, которые не исключаются в разных местах поэмы, мы оставляем здесь в стороне, так как эти добавления не имеют существенного значения для понимания и оценки произведения в целом.

Что касается «Трудов и Дней», то изложенное выше мнение Гронингена, Вердениуса и Куманецкого представляется нам более основательным, чем позиция Виламовица, Керна¹⁴ или Диллера, и мы склонны рассмат-

¹⁰ К. К у м а н и е с к и. *Kompozycja Hesiodyowych Prac i dni*, «Meander», 19, 1964, стр. 55—76. Работа В. Николаи (W. N i c o l a i, *Hesiods Erga. Beobachtungen zum Aufbau*, Heidelberg, 1964) известна мне пока только по названию.

¹¹ В отношении «Теогонии» аналогичную позицию занимает Швабль, расценивающий поэму как «органическое поэтическое создание», подчиненное вполне определенному ритмическому принципу, повторению мотивов и т. д., — см. Н. S c h w a b l, *Beobachtungen zur Poesie des Hesiod*, «Serta philologica Aenipontana», VIII, Innsbruck, 1962, стр. 69—84; о н ж е, *Aufbau und Struktur des Prooimions der hesiodischen Theogonie*, «Hermes», 91, 1963, стр. 385—415.

¹² Хотя сходство этих древнегреческих сказаний с недавно открытыми хетто-хурритскими мифами бросается в глаза, непосредственное влияние последних не может быть постулировано с полной очевидностью. Бесспорно только, что типологиче- с к и о б а ц и к л а р о д с т в е н н ы. Из достаточно обширной литературы см. носящие ит- о г о в ы й д л я д а н н о г о э т а п а х а р а к т е р с т а т ь и: Н. G. G ü t t e r b o s k, *The Song of Ullikummi, Revised Text of the Hittite Version...*, JCS, 1951, № 5, стр. 135—161 и 1952, № 6, стр. 8—42; А. L e s k y, *Griechischer Mythos und Vorderer Orient*, «Saeculum», 1955, № 6, стр. 35—52; Н. S c h w a b l, *Weltschöpfung*, RE, Supplb. IX, 1962, стб. 1484—1495; его же статья «Die griechischen Theogonien und der Orient» (в кн. «*Éléments orientaux dans la religion grecque ancienne*», P., 1960, стр. 39—56) известна мне только по названию. Разумный призыв к осторожности в сопоставлениях — у Н. E r b s e, *Orientalisches und griechisches in Hesiods Theogonie*, «Philologus», 108, 1964, стр. 2—28.

¹³ Кирк датировал создание «Теогонии» примерно 675 г. (НI, стр. 63 сл.), Вормс от- н о с и т в о з н и к н о в е н и е «Тифономахии» ко второй половине VII в. (F. W o r m s, *Der Typhoeus-Kampf in Hesiods Theogonie*, «Hermes», 81, 1953, стр. 29—44). См. также в за- щ и т у п о д л и н н о с т и э п и з о д а с Тифооём Н. S c h w a b l, *Zu Hesiods Typhonomachie*, «Hermes», 90, 1962, стр. 122 сл.

¹⁴ О. Керн (O. K e r n, *Die Religion der Griechen*, I, B., 1926, стр. 265, 282) хотя и считал отрывок со ст. 695 и до конца поэмы поздним добавлением, однако призна-

ривать поэму как вполне целостное (с точки зрения законов архаической композиции) произведение, даже если Вердениус и несколько преувеличивает глубину ассоциаций, лежавших в основе художественного мышления Гесиода¹⁵, и недооценивает исконно гномический характер назидательных произведений подобного рода.

В оценке религиозных взглядов Гесиода также можно столкнуться с прямо противоположными точками зрения. По мнению, например, О. Керна (ук. соч., стр. 248), Гесиод не отвергал антропоморфных богов, и последние в его изображении так же подобны людям, как и в гомеровском эпосе; им присущи, в частности, такие проявления жестокости, как осклопление Урана и поглощение Кроном своих собственных детей. Другие исследователи склонны отождествлять гесиодовских богов, и в первую очередь Зевса, с космическими и этическими силами, чьи человеческие свойства отступают далеко на задний план¹⁶. На наш взгляд, обе точки зрения страдают известной односторонностью, причина которой — в стремлении охватить обе поэмы Гесиода сразу одной формулой. Несомненно, что его творчество — значительный шаг вперед в процессе выработки нравственных норм, определяющих существование гражданского коллектива, в процессе превращения своевольных и капризных гомеровских богов в хранителей этих норм. Однако между более ранней «Теогонией» и более поздними «Трудами и Днями» есть весьма существенное различие в восприятии и оценке божества. Да и сами «Труды» не свободны от того, что можно условно назвать «гомеровским» взглядом на богов и их взаимоотношения с людьми (см. ВДИ, 1962, № 2, стр. 20 сл.). Творческий путь Гесиода — это длительные и зачастую мучительные поиски этического осмысления божественного управления миром¹⁷, в ходе которых поэт заимствует многое в гомеровском эпосе, но часто также переосмысляет традиционные представления и понятия, подчиняя их новому взгляду на мир. Нашу задачу мы видим как раз в том, чтобы охарактеризовать религиозные и нравственные воззрения Гесиода в их развитии и становлении, проследить, как они эволюционируют от «Теогонии» к «Трудам», от чего поэт отталкивается и к чему приходит.

«Теогонию» с полным основанием считают написанной для того, чтобы прославить приход Зевса к власти; его вступление в борьбу с титанами составляет подлинную кульминацию поэмы. Те исследователи, которые склонны рассматривать ст. 687—712 как интерполяцию, лишают «Теогонию», по верному замечанию Виламовица (ук. соч., стр. 336, прим. 1), всякого смысла, а Гесиода — всякой веры. Подобно тому, как борьба с титанами означает победу олимпийцев в целом, так участие в ней Зевса обеспечивает окончательное укрепление его власти. Важно, однако, отметить, что победой над титанами Зевс обязан не своим высоким моральным качествам, а превосходству в силе. Как и у Гомера, Зевс в «Теогонии» остается самым могучим и сильным из богов (φέρτατός ἐστι θεῶν κρᾶτῆί τε μέγιστος, 49); силой он превосходит Крона (κάρτεϊ νικήσας, 73), всю

вал, что и он предназначен для беотийских крестьян и проникнут сознанием серьезности обязанностей, которые лежат на земледельце перед богами.

¹⁵ См. объяснение перехода от ст. 41 к ст. 42, от ст. 342 к 343, от 369 к 370, от 724—726 к 727—732 и от них — к ст. 733—736 — НI, стр. 122, 143, 146, 151 сл., 170. Ср. К у ш а н и е с к и, ук. соч., стр. 64, 72.

¹⁶ Например, W. Nestle, Griechische Geistesgeschichte², Stuttg., 1944, стр. 35; А. Ф. Л о с е в, Гесиод и мифология, УЗМГПИ, 83, 1954, стр. 271 сл.

¹⁷ О. К е р н, ук. соч., стр. 279 сл.; W. Nestle, Griechische Religiosität, В.—Lpz, 1930, стр. 51; U. Wilamowitz-Moellendorf, Der Glaube der Hellenen², I, В., 1955, стр. 337; C. del Grande, Hybris, Napoli, 1947, стр. 29; А. Л а Р е н н а, НI, стр. 166.

свою силу он проявляет и в борьбе с титанами, давая волю богатырской отваге (*μένος*, 687 сл.).

Другим свойством Зевса, выделяющим его среди прочих бессмертных, является его хитрость: именно с ее помощью он одолел Крона, свержение которого есть, таким образом, торжество не более нравственного, а более коварного противника. «Хитроумия» Крона (*ἀγκλομήτης* — его постоянный эпитет в «Теогонии», 18, 137, 168, 473, 495) хватило только на то, чтобы подстеречь в засаде и оскорпить Урана, сам же он в свою очередь был побежден замыслом и силой Зевса (465, 496). Конечно, поведение Крона, глотавшего своих детей, нельзя считать образцом высокой морали; но ведь и сам Зевс, о б м а н у в Метиду, проглотил ее, потому что боялся рождения от нее потомства сильнее его самого (888—898). Свержение Крона, а впоследствии титанов, есть «месть» (*τίσις*, 472, ср. 210), а не «кара», «воздаяние» (*ποινή*) за безнравственность¹⁸.

Движущим мотивом поведения Зевса в отношении Прометея остается такая архаическая категория, как гнев (*χόλος, χόραι*) и притом гнев лично задетого, обманутого бога (533, 554, 561, 568, 615); единственное оружие Зевса против перехитрившего его Прометея, несмотря на уверения Гесиода (613), — сила и власть¹⁹.

В тесной связи с характеристикой, даваемой в «Теогонии» Зевсу, находится вопрос о судьбе других его противников — Тифоея и Менетия.

В «Теогонии», как известно, имеется два близких по имени персонажа: *Τυφών*, от брака которого с Ехидной родились Орф, Кербер, лернейская Гидра, Химера и прочие чудовища (306 слл.), и *Τυφώεις*, рожденный Геей от союза с Тартаром, после того как Зевс изгнал с неба титанов (820—822). Вопреки категорическому возражению Виламовица (ук. соч., I, стр. 260 сл.), большинство ученых и до, и после него считали и продолжают считать Тифона и Тифоея вариантами имени одного и того же существа²⁰. При этом все сходится на том, что по происхождению своему оно есть олицетворение жаркого ураганного ветра, песчаного самума, и воспоминание об этом сохраняется во многих античных источниках, включая схолий к ст. 304 «Теогонии»: *τυφὸν βλαβερώτατος ἀνεμὸς* и т. д. (Worms, ук. соч., стр. 34—38). Группе (ук. соч., стр. 846, прим. 1) полагал даже, что чтение схолия *ἀνεμὸς* следует предпочесть ошибочно попавшему в рукопись *ἀνομὸς*. Однако Гесиода космическое происхождение Тифона совершенно не ин-

¹⁸ Отсюда ясно, что мнение Снелля (сб. «La notion du divin depuis Homère jusqu'à Platon», «Entretiens sur l'antiquité classique», Genève, I, 1954, стр. 108—110), будто низвержение Крона есть кара не только за его насилие, но и за несправедливость, есть не более чем Hineininterpretierung в поэму Гесиода чуждой ей нравственной проблематики. Ср. такую же точку зрения у K r o k i e w i c z, ук. соч., стр. 218 сл., 226 и E r b s e, ук. соч., стр. 5, 27.

¹⁹ См. F. W e h r l i, Hesiods Prometheus, «Navicula Chiloniensis. Studia philologica F. Jacoby... oblata», Leiden, 1956, стр. 31 сл.; E. H e i t s c h, Das Prometheus-Gedicht bei Hesiod, RhM, 106, 1963, стр. 1—15. Хотя состав постулируемого Хейчем догесиодовского «прото типа» истории о Прометее и не может быть проверен, главная мысль (его и Верли) едва ли подлежит опровержению: в основе сказания лежит фольклорный мотив поединка двух хитрецов, чрезвычайно далекий от какой бы то ни было этической проблематики, и победителем из состязания первоначально выходил Прометей.

²⁰ L. P r e l l e r, Griechische Mythologie, 4-е изд., bearb. v. G. Robert, B., 1887, I, ч. 1, стр. 63—66; O. G r u p p e, Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, Münch., 1906, стр. 434, 846 и прим. 1; F. D o r n s e i f f, Die archaische Mythenentwicklung, B.—Lpz, 1933, стр. 18, 25 сл.; Л о с е в, ук. соч., стр. 281; M. P. N i l s s o n, Geschichte der griechischen Religion, I, Münch., 1955, стр. 244, 432; W o r m s, ук. соч., стр. 34; H. H u n g e r, Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, 5-е изд., Wien, 1959, s. v. В пользу этого мнения говорит, между прочим, и то обстоятельство, что в другом варианте мифа, согласно которому Тифон был рожден не Геей, а Герой, чудовище в различных, но почти одновременных источниках носило имя то Тифаона (hymn. Hom. Apoll., 306, 352), то Тифоея (Stesichor., fr. 62, Page).

тересует, для него он является просто страшным чудовищем, угрожающим власти Зевса (ср. *hymn. Apoll.*, 338 сл.: *φέρτερος ἔστω*). Именно поэтому «отцу бессмертных» приходится снова пустить в дело свои перуны, чтобы низвергнуть в Тартар свирепого противника (823—868).

Столкновение Зевса с Тифоом, изображенное в традиционных красках «битвы богов», отстоит чрезвычайно далеко от какой бы то ни было нравственной проблематики: побеждает более сильный противник, обладающий более мощным оружием. Следовательно, если в ст. 307 Тифон, которого мы считаем тождественным Тифою, назван *δεινός τ' ὑβριστής ἄνομος*, то отсюда вовсе нельзя делать вывода, что в следующем эпизоде он понесет кару от Зевса за какое-либо преступление против нравственности. К тому же содержание первого отрывка (306 слл.) тоже не имеет никакого отношения к этической проблематике. Конечно, потомство, произведенное на свет Тифоном, не слишком привлекательно, но это не может служить основанием для нравственной оценки Тифона. Поэтому в существительном *ὑβριστής* надо видеть в данном случае не этическое понятие, а чисто качественную характеристику грозного чудовища, превышающего своими физическими возможностями обычных богов, не говоря уже о смертных²¹.

С той же меркой надо подходить к другому *ὑβριστής* «Теогонии» — Менетию, которого постиг тот же конец, что и Тифою, — Зевс отправил его в Эреб, поразив дымящейся молнией (514 сл.). Однако если Тифою питал совершенно явную надежду на захват власти, то о Менетии в «Теогонии» ничего подобного не сказано. Причина его заточения в Эреб названа Гесиодом совершенно определено: это его «безрассудство и безмерная сила» (*εἶνεκ' ἀπασθαλίης τε καὶ ἠγορέης ὑπερόπλου*, 516). В чем состояло безрассудство Менетия, из «Теогонии» не ясно²². Зато вторая причина говорит сама за себя: Зевс попросту испугался его «безмерной силы», как он испугался такой же «безмерной силы», вида и величины сторуких Обриаррея, Котта и Гиеса, которых поэтому постигла та же судьба, что и Менетия (619 сл.). В сочетании *ἠγορέη ὑπερόπλος* так же нет моральной оценки, как и в *ὑβριστής*, прилагаемом к Тифою и Менетию.

Таким образом, ни в одном из рассмотренных случаев, где Зевс обрушивает всю свою мощь на противников, нет и речи о его моральном превосходстве, о наказании виновных в преступлениях против нравственности²³. К этому надо добавить, что боги в «Теогонии» по-прежнему остаются «подателями благ» (*δοτῆρες ἑάων*, 46, 111, 633, 664), совершенно независимо от того, в чьи руки попадут эти блага. Мойры, ставшие теперь дочерьми Зевса, даруют смертным добро и зло (905 сл.), нисколько не сообразуясь с поведением людей.

Единственное исключение из этого безразличного отношения богов к нравственности смертных — упоминание о «неумолимо карающих» Керах, которые преследуют людей и богов за преступления (*παραιβάσιαι*)

²¹ Таким образом, в *ὑβριστής* находит отражение первоначальное вполне конкретное значение *ὑβρις* как преобладания в силе. См. подробнее наш доклад «К пониманию термина *ὑβρις* в древнегреческой поэзии архаического периода», прочитанный в апреле 1964 г. на Ленинградской конференции исследователей античности (в печати).

²² В литературе классического периода Менетий больше нигде не упоминается. Только позднеантичные источники (*Apollod.*, *Bibl.*, I, 2, 3; *Hygin.*, *fab.* 150) называют его вместе с братом Атлантом участниками титаномахии. К Гесиоду эта версия восходить не может, и я склоняюсь к мысли, что низвержение Менетия в Тартар приурочено ко времени борьбы богов с титанами значительно позднее, чем была создана «Теогония», — см. *RE*, s. v. *Menoitios*, I, Нв. 29, 1931, стб. 919.

²³ Такой же архаический тип взаимоотношений между богами или богами и людьми представлен в ряде случаев в гомеровских гимнах: *hymn. Apoll.*, 375 слл.; *hymn. Merc.*, 385 (*τίσω*); *hymn. Cer* 367—369 (*τίσις*); *hymn. Vener.*, 290 (*θεῶν δ' ἐποπιζέω μῆνιν*), хотя инициатива исходила вовсе не от Анхиса).

и до тех пор «не прекращают страшного гнева, пока не воздадут грозной кары (*κακῆν ὄπιν*) всякому, кто совершил проступок» (217, 220—222). Хотя эта характеристика Кер очень лаконична²⁴, тем не менее здесь впервые в греческой литературе сформулировано представление о божественной каре, постигающей человека за совершенное преступление²⁵. Но Керы — порождение Ночи, божества более древнего, чем Зевс, с которым Гесиод даже не пытается их соединить. В данную выше характеристику Зевса в «Теогонии» они ничего не прибавляют, как и не поднимают его морального авторитета: о нравственных качествах Зевса мы по-прежнему не находим в поэме ни слова.

Черты «гомеровской» характеристики Зевса, в которой такую существенную роль играет гнев божества, сохраняются и в «Трудах». Если Крониод упрятал под землю людей серебряного века, гневаясь (*χολοβμενος*) на них за то, что они не воздавали почестей олимпийцам (138), то здесь, по крайней мере, гнев бога настиг непосредственно виновных перед ним. Но когда Зевс в гневе на обманувшего его Прометея скрыл от людей источники пищи (47); когда по воле Зевса (*Διὸς βουλαί*, 71, 79, 99, ср. *Theog.*, 572), разгневанного из-за похищения огня тем же Прометеем (*Op.*, 53), была создана Пандора, источник соблазнов и бедствий для рода человеческого, то здесь действовала ярость раздраженного божества, не разбирающего правых и виноватых²⁶.

Затем, «Трудам» присуще такое же «гомеровское» — впрочем, никогда не исчезавшее в Греции — представление о том, что и блага и горе у людей — и хороших и плохих — от богов.

Наставительная поэма Гесиода не случайно открывается именем Зевса: призыв к Музам²⁷ *Δῖννέπτε* (2) отчетливо противопоставляет ее содержание содержанию героического эпоса, воспевающего гнев Ахилла или странствия многоопытного мужа. И тем не менее, собственно нравственные функции Зевса выражены в этом вступлении слабее всего. Из-за Зевса смертные живут в славе или безвестности, знамениты или никому неизвестны. Он легко дает силу и легко сокрушает сильного, легко лишает славы и легко возвеличивает неизвестного, легко выпрямляет согбенного и легко стигает могущественного (3—7). Однако критерии, руководствуясь которыми Зевс распределяет свои благосклонность и недовольство, здесь не названы²⁸. Зевс легко может доставить богатство многим (379), от него зависит даровать хороший урожай (474), но он же посылает людям злую бедность (638). Вообще мысли его изменчивы (483) — иногда он может помочь и тому, кто запоздал с севом и находится под угрозой голода. Богатство — от богов (*θεόδοτα*, 320), но от богов же — и губительная бедность (*μακάρων δόσις*, 717 сл.). Ранняя осень — наиболее безопасное время

²⁴ Во всяком случае ясно, что речь идет не о загробной каре, как это можно было бы предположить, исходя из гомеровского значения *χῆρες* — своего рода «слуги смерти». У Гесиода, где Керы преследуют не только людей, но и богов, загробное наказание тем самым исключается.

²⁵ Напомним, что в Одиссее *ἄπις θεῶν* предполагает обязательное участие человека: Одиссей сам мстит женихам, благорасположение богов только помогает ему в этом. Кара (*ἄπις*), осуществляемая гесиодовскими Керами, не нуждается в посредничестве людей.

²⁶ Отсюда ясно, что Вердениус сильно преувеличивает этическое содержание эпизода с Прометеем, видя в нем осуществление идеи *δίκη*, и несомненно прав Сольмес, указывающий на месть Зевса, не имеющую ничего общего со справедливостью, — *Н. I*, стр. 127, 167.

²⁷ Подлинность его была без достаточных оснований заподозрена в древности — см. историю вопроса и литературу у *M a s a r a s s h i a*, ук. соч., стр. 217 сл.

²⁸ Ср. *μυῖθες* в ст. 6 и в ст. 244, 325; во втором случае причины такого отношения богов к людям вполне ясны.

для морского плаванья, но и здесь Посейдон или Зевс могут пожелать чьей-нибудь гибели: ведь в их руках судьба и хороших, и дурных людей (667—669). Наконец, взгляд Зевса все видит и, если захочет²⁹, замечает, соблюдает ли город справедливость (267—269. О более точном значении гесиодовской «справедливости» см. ниже). А если не захочет?

Как видно, Гесиод знал, что морские бури не разбираются в нравственных качествах мореходов, а на примере собственного отца и других людей из своего окружения видел, что бедность не всегда постигает самых безнравственных. Объяснение этому он мог найти только в божественной силе. Но наряду с такого рода безразличным и случайным проявлением благосклонности или враждебности Зевса и богов, Гесиод находил и более определенные причины, вызывающие антипатию богов.

Начнем с длинного списка поступков, вводимого предостережением: «Берегись взгляда блаженных бессмертных» (εὖ δ' ὄπτιν ἀθανάτων μακάρων τεφύλαγμένους εἶναι, 706). Большинство рекомендаций, вводимых двадцатипятикратным μηδὲ..., касается отношений между соседями и чисто индивидуального поведения, вплоть до отправления естественных надобностей. Но встречаются запрещения, носящие религиозный характер: не вымывши рук, не совершай возлияний богам (724 слл.), не помолившись и не омыв рук, не вступай в реку (737—741), не ешь и не мойся из горшков, не освященных жертвоприношением (748 сл.), не смейся, увидев горящую жертву (755 сл.). На того, кто нарушает эти заповеди, негодуют (гневаются — *νεμεσῶσι*, 741; *νεμεσῶ*, 756) бессмертные, его ожидает наказание (*ποινή*, 749); оно распространяется и на человека, моющегося водой, в которой мылась женщина (753—755). Правда, в двух последних случаях не названо божество, но ясно, что ни от кого другого (да еще со временем — *ἐπὶ χρόνον*, 754) наказание прийти не может.

Берн³⁰ считает большинство указанных запретов суеверными заклинаниями, пережитками ритуальной магии и привлекает для их объяснения сравнительно-этнографический материал. Сделанные им сопоставления не вызывают возражений, но остается фактом, что нарушение этих предписаний влечет за собой у Гесиода божественное возмездие.

Другой перечень всякого рода советов и наставлений замыкает поэму; в нем, как известно, перечисляются благоприятные и неблагоприятные приметы, связанные с определенными днями месяца. Совершенно ясно, что в целом ряде случаев следование рекомендациям Гесиода еще меньше находится во власти людей, чем в ст. 706 слл.; так, если можно в соответствии с его наставлениями распределить сельскохозяйственные работы, то очень трудно угадать, окажется ли ребенок, зачатый в десятый день месяца, мальчиком и не родится ли в шестой или шестнадцатый день девочка. Да и нарушение земледельческого календаря нанесет ущерб прежде всего самому крестьянину, боги несколько не пострадают от того, что какой-нибудь беотийский мужичок начнет сев в неблагоприятный тринадцатый день, а приручением домашних животных займется не в назначенный четырнадцатый, а в любой другой день. И тем не менее весь перечень примет завершается утверждением, что тот богат и счастлив, кто выполняет все советы, не будучи виновен перед богами (*ἀναίτιος ἀθανάτοισιν*), вопрошая птиц и избегая каких-либо уклонений от нормы (826—828). Употребленное здесь понятие *ὕπερβασίη*, как видно из контекста, не обозначает моральной вины, вытекающей из непомерной гордости или над-

²⁹ αἱ κ' ἐθέλησ' (268) — ср. такую же постановку вопроса в «Теогонии»: Геката благоволит на войне и в мирное время тому, кому захочет (429, 432, 439, 443, 446).

³⁰ A. R. В u r n, *The World of Hesiod*, L., 1936, стр. 45, 48—53.

менности; *ὑπερβασία*, от которой предостерегает Гесиод, есть не более, чем отклонение от традиционных народных воззрений, и не имеет прямого отношения к божеству (ср. II, стр. 155). И все же несоблюдение этих предписаний делает человека «виновным» (*αἷτιος*) перед богами — верное свидетельство того, что Гесиод хочет видеть в богах надежных стражей не только религиозных заповедей, но и традиционного уклада жизни.

Наряду с перечисленными выше, особенно в ст. 706—759, не слишком крупными «прегрешениями» или ошибками внимание карающего божества привлекают, естественно, более серьезные преступления против моральных норм. Так, кто сотворит зло молящему о защите или чужеземцу, кто тайно взойдет на брачное ложе родного брата, кто по неразумию обидит детей-сирот, кто оскорбит тяжелой бранью старика-отца, на того негодует (*ἀγαίεται*) Зевс и в конце концов налагает за нечестивые дела тяжелую кару (*χαλεπήν ... ἀμοιβήν*) (Op., 327—334). Сопоставляя значение употребляемого здесь понятия *ἀμοιβή*, равно как и встречающегося в ст. 749 и 755 понятия *κίνη*, с его значением в героическом эпосе, мы можем наблюдать углубление этической терминологии у Гесиода по сравнению с его предшественниками.

В «Илиаде» первоначальное значение *ποινή* — выкуп, искупительная плата за убитого в мирное время; заплатив ее главе рода или ближайшему родственнику, убийца остается жить среди своего же народа (IX 633, 636, XVIII 498). Из мирного обихода понятие *ποινή* проникает и в язык «военного времени»: Патрокл, вступив в бой, «взыскал выкуп» (*ἀπετίμητο ποινήν*) с троянцев за многих убитых ими ахейцев (XVI 398). Ахиллу двенадцать троянских юношей служат выкупом, искупительной жертвой за Патрокла (XXI 28); Акамант, убив в бою одного из ахейцев, хвалится, что выкуп за брата не остался неоплаченным (*μή τι... ποινή ... ἄτιος ἔη*, XIV 483; ср. XIII 659). В этом смысле и Одиссей свою расправу с Киклопом оценивает как расплату (*ἀπετίσατο ποινήν*) за съеденных товарищей (Od., XXIII 312 сл. — единственное упоминание *ποινή* в поэме). Наконец, в трех случаях *ποινή* имеет значение «возмещения», «отступного», «компенсации» (II., III 290, V 266, XVII 207).

Таким образом, если гомеровская *ποινή* и приближается к значению «кары» в тех случаях, где речь идет о «расплате» кровью за кровь убитого, то всегда имеется в виду месть за конкретный акт насилия или кровопролития, а не кара за нарушение каких-то священных запретов, как это имеет место у Гесиода. К тому же гомеровские боги вовсе не вмешиваются в осуществление мести между людьми, а наоборот, иногда сами дают «отступное» (см. II., V 266).

Что касается понятия *ἀμοιβή*, то, наряду с первоначальным и вполне мирным значением «дарования в обмен», «отдаривания» (Od., I 318, III 58), мы встречаем его также в значении «расплаты», взыскиваемой божеством; Гелиос грозит богам, что удалится в Аид, если спутники Одиссея «не заплатят надлежащего выкупа за коров», съеденных на Тринакии (*οὐ τίσοισι... ἀμοιβήν*, XII 382). Поскольку Зевс обещает потопить их всех в волнах, то речь идет здесь не о простом «возмещении» ущерба, а о расплате жизнью. Следует, однако, помнить, что спутники Одиссея гибнут за оскорбление, нанесенное лично богу, в то время как у Гесиода *ἀμοιβή* — «кара» распространяется на нарушение основных моральных норм человеческого общежития, и осуществление этой тяжелой кары Зевсом несомненно свидетельствует о его значительно возросших этических и карающих функциях.

Сходную эволюцию претерпевает представление о «взгляде богов» (*ὄπις θεῶν*). Сочетание это известно уже из гомеровских поэм, где «взглядом богов» пренебрегают либо неправедные судьи (II., XVI 388), либо женщины Пенелопы, оскорбляющие гостеприимный кров и его хозяина (Od.,

XIV 82, XX 215)³¹. У Гесиода, как мы уже видели, призыв остерегаться «взгляда богов» служит как бы титром к длинейшему перечню самых различных проступков (706). Но «не ведают взглядов богов» (187) и люди железного века, виновные в гораздо более серьезных нравственных преступлениях: ведь это в железном веке дети перестанут почитать родителей, будут бранить их дурными словами, не захотят даже кормить; не будет дружбы между хозяином и гостем, между товарищами, между родными братьями (Op., 182—188) — все эти моральные уродства попадают у Гесиода также в сферу наблюдения богов, и надежда поэта, что Зевс не будет терпеть такое положение вещей (ст. 273), служит лишним доказательством его веры во всевидящий, а не безразличный к человеческим преступлениям «взгляд богов».

Наконец, гесиодовские боги не остаются безразличными к такому поведению человека, которое гомеровскому эпосу либо совершенно неизвестно, либо не считается в нем преступным, — я имею в виду несправедливое обогащение. По Гесиоду, существует два способа наживаться за чужой счет: силой (*χερσὶ βίη*) и языком (*ἀπὸ γλώσσης*) (Op., 321 сл.). Первый способ известен Гомеру достаточно хорошо и не вызывает у него ни малейшего осуждения, ибо разбой и хищение — естественные спутники войны, нередко превращающейся в пиратские набеги³². О стяжательстве же при помощи языка, т. е. при судебном разбирательстве, во время которого бесстыдный корыстолюбец не останавливается перед клятвopреступлением (в этом и состоит его *ἀναδειή* — Op., 322—324), героический эпос либо не знает, либо умалчивает³³. Между тем Гесиоду именно этот способ наживы наиболее ненавистен, и он абсолютно уверен в том, что несправедливо разбогатевшего человека боги легко унижают, а дом его разоряют (325).

Уже из сказанного ясно, что «Труды и Дни» представляют существенный шаг вперед в этическом осмыслении божества не только по сравнению с героическим эпосом, но и с гесиодовской же «Теогонией». Этот вывод подтвердится с еще большей очевидностью, если мы обратимся к тому разделу «Трудов», где идет речь о каре, постигающей не одного, непосредственно виновного в том или ином моральном преступлении человека, а целый город (220—224, 238—269). Как известно, главной причиной бедствий, обрушивающихся на такое преступное государство, является нарушение в нем *δίκη* — это слово переводят у нас обычно «справедливость». Так же передают в большинстве случаев современные ученые³⁴ и собственное имя Дики — одной из трех Op, родившихся, согласно «Теогонии», от союза Зевса с Фемидой (901—903), и эта генеалогия служит обычно доводом в пользу превращения Зевса в абстрактное начало, олицетворяющее справедливость, уже в «Теогонии». Мне кажется, что в данном случае имеет место такое же неправомерное перенесение на «Теогонию» моральных категорий, бесспорно присутствующих в «Трудах», какое допускают исследователи, приме-

³¹ Ср. также Od., XXI 28, где речь идет о Геракле, убившем своего гостя Ифита.

³² См. M. Hoffmann, Die ethische Terminologie bei Homer..., Tübingen, 1914, стр. 28 сл.

³³ Богатство, отнятое у других, Гесиод называет *ἀρπαγὰ*, «похищенным», — показательно, что слова *ἄρπαιξ*, *ἄρπαγός* у Гомера совсем не встречаются, а глагол *ἄρπαιζω* имеет чаще всего чисто физическое значение «уносить добычу» (о хищных животных — II., V 556, XVII 62; Od., XV 174), «увозить» (о Парисе, похитившем Елену, — II., III 444), «срывать» (шлем с головы — II., XIII 528).

³⁴ Лосев, ук. соч., стр. 280, 292; Krokiewicz, ук. соч., стр. 213; Ma z o n, стр. 64 и T. B. L. Webster, Greek Art and Literature 700—530 B. C., L., 1959, стр. 28, переводят «Justice», K. Kerényi, Die Mythologie der Griechen, Zürich, 1951, стр. 102, переводит «gerechte Vergeltung» и при этом специально подчеркивает, что *Δίκη* обозначает «не только справедливое воздаяние, но и справедливость вообще». P. W a l s o t, Hesiod and the Law «Symb. Osloenses», 38, 1963, стр. 21, как раз в связи с Theog. 901 сл. называет Гесиода «пророком справедливости».

няющие к анализу «Илиады» отдельные мысли последнего автора «Одиссеи» (см. ВДИ, 1962, № 2, стр. 21 сл.).

В самом деле, давно установлено, что первоначальное значение понятий *θέμις* и *δίκη* не имеет ничего общего со справедливостью как осознанной этической категорией. Гомеровская Фемида, занимающая крайне незначительное место в олимпийском пантеоне (II., XV 87, 93; XX 4; Od., II 68), представляет собой не что иное как персонификацию понятия *θέμις* — «установленное», «положенное», существующий обычай, норма поведения³⁵. В буржуазной литературе господствует мнение, согласно которому понятием *θέμις* обозначаются установления, освященные божественным авторитетом³⁶. Однако в непосредственной связи с божественной волей *θέμις* употребляется только несколько раз во множественном числе, когда речь заходит о волеизъявлении судей, царей или самого Зевса. Разумеется, *θέμιστες*, которые изрекают «вскормленные Зевсом» цари, носят такой же «божественный» характер, как и все их поведение (II., I 238; II 206; IX 99); столь же божественна и собственная воля Зевса, вещающего людям через прорицателей «положенное», — то, чему дано свершиться (Od., XVI 403). Но нет ровно ничего божественного в *λαραὶ θέμιστες*, обещанных ахейцами Ахиллу (II., IX 156, 298); это «установленные обычаем» искупительные дары, которые Ахилл должен принять ради удовлетворения его чести. Точно так же, когда в понятие *θέμις ἐστὶ* входят половые отношения мужчины и женщины (II., IX 134, 276, XIX 177), то этот «обычай» существовал, надо думать, задолго до появления какого бы то ни было религиозного чувства. Аналогичным образом нет никакой необходимости в божественной санкции для того, чтобы вождям «по обычаю» собираться в палатке Ахилла (II., XXIV 652), Диомеду — выступить на военном совете (II., IX 33), женщине — плакать о погибшем муже (Od., XIV 130), сыну — приветствовать вернувшегося отца (Od., XI 451) и т. д. В этих и в других случаях, на которых нет надобности останавливаться подробнее (II., II 73, XI 779, XIV 386, XVI 796, XXIII 44, 581; Od., III 45, 187, IX 268, X 73, XVI 91, XXIV 286), *ἡ θέμις ἐστὶ* обозначает «как положено», «как это в обычае», а *οὐ θέμις ἐστὶ* — как «не положено»; «не подобает», иногда — «невозможно», «не суждено».

Наряду с понятием *θέμις ἐστὶ* в гомеровских поэмах засвидетельствовано также сочетание *δίκη ἐστὶ*, восходящее, по-видимому, к первоначальному значению *δίκη* «направление», «образ действий», в конечном результате — «обычай»³⁷: *ἡ γὰρ (ἀδτη) δίκη ἐστὶ γερόντων, μνηστῆρων* и т. п.

³⁵ K. L a t t e, Themis, RE, II Rh., 10 Hb., 1934, стб. 1626; о н ж е, Der Rechtsgedanke im archaischen Griechentum, «Antike und Abendland», 2, 1946, стр. 63; K. R e i n h a r d t, Vermächtnis der Antike, Götting., 1960, стр. 27; H. F r i s k, Die Stammbildung von *θέμις*, «Eranos», 48, 1950, стр. 1—13; A. C a r n o u, Dictionnaire étymologique de la mythologie greco-romaine, Louvain, 1957, s. v. Themis, правильно возводя *θέμις* к корню со значением «établir», напрасно дает в переводе сразу последнюю ступень в развитии этого значения: «personification de la loi et de la justice éternelle». Книга Г. Фоса (H. V o s, ΘΕΜΙΣ, Assen, 1956) представляется мне совершенно ошибочной в той части (стр. 3—29), где автор считает первичным значением *θέμις* «право» и подгоняет под это толкование прямо опровергающие его места из гомеровских поэм.

³⁶ На этом построена, в сущности, вся концепция *θέμις* в книге V. E h r e n b e r g, Die Rechtsidee im frühen Griechentum, Lpz., 1921, особенно стр. 3—11, 50; та же мысль, только в более сжатой форме, у L a t t e, Der Rechtsgedanke..., стр. 63. Ср. также J. W. J o n e s, The Law and Legal Theory of the Greeks, Oxf., 1956, стр. 28; P. C h a n t r a i n e, сб. «La notion du divin...», стр. 75.

³⁷ Ф. Буазак (F. B o i s a c q, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Heidelberg.—P., 1916) считает первоначальным значением — «направление», из которого развиваются затем «правило», «право», «справедливость». Я. Фрикс (H. F r i s k, Griechisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg., 1954) принимает за исходное «образ», «обычай». И. Б. Гофман (I. B. H o f m a n n, Etymologisches Wörterbuch des Griechi-

(Od., XXIV 255, XVIII 275, XIX 43, XIV 59; ср. hymn. Apoll., 458); в частности, в обычае у царей — притеснять свой народ (Od., IV 691)³⁸; «в обычае» у людей — быть сожженными после смерти (XI 218), т. е. таков обычный конец их жизненного пути. Сюда же относится выражение ἡ γὰρ δίκη, ἔπλοτε... (XIX 168) — «так принято (подобает, обычно бывает), когда...».

Значение δίκη как «принятого», «соответствующего обычаю», сохраняется и в прилагательном δίκαιος. «Не подобает», «вопреки обычаю» (οὐ καλόν ... οὐδὲ δίκαιον) притеснять гостя, пользующегося покровительством хозяина (Od., XX 294, XXI 312): приютить чужеземца, оказать ему помощь — требованию обычая, δίκη. Поэтому дикие насильники (ὄβρισταί τε καὶ ἄγριοι), не соблюдающие обычая гостеприимства — οὐ δίκαιοι (Od., VI 120, VIII 575, IX 175, XIII 204). Ср. Od., XIII 209: οὐκ ... νοήμονες οὐδὲ δίκαιοι «неразумные и поступающие вопреки обычаю». Той же формулой характеризуется поведение ахейцев после взятия Трои (III 133) и женихов Пенелопы (II 282), которые не хотят вести сватовство, как положено (δίκαιως, XIV 90), т. е. приносить подарки и умножать богатство невесты, а не расхищать его. Афина считает юного Писистрата ἀνὴρ δίκαιος (III 52), потому что он точно следует обычаю (δίκη) уважать старших. После примирения Агамемнона с Ахиллом Одиссей советует Атриду быть впредь δικαιότερος (II., XIX 181); перевод «быть более справедливым» лишен здесь всякого смысла, ибо поведение Агамемнона было вовсе не справедливым; на самом деле, Одиссей призывает его поступать в большем соответствии с обычаем (δίκη), чем это было сделано в отношении Ахилла³⁹. Напротив, кентавр Хирон, воспитавший Ахилла, назван δικαιότατος (II., XI 832) потому, что передал ему знание того, как положено себя вести храброму и знатному вождю⁴⁰. Далекое скифские племена названы δικαιότατοι (II., XIII 6) — наиболее строго следующими извечным обычаям. Наконец, δίκαιον получает значение «уместно», «с основанием» сказанного (Od., XVIII 414 = XX 322).

Как видно, θεμία и δίκη в своем первоначальном значении принципиально ничем не отличаются друг от друга. Выражения ἡ θεμία ἐστὶ и ἡ (αὐτὴ) δίκη ἐστὶ в равной мере характеризуют существующий, принятый обычай, норму человеческого общежития. Гесиод, делая Фемиду супругой Зевса, а Дику их дочерью, пользуется своим постоянным приемом, объединяя посредством генеалогических связей древнюю персонификацию «обычая» с новой, им самим созданной персонификацией того же понятия: поскольку в языке существовали два близких по значению слова и одно из них уже стало божеством, закономерно было превратить в божество и другое. Сближение же Фемиды и Дики с Зевсом указывает на стрем-

schen, Münch., 1949) переводит «право», однако, как и другие исследователи, ставит δίκη в непосредственную связь с корнем *deik-, dik-, нашедшим отражение в греч. δείκνυμι, скр. diśati «показывать», diśa «направление»; ближайшее родство последнего слова с греч. δίκη не вызывает у Гофмана сомнения. Приводимая в кн. Д. Лёнена (D. L o e n e n, Dike. Een historisch-semantic analyse..., Amsterdam, 1948, стр. 6 сл.) обширная сводка мнений, подтверждающих исконное значение δίκη как «обычного образа действий», показывает, что первоначальное, неправовое значение слова давным-давно установлено, и можно только удивляться, почему эта простая истина предается забвению в достаточном количестве трудов по греческой этике и литературе.

³⁸ Джонс (J o n e s, ук. соч., стр. 24) вполне основательно замечает по этому поводу, что δίκη гомеровских богов и царей означает не то, что они д о л ж н ы делать, а то, что они обычно делают, включая сюда совершение несправедливости и актов насилия.

³⁹ Объяснение этого случая в книге Е. Вольфа (E. W o l f, Griechisches Rechtsdenken, I, Fr./M., 1950, стр. 86 сл.) кажется мне слишком искусственным.

⁴⁰ Ср. Van L e e u w e n ad Aristoph. Nubes, 1292:... Chiron, qui Centaurorum cultissimus est, δικαιότατος dicitur.

ление Гесиода освятить все издревле существующие обычные нормы человеческого общежития именем верховного бога. Этим безусловно повышается авторитет как Зевса, так и указанных «обычаев» (ср. Reinhardt, ук. соч. стр. 23), но именно как естественно возникших, обязательных от природы для всех людей⁴¹. В «Теогонии» Гесиод еще не ставит перед Зевсом задачу восстанавливать нарушенный порядок вещей или хотя бы карать виновного в его нарушении. Часто встречающееся утверждение, что уже в «Теогонии» Зевс выступает защитником справедливости, — сильное преувеличение. Если дочери Зевса и Фемиды (и Дика в том числе) названы у Гесиода Орами, т. е. богинями сменяющихся времен года, под наблюдением которых находится сельский труд смертных (ἔργ' ὠρέουσι, 903), то их функции совпадают как раз с естественной закономерностью природы⁴², и сам Зевс, их родитель, становится, таким образом, покровителем неизменного круговорота времен, вместо того чтобы распоряжаться громом и молнией по собственному усмотрению. Делая Дику одной из Ор и дочь Фемиды, Гесиод тем самым отождествляет «обычное», «положенное», издревле «установленное» с естественным и закономерным в самой природе — этим несомненно достигается значительный прогресс в теологическом мышлении Гесиода, но с понятием справедливости ни Фемиды⁴³, ни Дика в «Теогонии» еще не связаны. Превращение Дики в богиню справедливости происходит только в «Трудах и Днях», и к этому ведет тоже не простой путь.

Начнем с того, что δίκη встречается у Гесиода достаточно часто во множественном числе, и в этих случаях сразу же исключается возможность традиционного перевода «справедливость»: справедливость может быть только одна. Употребление же δίκαι во множественном числе известно уже из гомеровских поэм, где δίκαι имеет значение суда, совершаемого царем — племенным вождем, авторитету которого целиком доверяют его соплеменники (Il., XVI 542 — о Сарпедоне, Od., III 244 — о Несторе). Наоборот, Полифем и другие киклопы не ведают οὐτε δίκας... οὐτε θέμιστας (Od., IX 215) — они не знают, что такое судебное разбирательство и как во время него выносят приговор, решение (θέμιστες; ср. IX 112).

Наряду с царским судом Гомеру известен также третейский суд с участием старцев как наиболее опытных членов племени — он изображен, как известно, на щите Ахилла (Il., XVIII 497—508) и неоднократно исследовался историками античности и античного права⁴⁴. Нам важна здесь формула δίκην ἰθύντατα εἶποι (508), в которой сочетание εἶποι δίκην несомненно значит «выносить приговор», а обстоятельство ἰθύντατα указывает на первоначальное значение δίκη как направления: награду получит

⁴¹ Ср. C. M. В o w r a, Early Greek Elegists, L., 1938, стр. 149 сл.; M. U n t e r s t e i n e r, Le origini della tragedia e del tragico, Torino, 1955, стр. 525.

⁴² Ср. чисто космическое значение δίκη у Анаксимандра, Гераклита и Пармениды; здесь она следит за порядком и равновесием сил в природе. См. O. G i g o n, сб. «La notion du divin...», стр. 137 сл., 146.

⁴³ Латте (L a t t e, Themis, стб. 1627), утверждая, что Гесиод делает Фемиду «представительницей права», ссылается на Theog., 135, где, однако, о праве нет ни слова, а Фемиды только упоминается среди титанов, которых Гея родила Урану.

⁴⁴ См. R. K ö s t l e r, Homerisches Recht, Wien, 1950, стр. 65—77. Парадоксальная теория Мундинга, согласно которой сцена суда изображена на щите Ахилла с целью полемики с гесиодовским идеалом неподкупного судьи и имеет своей целью доведение этого утопического идеала до абсурда (H. M u n d i n g, Hesiods Erga in ihrem Verhältnis zur Ilias, Fr./M., 1959, стр. 155; о н ж е, Die Bewertung der Rechts-idee in der Ilias, «Philologus», 105, 1961, стр. 177), едва ли может быть принята всерьез. См. энергичную отповедь в кн. F. K r a f f t, Vergleichende Untersuchungen zu Homer und Hesiod, Götting., 1963, стр. 155—162. В трактовке самим Крафтом понятия δίκαι я далеко не везде могу с ним согласиться (например стр. 80).

тот из судей, кто пойдет наиболее прямым путем. Впрочем, в историческую эпоху определение *ιδεῖα*, прилагаемое к *δίκη*, всегда уже имеет значение «беспристрастного», не уклоняющегося ни в ту, ни в другую сторону приговора (ср., например, у Эсхила, где Эринии просят Афицу судить беспристрастно их тяжбу с Орестом, *κρίνειν εὐδεῖαν δίκην*, *Eum.*, 433). *Δίκα* обозначают «приговоры» и в *Od.*, XI 570 — на этот раз их изрекает, «ведя судопроизводство» (*θέμιστεῶν*) среди мертвых, сам подземный судья Минос.

Ни царский суд, творимый безупречным вождем, ни третейское разбирательство практически уже не существуют во времена Гесиода (ср. Я. А. Ленцман, ВДИ, 1954, № 4, стр. 68 сл.), как, впрочем, и для времени Гомера они являлись, вероятно, уже только идеализированным воспоминанием о прошлом: современность отражена в известной картине несправедливого суда в XVI книге «Илиады». Теперь приговор выносят не старейшины — третейские судьи, чья деятельность проходит под контролем собравшегося вокруг народа (II, XVIII 500 слл. — по-видимому, именно эта толпа решала своим криком, кто из судей достоин награды), а «цари» — но тоже существенно отличающиеся от идеальных вождей «героического» века и охотно ведущие суд таким образом (*οἱ τῆνδε δίκην ἐθέλουσι δικάσαι*, *Op.*, 39), чтобы это было выгодно подкупившей их стороне ⁴⁵.

В принципе Гесиоду известно, что судопроизводство есть обязанность «почтенных царей», рядом с которыми может восседать в суде (*ἐν δίκῃ*) сама богиня Геката (*Theog.*, 434), но в действительности эти цари не заслуживают почтения. Из той же «Теогонии» мы узнаём, каким должно быть такой царь-судья (80—90). Возникло ли это, целиком личное, отступление в ожидании тяжбы с Персом, как полагает Фриц (ук. соч., стр. 43), или же вследствие удачного для Гесиода исхода суда, как думает Гронинген (ук. соч., стр. 13), важно, что такой идеальный царь, вскормленный Зевсом и находящийся под особым покровительством муз, не просто изрекает *θέμιστες* как гомеровский вождь, а выносит приговор на основе беспристрастного судопроизводства, (*διακρίνει*) *θέμιστας* *ιδεῖσι* *δίκησιν* (85 сл.) ⁴⁶. Гомеровский царь в такой аттестации не нуждался, — все, что он изрекал, было изъявлением божественной воли и не подлежало обсуждению. Тот факт, что Гесиод вынужден делать это добавление в своей идеальной картине, указывает, насколько далеко отстоит от действительности идеал, созданный «от противного» ⁴⁷, как «от противного» же рисуются в «Одиссее» царственные добродетели ее героя (II 230—234, IV 689—692).

В приведенных выше ст. 85 сл. из «Теогонии» мы перевели *διακρίνει* *θέμιστας* *ιδεῖσι* *δίκησιν* «выносит приговор на основе беспристрастного

⁴⁵ Хотя Верденнус (HI, стр. 120 сл., 160 сл.) решительно возражает против понимания *δίκη* здесь и в ст. 269 (см. ниже, стр. 18) как «судебного процесса», такой перевод представляется мне единственно возможным. Толкование Верденнусом *δίκην δικάζειν* в ст. 39 («eine solche wie wir sie hier kennen Gerechtigkeit») и *οἶν καὶ τῆνδε δίκην* в ст. 269 («was für eine Gerechtigkeit es ist») привносит в текст Гесиода совершенно несвойственный ему оттенок иронии («знаем мы, что это за справедливость!»). Гораздо точнее передают значение ст. 39 («les rois sont disposés à juger ce procès») и ст. 269 («de quelle nature est le régime juridique»; «Welche Form dieser Prozess annimmt») Гронинген (B. A. van Groningen, *Hésiode et Perses*, Amsterdam, 1957, стр. 7, 10) и Сольмсен (S o l m s e n, HI, стр. 161). К юридическому значению *δίκην δικάζειν* у Гесиода см. теперь также Р. О х у., т. 28, стр. 57, с добавлениями Меркельбаха и Уэста, «Спон», 35, 1963, стр. 754.

⁴⁶ Ср. тот же образ в *hymn. Cer.*, 151 сл.: кто руководит народом и защищает твердыни города советом и беспристрастным судопроизводством (*ιδεῖσι δίκησιν*).

⁴⁷ Любопытную комбинацию традиционного эпитета «царей» — *θέμιστοπάλοι* (ср. *hymn. Cer.*, 103, 215, 473) — с их подлинными свойствами находим у Гесиода в *фр.* 7. где среди «царей, изрекающих приговоры», названы *δικος* Салмоней и *ἀπερθμος* Перриер, — вот уж воистину, «суди меня, судья несправедный!».

судопроизводства». В тех случаях, когда в состав формулы входят и $\theta\epsilon\mu\sigma\tau\alpha\varsigma$, и $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota$, перевод $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota$ словом «судопроизводство», по-видимому, не вызывает возражений. Но нельзя не заметить, что сочетания $\iota\theta\epsilon\acute{\iota}\alpha\iota$ (или $\sigma\kappa\omicron\lambda\iota\alpha\iota$) $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota$ могут быть поняты и как «прямой» или «кривой» приговор. Разница между «судом» и «приговором» в ряде пассажей у Гесиода почти неуловима. Так, о царях-дароядцах говорится, что они выносят приговор «кривым судом» ($\sigma\kappa\omicron\lambda\iota\tilde{\eta}\varsigma \delta\epsilon \delta\acute{\iota}\kappa\eta\varsigma \kappa\rho\acute{\iota}\nu\omega\sigma\iota \theta\epsilon\mu\sigma\tau\alpha\varsigma$, Ор., 214), т. е. извращая судебную процедуру, не проявляя необходимого беспристрастия. Противоположная категория — «прямой», беспристрастный суд, самый лучший, идущий от Зевса, обозначается как $\iota\theta\epsilon\acute{\iota}\alpha\iota \delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota$ (Ор., 36). Но поскольку результатом суда является приговор, то призыв $\sigma\kappa\omicron\lambda\iota\omega\tilde{\nu} \delta\epsilon \delta\acute{\iota}\kappa\epsilon\omega\tilde{\nu} \dots \lambda\acute{\alpha}\theta\epsilon\sigma\theta\epsilon$ (264), пожалуй, лучше перевести «откажитесь от кривых (пристрастных, извращенных) приговоров». Дважды сочетание $\sigma\kappa\omicron\lambda\iota\alpha\iota \delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota$ может быть понято и как «кривой суд» и как «кривой приговор». Орк спешит вслед за $\sigma\kappa\omicron\lambda\iota\tilde{\eta}\sigma\iota \delta\acute{\iota}\kappa\eta\sigma\iota\upsilon$ (219); бессмертные следят за теми, кто мучают друг друга $\sigma\kappa\omicron\lambda\iota\tilde{\eta}\sigma\iota \delta\acute{\iota}\kappa\eta\sigma\iota\upsilon$ (Ор., 250 сл.). Однозначное толкование «приговор» возможно, кажется, только в одном фр. 271, принадлежность которого Гесиоду недостоверна: «Не выноси приговора ($\mu\eta\delta\acute{\epsilon} \delta\acute{\iota}\kappa\eta\nu \delta\acute{\iota}\kappa\acute{\alpha}\sigma\eta\varsigma$), прежде чем не выслушаешь обе стороны».

Впрочем, как бы мы ни переводили $\sigma\kappa\omicron\lambda\iota\alpha\iota \delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota$, ясно, что в глазах Гесиода именно это «кривосудье» является главным моральным бедствием современного ему общества. В качестве предпосылки для процветания государства он называет не уважение к родителям, не соблюдение законов гостеприимства и даже не почитание богов, а с п р а в е д л и в ы й с у д: там, где и чужеземцам и местным жителям гарантируют равный для всех, беспристрастный суд ($\sigma\acute{\iota} \delta\acute{\epsilon} \delta\acute{\iota}\kappa\alpha\varsigma \xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\sigma\iota \kappa\alpha\acute{\iota} \acute{\epsilon}\nu\delta\eta\mu\omega\sigma\iota \delta\iota\delta\omicron\upsilon\sigma\iota\nu \iota\theta\epsilon\acute{\iota}\alpha\varsigma$, 225 сл.), там в мирном благоденствии цветет город, и его жителей, «правосудных людей» ($\iota\theta\upsilon\delta\acute{\iota}\kappa\eta\sigma\iota \acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\alpha}\sigma\iota$, 230), не постигают ни голод, ни бедствия и т. д. (225—237)⁴⁸.

Нет ничего удивительного в том, что из первоначального значения $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ — нечто «принятое», «обычное» — развивается правовое значение слова: смысл судопроизводства заключается как раз в том, чтобы обеспечить возвращение к «обычному», «нормальному» состоянию, нарушенному чьей-то злой волей или преступным поведением. Столь же естественно и справедливость стала обозначаться у древних греков тем же словом, что обычай, образ действий, норма поведения: если задача суда — восстановить нарушенное «обычное» состояние, то справедливость осмысливается как следование по прямому, правильному пути, без отклонений в ту или иную сторону, как соблюдение общепринятой нормы (ср. в немецком группу *richtig — recht — Recht — Gerechtigkeit*, «правильный», «прямой» — «право», «справедливость», в английском *right* и его производные). Очевидно, что «обычай» начинает отождествляться с требованием справедливости именно тогда, когда возникает возможность нарушения этой общепринятой нормы. Чрезвычайно показательны в этом смысле одно из немногих употреблений $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ в значении «справедливости» у Гомера. Когда Ахилл, опечаленный неудачей Эвмела в конных ристаниях, решает присудить вторую премию ему, а не действительно пришедшему вторым Антилоху, юный сын Нестора по справедливости ($\delta\acute{\iota}\kappa\eta$, XXIII 542) выступает с возражением⁴⁹. Апелляция к справедливости вызвана именно нарушением должного, прямого порядка вещей, согласно которому вторая награда принадлежит тому, кто пришел вторым. Характерно при этом, что Антилох

⁴⁸ Ср. F. S o l m s e n, *Hesiod and Aeschylus*, Cornell UP, N. Y., 1949, стр. 109.

⁴⁹ Показательно, что Лиф в своем комментарии к «Илиаде» видит и здесь в $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ значение «обычай»: $\delta\acute{\iota}\kappa\eta \acute{\alpha}\mu\epsilon\phi\alpha\tau\omicron$ = answered by the custom (см. L o e n e n, ук. соч., стр. 7, прим. 11).

готов отстаивать свою правоту с оружием в руках (553 сл): выдвижение на первый план выдающихся племенных вождей уже ставит под угрозу осуществление обычного права. Тем более реальной становится возможность нарушения права при столкновении представителей различных социальных слоев: в известном пассаже «Илиады» (XVI 388) о людях, творящих «кривой суд», говорится, что они «изгоняют справедливость». Этими двумя случаями употребление понятия *δίκη* «справедливость» в «Илиаде» исчерпывается⁵⁰.

В «Одиссее», как уже упоминалось выше, *δίκαιοι* обозначает людей, соблюдающих обычай гостеприимства. Соответственно, нарушение этого обычая есть оскорбление справедливости, почитаемой богами (XIV 83). Следовательно, и здесь справедливость есть не что иное, как требование придерживаться установленных, искони существующих норм поведения; тот, кто от них отклоняется, тем самым вступает на путь нарушения справедливости.

У Гесиода *δίκη* в значении «справедливость», равно как и производные *δίκαιος* и *ἀδικος*, носят вполне конкретный характер и теснее всего связаны с судом и судопроизводством⁵¹.

Очередной призыв к Персу — «слушайся справедливости» (*δίκης ἐλάχως*, 275) — сопровождается даже общим рассуждением нравственного порядка: рыбам, зверям и пернатым Зевс позволил пожирать друг друга, ибо среди них нет места справедливости; людям же Кронид даровал справедливость, величайшее благо (275—280). Взятые сами по себе, эти высказывания вполне могут сойти за какое-нибудь полемическое выступление последней четверти V в. против «младших» софистов с их теорией «естественного права» (ср., например, «теорию», развиваемую Фидиппидом в аристофановых «Облаках», 1427). Но вот Гесиод переходит к разъяснению, в чем состоит эта дарованная людям справедливость: тому, кто дает в суде правдивые показания, Зевс дарит богатство; тот же, кто сознательно дает лживые показания ((ἐκὼν ἐπίορκον ὁμόσασα, 282), совершает неискушимое преступление, ущемляя справедливость (280—283); не вызывает сомнения, что справедливость в глазах Гесиода тождественна праву каждого члена общества на беспристрастное судопроизводство, которое должно заменить произвольные *θέμιστες* знати. Сходным путем развивается мысль поэта и в известном пассаже, 213 слл.: дорога к справедливости (ἐς τὰ δίκαια) надежнее, чем ὄβρις; «правда» одержит верх над «кривдой»⁵². Уже пострадав, поймет это глупец: ведь Орк неотступно следует за кривым судом (ἀπίστα γὰρ τρέχει Ὀρκος ἀμα σκολιῆσι δίκῃσιν, 219). Раз речь зашла об Орке, ясно, что имеется в виду ложная клятва и, следовательно, судебный процесс. Стало быть, и здесь нарушение справедливости (*δίκην βλάψας*, 283) состоит в извращении, искажении судопроизводства — на этот раз посредством ложной присяги. Какое распространение приобрело во времена Гесиода клятвопреступление и каким большим злом он его считал, видно из того, что уже в «Теогонии» поэт счел нужным относительно подробно изложить функции Орка, карающего за ложную клятву (ὅτε κέν τις ἐκὼν ἐπίορκον ὁμόσση, Theog., 232, ср. Ор., 282), а в конце «Трудов» снова вернулся к этому божественному персонажу (πῆμ' ἐπίορκος, 804). Напротив, человек, честно соблюдающий

⁵⁰ В XIX 180 речь идет скорее о праве Ахилла на возмещение понесенного им морального ущерба (ἵνα μὴ τι δίκης ἐπίδουές ἐχησθα), чем о восстановлении справедливости. В аналогичном значении — Ор., 712, *δίκην παρασχεῖν* «дать удовлетворение» — разумеется, с переводом на масштабы крестьянского быта.

⁵¹ Ср. D. K a u f m a n n - B ü h l e r, Begriff und Funktion der Dike in den Tragödien des Aischylos, Heidelberg, 1954, стр. 20 сл., 33.

⁵² О значении ὄβρις у Гесиода см. в нашем упомянутом выше докладе; прим. 21.

присягу, становится для Гесиода синонимом с п р а в е д л и в о г о человека (Ор., 190).

Здесь напрашивается любопытное сопоставление с уже упоминавшимся эпизодом из «Илиады». Когда Антилох хитростью обошел в состязании колесниц Менелая, последний требует, чтобы Антилох под клятвой (ὄμνυθι, XXIII 585) подтвердил свое право на первый приз: без клятвы (ἄτερ βροχῶν, 441) ему не получить награды. Конечно, благородный Антилох предпочитает расстаться с наградой, чем запятнать себя ложной клятвой; гарантом справедливости является собственная «царская» честь ответчика, и справедливость отождествляется с соблюдением «обычного права», принятого среди знатных вождей.

Для Гесиода соблюдение справедливости состоит не в следовании нормам «героической» этики, а прежде всего в беспристрастности судопроизводства, в том числе и в честности свидетельских показаний.

Связь понятия «справедливость» с понятием «беспристрастный суд» ясна и еще из нескольких примеров. Государство процветает там, где и чужестранцам и местным жителям гарантируют беспристрастный суд (δίκας . . . ἰθεΐας) и ни в чем не преступают справедливости (μή τι παρεμβαίνουσι δίκαιον, 225 сл.) — нелицеприятное судопроизводство и есть выражение справедливости. Дева Дика (о персонификации δίκη см. ниже) жалуется Зевсу на образ мыслей несправедливых людей (ἀνθρώπων ἀδίκων νόον, 260) — в чем же состоит их ἀδικία? В том, что они «отклоняют в сторону судебный процесс, вынося кривые приговоры» (ἄλλη παρκλίνωσι δίκας σχολιῶς ἐνέποντες, 262). Очень интересен с этой точки зрения фр. 174, ст. 2: εἰ κε πάθοι, τὰ τ' ἔρξε, δίκη δ' ἰθεΐα γένοιτο. Конечно, его надо перевести: «если бы (кто-то) терпел то, что свершил, было бы справедливо»; но не забудем, что δίκη имеет при себе определение ἰθεΐα, и это сочетание восходит к судебной сфере («вершился бы правильный суд»). Когда мы читаем, что от зова Зевса не укроется οἴην δὴ καὶ τήνδε δίκην πόλις ἐντός ἔργει (269), то это проще всего перевести «соблюдает ли город справедливость». Но определения οἴην καὶ τήνδε, указывающие на первоначальное значение δίκη — «направление», здесь скорее всего осмысляются как относящиеся к судопроизводству: какой суд правят в этом городе — «прямой» или «кривой»? (см. выше прим. 45). Наконец, характерно, что единственный у Гесиода случай адвербиального употребления δίκη («по справедливости») содержится опять же в требовании беспристрастного суда: δίκη ἴθυε θέμιστας (Ор., 9) — «по справедливости правь суд».

В ряде других случаев понятия δίκη и δίκαιος не имеют непосредственно выраженной связи с судебной процедурой, но она выявляется с большей или меньшей определенностью из контекста. Так, сетуя на вырождение современных нравов, Гесиод один раз замечает, что теперь и сам он не хотел бы быть справедливым, и сыну не пожелал бы: плохо быть справедливым, если более несправедливый имеет больше прав (μείζω γε δίκη ἀδικώτερος ἔξει, 270—272). О суде в собственном смысле слова здесь речи нет, но ссылка на «большее право», которым располагает дурной человек, приближает нас к сфере юридических отношений. Такое же значение имеет δίκη в известном сочетании δίκη ἐν χερσὶ (192) — подразумевается, конечно, не справедливость, исключаяющая применение силы, а именно «право», узурпированное силой. В ст. 252—255 говорится о трех мириадах бессмертных стражей, которые наблюдают за людскими δίκαις καὶ σχέτλια ἔργα. Уже множественное число δίκας указывает не на отвлеченное понятие «справедливость», а на какие-то более конкретные ее проявления. Мазон переводит «sentences», очевидно, усматривая здесь противопоставление «мыслей» людей их «делам» (ἔργα). Однако двумя стихами ниже говорится, что бессмертные наблюдают за теми, кто мучает друг друга «криво-

судьем» (*σκολιῆσι δίκῃσιν*), не обращая внимания на карающий взгляд Зевса (250 сл.). Так за чем же другим приставлены Зевсом смотреть эти бессмертные, как не за совершением судопроизводства (*δίκα*)?

Во всей поэме есть всего два места, где между справедливостью и судом нет решительно никакой связи. Это ст. 334, где под *ἔργα ἀδίκᾳ* разумеются преступления против основных моральных норм родового строя, среди которых суд и тяжба не значатся, и ст. 158, где поколение героев названо лучшим и более справедливым (*δικαιότερον καὶ ἄρειον*), чем люди предшествующего медного века. Чем объясняется такая характеристика, трудно сказать. Скорее всего, люди века героев, ставшие «шолубогами» и поселенные после смерти в блаженной земле, уже в силу этого справедливее людей медного века, у которых на уме были только дела Ареса и насилие⁵³.

В сущности, непосредственно в сфере гражданского права происходит и превращение *δίκη* из отвлеченного понятия в антропоморфную богиню, причем если путь от *δίκη* — «обычай» к *δίκη* — «справедливость» знаменует существенный сдвиг в общественных отношениях и появление осознанных этических требований, то «очеловечивание» *δίκη* — «справедливости» происходит сравнительно просто: берется уже существующее фразеологическое сочетание с участием *δίκη* — понятия, и последнему придаются предикаты, делающие понятие одушевленным лицом. Так, в «Илиаде» неправедные судьи, вынося «кривые» приговоры, изгоняют справедливость: *ἐκ δὲ δίκην ἐλάσσει* (XVI 388); у Гесиода в тех же словах охарактеризовано поведение *ἄνδρες δωροφάγοι* в отношении деи Зевса: *οἱ τε μὲν ἐξελάσσει* (Op., 224); она преследует их, оплакивая государство и правы в нем и неся горе изгнавшим ее людям. Мы уже приводили ст. 283, где клятвопреступник, «ущемляя справедливость» (*δίκην βλάψας*), совершает тем самым неискупимое преступление; дева Дика, «когда ее кто-нибудь обидит» (*ὀπότε ἄν τις μὲν βλάπτῃ*, 258), садится около Зевса и жалуется на людей. Как видим, поведение Дики внешне ничем не отличается от образа действий гомеровских богов, которые жалуются Зевсу на ущемление их интересов людьми (Посейдон — на возведение ахейцами вала, II, VII 446 слл., XII 6 слл.; Гелиос — на истребление его коров, Od., XII 379—381; *Λίται* — на упрямство людей, II, IX 510—512). Оскорбление Дики лежит в русле древнейшего представления о личной обиде, нанесенной божеству и влекущей за собой его месть (Solmsen, Hesiod a. Alschylos, стр. 93). Но применительно к гомеровским богам можно говорить только об обиде, причиненной непосредственно богу, гесиодовская же Дика считает себя оскорбленной не тогда, когда ей забывают принести жертву или затрагивают ее родственные чувства⁵⁴, а когда видит нарушение интересов всего общества. Легко убедиться, что это нарушение происходит опять же в сфере судопроизводства: вопль Дики раздается там, где мужи-дароядцы

⁵³ Во всяком случае, никак нельзя согласиться с попыткой внести проблематику «справедливости» в гесиодовское сказание о веках, — ср. В е р д е н и у с, II, стр. 132; J.-P. V e r n a n t, Le mythe hésiodique des races, RHR, 157, 1960, стр. 30; D i l l e r, ук. соч., стр. 24 сл.; J. K e r s c h e n s t e i n e r, «Gnomon», 34, 1962, стр. 4. Его статья «Zu Aufbau und Gedankenführung von H. Erga», «Hermes», 79, 1944, стр. 149—177, известная мне, к сожалению, только по ссылкам, представляет, по-видимому, наиболее последовательную апологию идеи справедливости в «Трудах», возводимой на уровень мировой, всеобъемлющей и всюду проникающей силы. Как видно из настоящей статьи, я не могу согласиться с такой универсальной трактовкой *δίκη* у Гесиода, а что касается сказания о веках, то в нем и речи нет о необходимости соблюдать законы справедливости или чем-либо подобном; ст. 124 сл. представляют явную интерполяцию, попавшую сюда из центральной части поэмы, ст. 254 сл.

⁵⁴ Или когда ее обидел какой-нибудь другой бог, ср., например, жалобы Артемиды, которая садится (*ἐφέζετο*) в слезах около Зевса, позорно изгнанная из сражения Герой (II, XXI 505 слл.)

судят «кривым судом» (*σκολιῆς δίκης κρίνωσι θέμιστας*, 221; *οὐκ ἰθεὶαν ἐνεῖμαν*, 224); мы уже видели, что содержание ее жалоб Зевсу — искажение судебной процедуры (262). При этом Дика не просто сообщает Зевсу о творимых беззакониях: она делает это для того, чтобы «народ отплатил за безрассудство царей» (*ἄφρ' ἀποτίσει δῆμος ἀτασθαλίας βασιλέων*, 260 сл.). Так мы подходим к пониманию *δίκη* как «возмездия», «воздаяния» и к вопросу о характере этого возмездия.

Мы помним, что в героическом эпосе одной из причин, ведущих человека к неправильному поступку, является *ἀτασθαλίη* — «безрассудство»: по своему безрассудству Гектор остался в поле, вопреки совету Пулиданта, и погубил этим многих троянских воинов (II., XXII 105—107), по безрассудству Одиссея он сам и его спутники задержались в пещере Киклопа (*Od.*, X 435—437), по собственному безрассудству итакийцы покусились на коров Гелиоса и были за это потоплены Зевсом (I 7). Этим понятием характеризует и Гесиод поведение людей, творящих несправедливый суд (*ἀτασθαλίαι βασιλέων*, 261)⁵⁵. Но если Гектор считает необходимым сам отвечать за свое безрассудство перед собой и своими согражданами, как этого требует его *αἰδώς* и привычка быть *ἑσθλός* (II., VI 441—446, XXII 105—107), если итакийцы сами погибают из-за допущенного безрассудства, то *ἀτασθαλίη* гесиодовских царей влечет за собой бедствия для всего города (*Op.*, 240 сл., 260 сл.). Это убеждение вносит существенное новшество в проблему ответственности по сравнению с Гомером.

В той мере, в какой героическому эпосу вообще свойственно представление об ответственности, оно исходит из элементарного соотношения вины и наказания: наказанию подлежит непосредственно виновный. Гесиод не мог найти в современной ему действительности подтверждения этой наиболее естественной зависимости между виной и возмездием: цари-дароядцы, виновные в нарушении справедливости, продолжали обогащаться у него на глазах.

Однако обогащение одних приводило к разорению других, превращению их самих в нищих (неоднократные предостережения Гесиода не оставляют сомнения в том, что нищий или бедняк с опухшими от голода ногами стал достаточно частой фигурой повседневной действительности — см. O., 399—404, 496 сл.; ср. 299 сл.), словом, к упадку общества в целом. В этих условиях были вполне естественны поиски ответа на вопрос о возмездии за творимые «безрассудства» в сфере коллективной ответственности всей общины за преступления одного человека (*καὶ ξύμπασα πόλις κακοῦ ἀνδρὸς ἀπλήρα*, 240), причем важно отметить, что само понятие «возмездие» передается словом *δίκη*: в ст. 239 выражение *δίκη τεκμαίρεται Ζεὺς* может быть понято только как «Зевс определяет возмездие», *roenam constituti* (*tribuit*). Картину бедствующего государства (242 слл.) завершает новый призыв уже с точным обозначением адресата: «И вы, цари, сами поду-

⁵⁵ Ср. также *ὅς τις ... ἀτάσθαλα μηχανάται*, 241, хотя между понятиями *ἀτασθαλίη* и *ἀτάσθαλος*, несмотря на их очевидное родство, есть все же известное различие в оттенках. *Ἀτασθαλίη* означает безрассудство — это бесспорно. Но когда Приам называет Ахилла *ἀνὴρ ἀτάσθαλος* (XXII 418) или когда Менелай говорит о *μῆνος ἀτάσθαλον* троянца (XIII 634), то здесь имеется в виду скорее «бурный», «грозный» темперамент или отвага, чем безрассудство. Еще яснее это значение в гимне Аполлону, 67: Делос готов принять беременную Лето, но боится, что рожденный ею Аполлон будет *λίην ἀτάσθαλος* — разумеется, не «чересчур безрассуден», а «слишком грозен», «неукротим». То же значение имеет *ἀτάσθαλοι*, употребляемое Анакреонтом (фр. 100, Page) в отношении Эротов. (Я уже оставляю в стороне почти пародийное переосмысление *ἀτάσθαλος* в гимне Гермесу, 296.) Точно так же *ἀτάσθαλα μηχανάωντο* в рассказе Нестора о нападении эпейцев на пилосцев характеризует, в худшем случае, «дерзость» нападающих, а не их «безрассудство» (II., XI 695, ср. в «Одиссее» о женихах — XVII 588, XVIII 143, XX 170, XXI 282, а также XVI 86, XXIV 352 — везде предполагается «дерзкое», «наглое» поведение).

майте о таком возмездии» (*καταφρίξασθε . . . τήνδε δίκην*, 248 сл.). К этому надо добавить, что богиня Дика, оскорбленная кривосудьем, сама осуществляет карающие функции (223).

Таким образом, понятие *δίκη* получает у Гесиода достаточно широкое содержание и несравненно более глубокое этическое осмысление, чем у Гомера. Оно не только обозначает п р и г о в о р, с у д, но и содержит определенные требования к осуществлению судебной п р о ц е д у р ы. В зависимости от выполнения этих требований находится благосостояние или разорение государства; нарушение с п р а в е д л и в о с т и при ведении суда влечет за собой божественную к а р у ⁵⁶. Можно сказать, что *δίκη* становится у Гесиода нравственной заповедью для всего общества, — это поднимает ее на несколько ступеней выше той, на которой находился гомеровский *αἰδώς*, ибо он определял только индивидуальное поведение героев, а *δίκη* — общественную деятельность людей.

Значение шага, сделанного Гесиодом, трудно переоценить. И все же прикрепленность *δίκη* к суду и гражданскому праву сильно суживает поле ее деятельности. Мы видели, что соблюдение или нарушение основных моральных норм человеческого общежития (почитание чужеземцев, молящих, родителей) оказывается за пределами понятия *δίκη*, хотя и попадает уже в поле зрения богов. Ограниченность моральной концепции Гесиода не является его «виной»; но понять эту ограниченность необходимо для правильной оценки дальнейшего развития нравственной проблематики в поэзии VII—VI вв.

⁵⁶ Отзвук моральной концепции Гесиода можно, мне кажется, уловить у Гераклита, фр. В 28: Дика, т. е. кара, постигнет «воздвигающих ложь» и свидетелей, — конечно, лжесвидетелей, достойных поэтому наказания.

Л. П. Маринович
МЕСТО НАЕМНИКОВ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ
ИСОКРАТА

ЗНАМЕНИТОМУ оратору IV в. до н. э., публицисту Исократу посвящена значительная литература. Историков и филологов интересовали разные стороны его жизни и деятельности — от выяснения отдельных деталей до рассмотрения общих проблем¹. Ученые по-разному оценивали Исократа, подчас высказывая мнения, диаметрально противоположные: для одних Исократ — беспочвенный мечтатель, призывы которого, не имея под собой реальной почвы, не оказали никакого влияния, иные, впадая в другую крайность, видели в нем вдохновителя Филиппа, который претворил в жизнь планы оратора².

Однако мимо исследователей прошел такой, как нам представляется, заслуживающий внимания вопрос, как место наемников в трудах Исократа. Что как источник может дать оратор для освящения наемничества — этого сложного и значительного в истории Греции IV в. социально-политического явления, какие аспекты его нашли отражение в речах оратора?

Как известно, сохранились 21 речь и 9 писем Исократа. О наемниках упоминается только в 9 речах и одном письме. Однако было бы поспешно делать какие-либо выводы на основании только одного сопоставления этих цифр. Следует учесть также характер самих речей. Обычно их делят на судебные, так называемые «совещательные», или политические и эпидейктические³. Будучи основателем знаменитой школы риторики, Исо-

¹ См. библиографию в кн. E. M i k k o l a, sokrates. Seine Anschauungen im Lichte seiner Schriften, Helsinki, 1954, стр. 298—306. Список этот далеко не полон. Кроме того, в последнее время появился ряд новых статей и книг как по отдельным вопросам, так и общего характера. Последняя обобщающая работа — M. A. L e v i, Isocrate. Saggio critico, Milano, 1959; рец. в Mus. Helv., XVIII (1961), № 4, стр. 240 сл.; Cl. Rev., N. S., XII (1962), № 2, стр. 166 сл.; «L'Antiquité Classique», XXXI (1962), № 1—2, стр. 332—334. Большое место Исократу уделено в работах Cl. M o s s é, La fin de la démocratie Athénienne, P., 1962 и F. C h a t e l e t, La naissance de l'histoire, P., 1962. К сожалению, с новой работой П. Клоше (P. C l o c h é, Isocrate et son temps, P., 1963) я смогла ознакомиться уже после того, как статья была сдана в печать.

² Оценка деятельности Исократа находится в связи с так называемым «панэллинизмом» оратора, который трактуется весьма различно. Об этом см. G. M a t h i e u, Les idées politiques d'Isocrate, P., 1925, стр. 54, 218—221; E. A. М и л л и о р, Исократ и Второй Афинский морской союз, «Ученые записки ЛГУ», № 39, серия истор. наук, вып. 4, Л., 1939, стр. 89—92; М. Г. К о л о т о в а и В. Г. Б о р у х о в и ч, Панэллинизм и буржуазная историография античности, ВДИ, 1951, № 1, стр. 203—209; S. P e r l m a n, Isocrates' «Philippus»—a Reinterpretation, «Historia», VI (1957), № 3, стр. 307; M o s s é, ук. соч., стр. 424 сл.

³ «История греческой литературы», под ред. С. И. С о б о л е в с к о г о, М. Е. Г р а б а р ь-П а с с е к и Ф. А. П е т р о в с к о г о, т. II, М., 1955, стр. 253; M i k k o l a, ук. соч., стр. 295 сл.

крат в эпидейктических речах — образцах красноречия — разрабатывал главным образом мифологические сюжеты. Естественно, в них меньше всего можно ожидать упоминания о наемниках. Действительно, о них он пишет только в «Панафинейской речи», стоящей несколько особняком⁴.

Из восьми судебных речей о наемниках упоминается только в двух.

Из «Эгинской речи»⁵ мы узнаем, что после неудачной попытки сифносских олигархов-изгнанников с помощью наемников в начале 90-х гг. IV в. вернуться на остров (38) сын одного из самых богатых сифноцев, Сополис, отправился в качестве наемника в Ликию (40)⁶. Отрывок этот перекликается с отдельными пассажами из речей Исея, вызывая в памяти изображенных там наемников⁷. Перед нами, как и у Исея, конкретный пример, сцена из повседневной жизни, обогащающая наши сведения и о споре на наемников, и о предложении. Последнее представляется особенно важным. Из речи совершенно ясно, что не нужда погнала Сополиса в Ликию. Таким образом, отрывок этот является одним из доказательств сложности такого явления, как наемничество, многообразия причин, побуждавших молодежь вступать на неизвестный и полный опасностей путь военной службы⁸.

В другой судебной речи Исократы — «Об обмене состояниями»⁹ — все упоминания о наемниках связаны с Тимофеем. Прославляя своего любимого ученика¹⁰, оратор приводит в качестве примера, который должен подтвердить достоинства Тимофея как стратега, осаду Самоса в 366—365 гг., когда Тимофей оплатил войско из военной добычи (111). Указав далее, что Тимофей «очень сведущ в том, в чем должен быть разумным хороший стратег», оратор перечисляет эти качества. В числе их он упоминает о способности переносить бедности похода и находить достаточные ресурсы. Тимофей, не получая денег от Афин и находясь «в крайней нужде», все-таки смог одержать победу и расплатиться с воинами (119—120).

Кроме конкретных сведений о наемниках, которые мы находим в этих отрывках и которые получают подтверждение в других источниках, они интересны тем безусловно большим вниманием, которое оратор уделяет проблеме оплаты войска в деятельности стратегов. С развитием наемничества война приобретает в той или иной мере характер финансового предприятия. Известны многочисленные свидетельства источников о тех затруднениях, которые испытывали командиры при расплате со своими воинами, проявляя при этом подчас поистине удивительную изворотливость и изоб-

⁴ Об этой речи см. ниже, стр. 33.

⁵ О речи см. F. B l a s s, *Die attische Beredsamkeit*, II², Lpz, 1892, стр. 235—240; G. M a t h i e u в изд. *Isocrate, Discours*, I, P., 1928, стр. 91 сл.

⁶ О связи изгнанников с наемниками см. H. W. P a r k e, *Greek Mercenary Soldiers from the Earliest Times to the Battle of Ipsus*, Oxf., 1933, стр. 227 сл.; Л. П. М а р и н о в и ч, *Греческие наемники в конце V — начале IV вв. до н. э.*, ВДИ, 1958, № 4, стр. 86 сл.

⁷ Например Астифия из IX речи. См. R. J. В o n n e r, *Xenophon's Comrades in Arms*, *Class. Journ.*, X (1915), № 5, стр. 199 слл.; М а р и н о в и ч, *ук. соч.*, стр. 74 сл.

⁸ G. T. G r i f f i t h, *The Mercenaries of the Hellenistic World*, Camb., 1935, стр. 1 сл.

⁹ О речи см. B l a s s, *ук. соч.*, стр. 308—314; G. M a t h i e u в изд. *Isocrate, Discours*, III, 1942, стр. 87—102.

¹⁰ Эта речь стоит несколько особняком среди судебных речей Исократы, являясь по существу его апологией. Прославление Тимофея вызвано кроме того недавним процессом против знаменитого стратега, кончившимся его осуждением. Отсюда и выпады против противника Тимофея Харета, которому оратор противопоставляет своего ученика как образец стратега (§§ 117, 121. См. также комментарий M a t h i e u, *Isocrate, Discours*, III, стр. 132, прим. 2; стр. 133, прим. 2), и известная идеализация его (M o s e, *ук. соч.*, стр. 411). То же — в написанной несколько раньше речи «О мире» (см. ниже).

ретательность¹¹. В рассуждениях Исократ, как нам представляется, сказался опыт использования наемников, который греки успели уже приобresti за предшествующие десятилетия (напомним, что речь относится к середине 50-х гг.).

В этом же русле следует, как нам кажется, рассматривать еще одно, вскользь брошенное в этой речи замечание. По словам Исократ, афиняне выбирают стратегами людей физически крепких, которые часто воевали в составе наемных войск и которым служба в качестве лохагов и таксиархов под командой Тимофея принесла добрую славу (116). Риторичность этой фразы очевидна — афинянам, которые при выборе стратега обращают внимание только на внешние данные кандидата, противопоставляется Тимофей, одно имя которого является достаточной рекомендацией для воевавшего в его войсках командира. Для нас важно другое — изменяющийся характер самой должности стратега, его все более усиливающаяся связь с войском, прежде всего именно с наемниками, в ущерб связи с полисом¹². Как одно из свидетельств этой, так сказать, эмансипации стратегов и можно, по нашему мнению, рассматривать этот отрывок.

Итак, сведения о наемниках в судебных речах очень различны и неравноценны — это и отдельные факты, неизвестные по другим источникам или упоминающиеся в них, и замечания, весьма важные для изучения различных сторон наемничества. Они обогащают наши сведения о наемниках, позволяя дополнить их историю новыми, пусть и мелкими, штрихами и в то же время дают возможность поставить более общие проблемы. Особенно интересными представляются рассуждения Исократ о стратегах в XV речи. В них, думается, нашло отражение определенное изменение взглядов на стратега, его роль и качества, произошедшее под влиянием развития наемничества. В общем, очевидно, что как бы ни были узки по своему характеру судебные речи, они все же дают некоторые, довольно разнообразное сведения о наемниках. Но несравненно более яркая картина вырисовывается в политических речах Исократ, к рассмотрению которых в хронологической последовательности мы и переходим.

Исходным пунктом при выяснении места наемников в политических речах Исократ для нас послужат его общие взгляды на состояние Греции. Основные идеи оратора ясны уже в его первом публицистическом произведении — «Панегирике»¹³, и они пройдут через всю его жизнь, несколько видоизменяясь в связи с изменением самой действительности. Главные бедствия Эллады Исократ видит в междоусобных войнах полисов и постоянных разногласиях между гражданами, волнениях и восстаниях в городах (*ταρχαί, στάσεις, μεταβολαί*). Войны влекут за собой грабежи, разорения, изгнания. Из-за частых политических переворотов жители городов находятся в более подавленном состоянии, чем изгнанники: ведь одни боятся будущего, другие же постоянно надеются на возвращение (IV, 116). Война и внутренние раздоры иных погубили в отечестве, других заставили вместе с женами и детьми скитаться на чужбине (168). Причина всех этих несчастий, по мнению Исократ, — бедность, нужда (174). Выход из создавшегося положения он видит в прекращении распрей и войн

¹¹ Особенно показательны в этом отношении некоторые главы II кн. «Псевдоаристотелевой экономики», что нам уже приходилось отмечать (ВДИ, 1958, № 4, стр. 84).

¹² Am. Haue t t e-V e s n a u l t, Les stratèges Athéniens, P., 1885, стр. 88 слл; P a r k e, ук. соч., стр. 56—57 и др.

¹³ О «Панегирике» см. B l a s s, ук. соч., стр. 250—265; M a t h i e u, ук. соч., стр. 65—80; M и л л и о р, ук. соч., стр. 93 слл.; M o s s é, ук. соч., стр. 431—435; C h a t e l e t, ук. соч., стр. 356 слл. Последний подробный анализ в кн. E. В u c h n e r, Der Panegyrikos des Isokrates, «Historia», Einzelschriften, H. 2, Wiesbaden, 1958. Трактовка этой речи весьма различна — об этом см. также M o s s é, ук. соч., стр. 425 и приведенную там литературу вопроса.

в Греции, объединении всех греков и общем походе против Персии. Войну, охватившую теперь Грецию, следует перенести в Азию, а богатства Азии — в Европу. Только таким путем можно достигнуть всеобщего мира и благополучия, ибо война предоставит всем общий источник обогащения, обеспечит согласие между гражданами и положит конец всем несчастьям Эллады (17, 133, 173—174, 182, 187).

Наемники появляются уже в «Панегирике». Упоминания о них можно свести к трем аспектам. Оратор дважды рисует общую картину состояния Эллады. В первом отрывке (115—117) наемники выступают как одно из зол наряду с пиратами, тиранами, гармостами, варварами, войнами и внутренними смутами «Наемники (*πελτασταί*)¹⁴ захватывают города», — утверждает Исократ. Весь этот отрывок построен так, чтобы произвести как можно более сильное впечатление на читателя¹⁵. Оратор здесь явно сгущает краски. Он прибегает к определенному риторическому приему, придавая отдельным фактам характер явления, общего для всей Греции.

В другом месте (168) о наемниках говорится, что люди эти вынуждены наниматься в армию из-за нужды в хлебе насущном (*πολλοὺς δὲ δι' ἔνδειαν τῶν καθ' ἡμέραν ἐπικουρῆιν ἀναγκαζομένους*). И здесь Исократ не обошелся без обычных для него преувеличений. В его изображении наемники должны умирать, сражаясь обязательно против друзей за интересы врагов. Тем не менее отрывок этот важен как одно из немногочисленных свидетельств современников, в котором обращение многих греков к наемной службе столь определенно связывается с обеднением.

Упрекая греков в безрассудстве, Исократ видит его, в частности, в том, что греки не только не причиняют вреда своему врагу, персидскому царю, но, наоборот, помогают ему и берутся умирять всякого рода смуты в его стране (134)¹⁶. В подтверждение этой мысли Исократ ссылается на кипрские события: на острове воюют две армии и «обе они принадлежат Элладе». Это наемники Эвагора и персидское войско под командой Тирибаза, «лучшая часть пехоты которого набрана из наших мест». Все эти люди с гораздо большим удовольствием сообща опустошали бы Азию (134 сл.). Отсюда следует вывод — поход на Восток необходим.

Остальные упоминания о наемниках объединены одной темой: призывая к походу, Исократ много места уделяет доказательству слабости Персии. Оратор перечисляет войны, которые она вела в последние двадцать лет и которые, по его мнению, свидетельствуют о ее военной слабости. Эвагор защищает страну, имея только три тысячи наемников, но царь вот уже шесть лет не может его победить (141). Он оказался не в состоянии оплатить своих моряков-греков, так что экипажи не раз оставляли суда (142). Во время войны Персии со Спартой Деркилид с одной тысячей гоплитов овладел Эолидой; Дракон, собрав три тысячи пельгастов, разорил Мисию; Фиброн во главе не на много большего войска опустошал Лидию; Агесилай с помощью бывших наемников Кира овладел почти всей страной до Галиса (144). Так что «ни войска, ни мужества персов не следует бояться» (145). Очень тенденциозно изображен знаменитый поход «десяти тысяч» — царь был настолько слабее греков, оказавшихся вдали от родины, в незнакомой стране, без союзников, что честному сражению предпочел обман. Но коварство не помогло ему, греки мужест-

¹⁴ О равнозначности для Исократа слов «пельтаст» и «наемник» см. P a g k e, ук. соч., стр. 44, прим. 6 и стр. 61, прим. 4; ср. перевод в изд. Isocrates, with an English Translation by G. N o r l i n, I, L. — N. Y., 1928 — «mercenaries».

¹⁵ К. К. З е л ь и н, Из области греческой историографии IV в. до н. э., ВДИ, 1960, № 1, стр. 92—94; C h a t e l e t, ук. соч., гл. VI.

¹⁶ О службе греческих наемников в Малой Азии см. В. M ü l l e r, Beiträge zur Geschichte des griechischen Söldnerwesens bis auf die Schlacht von Chäroneia, Frankfurt am Main, 1908, стр. 14 сл.; P a g k e, ук. соч., гл. XI, XVI и XVIII.

венно перенесли все невзгоды и прошли через Персию, считая для себя величайшим благом встретиться с возможно большим числом врагов. Исократ не упускает ни малейшей возможности умалить силу Персии. Указывается, например, наименьшая из всех возможных численность греков¹⁷. Наемники оказались в армии Кира не благодаря своим достоинствам, а потому что они не могли из-за своих дурных качеств жить на родине¹⁸. Но даже и они были сильнее погрязших в роскоши, изнеженных и рабопенных варваров (145 слл.).

Итак, все эти упоминания о наемниках, при характеристике ли положения в Элладе или как доказательство безрассудства греков и слабости Персии, подчиняются одной главной цели — убедить греков в том, что поход на Восток необходим, легок и благодетелен. Но внимание Исократ не задерживается на наемниках. Он только вскользь упоминает о них, лишь постольку, поскольку они участвуют в тех событиях, о которых он пишет. Наемники еще не являются той проблемой, которая требует своего разрешения. Собственно, еще нельзя говорить о каком-то определенном отношении оратора к наемничеству в целом. Представляется, что это место наемников в «Панегирике» отражало реальное положение: хотя в 80-е гг. города уже обращались к их помощи, это было по существу еще начало развития наемничества¹⁹. Перед глазами греков был еще только один пример использования наемников в широком масштабе — поход Кира Младшего, но это было в Малой Азии, где перс выступил против перса. По словам самого Исократ, отдельные отряды наемников в это время еще не бродили по стране, готовые пойти на службу к любому (V, 96). Оратор еще ни слова не говорит о колонизации Персии, необходимость которой впоследствии он будет связывать с наемниками.

Но вот прошло 25—30 лет, и в речах «О мире» и «Филипп» картина несколько иная. Причиной этого явилось дальнейшее развитие наемничества — результат прогрессирующего кризиса полиса. Следует, как нам представляется, указать, кроме того, на влияние, которое оказали на Исократ бурные события конца 70—60-х гг., потрясшие всю Грецию. Написанная в разгар этих событий речь Исократ «Архидам»²⁰ полна ужаса и смятения перед охватившими страну *μεταβολαί και στάσεις*. Я имею в виду прежде всего знаменитый, ставший хрестоматийным отрывок, посвященный внутреннему положению в Пелопоннесе (64—69). О планах похода на Восток примирившихся и объединившихся греков Исократ как будто забыл. Оратор, который с таким пылом призывал эллинов к миру во имя похода в Малую Азию, ратует теперь за продолжение борьбы (73 слл.). Если раньше он обещал обогащение на Востоке, то теперь видит источник богатства во взаимной войне (49—50).

Такая метаморфоза вовсе не свидетельствует о непоследовательности нашего оратора или об его политической беспринципности. Напротив, она является, пожалуй, самым убедительным доказательством твердости его убеждений. Вероятно, нигде так отчетливо не проявилась социальная

¹⁷ Xen., Anab., I, 7, 10; R. J. Bonnert, The Name of «Ten Thousand», Cl. Phil., V (1910), № 1, стр. 97 слл.; он же, Desertions from the «Ten Thousand», Cl. Phil., XV (1920), № 1, стр. 85 слл.

¹⁸ Isocr., IV, 146 — *ὅτι διὰ φουλότητας ἐν ταῖς αὐτῶν οὐχ οἷοί τ' ἦσαν ζῆν*. Так же понимает это место Mathieu, Isocrate, Discours, II, 1942 и Parke, ук. соч., стр. 29. Ср. Norlin, Isocrates, I — «who owing to stress of circumstances...».

¹⁹ См. Parke, ук. соч., стр. 20 слл.; Griffith, ук. соч., стр. 1 слл.; H.-J. Diesner, Das Söldnerproblem im alten Griechenland, «Das Altertum», III (1957), № 4, стр. 216 слл.; A. Aumard, Mercenariat et histoire grecque, «Etudes d'archéologie classique», II, 1959, стр. 22 слл.

²⁰ О речи см. Vlass, ук. соч., стр. 288—293; P. Cloché, Isocrate et la politique Lacédémonienne, REA, XXXV (1933), № 2, стр. 134 слл.; Mathieu, ук. соч., стр. 105 слл.; Миллиор, ук. соч., стр. 108 слл.

позиция Исократ²¹, его симпатии и антипатии как в «Архидаме». Показателен в этом отношении перечень возможных союзников Спарты — это тиран Дионисий, египетский царь, династы Малой Азии, т. е. те самые персы, начать войну с которыми оратор ранее убеждал греков. Спарта может также рассчитывать на помощь τῶν Ἑλλήνων τοὺς ταῖς οὐσίαις προέχοντας καὶ ταῖς δόξαις πρωτεύοντας καὶ τῶν βελτίστων πραγμάτων ἐπιθυμοῦντας (63).

Демократическое движение в Пелопоннесе произвело неизгладимое впечатление на Исократ. К событиям тех лет он будет еще не раз возвращаться. Так, о «скиталимосе» в Аргосе Исократ пишет через 20 лет как о чем-то ужасном (V, 51—52). В законченной незадолго до смерти «Панафинейской речи» другим полисам, большинство из которых испытывают всякого рода несчастья, противопоставляется Спарта, в которой нет «ни восстания (στάσις), ни резни, ни незаконных изгнаний, ни захватов имущества..., ни даже государственных переворотов, ни сложения долгов (χρεῶν ἀποκοπᾶς), ни передела земли (γῆς ἀναδάσμιόν), ни другого из неодолимых зол (οὐδὲν τῶν ἀνηρέστῶν κακῶν)» (XII, 259)²². Вот что больше всего, очевидно, пугало Исократ. Но не только об этих страшных годах, видимо, вспоминал старый оратор. Таков был горький для него итог многолетних наблюдений над действительностью.

В «Архидаме», написанном в то время, когда с мечтами о походе на Восток пришлось хоть и на время, но расстаться, когда во многих полисах шла борьба между самими гражданами, не было места для наемников. Но, строго говоря, Исократ один раз все-таки произносит слова «τῶν ξενικῶν στρατεύμασι». И хотя отрывок, в котором они заключены, как будто не имеет прямого отношения к наемникам, он чрезвычайно любопытен для изучающего их историю. Излагая свой план будущей войны, Архидам, от имени которого написана эта речь, предлагает спартамцам отправить родителей, жен и детей в Сицилию и другие места, самим же покинуть город и создать постоянную мобильную армию, которая своей свободой от повседневных забот будет подобна наемной (73—76). Отрывок этот интересен в том же плане, что и упоминавшийся выше пассаж из речи «Об обмене состояниями», — как свидетельство влияния наемников на сознание гражданина и, в конечном итоге, как один из показателей кризиса полиса²³.

Итак, «Архидам» был откликом Исократ на демократическое движение в Пелопоннесе. Это движение явилось только одной, хотя и самой яркой страницей борьбы, раздиравшей полисы в IV в. В нем нашли выражение глубокие изменения в социально-экономических отношениях, которые в общей форме характеризуются обычно как дальнейшая дифферен-

²¹ Об общественных взглядах Исократ писал ряд историков, наиболее подробно — Миллиор (ук. соч., стр. 115 сл.) и Клоше. В своей последней книге «Исократ и его время» Клоше развивает положение, высказанное им в более общей форме еще в 1933 г. Клоше рассматривает Исократ как горячего защитника класса собственников, врага «радикальной демократии»; во время пелопоннесских событий он поддерживал Спарту, так как она защищала интересы собственников и социальный порядок, столь дорогие оратору, чувствовавшему полное единство с представителями зажиточного класса (C l o s h é, *Isocrate et son temps*, гл. IV, особенно стр. 99; о н ж е, *Isocrate et la politique Lacédémonienne*, стр. 134 сл.). Выразителя интересов «класса» торговцев, промышленников и земельных собственников, идеолога умеренных видит в Исократе Шателе (C h a t e l e t, ук. соч., стр. 365 сл., 389—391). Ромилли объединяет Исократ с Ксенофонтом и Эсхином в группу «умеренных» — тех, кто в середине IV в. был в оппозиции к политике крайних демократов (J. d e R o m i l l y, *Les modérés Athéniens vers le milieu du IV-e siècle: échos et concordances*, REG, LXVI, 1954, № 316—318, стр. 327 сл.).

²² См. М и л л и о р, ук. соч., стр. 120.

²³ Именно под этим углом этот отрывок подробно рассмотрен в двух интересных статьях К. Моссе — Cl. M o s s é, *Sur un passage de l'«Archidamos» d'Isocrate*, REA, LV (1953), № 1—2, стр. 29—35; о н а ж е, *Armée et cite grecque*, REA, LXV (1963), № 3—4, стр. 290—297.

циация имущественных отношений и прежде всего обезземеливание, приведшее к разложению гражданской общины и кризису полиса²⁴. Одним из результатов этих изменений было развитие наемничества. С этой точки зрения большой интерес представляют последние политические речи Исократы — «О мире» и «Филипп».

Помимо соображений общего характера (место наемников в жизни Греции этого времени, социальная позиция Исократы, о чем речь будет ниже) была еще одна причина, объясняющая, почему оратор уделил в речи «О мире» наемникам большое, особенно по сравнению с предыдущими речами, внимание и столь резко отрицательно о них отзывался. Pamфлет «О мире»²⁵ был написан в середине 50-х гг., во время Союзнической войны, продолжение которой не сулило Афинам ничего доброго — казна была опустошена, городу угрожал голод. В этой обстановке Исократ выступил с речью, в которой призывает афинян покончить с войной, отказаться от стремлений к военной гегемонии, предоставить союзникам автономию. Оратор много пишет о благотворности мира для развития хозяйства и торговли. Одним из самых веских доводов в пользу мира являются соображения финансового порядка — война стоит слишком дорого, так как прежде всего надо оплачивать наемников. Так, одним из последствий этой агитации за мир становится резко отрицательное отношение ко всему, что связано с наемниками.

Кроме того, следует иметь в виду еще один момент. Речь была написана вскоре после процесса Тимофея. Считают, что в довольно многочисленных весьма нелестных намеках на стратегов-командиров наемников²⁶ оратор, как и в речи «Об обмене имуществом» (см. выше, стр. 23), имел в виду прежде всего противника Тимофея — Харета²⁷.

Для нас речь «О мире» особенно интересна благодаря тому плану колонизации, который Исократ впервые выдвинул в ней. Обстановка, в которой создавался памфлет, все еще не позволяла вернуться к столь любезной нашему оратору мечте о походе на Восток. Исократ вынужден искать другие пути разрешения невзгод. Взоры его обращаются к Фракии. Фракийские земли не только дадут возможность самим афинянам жить в изобилии, но и обеспечат безбедную жизнь тем из эллинов, которые нуждаются и скитаются из-за бедности (τοῖς δεομένοις τῶν Ἑλλήνων καὶ δι' ἀπορίαν πλανομένοις). Развивая далее свою мысль, Исократ ссылается на примеры Афинодора и Каллистрата, первый из которых как частное лицо, второй — будучи изгнанником, сумели основать полисы. «Следует,— заключает оратор,— чтобы желающие первенствовать в Элладе скорее стали предводителями таких дел, чем войны и наемных войск, которых теперь мы все желаем» (24).

Этот отрывок сразу вводит нас в круг проблем, волновавших в то время Исократы. Видимо, предложение отправиться во Фракию можно объяснить прежде всего разорением и обезземеливанием. Речь идет, очевидно, о возможности основать полис. В этом убеждает ссылка на Афинодора и Каллистрата²⁸. Исократ обеспокоен положением не только самих афинян,

²⁴ См., например, G. G l o t z, Histoire grecque, III, La Grèce au IV siècle, P., 1936, стр. 20 сл.; Н. M i c h e l l, The Economics of Ancient Greece, Cambr., 1940, стр. 86 и др.; M. R o s t o v t z e f f The Social and Economic History of the Hellenistic World, I, Oxf., 1941, стр. 94 сл.; M o s s é, La fin de la démocratie..., passim.

²⁵ О речи см. B l a s s, ук. соч., стр. 299 сл.; M a t h i e u, ук. соч., стр. 116 сл.; M и л и о р, ук. соч., стр. 120 сл.; M o s s é, La fin de la démocratie..., стр. 416 сл.

²⁶ Например, § 50 — о взяточничестве; § 55 — о злоупотреблении властью. См. N o r l i n, комментарий в изд. Isocrates, II, 1929.

²⁷ R o m i l l y, ук. соч., стр. 328 сл. Это было, видимо, совершенно ясно для современников (A r i s t o t., Rhet., III, Γ 47, 1418a 31—32).

²⁸ Фигура афинянина Афинодора очень характерна для IV в. до н. э. Он был одним из тех греков, которые всю жизнь провели на чужбине, в наемных войсках у разных

но и тех греков, которые скитаются из-за бедности. К ним он еще вернется, и тогда станут более ясны причины его беспокойства. Здесь же тема эта звучит довольно глухо и не связывается непосредственно с наемниками.

В рассматриваемом отрывке Исократ свидетельствует о значительном применении наемников, говоря, что их «теперь мы все желаем». Еще определеннее он пишет об этом в §§ 44—47, упрекая афинян в том, что они, испытывая нужду, тем не менее сами не хотят воевать и содержат, подобно царю, отряды наемников (*ξενωτροφεῖν, μισθωτοῖς χρώμεθαι τοῖς στρατοπέδοις*). Ради оплаты их афиняне совершают насилия над союзниками и вымогают у них деньги²⁹. *Εἰς τοῦτο δὲ μωρίας ἐληλόθαμεν* — в негодовании не без пафоса восклицает оратор.

Эти замечания о наемниках сделаны в ряду других упреков, которые бросает Исократ своим неразумным согражданам, сравнивая их с предками. Хорошо известно, что обращение к *πάτριος πολιτεία* как идеалу было излюбленным приемом Исократа, и в своей приверженности к старине и обличении пороков современности он многое преувеличивал. Все это, разумеется, следует иметь в виду. Но все-таки в основе этих упреков лежат реальные факты, и речь в данном случае может идти только о некоторых смещениях акцентов. Посмотрим, в чем, наряду с другими пороками, упрекает оратор афинян. Премуде всего в том, что они, испытывая финансовые затруднения, сами не хотят воевать, но содержат наемников. Однако афиняне действительно использовали довольно широко в это время наемные силы. Конкретным примером могут послужить §§ 9 сл. написанного в это же время «Ареопагитика»³⁰. Перечисляя факты, свидетельствующие об ухудшении положения Афин — потере фракийских городов и др., Исократ упоминает об одной тысяче талантов, потраченных на наемников и зря (*μάτην*) — не упускает случая подчеркнуть оратор. Сетования на нежелание граждан воевать самим мы найдем и у врага нашего оратора — Демосфена³¹.

Далее, наемники, по словам Исократа, это — люди без родины, перебежчики, преступники (*τοὺς μὲν ἀπόλιδας, τοὺς δ' αὐτομόλους, τοὺς δ' ἐκ τῶν ἄλλων κακοῦργῶν συρροηκότας*), которые, если им дадут большую плату, пойдут против самих нанявших их афинян.

правителей. Афинодор служил командиром наемников сначала во Фракии, где, породившись с Берисадом, принимал деятельное участие в борьбе за власть, которую тот вел против своих братьев (См. J u d e i c h, Athenodoros, RE, II, 1896, стб. 2043). Имя Каллистрата было в IV в. более известным. Знаменитый оратор и финансист, он в 70-е годы дважды был стратегом. События, о которых упоминается в речи, относятся ко времени, когда Каллистрат был в изгнании на Фасосе. Там он стал инициатором основания в Македонии гор. Крепиды, который Филипп назвал затем своим именем (см. S w o b o d a, Kallostratos, RE, X, 1919, стб. 1730—1735).

²⁹ Эта мысль, несколько варьируясь, в §§ 44—47 повторяется трижды.

³⁰ Речь эта была посвящена внутренним делам Афин. О ней см. В l a s s, ук. соч., стр. 288—293; М и л л и о р, ук. соч., стр. 127 слл. О наемниках в ней упоминается дважды — в приведенном случае (§ 9) и в § 54, о котором см. ниже.

³¹ Например, IV, 43—46; VIII, 21—23 (см. ниже прим. 33).

Здесь будет уместно сказать о плане военной организации, который Исократ выдвинул в «Бусирисе» (20), — войско должно быть постоянным, но граждане составят только часть его. Напомним, что Демосфен также выступал за создание боеспособных военных сил Афин, которые не зависели бы от наемников. Тем не менее он вынужден был включить в них значительную часть наемников — до трех четвертей (D e m., IV, 21). О необходимости гражданского войска писал и Ксенофонт (De'vest., II, 3). Он, правда, подчеркивал моральный момент — для полиса большая честь надеяться только на своих граждан. На гражданскую доблесть афинян хотел, видимо, воздействовать и Исократ, противопоставляя наемников, которые с оружием в руках сходят с триер, гражданам, несущим подушки гребцов (VIII, 48). Все эти планы весьма показательны для IV в. См. также M a t h i e u, ук. соч., стр. 148 слл.

Конечно, у Исократы были все основания обвинять наемников в неверности. Всем были памяты хотя бы действия афинского стратега Харета, незадолго перед тем перешедшего со своими наемниками к Артабазу (правда, перед этим наемникам Харета не платили)³². Конечно, состав наемников был весьма пестрым — здесь можно было встретить и дезертиров и преступников. Конечно, многие наемники за долгие годы службы утратили всякую связь с родиной. И в этом отношении слова Исократы интересны для характеристики состава наемной армии. Но краски здесь также сознательно сгущены. Исократу важно было показать гражданам, кому они доверяют свою судьбу. Но, как нам кажется, дело было не только в этом. Несколькo ниже оратор называет наемников «общими врагами всего человечества» (τοὺς ἀπάντων ἀνθρώπων κοινούς ἐχθροὺς — 46)³³. Вспоминая в этой же речи о Пелопоннесской войне, Исократ характеризует наемников³⁴ как людей «самых диких и причастных ко всем подлостям» (τοὺς ἀλασῶν τῶν πονηριῶν μετέχοντας). Весьма показательно, в чем именно, по мнению нашего оратора, выражались эти «подлости»: наемники изгоняли «лучших» (τοὺς μὲν βελτίστους) и делили их имущество среди «наиподлейших из эллинов» (τοῖς δὲ πονηροτάτοις τῶν Ἑλλήνων — 79). Нам кажется, что в этих высказываниях сказалась социальная позиция Исократы, с которой он и расценивает участие наемников в напряженной внутренней борьбе в полисах IV в. Еще отчетливее это проявится в его «Филиппе».

Для оценки речей Исократы как исторического источника любопытную картину дает сопоставление двух отрывков — VIII, 47—48 и пассажа из «Ареопагитика». В речи «О мире» оратор пишет, что предки афинян, снаряжая триеры, наполняли их рабами и наемниками, а граждане отправлялись с оружием в руках. Теперь же как гошлиты воюют наемники, а граждане гребут³⁵. А вот другое, прямо противоположное утверждение: Исократ упрекает афинян в том, что в то время как их сограждане тянут жребий перед зданием суда, чтобы определить, будут ли они иметь *περὶ τῶν ἀναγκαιῶν*, сами они кормят любого из эллинов, желающего быть гребцом в их флоте (VII, 54).

Сравнение это показывает, как подчас легко Исократ жонглирует фактами, толкуя их так, как ему нужно в данном случае. В первом отрывке содержится упрек, который в числе многих других оратор адресуется своим соотечественникам, сопоставляя их со славными предками. Превосходство их заключалось, в частности, в том, что они сами защищали себя, тогда как их потомки настолько пали, что обязанности, которые ранее поручались рабам и наемникам, исполняют теперь сами. Таков смысл этого утверждения. В «Ареопагитике» же Исократ доказывает, что афиняне поручают наемникам то, что сами могли бы делать, не тратя средств, в которых так остро нуждаются. Таким образом, оратор в первом случае

³² D e m., II, 28; IV, 24; Schol. ad. Dem., III, 37, 6; IV, 45, 11(Dind.)

³³ Так же называет их и Демосфен — κοῖνοὶ κατὰ πᾶσαν χώραν ἐχθροὶ (XXIII, 139). Однако такое отношение Демосфена к наемникам было вызвано, как нам представляется, иной причиной — значением наемников в афинской армии того времени. Видя спасение Афин от угрозы порабощения Македонией в том, чтобы граждане сами взяли за оружие, оратор много места в своих речах уделяет доказательству пагубности использования афинянами наемников (например, II, 28; III, 35; IV, 24; VII, 21 и 23; XI, 18 и др.).

³⁴ Слово «наемники» здесь не упомянуто, но, очевидно, что Исократ говорит именно о них. Ср. N o r l i n, комментарий к VIII, 79 в изд. Isocrates, II.

³⁵ Подробное толкование VIII, 47 сл. см. — M. A m i t, The Sailors of the Athenian Fleet, «Athenaeum», N. S., 40 (1962), № I—II, стр. 162—164. Он также указывает, что в этом политическом памфлете Исократ обращается к историческому примеру для усиления своей аргументации, толкуя события прошлого в нужном ему смысле.

порицает своих сограждан за то, к чему во втором будет призывать³⁶.

В последней своей политической речи «Филипп»³⁷ Исократ развивает те же основные идеи, что и в «Панегирике», сам ссылаясь на него (V, 9). Но многое изменилось за эти годы, о многом иначе пишет теперь и оратор. С надеждами на то, что афиняне возглавят поход на Восток, Исократу давно пришлось расстаться. Теперь он обращается к македонскому царю Филиппу. Как и в «Панегирике», Исократ вспоминает о знаменитом походе Кира Младшего, но в новых условиях и интерпретация его немного иная. Желая показать, что Кир потерпел неудачу только из-за своей опрометчивости, Исократ рисует его наемников-греков несколько иными красками, чем в «Панегирике», — только как доблестных воинов. Появляются и совершенно новые доводы в пользу похода. Перечисляя преимущества, которые будут у Филиппа в случае похода по сравнению с Киром, Исократ называет среди них и достаточное количество воинов, которых тотчас найдет царь, — столько, сколько бы ни захотел (τοσοούτους, ὅσους ἂν βολήθῃς) Ведь, — объясняет оратор, — в Элладе «легче составить большое и сильное войско из бродяг³⁸, чем из граждан». Во времена же Кира не было скомплектованных отрядов, так что «вынужденный нанимать из городов тратил больше на дары нанимающим, чем на оплату наемных воинов» (οὕτω γὰρ ἔχει τὰ τῆς Ἑλλάδος ὥστε ῥᾶον εἶναι συστήσαι στρατόπεδον μείζον καὶ κρεῖττον ἐκ τῶν πλανωμένων ἢ τῶν πολιτευομένων ἐν ἐκείνοις δὲ τοῖς χρόνοις οὐκ ἦν ξενικὸν οὐδέν, ὥστ' ἀναγαζόμενοι ξενολογεῖν ἐκ τῶν πόλεων πλεον ἀνήλίσκον εἰς τὰς διδομένας τοῖς συλλέγουσι δωρεὰς ἢ τὴν εἰς τοὺς στρατιώτας μισθοφορίαν — V, 96).

Отрывок этот свидетельствует о больших изменениях в положении дел с наемниками. Исократ не допускает даже возможности отправиться в поход без наемных сил. Если раньше наем воинов представлял значительные трудности, то теперь их можно нанять тотчас и в нужном количестве. Это вызвано, судя по словам оратора, тем, что сейчас наемников легче набрать ἐκ τῶν πλανωμένων ἢ τῶν πολιτευομένων, тогда как раньше их рекрутировали из городов. Теперь уже существовали готовые отряды наемников, которые за долгие годы службы, видимо, не раз переходили от одного хозяина к другому. Таким образом, изменился самый состав наемников — очевидно, среди них преобладают уже воины-профессионалы. Изменилась в связи с этим и система найма.

Приведенные строки из «Филиппа» перекликаются со словами Исократа в его письме к Архидаму³⁹, где оратор вновь пишет о войнах, мятежах, убийствах и неисчислимых бедствиях, наполнивших Элладу и особенно полисы Малой Азии. «Если бы мы имели разум, то не позволили бы им

³⁶ Для полноты обзора скажем еще об одном упоминании о наемниках — в связи с тиранами. Говоря о горькой участи тиранов, вынужденных вести войну со всеми гражданами и всех подозревать и ненавидеть, оратор замечает, что даже свою безопасность тиран должен доверять наемникам, которых никогда не видел и боится не менее, чем злоумышляющих против него. Это в общем обычная в литературе IV в. характеристика тирана. См., например, J. L u c c i o n i, Les idées politiques et sociales de Xénophon, Ophrys, 1946, стр. 256 слл.

³⁷ О речи см. B l a s s, ук. соч., стр. 314—319; Isocrate, Philippe et Lettres à Philippe, à Alexandre et à Antipatros. Texte et traduction avec une introduction et des notes par G. M a t h i e u, P., 1924, стр. 8 слл., 155 слл.; M o s s é, La fin de la démocratie..., стр. 440 слл.; P e r l m a n, ук. соч., стр. 306—317.

³⁸ Вряд ли можно согласиться с переводом Норлина (N o r l i n, Isocrates, I): ἐκ τῶν πλανωμένων — «those who wander in exile». Конечно, среди них были и изгнанники, но речь здесь идет прежде всего, вероятно, о многих бездомных, скитающихся из-за бедности. В их числе были и воины-профессионалы, бывшие и будущие наемники.

³⁹ Принадлежность этого письма оратору признается не всеми, однако большинство считает автором его Исократом. Литературу по этому вопросу см. M i k k o l a, ук. соч., стр. 296.

(грекам Малой Азии. — Л. М.) ни собираться, ни воевать под командой случайных людей, ни создавать военные отряды, более многочисленные и сильные из бродяг, чем из граждан» (Epist. 9, 9). Здесь в приложении к полисам Малой Азии повторяется та же мысль, что среди наемников больше людей, оторвавшихся от родины, чем граждан полиса. Совпадение почти дословное: в письме к Архидаму — *μείζους καὶ κρείτους συντάξεις στρατοπέδων γιγνομένας ἐκ τῶν πλανωμένων ἢ τῶν πολιτευομένων*; в «Филиппе» — *στρατόπεδον μείζον καὶ κρείττον ἐκ τῶν πλανωμένων ἢ τῶν πολιτευομένων*.

Но полнее всего тема наемников звучит в речи «Филипп» (V, 120—123). Приводя все новые и новые доводы в пользу похода против персов, Исократ развивает целую программу действий на Востоке: Филипп должен захватить все царство; если же не сможет, то отделить возможно больше земель, отрезав Азию, как говорят некоторые, от Киликии до Синопы. Здесь следует основать полисы и поселить в них всех, кто «бродит теперь из-за недостатка средств к жизни» (*τοὺς νῦν πλανωμένους δι' ἔνδειαν τῶν καθ' ἡμέραν*) и вредит всякому, с кем бы они ни встретились. Если — продолжает оратор, — мы не заставим их прекратить собираться⁴⁰, обеспечив им достаточные для жизни средства, мы сами не заметим, как они станут столь многочисленными, что окажутся для эллинов не менее опасными, чем для варваров. Мы же теперь совсем не заботимся об этом и не видим, как возрастает общий страх и опасность для всех нас. Итак, Филипп должен все это осуществить с помощью этих людей, освободить наемников (*τοὺς ξενιτευομένους*)⁴¹ от зла, которое они терпят сами и причиняют другим, составить из них города и отделить Элладу этими городами как защитой. Ведь совершив все это, — обращается оратор к Филиппу, — ты не только дашь им процветание, но и всем нам обеспечишь безопасность⁴².

Здесь позиция Исократа выражена предельно ясно. Бедняки, бродяги без родины, скитающиеся на чужбине из-за бедности⁴³ и из-за бедности идущие в наемники⁴⁴, — вот основная опасность, вот кто внушает Исократу страх. Опасность эта все возрастает, спастись от нее может только поход. Теперь становится ясной внутренняя связь, существующая между этими скитальцами и наемниками. Теперь мы можем с еще большим основанием повторить сказанное ранее — Исократ определенно связывает наемничество с бедностью⁴⁵.

Упомянув в той же речи (54—55) о неудаче фиванцев, вторгшихся во время Священной войны в Фокиду, Исократ говорит, что больший вред они причинили себе, чем врагу, так как на земле фокидян они убили некоторое число наемников, которым «выгоднее (*λυσίτελεῖ... μάλλον*) умереть, чем

⁴⁰ Еще одно, почти дословное совпадение с письмом к Архидаму: V, 121 — *οὐδὲ εἰ μὴ παύσομεν ἀθροισμένους*; ср. Epist. 9,9 — *οὐδὲ ... οὐκ ἂν περιεαρῶμεν ἀθροισμένους*.

⁴¹ См. L i d d e l l - S c o t t, ξενιτεύω — «to be a mercenary in foreign service», со ссылкой на это место из Исократ.

⁴² См. также M a t h i e u, ук. соч., стр. 149 сл., 163 (он видит в колонизации наиболее практическую часть планов Исократ); M o s s é, ук. соч., стр. 421 сл.

⁴³ Напомним, что по призыву Тимолеона многие скитальцы отправились в Сицилию, чтобы заселить там опустошенные войнами и внутренней борьбой города (P l u t., Timol., 22—23; D i o d., XVI, 82,3).

⁴⁴ Об этом же свидетельствует и Демосфен. В речи «О симмориях» он пишет о многих греках, которые из-за бедности охотно бы пошли в наемники для борьбы с варварами — *ἰν εὐπορίαν τυ'έκαστος ἑαυτῷ κτησάμενος ἀπἀλλαγῆ τῆς ὑπαρχούσης πενίας* (D e m., XIV, 31).

⁴⁵ Отождествление Исократом наемников с бедняками становится особенно ясным из сопоставления §§ 120 и 122. В § 120 он говорит о скитающихся из-за недостатка средств и причиняющих вред каждому, с кем бы они ни встретились; их следует поселить во вновь основанных городах. В § 122 Исократ почти в тех же словах упоминает о наемниках, служащих на чужбине; их следует изгнать от зол, которые они сами терпят и причиняют другим, и составить из них новые города.

жить», а при отступлении они потеряли своих собственных граждан⁴⁶. Такое несколько странное замечание о наемниках можно объяснить отношением современников к фокидянам как к святотатцам, которые разграбили священную казну в Дельфах для оплаты войска. Это отношение распространилось и на их наемников⁴⁷.

Наконец, укажем еще на одно упоминание о наемниках в «Филиппе». Как некогда в «Панегирике», Исократ по-прежнему одно из проявлений безрассудства греков видит в том, что они, ведя войну друг с другом, помогают греками-наемниками своему общему врагу — персидскому царю.

В заключение остановимся на двух отрывках из самой последней речи Исократа — «Панафинейской»⁴⁸. Не прибавляя по существу ничего нового к истории самого наемничества, они интересны в одном аспекте, о котором нам уже приходилось говорить, — как свидетельства воздействия наемничества на сознание современников. Исократ вспоминает о Троянской войне и восхваляет Агамемнона, который смог в течение десяти лет удержать греков под Троей не *μισθοφοραῖς μετ'άλλαις*, а благодаря своим доблестям (XII, 81 сл.). К событиям седой старины оратор подходит здесь с меркой грека IV в., свидетеля широкого использования наемников. Наемники глубоко вошли в сознание современников, и, говоря о людях, готовых умереть, защищая чужое, Исократ замечает — *τοῖς ἑσπριοῖς στρατημασίν ομοίους ὄντας* (XII, 185 сл.).

Итак, как мы видим, наемничество становится одной из основных тем в последних речах Исократа, превращается в важнейшую социальную проблему, требующую немедленного разрешения. Наемники — это социально опасная сила: их используют во внутренней борьбе для установления в полисах тирании, они составляют постоянную угрозу имущественному положению состоятельных граждан. Решение этой проблемы Исократ видит в походе на Восток: наемники будут одной из основных военных сил в этом походе. Война с Персией необходима и потому, что она даст возможность направить всю эту беспокойную и опасную массу в Азию и освободить от нее Грецию. Так необходимость избавиться от наемников, настоящих и потенциальных, состоящих на службе или бродящих в поисках нанимателя, становится в конечном итоге одним из основных доводов оратора в пользу похода на Восток.

Изменение взглядов Исократа на наемничество было обусловлено изменением роли самих наемников в событиях IV в. Рост наемничества, его растущее влияние на разные стороны жизни Греции этого времени в общем известны и не требуют специальных доказательств. Речи Исократа важны в других отношениях. Прежде всего, интересно было выяснить, как отразилась проблема наемничества в трудах Исократа, какие стороны этого явления привлекли его внимание. Далее, речи Исократа дают возможность поставить вопрос о сущности наемничества IV в., причинах его развития, социальных истоках. Анализ речей Исократа свидетельствует о том, что в IV в. наблюдается новое явление — появляется категория

⁴⁶ У фиванцев тоже были наемники, но их значение не идет ни в какое сравнение с ролью наемников в фокидской армии, преимущественно наемной (P a g k e, ук. соч. стр. 133 сл.).

⁴⁷ Эта историческая традиция очень отчетливо обнаруживается у Диодора. Он пишет, что в войско к Филомелу не пошел ни один честный человек, — «самые большие негодяи» и те, кто из-за своего корыстолюбия пренебрегли богами, — «люди, склонные к святотатству». В скитании наемников после изгнания Фалека и их гибели историк видит возмездие, которое наемники понесли за совершенное преступление (D i o d., XVI, 30, 2; 61 и 64).

⁴⁸ О речи см. B l a s s, ук. соч., стр. 319—326; N o r l i n, Isocrates, II, стр. 368—371; Fr. Z u c k e r, Isokrates Panathenaikos, «Berichte über die Verhandl. der Sächs. Akad. d. Wiss. zu Leipzig., philol.-hist. Klasse», B. CI, H. 7, B., 1954.

лиц, оказавшихся в силу тех или иных причин вне рамок полиса — *οἱ πλανώμενοι*. О них Исократ упоминает мельком уже в 80-х гг., они занимают одно из центральных мест в его речах 50—40-х гг. Исократ сам определяет причину быстрого роста их численности — это непрекращающиеся войны между полисами, смуты, раздоры, государственные перевороты, — все те многообразные проявления социальной борьбы в полисах, которые древние называли *ταραχαί, μεταβολαί, στάσεις*.

Оратор определенно указывает на органическую связь между появлением этих *οἱ πλανώμενοι* и ростом наемничества. Если в начале IV в. набор войска для Кира Младшего был делом не легким, так как наемников приходилось рекрутировать главным образом непосредственно в городах, из граждан, то в 40-е годы к услугам Филиппа, по словам Исократа, могло быть более многочисленное и сильное войско из этих скитальцев, оторвавшихся от родины и готовых из-за бедности идти в наемники. Меняется самый характер войска, его социальный состав. Наемники стали силой, стоящей вне полиса и даже в какой-то мере противостоящей ему и опасной для него. Развитие наемничества таким образом свидетельствует о разложении гражданской общины, т. е. о кризисе полиса. Вызванное к жизни социальной борьбой и войнами, наемничество в свою очередь в значительной степени питало их. К помощи наемников прибегали все: города — в войнах друг с другом, олигархи и демократы — в борьбе за власть. Наемники могли стать и неоднократно становились орудием всякого, кто нуждался в их услугах. Приход к власти тиранов подчас сопровождался переделом земли, снятием долгов, освобождением рабов. Все это в глазах имущих было надругательством над священными правами собственности. Именно поэтому наемники в представлении Исократа были столь опасной силой. Позиция Исократа в условиях Греции IV в., очевидно, не являлась исключительной. В речах его отношение к наемникам нашло только наиболее полное и четкое выражение.

К. К. Зельин

ДЕЛЬФИЙСКИЕ МАНУМИССИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАБСТВА В ГРЕЦИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

ДЕЛЬФИЙСКИЕ манумиссии являются одним из самых обширных и интересных источников по истории рабства в Греции. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы наметить ряд методических соображений, связанных с разработкой этого рода документов, относящихся к эллинистической эпохе, определить, каким путем следует идти в их изучении и что еще остается сделать для их более полного использования.

Дельфийские манумиссии в связи с археологическими раскопками, непрерывно увеличивающими их число, пристально изучаются уже примерно сто лет. В частности и в России в конце XIX — начале XX в. они привлекли к себе внимание и обусловили появление выдающихся работ А. В. Никитского.

Несмотря на то, что многие существенные проблемы, касающиеся этих манумиссий, — их происхождение, соотношение сакральной и светской формы, содержание договоров, положение вольноотпущенников, роль культа Аполлона, вопросы хронологии и политической истории Дельфы во II — I вв. до н. э. и др., — были исследованы более или менее глубоко, некоторые вопросы остаются еще недостаточно разработанными.

Спорным представляется прежде всего ответ на вопрос об историческом значении самого факта частого отпуска рабов на свободу. Могут ли манумиссии свидетельствовать и если могут, то в каком смысле, о состоянии рабовладельческого общества? Можем ли мы, исходя из указанного факта, сделать вывод относительно упадка рабства? Утвердительный ответ на последний вопрос мы встречаем неоднократно в исторической литературе.

Считают, что дельфийские манумиссии свидетельствуют не только о численности рабов, но и о том, что рабство становилось невыгодным, что рабовладельческий способ производства изживал себя¹. Однако предпосылки такого тезиса оказываются недостаточными; вернее они сводятся лишь к следующему умозаключению: раз рабов отпускали на свободу, следовательно, содержание их становится невыгодным, т. е. рабство начинает изживать себя. Подобное умозаключение оказывается неправильным в логическом отношении обратным выводом: известно, что в период упадка Западной Римской империи, когда рабский труд становился нерентабельным, многие рабовладельцы сажали своих рабов на землю, а отпуск на

¹ А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 284.

свободу принял широкие масштабы. Отсюда вывод: раз рабов отпускают на свободу, следовательно, рабский труд стал нерентабельным, следовательно, происходит упадок рабовладельческого способа производства, переход к эксплуатации труда зависимых земледельцев. Такой вывод представляется неправильным, поскольку манумиссии могли быть вызваны определенными причинами более частного характера, а не обязательно должны были быть связаны со всем ходом развития рабовладельческого общества в целом.

Нельзя также согласиться и с объяснением Тарна², будто манумиссии являются делом гуманности и, с другой стороны, результатом конкуренции рабского и дешевого свободного труда. Относительно «гуманности» Дельф сейчас (и с полным основанием) выдвигается прямо противоположное положение³. Что же касается второго утверждения относительно конкуренции свободного труда, то нам об этой конкуренции ничего не известно.

Чтобы лучше представить себе состояние всей проблемы в настоящее время, необходимо остановиться на некоторых работах, в которых ставится вопрос о дельфийских манумиссиях и которые были опубликованы за последние десятилетия (30-е—60-е гг.).

Присмотримся к тому, что говорится об этих манумиссиях в обобщающем труде по истории эллинизма — в «Социальной и экономической истории эллинистического мира» М. И. Ростовцева. В его соображениях по этому вопросу можно подметить две основных и, как нам кажется, противоречивых до некоторой степени, идеи. С одной стороны, он считает, что материал дельфийских манумиссий обилен, но что на основании его нельзя прийти к определенным выводам⁴. С другой стороны, некоторые общие и довольно определенные выводы в связи с изучением этого материала он все же делает.

Дельфийские документы, по его мнению, не могут подкрепить положение, что число рабов в Греции III — II вв. до н. э. увеличивалось, так как отсутствуют соответствующие статистические данные как для периода, предшествовавшего появлению манумиссий (т. е. до 201 г. до н. э.), так и для более позднего времени (после 140 г.). Ростовцев допускает возможность вывода, к которому пришел Глотц: число манумиссий могло увеличиваться, а число рабов — уменьшаться⁵. Уменьшение числа манумиссий после 140 г. до н. э. также не может служить основой для определенного вывода, поскольку нам не известно, охватывают ли сохранившиеся для этого времени (т. е. после 140 г.) акты об отпуске рабов все случаи манумиссий. Среднее число манумиссий в год — 8—9 (автор имеет в виду первую половину II в. до н. э.) — также не дает представления о роли рабов в экономической жизни Дельф, так как нам не известна численность их населения и самое значение манумиссий: свидетельствуют ли они о «просперити» или наоборот⁶.

Однако наряду с этими скептическими высказываниями мы находим у Ростовцева утверждения иного рода: предложение рабов в III — II вв. до н. э. было обильным; акты об отпуске рабов на свободу связаны с работорговлей, которая несомненно развивалась во II в. до н. э.; самое преобладание рожденных в доме рабов (*οἰκογενεῖς*) в дельфийских надписях (II в. до н. э.) свидетельствует о том, что в III в. их покупали со стороны⁷.

² W. W. Tarn, *Hellenistic Civilization*, L., 1952, стр. 104.

³ См. ниже о кн. Бёмера.

⁴ M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, v. III, Oxf., 1941, стр. 1467, прим. 30.

⁵ Rostovtzeff, *ук. соч.*, стр. 1466.

⁶ Rostovtzeff, *ук. соч.*, стр. 1467 сл.

⁷ Rostovtzeff, *ук. соч.*, стр. 1367.

В общем эти надписи, анализ значения которых дан главным образом в примечаниях, не являются для автора основой его выводов о роли рабства в Греции. Дельфийские манумиссии лишь в известной мере подкрепляют положения о большом рынке рабов и о работорговле, выдвигаемые в результате привлечения другого (огромного литературного и эпиграфического) материала, собранного автором.

С разных сторон и достаточно обстоятельно (если иметь в виду обобщающий характер работы) рассматриваются манумиссии из Дельф в известном труде Вестермана «Системы рабства в греко-римской античности»⁸. Мы не будем останавливаться на изложении и критике общих взглядов Вестермана на развитие рабства и его исследовательских методов, но лишь попытаемся охарактеризовать его подход к изучению дельфийских манумиссий и его выводы из этого изучения.

Понятно, что по характеру изложения соответствующие страницы его книги представляют нечто иное, чем специальные работы о Дельфах, но в то же время у него дельфийские надписи играют другую (более значительную) роль, чем в «Социально-экономической истории эллинистического мира» Ростовцева. О дельфийских манумиссиях Вестерман пишет неоднократно и в различной связи.

Эти акты, по мнению Вестермана, позволяют сделать некоторые заключения о числе, географическом происхождении и составе рабов, отпускаемых на волю, о применении их труда в хозяйстве, ценах на рабов, направлении потока рабов, о состоянии рабовладения в Греции во II в. до н. э. по сравнению с V в., о характере производства и, наконец, о своеобразных формах зависимости, обусловливаемой статьей о *парамона*.

Эти заключения, с точки зрения автора, имеют неодинаковую ценность. Выводы относительно численности рабов в Центральной Греции сомнительны, так как неизвестны факторы, определявшие положение труда в отдельных местностях: в этом отношении могли существовать локальные отличия⁹. Поэтому нельзя сделать вывод об общем упадке численности рабов в Греции в это время. Однако это предупреждение не мешает автору сделать именно такой вывод. Дельфийские манумиссии свидетельствуют, по его мнению, об уменьшении численности рабов по сравнению с временем около 400 г. до н. э.¹⁰

Далее он утверждает (в частности на основании статей о *парамона*), что труд рабов применялся преимущественно в домашнем хозяйстве.

Наиболее интересный в методическом отношении прием Вестермана — это рассмотрение данных о числе манумиссий и о происхождении рабов не суммарно, но по трем периодам, а именно: 1) 201—154/153 г., 2) 154/153 г.—100 г. и 3) 100—53 гг. до н. э. В результате такого рассмотрения и устанавливается факт увеличения в Дельфах с течением времени числа рабов, рожденных дома, по сравнению с числом покупных. Этот факт объясняется автором как результат прогрессирующего экономического упадка, который был обусловлен материальным ущербом, понесенным Элладой в силу вмешательства Рима, и, с другой стороны, направлением потока рабов на Запад: там в это время распространяются приемы их эксплуатации (а также эксплуатации свободных), применявшиеся ранее в Греции.

Вестерман справедливо указывает, что цены на рабов (очень разнообразные) в дельфийских манумиссиях не соответствуют рыночным ценам на них. Средние цены в этих документах (3—5 мин серебра) скорее соответствуют размерам выкупа военнопленных.

⁸ W. L. Westermann, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955, стр. 31 сл.

⁹ Westermann, ук. соч., стр. 32.

¹⁰ Westermann, ук. соч., стр. 34.

В изложении автора особенно выдвинуты два момента. Первый — это идея о четырех элементах свободы, отчетливо сформулированная, по мнению Вестермана, дельфийскими жрецами¹¹. Второй момент — характеристика зависимости в случае *παρχμονή* как явления, сходного с положением *κῆτοχοι* Сераписа в Египте, что позволяет автору в то же время установить существенные отличия морфологии систем рабства на Востоке и в Греции¹². Таковы основные вопросы, затронутые Вестерманом в связи с разбором дельфийских манумиссий.

В общем, впечатление от его изложения получается двойственное. Там, где автор приходит к отрицательному выводу относительно возможности сделать обобщения на основании дельфийского материала (о численности рабов в Центральной Греции, о несоответствии цен на рабов по данным манумиссий рыночным ценам), с ним нельзя не согласиться. Другое впечатление остается от некоторых его утверждений положительного характера и именно потому, что, как бы забывая о своих ограничительных соображениях, он приходит к общим выводам.

Как, например, можно сравнивать цифру рабов, которую мы находим у Платона (50 рабов), и данные манумиссий? Мы уже не говорим о различном характере источников, приходится учитывать также и различие центров, о которых идет речь: главного города великой афинской архе и сравнительно небольшого и малонаселенного города Средней Греции. При этом методически неправильным представляется перенесение результата этого сравнения на весь процесс развития рабовладения в Элладе, а также умозаключение от числа рабов, отпускаемых на свободу (большой частью, но далеко не всегда — один или два), к числу рабов в отдельных хозяйствах. Точно так же и сравнительная редкость случаев освобождения рабов одним и тем же лицом могла определяться вовсе не одним лишь числом (небольшим, по мнению Вестермана) рабов в домохозяйстве, но и другими факторами, выявить которые если и возможно, то только при условии изучения всех данных о рабовладельцах как определенной социальной группе.

Если даже и оказалось бы верным утверждение, что рабы были заняты преимущественно в домашнем хозяйстве¹³, — что согласовалось бы с общей обстановкой в Дельфах, небольшом центре, где ни ремесло, ни торговля не были развиты, — то логически этот вывод не был бы прочно обоснован до тех пор, пока мы не получили бы уверенности в том, что отпускаемые на условия *παρχμονή* рабы характеризуют все рабское население Дельф.

Уподобление египетских эллинистических *κῆτοχοι* рабам, освобождаемым на условия *παρχμονή*, основывается в сущности лишь на том, что и то и другое состояние есть состояние полусвободы, связанное с ограничением свободы передвижения, и на сходстве термина (*ἀπόλυσις*), который обозначал окончание этого состояния. Такие аналогии при наличии многообразных форм зависимости и при сходстве терминов (которые, впрочем, могли употребляться в различном смысле) можно всегда легко найти в древности, но сходство в некоторых признаках вовсе еще не означает сходства в существе дела. Институт эллинистических *κῆτοχοι* отличается в гораздо большей мере специфически египетскими чертами, чем это представляется Вестерману.

Среди сравнительно новых работ о Дельфах выделяется огромный и основательный труд французского исследователя До «Дельфы во II и I вв.

¹¹ Westerman n, ук. соч., стр. 35.

¹² Westerman n, ук. соч., стр. 54 сл.

¹³ Westerman n, ук. соч., стр. 35.

от упадка Этолии до римского мира, 191—31 гг. до н. э.»¹⁴. Автор, крупнейший специалист в области дельфийской эпиграфики, с 1920 г. принимавший участие в публикации раскопок в Дельфах, предстает перед нами в этом труде как осторожный, тщательно учитывающий все трудности работы с таким материалом, как дельфийские надписи, историк. Для него характерно, однако, в то же время стремление нарисовать широкую историческую картину, вставить, казалось бы, монотонные, а в действительности пестрые и многообразные данные эпиграфических источников в обширные рамки политической и отчасти социальной истории Дельф в течение двух последних веков эпохи эллинизма.

После введения, посвященного изложению плана работы, источникам и литературе, автор в первой части своей книги дает обстоятельный пересмотр чрезвычайно запутанных и далеко еще не вполне выясненных вопросов дельфийской хронологии, которая во многом по-новому и в гораздо более точном виде представляется читателю на основании изучения этой главы.

Во второй части рассматриваются отношения Дельф и Амфикионии в течение всего изучаемого периода. Эта часть (главы 1—8) рисует перипетии сложной политической истории храмового города, начиная с вопроса о положении, в каком находились Дельфы в конце III — начале II вв. до н. э. (до 191 г.): их взаимоотношения с Македонией при Персее, состав Амфикионии после битвы при Пидне, отношения Дельф и Амфикионии в течение всего II в. до н. э., знаменитый «скандал» 125 г. и, наконец, упадок святилища в период от Суллы до Цезаря.

Третья часть, пожалуй, самая интересная, носит характерное заглавие «Жизнь города и влияние (букв. „излучение“, le rayonnement) святилища». В ряде глав автор изучает дельфийские учреждения, население города, арбитражи и решение вопросов, поступавших от иностранцев, отношения храмового города к его непосредственному окружению — государствам Центральной Греции, отношения с эллинистическими монархиями, с Афинами и Римом.

Ряд существенных вопросов, относящихся к истории Дельф во II — I вв. до н. э., отнесен в многочисленные «Приложения». При решении этих вопросов особенно ярко проявляются присущие автору превосходное знание материала, изобретательность при сопоставлении отдельных данных и глубина исследовательского анализа.

Необходимо также отметить как положительную сторону работы остроу и справедливость критических суждений автора. До резко критикует часто необоснованные, но с чрезвычайной авторитетностью высказываемые суждения Помтова¹⁵ и, с другой стороны, отдает должное такому обстоятельному исследователю языка дельфийских надписей, как Рюш¹⁶. Особенно радует исключительно высокая и очень верная оценка работ русского исследователя дельфийских эпиграфических памятников А. В. Никитского. Эти работы сохраняют в большой мере значение и до настоящего времени. Французскому ученому известны не только две большие работы Никитского, посвященные дельфийским надписям, но и многочисленные его статьи, печатавшиеся в свое время в «Журнале Министерства народного просвещения». До дает сравнительную характеристику метода Никитского и Помтова¹⁷, причем все его сочувствие и признание

¹⁴ G. D a u x, Delphes au IIe et au I^r siècle depuis l'abaissement de l'Étolie jusqu'à la paix romaine 191—31 av. J. C., P., 1936.

¹⁵ D a u x, ук. соч., стр. 66.

¹⁶ Имеется в виду кн. E. R ü s c h, Grammatik der delphischen Inschriften B., 1914.

¹⁷ D a u x, ук. соч., стр. 66 сл.

на стороне первого. Он очень правильно замечает, что «мнением Никитского никогда нельзя пренебрегать; его метод строг, его критический ум всегда настороже»¹⁸. Изучение Дельф, по его мнению, многим обязано Никитскому.

Труд До является в целом работой, без которой не сможет обойтись исследователь дельфийского материала как в настоящее время, так еще и долгое время в будущем. Это не значит, однако, что им разрешены или даже поставлены все основные вопросы, не только касающиеся Дельф вообще, но даже и относящиеся к манумиссиям.

Автор слишком неполно и неглубоко трактует вопросы социальной истории. Здесь сказывается не только недостаточный учет значения исследования этой истории. Помимо этого, влияло, по-видимому, состояние публикации и изучения дельфийского материала.

До верно замечает¹⁹, что манумиссии рисуют «достаточно полную картину панэллинской активности, развитой семьями, группировавшимися вокруг святилища Аполлона». Но полагая, что многочисленные ошибки в публикациях текстов дельфийских манумиссий и существующая еще и теперь их неполнота (многие тексты остаются неопубликованными) исключают возможность иметь прочную базу для ономастики, До утверждает, что полная дельфийская просопография остается еще невозможной, а потому надо вооружиться терпением и ждать, когда будут опубликованы в с е соответствующие документы, а в уже опубликованных будут исправлены в с е ошибки.

Мы не можем разделить этот взгляд. Конечно, До вполне прав, требуя крайней осторожности при изучении массового материала манумиссий, и, в частности, при применении статистического метода. Он убедительно показывает, к каким ложным выводам приводят некритические и поспешные подсчеты тех или иных данных, содержащихся в дельфийских манумиссиях²⁰. Но можно ли отсюда сделать вывод, что в настоящее время мы должны ограничиться несколькими примерами, не ставя перед собою более широких задач в области социальной истории? Нам думается, что ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Можно согласиться с тем, что и у Баунака²¹ и у Венделя²² много ошибок, что исправить их все в настоящее время еще невозможно. Тем не менее самые особенности наших источников побуждают идти несколько дальше, чем пошел До в своих исследованиях социальной истории Дельф: ведь если даже при попытке определения социального характера той или иной группы и могут вкратце ошибки, касающиеся отдельных лиц, то их значение при изучении массового материала не должно быть чрезмерно велико, в особенности если продвигаться в исследовании достаточно осторожно, ограничивая себя при постановке вопросов и их решении совершенно определенными условиями. Но было бы нецелесообразно, как нам кажется, уже и теперь отказываться от сопоставления обильных и важных данных, которые, можно сказать, сами побуждают к рассмотрению проблем более широкого характера, чем установление нескольких генеалогий.

До правильно считает предприятием «одновременно напрасным и докучливым» попытку дать исчерпывающий обзор памятников и разнообразных надписей Дельф в интересующий его период от конца господства эолийян до принципата Августа. Но он идет в ограничении рамок своего иссле-

¹⁸ Да у х, ук. соч., стр. 68.

¹⁹ Да у х, ук. соч., стр. 4.

²⁰ Да у х, ук. соч., стр. 242, прим. 1.

²¹ SGDI, II. Die delphischen Inschriften, v. J. В а u n а с к, Göttingen, 1899.

²² Составитель индексов к текстам дельфийских манумиссий, опубликованным в SGDI, IV, 1901.

дования, может быть, чересчур далеко, а главное, вступает при этом на методически неправильный путь.

Присмотримся к тем «добровольным» пробелам (*lacunes volontaires*)²³, к тем вопросам, которые он элиминирует из области своего исследования. Эти вопросы следующие: все, что касается культа Аполлона Пифийского, отношения между рабовладельцами и рабами, происхождение рабов, цены на них, эраны, гимнасии, данные о писателях, артистах, атлетах, многие вопросы внешних отношений. Поэтому в III части своего труда он исследует из проблем внутренней жизни лишь «учреждения» и население (на основании частичной просопографии), а из области отношений Дельф к другим государствам — их связи с Центральной Грецией, с эллинистическими монархиями, с Афинами и Римом. Если по последнему вопросу автор затрагивает достаточно обширный круг проблем, то едва ли это можно утверждать относительно внутреннего строя и жизни населения храмового города. Как можно составить сколько-нибудь полное представление о населении древнегреческого города, не касаясь того, о чем прежде всего говорят документы: рабов и их владельцев, роли такого важного учреждения в греческом полисе, как гимнасий, вопроса о лицах, не входивших в состав верхушечного слоя города, но составляющих неперемный и существенный элемент его населения.

Мотивировка До не представляется нам при этом достаточно убедительной: он полагает, что, например, для изучения отношений между рабами и их владельцами или для решения вопроса об артистах и атлетах необходимо было бы перейти границы изучаемого периода и, в частности, привлечь данные императорской эпохи²⁴. Конечно, такое сопоставление данных, так сказать по вертикали, было бы весьма поучительно, но нам кажется, что, может быть, следовало бы пойти в другом направлении, что изучение дельфийских манумиссий обычно производилось без соблюдения строго определенных хронологических границ, нередко даже путем использования манумиссий как эллинистического, так и императорского времени. Между тем, было бы поучительно попытаться представить себе общество в определенный период его существования, а не «вообще». Но для достижения этой цели и было бы необходимо использовать по возможности все имеющиеся данные, свидетельствующие о составе этого общества в интересующий нас период. Поэтому, как нам представляется, целесообразно сузить внешние (хронологические) рамки, но в этих рамках попытаться более широко охватить общественные отношения, насколько источники позволяют судить о них.

Приведенные соображения не мешают признать, что в целом книга До — настоящая сокровищница фактов, характеризующих многообразную жизнь храмового города во II — I вв. до н. э. Она представляет собою ряд исследований по политической и социальной истории Дельф, по истории их отношений с другими государствами этого времени, наводит порядок в «хаосе дельфийских надписей» (по выражению Помтова), правда, уже в значительной мере рассеянном в результате работ того же Помтова, А. Моммзена и в особенности А. В. Никитского. Но главы труда До часто живут, так сказать, своей жизнью, они не связываются воедино общей идеей, общей концепцией, которая должна была бы их объединить, наложить свой отпечаток на изучение каждого более частного вопроса. Поэтому До, следуя, впрочем, насущной необходимости ограничить рамки своего исследования, так легко жертвует теми существенными проблемами, которые составляют то, что он называет «добровольными лакунами».

²³ Даух, ук. соч., стр. 413 сл.

²⁴ Даух, ук. соч., стр. 413.

К более широкой постановке вопроса о социальных отношениях побуждают и некоторые другие работы о рабстве в древней Греции. Я имею в виду прежде всего большой (из четырех частей) труд Ф. Бёмера «Исследования религии рабов в Греции и Риме»²⁵.

Относящийся к Дельфам материал сосредоточен во II части, посвященной «Так называемому сакральному отпуску на свободу и храмовым рабам (δοῦλοι) ἱεροί»²⁶. В первом разделе книги данные дельфийских надписей рассматриваются на широком фоне всей традиции о манумиссиях в Греции, Северном Причерноморье и Азии. Далее автор ставит ряд вопросов общего характера (B) — о посвящениях и отпуске на свободу, о светской и сакральной форме отпуска, о богах и т. д. В последнем разделе (C) говорится о ἱεροί и ἱερόδοιοι.

Автор нарисовал очень неприглядную картину беспощадной эксплуатации, которой подвергались освобожденные рабы именно в Дельфах. Об этом свидетельствуют две клаузулы, нередко встречающиеся в манумиссиях: статьи о παρρησίῳ и требование, чтобы освобождаемая предоставила рабовладельцу свое дитя или дала бы ему (откуда бы ни было) чужого ребенка.

Бёмер, касаясь этих вопросов, связывает их с проблемой гуманности в античности и приходит к определенному выводу как относительно характера божества, так и относительно дельфийского жречества. Аполлон никак не является покровителем или защитником рабов. Он всегда был «аристократом и требовательным владыкой»²⁷. Что касается жрецов, то у «этих господ из Дельф», божеством которых и был Аполлон, несомненно отсутствовала «человечность» в современном смысле слова²⁸. Именно для Дельф характерна особая суровость условий освобождения раба. Общий вывод Бёмера сводится к тому, что все это бросает неблагоприятный свет на религиозную мораль и благоприятный — на деловитую оборотистость представителей дельфийской религии того времени — дельфийского жречества²⁹.

Книга Бёмера очень интересна по постановке вопроса. В ней сосредоточен огромный материал по истории религии рабов, она заставляет взглянуть по-новому в некоторых отношениях на историю греческой религии.

Но и Бёмер в сущности останавливается на полдороге в своем изучении манумиссий: ведь недостаточно указать на тяжесть условий освобождения и на то, что виновникам этого было жречество. Это обстоятельство остается необъяснимым, тем более, что Бёмер решительно выступает в защиту тезиса о светском характере манумиссий в Греции. В Дельфах, по его мнению, самое позднее в 201 г. до н. э. к этой чисто светской процедуре была добавлена сакральная санкция, очевидно, в интересах жречества Дельф, которые и стали центром распространения этого обычая в Греции³⁰. При этом, однако, представляется неясным, почему жречество было заинтересовано в двух указанных наиболее тяжелых для освобождаемых рабов пунктах. Ведь манумиссорами выступают далеко не одни жрецы или люди, занимавшие другие храмовые должности.

Самый этот тезис Бёмера, возможно, вполне правильный по существу, останется недостаточно доказанным, если мы не попытаемся лучше представить себе ту социальную среду, из которой выходили лица, игравшие

²⁵ F. B ö m e r, Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom, Wiesbaden, I, 1957; II, 1960; III, 1961; IV, 1963.

²⁶ B ö m e r, ук. соч., II. Die sogenannte sakrale Freilassung und die (δοῦλοι) ἱεροί, стр. 29—51.

²⁷ B ö m e r, ук. соч., стр. 130—131.

²⁸ B ö m e r, ук. соч., стр. 41.

²⁹ B ö m e r, ук. соч., стр. 48.

³⁰ B ö m e r, ук. соч., стр. 44, 48.

различную роль в актах о манумиссиях, — сами владельцы рабов, их гаранты (βεβαιωτήρες), многочисленные свидетели, — если не попытаемся подметить связь обоих пунктов (ο παρχμονί и об обязательстве представить ребенка рабовладельцу) с составом действующих в этих актах лиц. Бёмер очень хорошо выяснил печальный для рабов смысл обеих статей, но едва ли можно признать, что он объяснил их. Его утверждение³¹, что для дельфийского жречества в его отношении к рабам религиозные соображения не были определяющими, если с этим не были связаны хозяйственные выгоды, отличается слишком общим характером, чтобы его можно было признать таким объяснением.

* * *

Рассмотрение наиболее значительных трудов о дельфийских эпиграфических памятниках позволяет лучше выяснить ту задачу, которая должна быть поставлена при изучении этих памятников и которая, насколько мне известно, не формулировалась в литературе. Для правильного суждения о дельфийских манумиссиях как источнике по истории рабства в Греции, об их роли в процессе социального развития изучаемого нами периода (II в. до н. э.) необходимо ясно представить себе, кто были те люди, которые отпускали рабов на волю. Можно ли видеть в них представителей обширного круга населения полиса, — тогда, следовательно, правомерны были бы и широкие обобщения, которые делались не раз на основании манумиссий, поскольку эти тексты характеризовали бы в этом случае отношения в пределах значительной части населения храмового города; или же перед нами сравнительно узкая прослойка этого населения — и тогда манумиссии никак не позволяют делать выводы, относящиеся ко всему гражданству Дельф и тем более ко всей Элладе, но зато могут превосходно познакомить нас с положением и правами этой прослойки, с отношениями внутри нее, а также с особенностями политической обстановки, так как в состав этой прослойки естественно должны были входить наиболее богатые, влиятельные и ведущие в политическом отношении граждане Дельф.

Рабство предполагает двухстороннее отношение: господство владельцев средств производства и средств внеэкономического принуждения и эксплуатацию раба — объекта принуждения. Исследование этого отношения поэтому должно основываться на изучении форм эксплуатации и на выяснении состава и характера как тех, кто господствовал, эксплуатировал или отпускал раба на свободу, так и самих рабов. Известный недостаток существующих исследований рабства по дельфийским манумиссиям заключается в том, что данные этих манумиссий по вопросу о рабстве рассматривались, так сказать, изолированно, вне тесной связи с изучением круга манумиссоров и других лиц, выступающих в актах.

В главе «Население» До, указав на те ограничения, которые, по его мнению, препятствуют более широкому изучению социальной истории Дельф, приводит несколько тщательно составленных генеалогий (stemmata) как примеры (они занимают, приблизительно, половину главы)³². При этом он внимательно прослеживает родственные отношения в пределах данной генеалогии на протяжении почти двух веков. Однако приводимые автором stemmata почти не связаны в его изложении с существом тех актов, в которых выступают перед нами эти люди. Какую роль играют те или иные из них при выпуске рабов на свободу, представляют ли они нечто

³¹ Бёмер, ук. соч., стр. 48.

³² Даух, ук. соч., стр. 443 сл.

цельное в социальном отношении, связаны ли они с другими родами, можно ли выделить среди них группы, характеризующиеся особыми признаками, что представляют собой манумиссоры и т. д. — все эти вопросы остаются без ответа.

До не дает сопоставления этих генеалогий даже тогда, когда такое сопоставление, казалось бы, напрашивается само собою: когда представители одной генеалогии заключают брачные союзы с членами другого рода и таким образом между этими родами устанавливается более или менее прочная связь³³.

Впрочем, если даже и попытаться связать генеалогические стеммата в тех случаях, когда можно найти между ними посредствующие звенья, т. е. лиц, принадлежащих к двум рассматриваемым генеалогиям, то ведь нельзя все же думать, что мы сможем тогда получить общее представление о данном социальном круге, что все рабовладельцы и их гаранты состояли друг с другом в родстве.

Следует заметить, что если бы нам даже удалось не только дать несколько stemmata, как это делает До, но и наметить всю совокупность родственных отношений (а это сделать невозможно ввиду отрывочности материала и частого отсутствия патронимикона), то и тогда мы не могли бы представить себе общий характер социальной среды, с которой нас знакомит манумиссия в лице продавцов и поручителей. Генеалогические связи важны, но не являются решающими. Уже Никитский правильно заметил, что «в числе свидетелей и особенно поручителей весьма часто являются родственники продающего, но наряду с последними нередко бывают и совершенно посторонние лица... и иногда и представители влиятельных фамилий»³⁴. Но если он прав, утверждая также, что мы не можем знать что-либо об отношениях иного рода между ними (знакомства, дружбы, соседства, о коммерческих и вообще об их конкретных деловых отношениях), то все же мы знаем некоторые последствия этих отношений: установление тесной связи между соответствующими лицами, выражением которой и было выступление в качестве гаранта или свидетеля.

Поэтому если попытаться проследить эту сложную сеть деловых связей между продавцами и другими лицами, выступающими в манумиссиях, то мы сможем получить общее представление о том, насколько полно и крепко она охватывает всю группу продавцов. Лишь при таком способе изучения можно будет установить, насколько часто появляются среди манумиссоров и гарантов и какую роль играют при этом и те «представители влиятельных фамилий», о которых упоминал А. В. Никитский. Уже при первоначальном ознакомлении с текстами ясно, что продавцы и поручители принадлежат к одному общественному слою. Да мы нередко и наблюдаем, что одно и то же лицо в одном случае выступает как продавец, в другом — как гарант.

Составление stemmata деловых связей должно привести к одному из двух: или мы получим несколько узловых пунктов, вокруг которых будет располагаться какая-то часть манумиссоров и гарантов, или же эти связи мы сможем проследить на протяжении всего материала, т. е. окажется, что мы имеем дело со сравнительно целостной и однородной общественной группой. Во всяком случае рассмотрение отношений между лицами, о которых идет речь в манумиссиях, в более широких рамках, чем лишь как «некоторые генеалогии в качестве примера»³⁵ не может не способствовать их историческому пониманию.

³³ Даух, ук. соч., стр. 447 сл. и 456—457.

³⁴ Никитский, ДЭЭ, стр. 195.

³⁵ Даух, ук. соч., стр. 443.

Чтобы несколько конкретизировать эти соображения, приведем пример. У До³⁶ дана небольшая генеалогия Патрея и его семьи. Мы выбрали стемму Патрея в виду ее простоты. Самого Патрея, жившего еще в III в. до н. э., мы оставляем в стороне, поскольку его деятельность выходит за пределы рассматриваемого нами периода. Таким образом остается 4 человека: Андроник, сын Патрея, имя которого встречается в документах от 186 до 168 г., его жена Тимо, дочь Аристоменея, и двое их сыновей — Патрей и Дамотим, действовавшие в 60—40-х гг. II в.

Вот в сущности и все, что дает генеалогия. До замечает лишь, что это — частичная стемма дельфийской семьи, члены которой сделали карьеру.

Попытаемся теперь представить себе деятельность этих четырех человек, их деловые связи³⁷. Здесь картина другая: вместо четырех мы имеем дело с 28, и они дают возможность делать некоторые сопоставления и выводы.

Начнем с представителей старшего поколения. Тимо появляется лишь один раз с манумиссией с одобрения своих сыновей (SGDI, 1875). Гарант у нее — Ментор, сын Каллиера. Ее муж, Андроник, один раз отпускает раба (SGDI, 2039) и четыре раза выступает как гарант. Он связан не только с дельфийцами, но и с гражданами города Амфиссы в соседней Локриде (SGDI, 1917). Два других его контрагента — женщины Фило, дочь Харина (SGDI, 1850), и Нико, дочь Хариксена (SGDI, 1836), — более в манумиссиях не встречаются. Но в акте Нико вместе с Андроником гарантом выступает Астоксен, сын Дионисия, лицо, известное по многим текстам. Последний манумиссор, поручителем которого был Андроник, это — Аминта, сын Сосия, не занимавший должностей, насколько нам известно, но четырежды на протяжении более 30 лет (с 174/173 г. до 140/139 г.) отпускавший рабов на свободу. Мы ограничиваемся лишь непосредственными связями семьи Андроника. Но здесь следует указать, что акты Аминты свидетельствуют об его тесных связях с рядом лиц, игравших видную роль в дельфийском обществе II в. или, выражаясь словами До, делавших карьеру (Афамб, сын Афаниона, трижды бывший булевтом в конце 60-х — начале 50-х гг. II в., архонт и булевт Филократ, сын Ксенона, Клеодам, сын Клеона, занимавшего должность булевта).

Не менее показательны связи обоих сыновей. Дамотим выступает «одобряющим» в манумиссии своей матери Тимо. В собственной манумиссии (Rüsch, 19) у него гарант тот самый Ментор, сын Каллиера, о котором уже говорилось в связи с манумиссией Тимо. Другим продавцом в этом же акте (и поручителем в другом, SGDI, 2258) выступает его брат Патрей. Сам Дамотим также гарантирует манумиссию (SGDI, 2278). В ней вместе с ним другими гарантами являются Дромоклид, сын Гагиона, сын архонта, впоследствии жрец, и Евкрат, сын Калликона, булевт (в седьмом году VI жречества), отец которого также был архонтом.

У брата Дамотима, Патрея, который сам стал и архонтом и жрецом, деловые связи носят подобный же характер. Он был гарантом (SGDI, 1859) у Астиоха, сына Гносилая (булевта 157/156 г., т. е. того года, когда архонтом был сам Патрей), а у него самого поручителем в 162/161 г. был (SGDI, 1823) Андроник, сын Фрикида, одно из самых влиятельных лиц в Дельфах, также архонт (в 161/160 г., следовавшем за тем годом, когда была совершена манумиссия) и жрец. Вторым гарантом в манумиссии Астиоха был Дамон, сын Ксенострата, булевт того же VI жречества, а позднее (в 142/141 или 141/140 г.) — архонт. Так же как Дамотим, Патрей поддерживал

³⁶ Даух, ук. соч., стр. 454.

³⁷ Эти связи даются также частично: учтены лишь данные относительно манумиссоров и поручителей.

прежние связи: он просил быть гарантом у него поручителя матери — Ментора, сына Каллиера (Rüsch, 19).

Приведенные примеры показывают, как нам кажется, насколько недостаточны одни генеалогические стемматы, а также спорадические ссылки на те или иные манумиссии, в которых мы находим имена интересующих нас лиц или даже суммарное указание, что эти лица упоминаются в стольких-то актах³⁸. Необходимо дифференцированное рассмотрение каждого из соответствующих актов, в результате которого можно было бы проследить далеко идущие связи изучаемого деятеля. Ведь мы в основном ограничились именами лиц, лишь непосредственно связанных с семьей Андроника. Общее представление о социальной среде, из которой выходили манумиссоры и гаранты, может быть получено лишь тогда, когда мы изучим длинный ряд семей и все сложное переплетение их деловых и родственных связей.

Изучая дельфийский материал II в. до н. э. с целью выяснения того, что он дает для социальной истории Дельф этого времени, мы находимся в гораздо менее благоприятном положении, чем при исследовании эпиграфических данных Аттики. Зундваль, например, использовавший в свое время с таким успехом надписи при изучении социального состава руководящих деятелей Афин в IV в. до н. э.³⁹, находился в иных условиях: в его распоряжении была «Prosopographia Attica» Кирхнера с ее обильными, упорядоченными и критически проверенными данными. В литературных источниках он мог найти интересные данные о многих деятелях, в частности и об их материальном положении.

Для Дельф еще не существует сколько-нибудь полной и точной просопографии. Данные отличаются в общем однообразным характером. Сведений в литературных памятниках о людях, выступающих в манумиссиях, почти нет. Благодаря отсутствию во многих и многих случаях патронимикона заключения о тождестве или различии лиц, носящих одно и то же имя, сделать часто нельзя. Поэтому уже заранее можно сказать, что едва ли в результате изучения дельфийских манумиссий можно будет прийти к столь определенным и в общем убедительным выводам, к которым пришел Зундваль.

Тем не менее пересмотр доступного нам материала с целью выяснить хотя бы в какой то мере социальные группы, которые выступают перед нами в связи с манумиссиями, был бы желателен: до сих пор, можно сказать, не была проделана даже предварительная работа, направленная к этой цели, или точнее, — не были приведены в связь данные о продаже рабов Аполлону и об условиях этой продажи с известиями о социальном положении и политической роли продавцов, поручителей и свидетелей в актах об отпуске рабов на свободу.

Дельфийские манумиссии, к сожалению, не позволяют воспользоваться всеми теми признаками, которые были определяющими для выводов финского ученого относительно степени материального благосостояния членов Совета Пятисот, стратегов, послов и т. д. в Афинах IV в. до н. э. Зундваль разделяет их на две категории: «богатых» и «зажиточных», руководствуясь многочисленными и разнообразными признаками. Выполнение литургий, связанных с крупными затратами (например, триерархия), занятие должности, не оплачиваемой государством и также требовавшей более или менее значительных затрат, крупная аренда (например рудников), принадлежность к известной своим богатством семье, соответствующие литературные данные, наличие гробницы из материала, применение которого требова-

³⁸ Даух, ук. соч., стр. 444.

³⁹ J. Sundwall Epigraphische Beiträge zur sozial-politischen Geschichte Athens im Zeitalter des Demosthenes, Lpz, 1906, Beiträge zur Alten Gesch., Beih. 4.

до больших издержек, известия о том, что данное лицо было учеником известного софиста или ритора, посвящения богам, принадлежность к кругу знатной молодежи, родство с человеком, пользовавшимся благосостоянием, продажа дома, тот факт, что потомки того или иного лица были эфебами,— таковы главные из этих признаков, позволяющие Зундвалю отнести человека к первой или второй категории ⁴⁰.

Конечно, не все эти признаки имеют одинаково убедительную силу. Выполнивший триерархию несомненно должен был обладать крупными средствами. Но тот факт, что такой-то принадлежал к семье, которая в V в. пользовалась богатством, не так уж прочно убеждает в богатстве потомка этой семьи: ведь положение ее могло с течением времени измениться. Или другой пример. Указание Демосфена, что такой-то был homo libidinosus et luxuriosus, побуждает Зундвалю заключить, что, следовательно, этот человек обладал некоторым достатком ⁴¹, хотя очевидно, что это указание остается очень неопределенным. Все же в своей совокупности данные, собранные в надписях Зундвалем, производят сильное впечатление, и работа его и до настоящего времени сохраняет большую ценность.

С дельфийскими манумиссиями дело обстоит иначе. Литературные данные о лицах, выступающих в манумиссиях, встречаются лишь как исключение (например упоминание у Ливия о Праксо ⁴², жены известного дельфийского деятеля Праксия, сына Евдока). Актов частногоправового характера (о продаже недвижимости, об аренде имущества и пр.) почти не дошло до нас. Аргумент, основанный на известиях о выполнении данным лицом той или иной должности, которая обуславливала сравнительно высокое положение этого лица, сохраняет свое значение, хотя нам обычно и неизвестен способ, каким замещались различные посты. Все же помимо актов о манумиссиях сохранились многочисленные документы иного характера (постановления о проксении, которые предлагали лица, упоминаемые в манумиссиях, почетные декреты, посвящения, постановления, связанные с отношениями Дельф с другими государствами и т. п.).

Таким образом, остаются два основных момента, помогающие нам составить представление о лицах, выступающих в манумиссиях: деловые и родственные связи интересующих нас лиц, притом не только в изучаемый период, но и в десятилетия до и после этого периода, и их общественно-политические функции.

* * *

Наметим тот путь, которым следует, как нам кажется, идти для решения поставленной задачи. Этот путь определяется стремлением установить связь между различными категориями лиц, упомянутыми выше.

1) Необходимо выяснить, кто из продавцов каждого жречества (от I до XII¹) занимал в те или иные годы должности жреца, архонта-эпонима или булевтов. В результате такого обследования выяснится степень активности главных магистратов города в сфере манумиссий.

2) Было уже указано на наличие тесной связи между манумиссорами и гарантами (βεβαιωτήρες), которые ручались за прочность договора с божеством и обязаны были выступать в защиту интересов продавца (и раба) в случае нарушения условий манумиссии. Поэтому необходимо имена продавцов каждого из рассматриваемых жречеств сравнить с именами гарантов всех этих жречеств. Это позволит не только уяснить в известной мере указанную тесную связь между теми и другими, но и установить, насколько

⁴⁰ Sundwall, ук. соч., стр. 5 сл.

⁴¹ Sundwall, ук. соч., стр. 15.

⁴² Liv., XLII, 19.

часто продавцы в одних документах выступают гарантами в других, а следовательно, тесно связаны с другими продавцами, составляют с ними одну социальную группу.

3) Такие же наблюдения следует сделать и относительно свидетелей. Многие из последних не так тесно, вероятно, были связаны с продавцами как гаранты; степень этой связи была различна, но все же она существовала.

4) Многие лица неоднократно выступают в дельфийских манумиссиях в роли манумиссоров. Поэтому следует сравнить списки продавцов всех жречеств, чтобы определить, сколько раз то или иное лицо отпускает рабов на свободу.

Ту же самую работу, которая была намечена относительно продавцов, надо проделать и по отношению к двум другим категориям действующих в манумиссиях лиц: гарантам, «одобряющим» манумиссию (*συνεπιδοκούντες*), и свидетелям.

Таким образом, главное — это изучение отдельных манумиссий с целью определения связи между манумиссорами, гарантами, свидетелями и архонтами путем исследования, так сказать, «просопографического контекста» в этих же и других манумиссиях. Многое в этом отношении было (и притом блестяще) сделано в замечательных работах А. В. Никитского, До и др., и их выводы, касающиеся отдельных вопросов, и наблюдения относительно связи между теми или иными лицами, выступающими в манумиссиях, должны быть положены в основу дальнейшего изучения. Но делалось это обычно в связи с проблемами иного рода или же, так сказать, *an und für sich*, как например, при составлении генеалогий (До). Между тем было бы важно попытаться ответить на вопрос о том, насколько эти родственные и деловые связи охватывают весь состав продавцов, насколько они позволяют вынести суждение об этом составе и его характере, как об определенной общественной группировке.

Одним из средств для выявления этих деловых связей могут служить стеммата, которые должны показать не семейные генеалогии (вернее, не только эти генеалогии), но ту сеть взаимоотношений, о которой мы получаем представление, знакомясь с манумиссиями.

Данные дельфийских надписей о рабах могут показаться на первый взгляд более скудными и однообразными, чем те, которые мы находим в этих источниках относительно рабовладельцев. Но в действительности и эти данные дают возможность поставить и до некоторой степени разрешить ряд существенных вопросов.

В общем они сводятся к следующему. В акте указывается имя раба, его пол, а также отмечается, если отпускают на свободу ребенка или подростка (*παιδάριον, κοράσιον*). Сведения о специальной профессии раба крайне редки. Сравнительно часто, хотя далеко не всегда, мы узнаем о происхождении раба (*Σβρος, Αιγύπτιος, οίχογενής* и т. д.). Почти всегда указывается цена, уплачиваемая за отпуск на свободу. Наиболее разнообразный материал содержат манумиссии с условием *παράνομά* и вообще ограничительные или, наоборот, лишь изредка направленные в интересах рабов статьи. Изучение этих статей может лучше уяснить нам положение вольноотпущенников, хотя, конечно, и здесь приходится учитывать специфику Дельфы.

На основании дельфийских манумиссий пытались прийти к определенным заключениям относительно числа рабов или даже всего населения Дельфы. Бургэ в своей увлекательной книге, посвященной «руинам Дельфы», писал, что благодаря манумиссиям не только хронология дельфийских текстов приобретает очень твердую основу, но что и по числу рабов, которых освобождает данный продавец, можно составить представление о со-

стояниях некоторых богатых дельфийцев и определить цифру рабского населения в его отношении к населению свободному⁴³. И далее, исходя из мысли о том, что граждан было семь-восемь сотен, и полагая в среднем на семью четыре человека (женщин и детей) и по три раба (как минимум)⁴⁴, он приходит к мысли, что население Дельф достигало цифры в 10 000 человек. Он отвергает при этом заранее возражение, основанное на соображении о недостаточности площади для жительства, ссылкой на результаты раскопок в Делосе, которые свидетельствуют о том, какое большое количество рабов можно было сосредоточить на узком пространстве.

Все эти соображения, как мы видим, носят примерный характер и не могут претендовать на достоверность. Двукратное оперирование со средними цифрами (по вопросу о составе семьи и числе рабов в семье) отчасти обуславливает этот характер. Но главное, что возбуждает сомнение, — это исходный пункт: будто по числу отпускаемых рабов можно заключить о размере имущества манумиссора. Ведь нам неизвестно соотношение между этим числом и числом всех рабов, которыми владел тот или иной «богатый дельфиец». И во всяком случае едва ли здесь можно предполагать постоянную прямую пропорциональность.

Мы знаем, например, что Критон, сын Кратона, отпустил три рабыни на свободу⁴⁵, или что Нико⁴⁶, дочь Хариксена, отпустила двух рабов и одну девушку, а Агафокл, сын Гармодия, ни разу не был манумиссором, но выступал лишь гарантом. Однако из этого нельзя сделать (без дальнейшего рассмотрения) вывода, что Критон или Нико были богаче последнего.

Это не значит, что отпуск на волю не одного, а нескольких рабов не свидетельствует вовсе о богатстве данного лица. Мы хотим только сказать, что нельзя делать заключение из одного или двух (изолированно взятых) фактов, но что необходимо привлекать при этом и данные иного рода. Если, например, Астиох, сын Гносилая, отпускает один раз четырех рабов, другой раз — трех (двух рабов и рабыню), если ему же принадлежат еще две манумиссии, если мы знаем, что он исполнял должность булевта и был связан с рядом людей, игравших еще более видную роль в обществе, то мы имеем основание думать, что его манумиссии в какой-то мере свидетельствуют об его имущественном положении.

Таким образом, мы можем выделить среди продавцов более активных и, с другой стороны, таких, которые выступали гораздо реже или даже один лишь раз, но мы не можем считать (по крайней мере заранее), что различие в активности, в частоте выступлений в актах соответствует различию в имущественном положении. Расчеты, подобные приведенному выше, не могут дать сами по себе прочной основы для вывода о численности рабского населения или об имущественном положении манумиссоров⁴⁷. Соответствующие данные должны рассматриваться в возможно более широкой связи.

Самое число граждан Дельф определялось по-разному. Так, например, Глотц⁴⁸, ссылаясь на один акт, принятый в IV в. до н. э. 454 голосами, утверждал, что в это время в Дельфах было максимум 900—1000 граждан. Эта цифра все же отличается от цифры Бургэ. Притом, исходя из нее, все равно нельзя с уверенностью вычислить общее число граждан в период манумиссий (т. е. после 201 г.). Население Дельф имело текущий

⁴³ E. Bourguet, *Les ruines de Delphes*, P., 1914, стр. 143 сл.

⁴⁴ Бургэ думает, что правильнее было бы даже положить в среднем по 5 рабов на семью.

⁴⁵ SGDI, 2078.

⁴⁶ SGDI, 1836.

⁴⁷ Ср. скептические высказывания по этому вопросу Ростовцева и Вестермана (см. выше стр. 36 сл.).

⁴⁸ G. Glotz, *Histoire grecque*, III, P., 1941, стр. 258.

характер. Обитатели соседних городов Фокиды и Локриды нередко через некоторое время становились гражданами храмового города. Мы не знаем, что произошло с населением этого города во II в. по сравнению с IV: увеличилось оно или уменьшилось. Тем менее может дать предположительная цифра гражданского населения для определения численности рабов.

Столь же сложным представляется вопрос о ценах. Чем именно они обуславливались? Давно уже было указано, что возраст раба, характер его профессии, наличие детей у него (или у нее) оказывали влияние на уровень цены. Это бесспорно, но при скудости конкретных данных мы не можем учесть это влияние, к тому же, помимо сказанного, можно легко представить себе еще ряд других факторов, обуславливавших соглашение между манумиссором и рабом и определявших сумму, проставляемую в манумиссии. Большой частью эта сумма равна 3—4—5 минам серебра. Простейшие зависимости могут быть установлены без особого труда. Понятно, что за двух или трех рабов плата больше, чем за одного. Цена (τιμή), равная 7 минам, уплачивается за освобождение трех и двух рабов⁴⁹. Но при освобождении трех рабов мы видим и 10 и 12 и 18 мин, а при освобождении двух — 10⁵⁰. За παιδάριον или χορίσιον уплачивается меньше, чем за взрослого⁵¹. Высокую плату в 10 мин мы находим в манумиссии, где речь идет о τεχνῆτις ἀλλήτρις⁵². Но более интересные вопросы, помимо этих, так сказать, лежащих на поверхности наблюдений, — связаны ли эти цены с рыночными ценами, какое значение имеют при этом условия договора (παράσιονά и пр.), чем объясняется в некоторых случаях низкие цены и т. д., — пока остаются без ответа.

Другой интересный вопрос, вопрос об этнической принадлежности или, лучше сказать (употребляя терминологию Вестермана), о географическом происхождении рабов — разрабатывался неоднократно; но все же вернуться к нему еще раз, как нам кажется, целесообразно. К одним из более ранних исследований этой проблемы принадлежит глава в книге Кальдерини⁵³, который, впрочем, ограничивается преимущественно сводкой общего характера, не пытаясь связать наличие тех или иных этнических данных с политической и социальной историей эпохи. Некоторые указания на такую связь мы находим в более поздних работах. Вестерман⁵⁴, распределив известия о происхождении рабов по трем периодам, как было сказано выше, обращает внимание на то, что с 171/170 г. до н. э. прекращается движение рабов с Запада в Грецию: манумиссий с рабами-италиками с этого времени больше нет. Это должно быть объяснено возрастающим могуществом Рима. Другое наблюдение, давно сделанное исследователями, — это относительно большое число сирийцев в дельфийских манумиссиях.

Оба наблюдения правильны, но, как нам представляется, материал дает возможность пойти несколько дальше в анализе географического происхождения рабов, отпускаемых на свободу. Для этого необходимо обратиться к более дифференцированному, чем у Вестермана, рассмотрению этого происхождения по областям, а также попытаться проследить связь между рабами определенного происхождения и их владельцами. Имеются ли в этом отношении известные различия между дельфийцами и

⁴⁹ SGDI, 1722, 1767.

⁵⁰ SGDI, 1773, 1780, 1836, 1837.

⁵¹ SGDI, 1831, 1833.

⁵² SGDI, 1842.

⁵³ A. Calderini, La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia, Milano, 1908, стр. 204 сл.

⁵⁴ Westermann, ук. соч., стр. 33.

манумиссорами из других городов Средней Греции? Отразились ли на этническом составе рабов и соотношении покупных и рожденных дома рабов так или иначе политические факторы, помимо роста мощи Рима? Можно ли прийти к некоторым выводам на основании анализа имен рабов? Понятно, что эти имена зависели от воли рабовладельцев и что мы не можем, основываясь на них, как правило, пытаться установить происхождение раба. Тем не менее бесполезно разобратся в ономастике рабов, так как ее анализ в некоторых случаях все же может помочь решению интересующих нас вопросов.

Для этого, как, впрочем, и вообще при изучении дельфийского материала, касающегося рабов, едва ли можно обойтись без привлечения манумиссий из других областей Греции. При изучении состава манумиссоров мы, естественно, должны исходить (и даже в значительной мере ограничиваться этим) из внутренних взаимоотношений между теми категориями, которые были отмечены выше. Наоборот, данные о рабах целесообразно исследовать в более широком контексте, разумеется, учитывая различия в условиях. Думается, что сопоставление, например, с родосскими эпитафиями не может не быть поучительным.

В дельфийских манумиссиях мы нередко встречаем различного рода условия освобождения, различные ограничения свободы. Наиболее характерной в этом отношении представляется статья относительно *παράμονα*, т. е. обязательства раба (или рабыни) в течение того или иного срока продолжать работу у манумиссора с оговоркой, что в случае если раб не будет делать эту работу или совершит какую-либо оплошность, манумиссор имеет право наказывать его по своему усмотрению⁵⁵.

Наиболее важными работами о *παράμονα* являются оригинальное исследование Кошакера⁵⁶ и большая и очень обстоятельная статья Вестермана⁵⁷. Кошакер первый рассмотрел в широком историческом аспекте с привлечением материала из других областей древнего мира (Египта, Междуречья, Дура-Европос) вопрос о *παράμονα*. Он констатировал, что статьи о *παράμονα* не давали защиты парамонарию против эксплуатации со стороны прежнего рабовладельца. То «состояние полусвободы» (*Der Zustand der Halbfreiheit*)⁵⁸, которое при этом возникало, не влекло за собою для детей бывшего раба никакого определенного статуса, предоставляя свободу произволу манумиссора. Кошакер подробно и глубоко изучает существо *παράμονα* с юридической точки зрения и признает, что понятия римского права не могут охватить содержание этого греческого института.

В статье Вестермана тщательно собраны все известные в то время свидетельства о *παράμονα* в папирусах эллинистической и римской эпохи. Парамона, согласно Вестерману, — это договор о работе, в котором не определяется тип этой работы. Сближая данные о *παράμονα* в папирусах с теми сведениями о ней, которые мы черпаем из дельфийских манумиссий, автор считает несомненным, что работодатель лишал работника части свободы, которая была связана с правом передвижения.

Понятно, что окончательное суждение о понимании сущности *παράμονα* в дельфийских манумиссиях мы сможем составить лишь в результате изучения всего доступного материала. На данной ступени этого изучения

⁵⁵ SGDI, 1717, 1719.

⁵⁶ P. K o s c h a k e r, Über einige griechische Rechtsurkunden aus der östlichen Randgebieten des Hellenismus, «Abh. d. Sächs. Ak. d. Wiss., phil.-hist. Kl.», B. 42, 1931.

⁵⁷ W. L. W e s t e r m a n n, The Paramone as General Service Contract, JJP, 1948, № 2, стр. 9—50. Ср. его же статью в «American Hist. Rev.», v. 50, 1945.

⁵⁸ K o s c h a k e r, ук. соч., стр. 49.

следует все же отметить, что нам представляется правильным вывод Кошакера о «состоянии полусвободы». И парамонарии принадлежали к тому широкому и многосоставному слою населения Греции, который стоял «между свободными и рабами» (*μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων*)⁵⁹.

С *παράμονα* связан ряд других проблем. Важно было бы проследить, если это окажется возможным, факторы, обусловившие появление соответствующей статьи в манумиссиях: на каких рабов чаще возлагаются эти обязательства — на рожденных дома или на покупных, или это обстоятельство в какой-то мере зависело от облика хозяев.

Помимо *παράμονα* на освобождаемого возлагаются иногда другого рода обязательства: совершить надлежащим образом погребение манумиссора, когда наступит для этого время, уплатить его долг и т. д.⁶⁰

Самым тяжелым из этих обязательств является обязательство рабыни оставить в распоряжении рабовладельца или его детей и наследников своих детей или даже представить ему ребенка после освобождения⁶¹. Эта статья своим беззастенчивым характером вызывала сильную эмоциональную реакцию у современных исследователей⁶², и действительно, даже для античности она оказывается редким по цинизму выражением взглядов рабовладельцев на свою собственность. Но при этом мы не должны, как нам кажется, ограничиваться констатацией разницы в понимании гуманности в древнем мире и в современном, протестом против жестокости нравов, но должны попытаться выяснить, какую роль эта статья играет в манумиссиях, как часто и когда именно она встречается, по отношению к каким рабыням она применяется.

Большой интерес представляют статьи, в которых идет речь об имущественных отношениях. Несомненно, что рабы владели некоторым имуществом, что видно из самого факта уплаты рабом цены. Но об этом же говорится и в другой связи, когда договор обуславливает, например, переход имущества раба к манумиссору в случае смерти первого. Встречается и другое условие: после смерти манумиссора не только кончается зависимость вольноотпущенника по *παράμονα*, но и имущество продавца переходит к бывшему рабу.

Для суждения обо всех этих условиях, очевидно, нежелательно ограничиться одними дельфийскими надписями: для правильного их понимания необходимо привлечь историко-сравнительный материал из других областей Греции и из источников другого характера (комедия эллинистического времени и другие литературные произведения, папирусы и пр.).

А. В. Никитский, а позднее До⁶³ затронули очень интересный вопрос: какова была судьба освобожденных? В очень редких случаях (До приводит лишь 14) оказалось возможным определить с большой долей вероятности эту судьбу. Некоторые вольноотпущенники оказались в таком положении, что сами в свою очередь позднее владели рабами и отпускали их на свободу. Можно думать, что систематическое изучение всего комплекса имен рабов даст больше материала в этом отношении.

Мы стремились наметить главные вопросы по истории рабства, материал для ответа на которые содержат дельфийские манумиссии. Едва ли следует ожидать, что при дальнейшем изучении этих вопросов можно будет прийти к некоторым общим выводам, имеющим силу для всей Греции,

⁵⁹ См. D. Lotze, *ΜΕΤΑΞΥ ΕΛΕΥΘΕΡΩΝ ΚΑΙ ΔΟΥΛΩΝ*. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr., В., 1959, стр. 1.

⁶⁰ SGDI, 1796; 1804.

⁶¹ В манумиссиях императорской эпохи.

⁶² См. выше, стр. 42.

⁶³ А. В. Никитский, Исследования в области греческих надписей, Юрьев, 1901, стр. XXIХ сл.; Дах, ук. соч., стр. 458 сл.

если учесть своеобразие местных отношений. Ведь Дельфы занимали совершенно особое место среди греческих полисов. Это был город, куда в течение тысячи лет стекались посланцы, пилигримы, люди всевозможных профессий со всей Эллады — и не только Эллады. Религиозное значение Дельф, его знаменитый оракул постоянно привлекали к себе внимание исследователей. Достаточно сказать, что за последние 20 лет появилось несколько крупных трудов по истории Дельф⁶⁴. Можно пожелать только, чтобы изучение этой стороны жизни храмового города было еще более тесно связано с исследованием его политической и особенно социальной истории, для которой многочисленные манумиссии создают такую прочную основу. Думается, что результаты изучения этих местных отношений и в частности рабства, должны явиться одним из элементов, из которых складывается наше представление о социальном развитии и истории рабства в Элладу эллинистической эпохи.

⁶⁴ H. W. Parke and D. E. W. Wormell, *The Delphic Oracle*, v. I—II, Oxf., 1956; M. Delcourt, *L'oracle de Delphes*, P., 1955; Miré et de la Coste Messelière, *Delphes*, P., 1957 и др.

А. Р. Корсунский

О СОЦИАЛЬНОМ СТРОЕ ВЕСТГОТОВ В IV в.

Вопрос о социальном строе варварских племен в IV—V вв. имеет важное значение для изучения периода крушения рабовладельческого строя и генезиса феодализма в Западной Европе. Между тем общественный строй ряда германских племен, сыгравших крупную роль в переселении народов и падении Западной Римской империи, в частности вестготов, изучен еще мало.

В зарубежной исторической литературе собран ценный фактический материал о различных сторонах жизни вестготского общества. Но отклоняясь от научной концепции социально-экономической формации, буржуазные историки и не пытались рассматривать готское общество IV в. как совокупность определенных социальных отношений, соответствующую особой исторической ступени. Поэтому даже те исследователи, которые признавали родоплеменной характер устройства вестготского общества в IV в., сводили это устройство обычно к некоторым чертам системы управления и родственных связей, игнорируя специфическую для этого общества форму производственных отношений и обнаруживая в нем такие институты, которые несовместимы с родоплеменным строем (государство).

Ряд же современных буржуазных историков, особенно в ФРГ, считает вовсе «устаревшим» представление об общинном строе и участии народа в управлении у древних германцев. По мнению Г. Данненбауэра, например, у германских племен всегда существовал аристократический строй. Знатные люди, опираясь на свои дружины, господствовали над рядовыми свободными, зависимыми и несвободными людьми, собирали с них дань¹. Завоевание варварами Западной империи описывается Данненбауэром в духе Фюстель де Куланжа. Империя была завоевана не народами и племенами, а военными дружинами, напоминающими по своему характеру отряды наемников эпохи Столетней или Тридцатилетней войны².

В советской исторической литературе вовсе нет специальных исследований о вестготах до их поселения в Галлии и Испании. В общих курсах по истории древнего Рима и средних веков вестготов относят обычно к недифференцированной массе варварских племен, социальное развитие которых характеризуется формулой «разложение родового строя». Однако германские племена существенно отличались друг от друга по уровню развития. Разложение родового строя — это длительная историческая поло-

¹ См. Н. D a n n e n b a u e r, Adel, Burg und Herrschaft bei den Germanen, в сб.: «Herrschaft und Staat im Mittelalter», Darmstadt, 1956; ср. Н. M i t t e i s, Staat des hohen Mittelalters, Weimar, 1959, стр. 9—10.

² См. Н. D a n n e n b a u e r, Die Entstehung Europas, Stuttgart., 1959, стр. 185—186.

са, за время которой и производственные отношения и система управления претерпевают известную эволюцию.

Следует, таким образом, различать этапы процесса разложения первобытнообщинного строя. Эпоха, описанная Тацитом, характеризуется, например, наличием у западных германских племен земледельческой общины, сосредоточением власти в народном собрании, возникновением зачатков знати и королевской власти. У франков же ко времени их поселения в Галлии начинался переход от земледельческой общины к марке, усилилось имущественное расслоение, стал складываться аллод, народное собрание отошло на задний план по сравнению с королевской властью, появились зачатки государства.

Важно поэтому получить представление о конкретной исторической форме общественных отношений, характерных для вестготов в IV в. Для этого нужно исследовать прежде всего их экономические отношения, формы общинных связей, организацию управления.

Вестготы или тервинги из низовьев Вислы во II в. н. э. дошли первоначально до правобережья Днепра³, а затем, продвинувшись на запад⁴, заняли территорию между Днестром и устьем Дуная. В их руках в IV в. находились, следовательно, области нынешней Молдавии, Буковины, восточной Румынии. Во II—III вв. соседями вестготов на востоке были остготы (грейтунги), на юго-востоке и юге — Боспорское царство. В IV в. вестготов и остготов разделял Днестр: на Западе вестготы граничили с римской провинцией Скифией. Таким образом, во II—IV вв. вестготы находились в непосредственном контакте с античными греческими и римскими центрами и испытывали воздействие римской провинциальной культуры. Вестготы жили в тесном общении и с коренным населением территории, на которой они расселились, т. е. с дако-гетскими и сарматскими племенами⁵.

О вестготском производстве в IV в. мы можем судить на основании лингвистических и археологических, а также нарративных источников. Из библии Вульфиллы мы можем получить сведения о готской лексике IV в., а через посредство последней — и о материальной и духовной культуре готов. Использование археологических памятников для изучения вестготской материальной культуры затруднено тем, что еще не выяснен до конца вопрос о роли готских этнических элементов в формировании черняховской культуры, памятники которой в немалом количестве обнаружены в Приднестровье⁶. Однако, по нашему мнению, допустимо использование

³ Iord., *Getica*, 28; *MGH AA*, t. V.

⁴ Продвижение на запад имело место уже в IV в., по мнению одних исследователей, в начале (см. C. D i c u l e s c u, *Die Wandalen und Goten in Ungarn und Rumänien*, Lpz., 1923, стр. 15—16; E. S c h w a r z, *Germanische Stammeskunde*, Heidelberg, 1956, стр. 94), по мнению других, — в 60-х гг. (см. комментарии Е. Ч. Скржинской в кн.: И о р д а н, *О происхождении и деяниях гетов*, М., 1960, стр. 195—196, 280).

⁵ См. Г. Б. Ф е д о р о в, *Население прутско-днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.*, МИА, № 89, 1960, стр. 166—172; Р. В у л п е, *Верхний вал Бессарабии и проблема грейтунгов к западу от Днестра*, «Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики», Кишинев, 1960, стр. 273.

⁶ В настоящее время распространено мнение об этнической разнородности носителей черняховской культуры. Полагают, что в формировании этой культуры участвовали позднескифские, славянские, дако-гетские, сарматские и германские (в том числе и готские) племена. См. Ф е д о р о в, *ук. соч.*, стр. 167—172; ср. М. А. Т и х а н о в а, *О локальных вариантах черняховской культуры*, СА, 1957, № 4, стр. 192—194; Э. А. Р и к м а н, *Раскопки у с. Буденцы*, «Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики», стр. 209—217; Ю. В. К у х а р е н к о, *Могилиник Брест-Тришин*, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г.», М., 1963, см. также сообщение о дискуссии о черняховской культуре в СА, 1957, № 4. Некоторые полагают, что черняховская

материалов черняховских памятников в тех случаях, когда они могут относиться и к вестготам и к другим этническим группам Приднестровья, но соответствуют данным лингвистических и нарративных памятников о вестготах.

В исторической литературе не вызывает сомнений, что вестготы, как и население Приднестровья в целом занимались в IV в. плужным земледелием и скотоводством⁷. Некоторые исследователи полагали, что скотоводство было в IV в. еще главным занятием вестготов⁸. Основанием для такого утверждения служит сообщение Аммиана Марцеллина (XXVII, 5, 7) о том, что прекращение торговли с Римской империей в результате войны в конце 60-х гг. IV в. поставило готов в тяжелое положение: они испытывали нужду в самом необходимом. Отсюда делаем вывод, что собственное земледелие не могло снабдить вестготов нужными продуктами. Но нужда в продовольствии была вызвана, очевидно, военными действиями, опустошением земель (Amm. Marc., XXVII, 5, 3—4). Если бы скотоводство было главным занятием вестготов, то хлеб не мог бы быть для них основным предметом питания. Для античных авторов вестготы — это прежде всего земледельцы. Оставляя под натиском гуннов свою территорию в Поднестровье, вестготы, по словам писателей того времени, искали земель, пригодных для возделывания⁹. Имперские власти, предоставляя готам территорию для поселения, предполагали, что они будут земледельцами¹⁰. Деревни вестготов в IV в. — это поселения оседлых земледельцев¹¹.

О ремесле у готов мы также можем судить на основании археологических и лингвистических данных.

Образцами ювелирного искусства готов в зарубежной литературе принято считать золотые и бронзовые изделия, инкрустированные камнями и стеклом, фибулы с выемчатыми эмальями, лучевые фибулы, найденные в Северном Причерноморье. В советской специальной литературе утвердилось мнение, что так называемая «готская культура» сложилась на юге Восточной Европы еще до появления здесь готов. Фибулы с инкрустациями и лучевые фибулы были заимствованы готами из боспорского ремесла¹². Но готы в IV в. были, по-видимому, уже не только потребителями

культура, или, во всяком случае, ее южный вариант, носит прежде всего готский характер. См. М. И. Артамонов, Славяне и Русь, «Научная сессия ЛГУ 1955—1956 гг. Тезисы докладов секции исторических наук», Л., 1956, стр. 3—6; он же, История хазар, Л., 1962, стр. 47; «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв.», М., 1958, стр. 82 (гл. 1, § 3, Ю. В. Кухаренко).

⁷ См. F. D a h n, Die Könige der Germanen, VI, Lpz, 1885, стр. 14—16; L. S c h m i d t, Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. Die Ostgermanen, Münch., 1941, стр. 246; В. И. Довженко, К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси, сб. «Материалы по истории земледелия СССР», I, М., 1952, стр. 117—121; М. А. Тиханова, Археологические памятники среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э., КСИА АН УССР, вып. 2, 1953, стр. 18; Ф е д о р о в, ук. соч., стр. 104—107.

⁸ См. S c h m i d t, ук. соч., стр. 246; S c h w a r z, ук. соч., стр. 89.

⁹ A m m. M a r c., XXXI, 4, 8; Et primus cum Alavivo suscipitur Fritigernus, quibus... subigendos agros tribui statuerat imperator; cp. XXXI, 3, 8.

¹⁰ C l a u d i u s C l a u d i a n u s, In Eutropium II, v. 194—196, (MGH AA, т. X); Latini Pacati Drepanii panegyricus Theodosio Augusto dictus, XXII, в кн.: «Panegyriques latines», III, P., 1949.

¹¹ Интересно отметить также, что готское слово *ǰaurp*, означающее в ряде германских языков деревню, употреблено в библии Вульфила как термин адекватный «обрабатываемой земле» (Die Gotische Bibel, hrsg. von W. Streitberg, Heidelberg, 1908, Neh., 5, 1). Слово *ǰaurp* в первоначальном своем значении в германских языках — «земля, расчищенная под пашню». См. S. F e i s t, Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache, Leiden, 1939, стр. 492; R. M e r i n g e r, Wörter und Sachen, III, «Indogermanische Forschungen», XVIII, Strassburg, 1905, стр. 215.

¹² См. Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 68—70; «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 132; Е. О. Прушевская, Художественная об-

продукции античных городов и ремесленников местного происхождения, но и сами изготовляли подобные предметы. Готскими по происхождению считают находимые в погребениях черняховской культуры железные подвески-ведерки и янтарные подвески-грибки, которые наиболее распространены на Висле. По-видимому, готскими были и изогнутые змеевидные браслеты и эллипсоидные бляшки, также встречающиеся в черняховских могильниках¹³.

Раскопки готских погребений в Крыму, Румынии, Южной Франции и Испании показали, что металлические фибулы с птичьими головами и другие металлические изделия с инкрустациями из разноцветных камней и стеклом получили широкое распространение у вестготов в IV—VI вв. и были предметами их собственного производства¹⁴. Эти металлические изделия, свидетельствующие о высоком уровне техники обработки металлов, указывают на наличие ремесленного производства.

Как видно из библии Вульфила, в IV в. в готском языке имелись термины готского происхождения для обозначения таких понятий, как «кузнец» (*aizasmīra*), «ковать» (*gasmīron*), «руда» (*aiz*), «железо» (*eisarn*), «серебро» (*silbur*), «золото» (*gulþ*). В гончарном ремесле вестготы также достигли известных успехов. Применение гончарного круга, широко распространенное в это время в Восточной Европе и в частности в Поднестровье, было известно и вестготам. Об этом можно судить по керамическим изделиям, найденным в Молдавии, в Румынской Молдове и в могильниках у Марошсентанна и Марошаагершеле в Трансильвании¹⁵.

Развитие ремесла сказалось на улучшении качества оружия готов¹⁶.

Во II—IV вв. в Поднестровье повсеместно было распространено прядение и ткачество¹⁷. В готском языке имелись специальные термины для обозначения «валяльщика шерсти» (*wullareis*), «шерсти» (*wulla*), «полотна» (*lein*), «кожаных башмаков» (*skohs*), «плаща» (*hakuls, snaga*).

Находясь в тесном общении с римлянами, участвуя в войнах на стороне Рима или против него, готы усвоили многое из римской строительной и военной техники. Известно, что еще в III в. готы усердно занимались кораблестроением¹⁸. Осаждая города, они пользовались осадными маши-

работка металла, в сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, М.—Л., 1955, стр. 350—351. О влиянии скифского и античного искусств на готское см. также N. A b e r g, *Die Franken und Westgoten in der Völkerwanderungszeit*, Uppsala — Lpz, 1922, стр. 21—22; F. B e h n, *Germanische Stammeskulturen der Völkerwanderungszeit*, Münch., 1937, стр. 40.

¹³ «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 82; А р т а м о н о в, История хазар, стр. 47. По мнению А. К. Амброза, готы заимствовали у пруссов или у других племен, населявших низовья Вислы, технику изготовления прогнутых подвязных фибул и распространили их производство во всей области черняховской культуры. См. А. К. А м б р о з, Экономические связи и передвижения народов на юге европейской части СССР I в. до н. э. — IV в. н. э., М., 1964, Автореф. дисс., стр. 15—18.

¹⁴ См. A b e r g, ук. соч.; J. W e r n e r, *Die archäologische Zeugnisse der Goten in Südrussland, Ungarn, Italien und Spanien*, «I Goti in Occidente», Spoleto, 1956, стр. 127—130.

¹⁵ См. I. K o v a c z, *Cimiterie de l'époque de la migrations des peuples a Maroszentanna, «Dolgozatok», III, 1912, № 1; E. B e n n i n g e r, Der westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa*, Lpz, 1931, стр. 102—103. В готском языке имеется термин, обозначающий гончара, — *kasjan*.

¹⁶ Помимо длинного меча (сменившего прежний короткий), готское вооружение включало также дротики, панцири, шлемы, кольчуги, копыя, используемые конными воинами. Копье, кольчуга и шлем были заимствованы готами из сарматско-аланского вооружения. См. F. A l t h e i m, *Niedergang der alten Welt*, Frankfurt am Main, 1952, стр. 114.

¹⁷ См. Ф е д о р о в, ук. соч., стр. 107; Р и к м а н, Раскопки у с. Будешты, стр. 303.

¹⁸ Z o s i m., *Hist. nova*, I, 42. Вероятно, готы использовали для этих работ племенных рабов и местных ремесленников. См. там же, I, 34.

нами¹⁹, хотя обычно старались избегать осады городов (Amm. Marc., XXXI, 15, 15).

На развитии ремесла (отчасти и земледелия) у вестготов сказались общение готов с античными городами Северного Причерноморья, Подунавья, а также захват готами большого количества пленных из различных римских провинций.

Известную роль в хозяйственной жизни готов играла торговля. На Дунае находился ряд торговых пунктов, где обменивались товарами римские купцы и готы. Из Империи готы получали вино, соль, оливковое масло, оружие, одежду, украшения. Продавали готы главным образом рабов, а также скот, кожи²⁰.

На Нижнем Днестре находился город Тира, который, судя по археологическим памятникам, поддерживал оживленные торговые сношения с населением Приднестровья вплоть до 30-х годов III в.²¹

О том, что торговле с Римом вестготы придавали большое значение, свидетельствует то, что в мирный договор между Атанарихом и Валентом в 369 г. включено было специальное условие об эмпориях на Дунае, где готы торговали бы с римлянами²². Через готскую территорию проходили торговые пути, по которым товары из греческих причерноморских городов переправлялись к племенам, жившим к северу от готов²³.

Торговля, которую вели вестготы, были уже не меновой, а денежной²⁴. На вестготской территории III—IV вв. найдено много римских монет²⁵.

О том, что торговые операции не были для готов в IV в. явлением случайным, можно судить по лингвистическим данным. Вульфилла обозначал готскими терминами такие понятия, как «стоимость» (wairþ), «прибыль» (gawaurki), «рынок», «место собрания» (marþl). Из латыни заимствовано было слово каурон («вести торговлю»).

Было бы, разумеется, неверно, преувеличивать значение торговли в хозяйственной жизни вестготов²⁶. Объектами торговли были главным образом рабы и предметы роскоши; охвачен торговлей был преимущественно высший слой готского общества.

Приведенные выше краткие данные об экономике вестготов, в частности о наличии в их общинах людей, занимавшихся ремеслом, об элементах товарно-денежных отношений, свидетельствуют об интенсивном процессе разложения первобытнообщинного строя.

¹⁹ См. De x i p p u s, fgm 20 (FGH, III); A m m. M a r c., XXXI, 16, 7.

²⁰ См. F. A l t h e i m, Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum, Halle (Saale), 1948, стр. 274—275; В. В е л к о в, Сведения о Темистий за Тракия, «Българска Академия на науките. Известия на археологическ. инст.», кн. XIX, 1955, стр. 253; о н ж е, Градът в Тракия и Дакия през късната античност (IV—VI в.), София, 1959, стр. 159—160.

²¹ См. А. Н. З о г р а ф. Монеты Тире, М., 1957, стр. 15—18; Р и к м а н, Раскопки у с. Будешты, стр. 207—217.

²² T h e m i s t i u s, Orationes, Lipsiae, 1832, X, 135 (стр. 161); ср. В е л к о в, Сведения..., стр. 251.

²³ A l t h e i m, ук. соч., стр. 274—277. Некоторые римские ремесленные изделия из восточных центров Империи по Черному морю, а затем по Днестру, Сану и Висле шли до Балтийского моря и затем в скандинавские страны. См. Н. I. E g g e r s, Der gömische Import im freien Germanien. Text, Hamburg, 1951, стр. 62—63.

²⁴ «Деньги» и «монета» обозначались в готском языке термином skatts. Skatts не означает в готском языке «скот», хотя таково первоначальное значение этого слова, сохранившееся в славянских языках и в языке древних фризгов. См. А. Г. П р е о б р а ж е н с к и й, Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1910—1914, стр. 310.

²⁵ В. В. К р о п о т к и н, Клады римских монет на территории СССР, М., 1961, стр. 11—15.

²⁶ По М. Р о с т о в ц е в у, готы создали «исключительно коммерческое и военное государство» (M. R o s t o v t z e f f, Iranians and Greeks in South Russia, Oxf., 1922, стр. 217).

Важен для выяснения уровня общественного развития вестготов в IV в. вопрос о типе общины, существовавшей у готов в это время. В источниках данных по этому вопросу очень мало. Имеются все же некоторые сведения о жизни вестготской деревни в IV в., о характере поселений черняховской культуры в Поднестровье в целом, об отдельных сторонах социальных отношений и в частности об общинном укладе у вестготов в V—VI вв.

Изучение родоплеменной организации готов затрудняется расплывчатостью терминов, которыми источники обозначают различные этнические группы и объединения варваров и внутриплеменные их деления.

Сообщая о готах и других варварах, античные авторы термин *gens*, γένος употребляют обычно в широком смысле, для обозначения всей группы племен, носивших соответствующее наименование²⁷. По отношению же к роду и племени в собственном смысле слова термин *gens* употребляется довольно редко²⁸. Иногда, стараясь отличить роды и родовые группы готов от более крупных их объединений, античные авторы применяют термин *familia*²⁹.

Греческие термины, означающие род (γένος) и племя (φυλή), переводятся Вульфиллой одним словом — *kuni*³⁰. «Родство» обозначается термином *sibja*³¹. Давно уже в литературе обращено внимание на обилие в готском языке слов, производных от указанных этих двух терминов. «Незаконный», «лишившийся мира» — *unsibjis*³², «примириться вновь с братом» — *gasibjon*³³, «соплеменник» — *inkunja*³⁴.

Общинники — родичи и соседи — выступают в качестве людей, связанных обычаем взаимопомощи и круговой порукой. Родственники-соседи несли, видимо, ответственность за преступления, совершенные их родичами³⁵.

В готской судебной практике применялось такое наказание, как лишение мира. Выражение *καταχρηεῖν* переводится в Библии Вульфиллы (II Кор., 7, 3) термином *gawargjan*, этимологически связанными со словом «*vargus*», которое в области поселения вестготов в Галлии в V в. обозначало людей, лишенных мира, живущих разбоем³⁶.

Яркой иллюстрацией духа солидарности и взаимопомощи, царившего в вестготских общинах IV в., служит отношение односельчан к готу-христианину Савве. Когда в стране готов началось преследование христиан, жители деревни попытались спасти Савву. Испытанием лояльности по отношению к языческому культу служило употребление в пищу жертвенного мяса. Общинники предложили Савве съесть под видом такой пищи

²⁷ Ср. E. Norden, *Die germanische Urgeschichte in Tacitus «Germania»*, Lpz — В., 1922, стр. 314—316, 383; С к р ж и н с к а я в кн.: И о р д а н, О происхождении и деяниях гетов, стр. 254.

²⁸ Евнапий (fgm 55) сообщает, что готы переправлялись через Дунай племенами. Иордан и Зосим упоминают о знатных королевских родах готов (I o r d, *Get.* 113, 174; Z o s i m, *Hist. nova*, IV, 25, 34). О племенах вестготов см. также A m m. M a r c., XXXI, 3, 8; O r o s., VII, 28, 8; 34, 7.

²⁹ Иордан, например (*Get.* 42), именует королевские роды Амалов и Балтов *familiae*.

³⁰ *Goth. Bib.*, Mc, 9, 29; M. 11, 16; L. 1, 98 и др.; L. 2, 36; Ph. 3, 5.

³¹ *Goth. Bib.*, G. 4, 5.

³² *Goth. Bib.*, M. 7, 23; Mc. 15, 28.

³³ *Goth. Bib.*, M. 5, 24.

³⁴ *Goth. Bib.*, I Thess. 2, 14. Другие примеры см. D a h n, ук. соч., стр. 24.

³⁵ Этот обычай был отменен в VI в. См. LVis, IV, 1, 8: *nec vicinus pro vicino... nec propincus pro propinquo ullam calumniam pertimescat...*

³⁶ См. A p o l l i n. S i d o n., *Epist.* VI, 4. Ср. J. G r i m m, *Deutsche Recht-salterthümer*, II, В., 1956, стр. 193—194, 334—335; Th. M e l i c h e r, *Der Kampf zwischen Getzes- und Gewohnheitsrechts im Westgotenreiche*, Weimar, 1930, стр. 28—29.

неосвященное мясо³⁷. Когда позднее власти начали розыск христиан в деревнях, земляки Саввы решили принести клятву, что в их деревне нет христиан. Савва запротестовал против этого; тогда жители деревни, укрыв других христиан — своих близких, объявили, что в их деревне имеется лишь один христианин — Савва³⁸. Позднее, когда Савва уже был заключен под стражу, женщина из того дома, где остановились на ночлег Савва и его стража, освободила пленника от оков³⁹.

Родичи самостоятельно преследовали и карали лиц, совершивших преступления против кого-либо из членов рода; в ряде случаев подобная практика допускалась официальным вестготским правом еще в VI—VII вв.⁴⁰ Родственники осуществляли контроль над заключением браков их родичами⁴¹, выступали стражами женской чести⁴², опекали несовершеннолетних⁴³.

Все приведенные выше данные показывают, что у вестготов в IV в. еще сильны были родственные связи. Но этого еще недостаточно для определения типа общины, характерной для вестготов в IV в. О вестготском роде как о хозяйственной единице в источниках упоминаний нет. Термин «род» (*gens, familia*) употреблялся античными авторами, повествовавшими о вестготах, лишь для обозначения происхождения того или иного короля или вождя.

Известное значение для определения характера общинных связей у готов имеют данные о типе готских поселений.

Готская библия знает два типа поселений: *weih*s (деревня) и *burg* (город). Точно так же различает деревню и город житие св. Саввы⁴⁴. Готы жили в деревнях; города, находившиеся в пределах «Готии» — это, очевидно, прежние римские города, сохранившиеся в Дакии после варварского завоевания⁴⁵.

Судя по материалам раскопок, деревни в Поднестровье были неукрепленными пунктами. Эти деревни в ряде случаев состояли из больших домов (площадью в 100—120 кв. м) и малых домов (10—30 кв. м). Большие дома, по мнению Э. А. Рикмана, представляли собой жилища больших семей, а малые дома — выделившихся из них индивидуальных или малых семей⁴⁶. Вполне вероятно, что таков был характер и собственно вестготских деревень, особенно если учесть сходство «большого дома» Приднестровья с *Langhaus* Восточной и Северной Германии⁴⁷.

Черняховские поселения были во многих случаях неоднородными в этническом отношении⁴⁸. Готы вступали в смешанные браки с местным

³⁷ Passio S. Sabae, «*Analecta Bollandiana*», XXXI, 1912, стр. 217, 28—32.

³⁸ Там же, стр. 218, 3—8.

³⁹ Там же, стр. 219, 23—25. Ср. E. A. Thompson, *The Passio S. Sabae and Early Visigothic Society*, «*Historia*», IV, 1955, Heft 2—3, стр. 337—338.

⁴⁰ См. LVis, VI, 1, 2; VI, 5, 12; VII, 3, 3.

⁴¹ См. LVis, III, 1, 1; III, 1, 3.

⁴² См. LVis, XI, 1, 1.

⁴³ См. LVis, IV, 3, 3. См. также Melicher, ук. соч., стр. 216—218.

⁴⁴ Passio S. Sabae, стр. 218, 18—19.

⁴⁵ См. J. Mansi о n, *Les origines du christianisme chez les Gots*, «*Analecta Bollandiana*» XXXIII, 1914, стр. 6. После ухода римлян из Дакии здесь осталась часть сельского и городского населения. См. Althelm, *Niedergang der alten Welt*, стр. 90.

⁴⁶ См. Э. А. Рикман, К вопросу о «больших домах» на селищах Черняховского типа, СЭ, 1962, № 3, стр. 136—137.

⁴⁷ См. F. Vehn, *Die Entstehung des deutschen Bauernhauses*, 1957, стр. 30—31, 56—57; С. А. К а у ф м а н, Раннее германское средневековье в свете археологии, сб. «Средние века», XXII, 1962, стр. 217—218.

⁴⁸ См. Федоров, ук. соч., стр. 89; Рикман, Раскопки у с. Будешты, стр. 209—213; Г. Д а к о н у, К вопросу о культуре Сынтана-Черняхов на территории РНР в свете исследований могильника в Тыргшоре, «*Dacia*», V, 1961, стр. 418—419

населением Приднестровья и романизованным населением Дакии⁴⁹. Наряду с родственными узами приобретают уже значение и соседские связи. Теперь сосед не всегда уже был кровным родственником. В готском языке появляются термины, связанные с понятием соседства: *bisitands*, *gaazna* — сосед; *ga-marko řizai* (граничить). Можно предположить, что для вестготов в IV в. характерно наличие земледельческой общины, которая, как известно, представляла собой первое социальное объединение лиц, не связанных кровными узами⁵⁰. В такой общине основной производственной единицей является большая семья (состоящая из трех поколений)⁵¹. Судя по лингвистическим памятникам, большое место в общественной жизни занимали вопросы наследования имущества⁵², но мы не располагаем данными, достаточными для решения вопроса о порядке передачи по наследству земельных владений.

Возможно, процесс разложения больших семей и выделения индивидуальных семей уже начался, но во всяком случае был еще в начальной стадии. У нас нет оснований полагать, что пахотная земля стала уже собственностью отдельных семей. Известно, что в V в. в Вестготском королевстве в Южной Галлии и Испании уже осуществлялась купля-продажа земли⁵³, но полный аллод, очевидно, и в этот период еще не сформировался. Об этом свидетельствует сохранение в V в. некоторых ограничений для женщин в праве наследования земли⁵⁴.

Важен для исследования общественного строя вестготов также вопрос о структуре готского общества в IV в. Из источников видно, что основную массу вестготов составляли свободные люди, которые присутствовали в народных собраниях, участвовали в военных походах. Свободный человек по-готски — *freis*. Готы в «Мученичестве Саввы» обозначаются просто как *ἐθνικοί* и *κομίτες*⁵⁵. Внешний отличительный признак свободных людей — длинные волосы⁵⁶.

Особый слой населения составляли рабы, по-видимому, важная часть имущества свободных готов. Переселяясь на новые места, готы постоянно вели с собой своих рабов. В военной добыче готов рабы также занимали видное место⁵⁷. Война была главным источником рабства. Но в рабство продавали и свободных людей (*Amm. Marc.*, XXXI, 4, 11). Какие-либо определенные сведения о способах хозяйственного использования рабов в источниках отсутствуют⁵⁸.

⁴⁹ В перечне готских христианских мучеников IV в. встречаются латинские имена. См. *M a n s i o n*, ук. соч., стр. 6. О смешанных браках готов с местным романизованным населением см. *F. A l t h e i m*, *Geschichte der Hunnen*, I, В., 1959, стр. 303.

⁵⁰ Польский археолог Я. Кмецинский предполагает, что у готов уже во II — начале III в. н. э. во время их пребывания на Нижней Висле существовала территориальная община. См. *I. K m i e c i n s k i*, *Problem of the So-Called Gotho-Gepidian Culture in the Light of Recent Research*, «*Archaeologia polona*», IV (1962), стр. 275—276.

⁵¹ Следы таких больших семей мы находим в готских законах V—VI вв. См. *LVis*, IV, 5,5; X, 1, 2; X, 1, 13.

⁵² Имеются готские термины, выражающие такие понятия, как «наследство» (*ar-**bi*), «наследник» (*arbinumja*), «сонаследник» (*gaarbja*), «наследница» (*arbjo*).

⁵³ См. *А. Р. Корсунский*, *О развитии феодальных отношений в готской Испании*, сб. «Средние века», вып. X, 1957, стр. 38.

⁵⁴ *CEur*, 320, ср. *LVis*, IV, 2, 10.

⁵⁵ *Passio S. Sabae*, стр. 218, 4; 9.

⁵⁶ *C l a u d.*, *De bello Goth.*, v. 479: *crinigeri sedere patres...* Ср. *E u n a p.*, fgm 37. Еще в VI в. на вестготских монетах имелось стилизованное изображение мужской головы с длинными волосами. См. *W. R e i n h a r t*, *Die Münzen des westgotischen Reiches von Toledo*, «*Das Jahrbuch für Numismatik*», Jg. 3 und 4, 1940—1941, стр. 88.

⁵⁷ *SHA*, *Claud.*, VI; *A m m. M a r c.*, XXXI, 4, 11; *E u n a p.*, fgm 42; *C l a u d.*, *Bell. Goth.*, v. 616—618; *I o r d.*, *Get.*, 134—135.

⁵⁸ *Ф. Штрейтберг* полагал, что *řius* готской библии — домашний раб, в то время как *skalks* — общее обозначение раба. (См. *S t r e i t b e r g*, *Goth. Bib.*, стр. 149). Но

Мы знаем лишь, что рабов использовали, в частности, при строительных работах (Zosim., Hist. nova, I, 34), в ремесле и в сельском хозяйстве, они выполняли роль стражи при должностных лицах⁵⁹.

Относительно вольноотпущенников в литературных памятниках вовсе данных нет, хотя специальный термин для обозначения вольноотпущенников в готском языке имелся — fralets. По-видимому, институт вольноотпущенничества не получил у готов в это время значительного развития. Рабство у вестготов в IV в. было патриархальным.

Признаки дифференциации заметны и среди свободных. Античные авторы различают в готском обществе простой народ (plebs, humiles) и знатных людей (nobiles, optimates, εἰ ἡγεμονίας)⁶⁰. У нас нет данных о каких-либо различиях в юридическом статусе рядовых свободных и знатных людей. Но из знатных родов избирались короли; представители этих родов возглавляли военные отряды во время войны⁶¹. Из их же среды выделялись послы, которые вели переговоры с другими народами (простые люди — humiles — не вызывали доверия у тех, кто вел с готами переговоры). В качестве заложников готы посылали обычно знатных людей и требовали того же от римлян⁶². Сообщая о захвате варваров в плен, античные авторы отмечали наличие среди них знатных⁶³. В готском языке имелся специальный термин для обозначения понятия «господин» — frauja. Ульфила считал его адекватным греческому слову δεσπότης.

Но в общем у нас нет оснований считать, что уже в IV в. готская знать выделялась из среды свободных людей как юридически оформившийся особый слой населения⁶⁴. Характерно, что еще и в V—VI вв., согласно древним готским законам, основные субъекты права — это свободные готы, т. е. рядовые готские общинники.

О дружинных отношениях у готов в IV — начале V в. имеется мало данных, и некоторые исследователи сомневались в наличии дружин у готских королей⁶⁵. Но античные авторы различают рядовых воинов из народного ополчения (plebs) и особые отряды воинов, именуемых satellites и fideles⁶⁶. Эти отряды играли роль свиты и личной охраны королей и вождей⁶⁷. Они относились к «дому» вождя⁶⁸, получали от него оружие и коня, часть военной добычи (SEur., 310, 311). Но дружинники оставались свободными людьми⁶⁹.

В конце V в. отношения между патронами и их дружинниками уже регулировались официальным готским правом.

достаточные основания для подобного различения не обнаруживаются. Ср. также Feist, ук. соч., стр. 428, 497—498.

⁵⁹ Passio S. Sabae, стр. 220, 2; 6.

⁶⁰ См. Amm. Marc., XXXI, 12, 13—14; 6, 1; Zosim., Hist. nova, V, 36; Iord., Get., 40.

⁶¹ Amm. Marc., XXXI, 3, 6; 15, 13; 6, 1; 7, 7. Ср. Olym p., fgm 9. О том, что знатные у германцев возглавляют военные отряды, писал еще Тацит (Hist., IV, 12). Следует иметь в виду, что не все упоминания источников об оптиматах относятся к родовой знати (см. ниже, стр. 73).

⁶² Amm. Marc., XXXI, 12, 8, Ср. 12, 13—14; Zosim., Hist. nova, V, 36.

⁶³ SHA, Claud., VI (nobiles feminae).

⁶⁴ Характерно, что в готском языке отсутствует специальный термин для обозначения знати. Выражение ἄδραπος τις εὐγενής Вульфила переводит дословно — manna sums godakunds (Goth. Bib., L., 19, 12; Dahp, ук. соч., стр. 23).

⁶⁵ См. Dahp, ук. соч., стр. 48.

⁶⁶ В готских законах V в. употребляется термин sajo готского происхождения и busscellarius — римского происхождения, SEur, 310, 311.

⁶⁷ Amm. Marc., XXXI, 5, 5—6; Iord., Get., 163; Zosim., Hist. nova, IV, 34; Socr., Hist. eccles., V, 10; Ср. Schmid t, ук. соч., стр. 418, 422.

⁶⁸ Olym p., fgm 26, FHG, IV. См. прим. Е. Ч. Скржинской к переводу «Истории» Олимпиодора («ВВ», VIII, 1956, стр. 258, прим. 127, 129).

⁶⁹ SEur, 310: ... in sua potestate consistit.

Наличие дружинников у королей, вождей и знатных людей способствовало росту значения знати в общественной жизни. О положении местного неготского населения в источниках нет данных. Нам известно, однако, что в варварских обществах представители покоренного населения были обычно ограничены в правах сравнительно с завоевателями.

Очень скудны сведения и об имущественных отношениях у готов в рассматриваемый период. В известной мере показателем уровня экономического развития вестготского общества к IV в. служит то, что в готском языке существовали уже такие понятия, как «долг» (*dulgis*), «должник» (*skula*, *dulgiskula*), «кредитор» (*dulgahaitia*), «долговое обязательство» (*wadjabokos*), «залог» (*wadi*), «проценты» (*wokra*)⁷⁰.

По-видимому, для вестготского общества IV в. характерны уже такие явления, как ссуды более зажиточных общинников и знати обедневшим общинникам, взимание процентов, задолженность части рядовых общинников. О наличии среди вестготов людей обедневших свидетельствуют и агиография, и лингвистические памятники. Так, готский христианский мученик Савва описывается как человек, не имеющий ничего, кроме одежды, которую он носит⁷¹. Обедневшие свободные должны были становиться зависимыми людьми, наемными работниками. Знаменательно, что в Библии Вульфилы готскими терминами выражены такие понятия, как «наемный работник» (*asneis*)⁷², «нищий» (*bidagwa*), «просить милостыню» (*beidjan*), «продажная женщина» (*kalkjo*).

Характерно также наличие в готском языке терминов, связанных с собственностью и с посягательством на чужое имущество, таких, как «собственность» (*aign*, *aihts*), «кража» (*riubi*), «воровать» (*stilan*), «воры» (*riufs*). При раскопках селищ Поднепровья найдено немало железных и бронзовых замков и ключей⁷³.

Отражением имущественной дифференциации являются также различия в погребениях, характерные для памятников черняховской культуры, в том числе и тех, происхождение которых наиболее вероятно связано с вестготами⁷⁴.

Важным источником накопления богатств в руках готских королей, вождей и родовой знати были военные походы против римских провинций⁷⁵ и против соседних варварских племен. Готские короли и вожди получали также с начала IV в. жалованье от римского правительства тогда, когда несли Империи службу федератов (*Iord.*, *Get.*, 112, 146). О накоплении значительных сокровищ королями и знатью свидетельствуют клады, найденные на той территории, которую вестготы занимали в IV в. до переселения в римские владения⁷⁶. Аларих за подготовку к несостояв-

⁷⁰ В V в. вестготское обычное право уже устанавливает максимальный размер взимаемых процентов при ссудах деньгами и натурой (см. *SEur.*, 281, 285, 296).

⁷¹ *Passio S. Sabae*, стр. 218, 11—14. Бедняк по-готски — *unleĳs* (*Goth. Bib.*, L., 6, 20; 16, 20 и др.).

⁷² *Asneis* употреблено для перевода греческого слова *μισθωτός* (*Goth. Bib.*, J., 9, 12).

⁷³ См. Тиханова, О локальных вариантах черняховской культуры, стр. 184; Рикман, Раскопки у с. Будешты, стр. 216.

⁷⁴ См. Тиханова, ук. соч., стр. 188.

⁷⁵ См. А. М. Ремеников, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н. э., М., 1954, стр. 145—146.

⁷⁶ Правда, в большинстве случаев нельзя установить, к вестготам или к другим племенам относятся клады, обнаруженные в Поднепровье. Обычно с Атанарихом связывают клад из Петроассы, в котором среди золотых сосудов и различных украшений имеется кольцо с рунической надписью, содержащее слово *gutani*. См. *O d o b e s c u*, *Le trésor de Pétroassa*, Lpz, 1899—1900; *D i c u l e s c u*, ук. соч., стр. 44—46. Другой подобный клад, также принадлежавший, как предполагают, некоему готскому королю или вождю, был найден в Трансильвании. Этот клад содержал золотые кольца, медальо-

шемуся походу на Иллирик желал получить от римского правительства 4 тыс. фунтов золота ⁷⁷. Позднее, осадив Рим, он потребовал сначала выдать все золото и серебро, находившееся в городе, а затем снизил выкуп до 5 тыс. фунтов золота, 30 тыс. фунтов серебра, 4 тыс. штук шелковых и 3 тыс. штук пурпуровых одежд и 3 тыс. фунтов перца (Zosim., V, 40; 48).

Имущественное благосостояние считалось у готов в IV в. неизменным условием значительного социального веса. Неимущие рассматривались как люди, которые не могут играть сколько-нибудь важную роль в общественной жизни. Так, во время преследования христиан у вестготов, король (или старейшина, архонт) Атарид, узнав о том, что в деревне имеется христианин Савва, прежде всего осведомляется о его имущественном положении. Узнав, что у Саввы нет никакого имущества, кроме одежды, Атарид заявляет, что такой человек не может ни повредить, ни быть полезным ⁷⁸. Атарид вначале даже не считает нужным подвергнуть Савву репрессиям и ограничивается тем, что велит изгнать его из собрания ⁷⁹.

Данным об имущественной дифференциации и ее роли в общественной жизни не следует придавать чрезмерное значение. У нас нет оснований предполагать, что обедневшие свободные люди представляли собой уже значительный слой среди свободных готов. Об этом говорит тот факт, что еще в V в. рядовые свободные готы участвуют в народном собрании, составляют основной контингент готского войска, являются основными носителями норм права.

Вместе с тем имущественная дифференциация и зачатки социального расслоения — это признаки такой стадии разложения родоплеменного строя, которая непосредственно предшествует процессу классовообразования.

* * *

Вопрос о готском «государстве», о королевской власти и военных вождях, о роли знати и рядовых свободных людей в управлении уже более столетия является объектом полемики в специальной литературе.

Известный немецкий историк Г. Зибель считал, что для вестготского общества IV в. характерны черты родоплеменной системы управления. Он полагал, что если в I в. у готов была наследственная королевская власть, то в результате переселения в Причерноморье у них вновь усилились и стали самостоятельными «князья сотен» и старейшины; одним из таких вождей был Атанарих ⁸⁰.

По мнению Л. Шмидта, решающую роль в управлении у вестготов играли еще народные собрания. Институт королевской власти был чужд вестготам вплоть до начала V в. Аларих был таким же военным вождем (герцогом), как и Атанарих и Фритигерн ⁸¹.

Иную точку зрения высказывал Ф. Дан, видевший в готской организации управления «государство». У готов, по его мнению, существовали «округа-государства», хотя сохранилось еще в значительной мере народоправство. Но решающую роль в готских «государствах» играли короли. Так, Атанариху принадлежала уже высшая военная и судебная власть;

ны, фибулы и другие украшения римской и готской работы (см. F. P u l s z k y, Die Goldfunde von Szilágy-Somlyo, Budapest, 1890; J. de B a y e, La trésor de Szilágy-Somlyo, P., 1892).

⁷⁷ O l y m p., fgm 5; Z o s i m., Hist. nova, V, 29.

⁷⁸ Passio S. Sabae, стр. 218, 11—14.

⁷⁹ Там же, стр. 218, 14—15.

⁸⁰ H. S y b e l, Entstehung des deutschen Königthums, Frankfurt am Main, 1881, стр. 175—179.

⁸¹ См. S c h m i d t, ук. соч., стр. 425—427. Ср. «Historia de España», III. España visigoda, Madrid, 1940, стр. 49.

он назначал своих чиновников, руководил финансовыми делами, в его компетенции были вопросы культа⁸². Правда, Атанарих возглавлял еще не всех вестготов и поэтому не может быть еще назван королем. Аларих же стал королем⁸³.

Английский историк Э. А. Томпсон, отмечая наличие племенного устройства у вестготов в IV в., в то же время придает большое значение совету племени⁸⁴. По мнению ряда историков ФРГ, как уже отмечалось выше, решающая роль в управлении у варварских германских племен принадлежала представителям знатных родов.

Исследование указанной проблемы затруднено скудностью источников и тем, что античные авторы — наш главный источник, нередко пользуются при описании общественного устройства готов расплывчатой неустойчивой терминологией.

Территория, которую готы занимали в IV в., обозначалась античными авторами как «Готия»⁸⁵. Но уже с III в. источники различали вестготов — тервингов и остготов — грейтунгов⁸⁶. В IV в. у античных авторов и у самих готов существовало уже представление об общности происхождения всех готских племен. Можно заметить, что греческие и римские авторы в ряде случаев рассматривают племена вестготов как нечто целостное, как этническое единство, обозначая его различными терминами: *patio*⁸⁷, *ἔθνος*⁸⁸, *populus*⁸⁹. При всей неустойчивости этих обозначений применение их по отношению к совокупности вестготских племен знаменательно. Важно также отметить, что в готском языке в IV в. имелись, наряду с понятиями «род» и «племя», и более широкие понятия — «народ», «народ готов»⁹⁰. Из племенных диалектов складывался уже общий готский язык⁹¹. Но прочного единства и общего управления у вестготских племен не было. Атанарих характеризуется источниками как король не всех вестготов, а определенного племени или нескольких племен⁹². Часть вестготов в 70-х гг. IV в. возглавлял Фритигерн, боровшийся против Атанариха⁹³. В некоторых случаях, например при подготовке к походу против Римской империи, к борьбе против гуннов, племена вестготов объединялись⁹⁴.

⁸² См. D a h n, ук. соч., стр. 3, 12, 31—37.

⁸³ Там же, стр. 48.

⁸⁴ T h o m p s o n, ук. соч., стр. 331. Нужно отметить, что Э. А. Томпсон шире, чем ее предшественники по изучению истории вестготов, привлекла для исследования готского общества важный источник «Мученичество св. Саввы».

⁸⁵ S H A, Maxim, I, 4; A m m. M a r c., XXX, 2, 8; G o r o s., I, 2, 52; Passio S. Sabae, стр. 216, 21; 30; I o r d., Get., 67, 74.

⁸⁶ S H A, Claud. 18, 62; Paneg. latini, III, 17; A m m. M a r c., XXXI, 5, 1; 8; I o r d., Get., 82, 131; 138. О происхождении терминов «тервинги» и «грейтунги» см. A l t h e i m, Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum, I, Halle — Saale, 1948, стр. 181, прим. 6; R o s e n f e l d, ук. соч., стр. 246—247.

⁸⁷ A m m. M a r c., XXXI, 5, 8; Theruingorum natio omnis. Cp. I o r d., Get. 133.

⁸⁸ E u n a p., fgm 55; S o z o m., Hist. eccles., VI, 37.

⁸⁹ A m m. M a r c., XXXI, 3, 8; cp. L V i s, VII, 3, 3.

⁹⁰ Þiuda—Goth. Bib. J., 18, 35; L., 7, 5; Gutþiuda — «Der gotische Kalender» в кн.: S t r e i t b e r g, Goth. Bib., стр. 472.

⁹¹ I o r d., Get., 133: ... omnemque ubique linguae huius nationem ad culturam huius sectae (арианства.— A. K.) invitaverunt. Cp. T h e o d o r., Hist. eccles., V, 4, 30; A u x e n t i u s в кн.: S t r e i t b e r g, Goth. Bib., стр. XVII; S o c r., Hist. eccles., IV, 33; I s i d., Hist. Goth., 6.

⁹² Z o s i m., Hist. nova, IV, 34. Cp. A m m. M a r c., XXVII, 5, 6: Athanaricum iudicem potentissimum...

⁹³ S o c r a t., Hist. eccles., IV, 3, 3; M i g n e, PG, t. 67; S o z o m., Hist. eccles., VI, 37; I s i d o r., Hist. Goth., c. 7 (MGH AA, XI, pars 1).

⁹⁴ A m m. M a r c., XXXI, 6, 11: ... docebatur relationibus ducum, gentem Gothorum ... conspirantem in unum, ad pervadenda parari conlimitia Thraciarum..., XXXI, 5, 8: ... urebatur de dimicandi studio Theruingorum natio omnis.

После нападения гуннов на готов часть вестготов ушла с Атанарихом в область у подножья Карпат, многие же готы под руководством различных вождей (Фритигерна, Алавива, Фарнобия и др.) перешли на римскую территорию. Во время восстания против римлян во Фракии вестготские племена на время объединились против Империи. Но уже в 382 г. император Феодосий, заключая с ними мир, вел переговоры с королями и вождями различных племен⁹⁵.

Таким образом, объединение вестготских племен не было еще достаточно стабильно. Но оно оказалось более прочным, чем союзы племен, возникавшие у германцев лишь в связи с переселением на новые земли (например при Ариовисте), или недолговечные объединения Маробода и Арминия⁹⁶. Состав вестготского союза племен не был постоянным; временно единство исчезало, но всякий раз вскоре восстанавливалось. Постепенное упрочение вестготского союза племен объяснялось не только военными нуждами, но и уровнем внутреннего развития вестготского общества, прежде всего социальной дифференциацией, заинтересованностью знати в создании обширного племенного союза.

Организации управления вестготов присущи явно выраженные черты племенного устройства. Источники в ряде случаев упоминают готских племенных старейшин, которые обозначаются как ἡγεμόνες φυλῶν⁹⁷, primates (Iord., Get., 134), optimates (Amm. Marc., XXXI, 6, 1).

Описывая переход вестготов через Дунай, Эвнаний отмечает, что они переправлялись племенами; каждое племя имело с собой свои святыни и священнослужителей (Eunap., fgm 55). Во главе племен и союзов племен стояли должностные лица, которых античные авторы именуют королями. Еще в то время, когда готы находились на Нижней Висле, у них уже имелись, по Тациту, короли, власть которых была более прочной, чем королей других германских племен⁹⁸. Согласно Иордану, вестготы и в начале IV в. возглавлялись королями. При императоре Константине короли (reges) вестготов Ариарих и Аорих с их отрядами служили Риму в качестве федератов⁹⁹. В битве при Хрисополе на стороне Лициния сражался готский отряд под командованием вождя из королевского рода (regalis) Алики¹⁰⁰.

Позднее король вестготов Геберих успешно воевал против вандалов (Iord, Get., 112—115). В готской библии есть несколько терминов, обозначающих представителей власти. Наиболее адекватным выражением греческого слова βασιλεύς Вульфилла считал готский термин riudans¹⁰¹. Ниже стояли по готской библии kindins, соответствующий греческому ἡγεμόν и reiks (ἄρχων)¹⁰².

Естественно было бы предположить, что βασιλεύς, riudans — это король, а reiks, kindins — ἄρχων, ἡγεμόν — старейшина или вождь¹⁰³.

⁹⁵ Th e m i s t., Oratio X, стр. 158, 24; O r o s., VII, 34, 7: ... Universae Gothorum gentes ... Romano sese imperio dederunt. После заключения мира ко двору Феодосия, как сообщает Зосим, были приглашены вожди готских племен (Z o s i m., Hist. nova, IV, 56).

⁹⁶ См. А. И. Н е у с ы х и н, Военные союзы германских племен около начала н. э., «Институт истории РАН ИОН. Уч. зап.», III, 1929.

⁹⁷ E u n a p., fgm 60; Z o s i m., Hist. nova, IV, 56.

⁹⁸ T a c., Germ., 44. Ср. Z o s i m., Hist. nova, IV, 56.

⁹⁹ I o r d., Get., 112. Ср. CIL, 6159 (ВДИ, 1949, № 3, стр. 269): cum rege Ariarico victis superatisque Gothis. Известно также, что Ариарих дал римлянам в заложники своего сына. См. Origo Costantini Imperatoris sive Anonymi Valesiani pars prior, VI, 31 (MGH AA, т. IX, pars 1).

¹⁰⁰ Origo Constantini Imperatoris, V, 27.

¹⁰¹ Goth. Bib., M., 5, 35; 11, 25; 40; 27, 11.

¹⁰² Ibid., M., 9, 18; J., 12, 31; 16, 11; см. D a h n, ук. соч., стр. 7—11.

¹⁰³ Goth. Bib., M., 21, 11; 14, 15; L., 20, 120 и пр.

Но одних и тех же предводителей вестготов античные авторы обозначают разными терминами. Так, например, Атанарих, возглавлявший значительную часть вестготов во второй половине IV в., именуется *rex*¹⁰⁴, βασιλεύς¹⁰⁵, ἀρχηγός¹⁰⁶, iudex¹⁰⁷, δικαστής¹⁰⁸, ἀρχων¹⁰⁹. Соперника Атанариха в борьбе за власть Фритигерна источники именуют также по-разному: *rex*¹¹⁰, *regulus*¹¹¹, *dux*¹¹², *primas*¹¹³. Это же относится и к другим вестготским вождям, возглавлявшим отдельные племена или дружины вестготов в IV в. и в начале V в.¹¹⁴.

Разные термины в приложении к одному лицу мы находим у одних и тех же авторов. Так, Фемистий именует Атанариха и судьей и басилевсом¹¹⁵, Фритигерн у Иордана вождь (*dux*), *primas* и *regulus* (см. выше прим. 111—113).

Знаменательно, что и Алариха, чья власть заметно упрочилась по сравнению с его предшественниками, античные авторы называют столь же разнообразными терминами, как и Атанариха и других вестготских вождей¹¹⁶. Пестрота терминов, прилагавшихся античными авторами к вестготским должностным лицам, вызвана не только недостаточной осведомленностью этих писателей об организации управления у вестготов. Очевидно, и у самих готов отсутствовало еще четкое разграничение между различными органами управления и институтами. У некоторых племен еще сохранялась власть старейшин, у других утвердилась королевская власть. Зосим пишет, что Атанарих возглавлял то племя, которое управлялось королями¹¹⁷.

Что касается дуализма королевской и герцогской власти, характерного, по мнению ряда исследователей, для древних германцев, то источ-

¹⁰⁴ Chronica Gallica, 497 (MGH AA, t. IX); Prosper Tiro, 1140; Oros., VII, 32, 9; Iord., Get., 142.

¹⁰⁵ Eunap., fgm 37; Themist., Orat., X, стр. 158, 24.

¹⁰⁶ Socrat., Hist. eccles., V, 10.

¹⁰⁷ Amm. Marc., XXVII, 5, 6; XXXI, 3, 4; Auxentius в кн.: Streitberg, Goth. Bib., S. XVII.

¹⁰⁸ Themist., Orat., X, стр. 160, 26.

¹⁰⁹ Zosim., Hist. nova, IV, 34, 3.

¹¹⁰ Amm. Marc., XXXI, 6, 5; Isid., Hist. Got., 13.

¹¹¹ Iord., Get., 135.

¹¹² Там же, 134: ... primates eorum et duces, qui regum vice illis praeerant, id est Fritigernus, Alatheus et Safrac....

¹¹³ Там же; ср. Dahn, ук. соч., стр. 3—4.

¹¹⁴ Так, например, Вингуриха, который преследовал христиан и сжег 26 готских мучеников, именуется в одном случае басилевсом, в другом — архонтом (см. H. Acheilis, Der älteste deutsche Kalender, «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums», 1900, Giessen, стр. 318, 6—7; 319, 24). Гаата, жена короля (или вождя) вестготов, склонившаяся к христианству, именуется и царицей (βασιλίσα), и женой архонта (см. H. Delehaye, Saints de Thrace et de Mesie, «Analecta Bollandiana», XXXI, P., 1912, стр. 279, 281). Атарид, преследовавший христиан в 70-х гг., именуется архонтом (Passio S. Sabae, стр. 218, 10). Некий вождь, который возглавлял часть готов в IV в. и имел дружину, а позднее был убит Атаульфом, назван у Олимпиодора риксом (Olym p., fgm 26). Точно так же именуется противник Алариха готский вождь (Cap. Marcellini Comitibus Chronicon, a. 409; MGH AA, t. XI, pars 1).

¹¹⁵ См. выше, прим. 105, 108. Фемистий отмечает, что во время переговоров о мире между вестготами и Валентом в 369 г. Атанарих не захотел, чтобы римляне называли его басилевсом и сказал, что он довольствуется именем «судьи» (Themist., Orat., X, стр. 160, 26: τοῦ βασιλέως ἐπανομίαν ἀπαξιοῖ, τὴν τοῦ δικαστοῦ δὲ ἀγαπᾷ). По-видимому, речь идет о риторическом приеме автора, старавшегося показать смирение предводителя варваров перед римским императором.

¹¹⁶ *rex*, *dux*, φύλαρχος. См. Schmid t, ук. соч., стр. 426. Еще в VI в. Прокопий, сообщая, что Теодорих именовался риксом (ρήξ), отмечал, что варвары так именуют своих начальников (ἡγεμόνας). Procopius, De bello Gothico, I, 1.

¹¹⁷ Zosim., Hist. nova, IV, 34: τὸ βασιλείου τῶν Σκοθῶν ἀρχοντα γένους. См. Dahn, ук. соч., стр. 11, ср. Schmid t, ук. соч., стр. 244.

ники не дают возможности установить его наличие у вестготов в рассматриваемый период¹¹⁸.

По мнению ряда историков, власть вестготского короля в IV в., в частности Атанариха, не отличалась существенно от власти германских вождей и королей, охарактеризованной Тацитом¹¹⁹. Э. А. Томпсон полагает, что вестготский *iudex* мог, как и тацитовский король, только советовать, реальная же власть принадлежала совету племенного союза, состоявшему из вождей племен, именуемых в «Мученичестве св. Саввы» *μεγιστῶνες*¹²⁰.

Рассмотрим данные источников относительно полномочий и деятельности должностных лиц у вестготов.

Атанарих выступает как военачальник. В его ведении подготовка к военным действиям перед началом войны, он сооружает укрепления (Аmm. Marc., XXXI, 3, 4; 5; 7), ставит боевую задачу командирам отдельных отрядов (там же, 3, 5), посылает войска за пределы «Готии» для вмешательства в междоусобную борьбу в Римской империи¹²¹. Атанарих обладает судебными полномочиями, характер которых не вполне ясен. Мы не знаем, как разграничивался суд короля и суд, который осуществлялся в местных судебных собраниях. Возможно в королевском суде рассматривались наиболее важные преступления, касавшиеся всего племени, вопросов культа. Суд над готами-христианами происходил в ряде случаев под руководством Атанариха (Sozom., Hist. eccles., VI, 37). Характерно также обозначение Атанариха античными авторами как судьи¹²². Осуществляя суд, король уже не только являлся председателем судебного собрания, но самостоятельно решал дела (Sozom., Hist. eccles., VI, 37).

Королю принадлежит руководство внешними сношениями¹²³. Он играет важнейшую роль в религиозной жизни племени. Атанарих отстаивает древнюю религию вестготов и организует преследование христиан¹²⁴, тогда как Фритигерн решает принять христианство¹²⁵.

О материальных ресурсах королевской власти определенных данных нет. Можно предположить, что, подобно королям времен Тацита, вестготские короли получали дары от соплеменников и дань от местного покоренного населения¹²⁶, а также часть судебных штрафов. Вероятно, коро-

¹¹⁸ А. Стендер-Петерсен предполагал, что отражением дуализма королевской и герцогской власти у вестготов служит различие в готском языке понятий *riudanassus* и *drauhtinassus*. Первое означало «правление», «царствование» (*ἡγεμονία, βασιλεία*), второе — «военный поход» (*στρατιά*). В древние времена у готов наряду с термином *riudan* («народный король») имелся термин *drauhtinon* — военный вождь, герцог. См. A. Stender-Petersen, *Slawisch-germanische Lehnwortkunde*, Göteborg, 1927, стр. 198. Cp. W. Schlesiinger, *Über germanisches Heerkönigtum*, сб. «Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen», Lindau — Konstanz, 1956, стр. 130. Но, как отметил Я. де Фрис, знаменательно, что термин, обозначавший герцогскую власть, исчез из языка вестготов еще до IV в. Очевидно, в этот период для самостоятельной герцогской власти рядом с королевской уже не оставалось места. См. J. de Vries, *Das Königtum bei den Germanen*, «Saeculum», Bd. 7 (1956), 3, стр. 305.

¹¹⁹ См. S u b e l, ук. соч., стр. 227; D a h n, ук. соч., стр. 28—29.

¹²⁰ T h o m p s o n, ук. соч., стр. 331.

¹²¹ E u n a p., fgm 37; A m m. M a r c., XXVII, 5, 7; Z o s i m., Hist. nova, IV, 7, 2.

¹²² A m m. M a r c., XXVII, 5, 7; Z o s i m., Hist. nova, IV, 10; E u n a p., fgm 37.

¹²³ Это не значит, что король единолично решал вопросы войны и мира и другие важнейшие вопросы внешней политики. См. ниже, стр. 70—71.

¹²⁴ O r o s., VII, 32, 9; H i e r o n., Chronicon, 37; S o z o m., Hist. eccles., VI, 37; I s i d., Hist. Goth., 6.

¹²⁵ S o c r a t., Hist. eccles., IV, 33; S o z o m., Hist. eccles., VI, 37; T h e o d., Hist. eccles., IV, 33.

¹²⁶ «Налог» (греч. φόρος) обозначается в готской библии термином *gabaur*, *gild*. На территории, занятой вестготами, находились, как отмечалось выше, прежние античные города. Вполне возможно, что готы взымали с населения этих городов и вообще

ли могли распоряжаться тем жалованьем, которое Римская империя выплачивала готам как федератам¹²⁷. В руках королей сосредоточивались, очевидно, значительные сокровища. Короли имели в своем распоряжении дружины. Королями становились обычно представители наиболее знатных родов, заметны уже зачатки наследственности королевской власти. Так, Атанарих был сыном вестготского короля (или вождя), который пользовался значительным влиянием, римский император поставил в его честь конную статую¹²⁸.

Атарид был сыном короля Ротестея¹²⁹. Аларих происходил из рода Балтов, второго по знатности, согласно Иордану (*Get.*, 42), среди всех готских племен.

Власть королей, судя по некоторым сообщениям источников, вышла уже за те рамки, которыми она была ограничена, согласно описанию Тацита. Имеются упоминания о применении королями принудительной власти к свободным людям и ограничении прав последних. Так, Атанарих, привлекая готов-христиан к суду, некоторых из них казнит, не дав ничего сказать в свою защиту (*Sozom.*, *Hist. eccles.*, VI, 37). Атарид, разыскивая христиан, является в деревню Саввы с большим отрядом вооруженных людей¹³⁰. Он заковывает, пытается и велит казнить Савву — свободного человека¹³¹.

Существовал особый способ захоронения королей и вождей, как видно из описания похорон Алариха у Иордана¹³². Короли были героями эпических сказаний; готы считали предков королевских родов не простыми людьми, а «героями» и «полубогами» — «ансами»¹³³. Таким образом, нет оснований думать, что вестготские короли в IV в. это лишь военачальники, которые в мирное время не играют существенной роли в общественном управлении. Их власти присущи уже зачатки публичной власти, стоящей над народом. Но было бы неправильно преувеличивать значение королевской власти у готов в этот период. Ряд данных свидетельствует о том, что она была еще в значительной мере ограничена институтами и обычаями родоплеменного строя. Это относится прежде всего к сфере действия королевской власти, которая до 395 г., как уже отмечено, распространялась на племя или несколько племен, но не на всех вестготов.

Королевская власть не была еще в достаточной мере стабильной. Королей избирали (преимущественно из определенных знатных родов). Участие в избрании королей принадлежало не только знати, но и всем свободным готам. Когда готские племена, возглавленные Атанарихом, после вторжения гуннов стали испытывать недостаток в продовольствии и нужду, большая часть их оставила своего короля (*Amm. Marc.*, XXXI, 3, 8). Очевидно они перешли к Фритигерну и другим готским королям и вождям, которые договорились с Империей о поселении на римской террито-

с местного иноплеменного населения дань, как они сделали это несколько позднее во Фракии (см. *E u n a p.*, fgm 43; *Z o s i m.*, *Hist. nova*, IV, 31).

¹²⁷ *I o r d.*, *Get.*, 112; *A m m. M a r c.*, XXVII, 5, 1.

¹²⁸ *T h e m i s t.*, *Orat.* XVI, 19, стр. 234.

¹²⁹ *Passio S. Sabae*, стр. 219, 2—3. Мнение Ф. Дана о том, что Атанарих идентичен с Атаридом, позднее было отвергнуто (см. *S c h m i d t.*, ук. соч., стр. 247; *D i c u l e s c u.*, ук. соч., стр. 38).

¹³⁰ *Passio S. Sabae*, стр. 219, 2—4; 220, 6.

¹³¹ *Passio S. Sabae*, стр. 219, 27—28; 220, 16. Ср. *T a c.*, *Germ.*, 7: *ceterum neque animadvertere neque vincire, ne verberare quidem nisi sacerdotibus permissum est....*

¹³² *I o r d.*, *Get.*, 158. Ср. *Л. А. М а ц у л е в и ч*, Погребение варварского князя в Восточной Европе, М.—Л., 1934.

¹³³ *I o r d.*, *Get.*, 78: *.. iam proceres suos, quorum quasi fortuna vincebant, non puros homines, sed semideos, id est Ansis vocaverunt.*

рии. Общей массой вестготов избраны были в короли позднее и Аларих ¹³⁴, и ряд его преемников ¹³⁵.

О недостаточной еще устойчивости королевской власти свидетельствуют упоминания источников о борьбе, которую королям приходилось вести против родовой знати. Известно, что Атанарих в результате выступления против него группы его соплеменников был изгнан из той территории, которую он занял у подножья Карпат ¹³⁶. Король Атаульф, преемник Алариха, стал жертвой заговора, организованного враждебной ему племенной знатью ¹³⁷. После него королем стал Сигрейх, брат Сара, убитого на несколько лет раньше Атаульфом (Olymp., fgm 3, 17). Но и Сигрейха постигла та же участь: он пал жертвой заговора знати ¹³⁸. После него королем был избран Валия ¹³⁹.

Полномочия короля не были столь обширны, как утверждал Ф. Дан. Нет оснований полагать, что уже в IV в. у готов существовал административный аппарат — чиновники, назначаемые королем ¹⁴⁰. Источники говорят лишь о том, что король во время войны отдавал распоряжения командирам отрядов, но не содержат упоминаний о постоянных королевских агентах в мирное время.

Власть короля нередко ограничивают еще народные собрания. Даже во время военных действий короли и вожди не всегда были в состоянии определять тактику готского войска и поддерживать элементарную воинскую дисциплину. Фритигерн, ведя накануне битвы при Адрианополе переговоры с Валентом, сообщал, что он якобы не в состоянии справиться со своим народом ¹⁴¹.

После поражения Валента готы предприняли, вопреки советам Фритигерна, осаду Адрианополя, о чем вскоре пожалели, так как понесли потери (Amm. Marc., XXXI, 15, 15). Позднее по решению самих же воинов предпринято было нападение на Перинф (там же, 16, 1). Распоряжения, которые отдает Фритигерн своим воинам, это не приказания, а скорее советы, которые выполняются после того, как они одобряются войском ¹⁴².

Усиление королевской власти у вестготов отражает процесс возникновения имущественной дифференциации, о котором говорилось выше. Необходимость организовать господство над покоренным местным населением в свою очередь способствовала укреплению власти королей. Таким образом, с одной стороны, король постепенно становится представителем публичной власти, стоящей над народом, с другой стороны, королевской власти свойственны еще черты органа управления родоплеменного строя. Королевская власть еще не отстранила рядовых свободных общинников от участия в управлении, как произошло позднее в раннефеодаль-

¹³⁴ Iord., Get., 146; Isid., Hist. Goth., 12.

¹³⁵ См. Mellicher, ук. соч., стр. 267.

¹³⁶ Amm. Marc., XXXI, 5, 10: ... Athanaricus proximorum factione genitalibus terris expulsus...

¹³⁷ Gros., VII, 43, 8: .. dolo suorum ut fertur occisus est. Cp. Olymp., fgm 26; Iord., Get., 163.

¹³⁸ Gros., VII, 43, 9; Olymp., fgm 26; Iord., Get., 163: ...et ipse suorum fraude peremptus.

¹³⁹ Gros., VII, 43, 10; Iord., Get., 164.

¹⁴⁰ См. Dahn, ук. соч., стр. 34—36.

¹⁴¹ Amm. Marc., XXXI, 12, 9: ... se popularium saevitiam mollire non posse. Если это и было, как предполагает Аммиан, тактическим ходом Фритигерна, то заявление последнего во всяком случае основывалось на ситуации, которая не должна была казаться римлянам несоответствующей готским обычаям.

¹⁴² Amm. Marc., XXXI, 6, 4, 5: ... abire negotio imperfecto suasit... Laudato regis consilio... per Thraciarum latus omnes dispersi... См. Mellicher, ук. соч., стр. 267.

ном вестготском государстве. Это подтверждают также некоторые данные о роли народных собраний в управлении и о военной системе.

Судя по некоторым косвенным данным, народные собрания у вестготов созывались не только в IV в., но и вплоть до второй половины V в. Важнейшие дела, касавшиеся всего племени, вопросы переселения, войны и мира, избрания королей решались собранием племени. Так, например, переселение во Фракию было предпринято по общему решению¹⁴³.

В середине V в. на народном собрании вестготы приняли решение сохранить мир с Римской империей¹⁴⁴. В 451 г. войны на поле боя избирают королем Торисмунда (Iord., Get., 215). На собраниях готы в соответствии с древними традициями имели оружие в руках¹⁴⁵. В ряде случаев, особенно во время военных действий, состав собрания суживался до знати и наиболее заслуженных воинов¹⁴⁶.

Сведения источников о собраниях, которые происходили в сельских общинах, также отрывочны. Из «Мученичества св. Саввы» видно, что важнейшие дела общины решались на собрании (συῦδριον), где присутствовали все общинники. Здесь обсуждается вопрос о христианах, находящихся в деревне¹⁴⁷, здесь, очевидно, осуществляется и суд¹⁴⁸ — общинники дают свидетельские показания¹⁴⁹. Собрание может принять решение об изгнании свободного человека и о возвращении его в общину¹⁵⁰. Выступающий в собрании выходил на середину¹⁵¹. Насколько можно судить по имеющимся у нас данным о совместных действиях соседей в готской деревне в более поздний период, общинники регулировали порядок землепользования и решали другие вопросы внутренней жизни деревни¹⁵².

Отношения между центральными органами власти и местным управлением не вполне ясны. Атарид, являющийся в деревню для розыска христиан, напоминает одного из тех принцевов Тацита (Germ., 12), которые творили суд по округам и деревням. Но, судя по «Мученичеству св. Саввы», роль самой деревенской общины оказывается в подобных случаях весьма незначительной. Атарид расследует дело, выносит решение, а участие членов общины ограничивается свидетельскими показаниями, принесением присяги. Правда, пассивная роль деревенской общины, может быть, объясняется в данном случае тем, что рассматривалось дело, относившееся к компетенции не низшего суда, а какой-то высшей инстанции. По мнению Э. Томпсон, в деревне существовал общинный совет.

План спасения Саввы от кары за его религиозные воззрения составляет сначала группа сельчан, а затем этот план обсуждают все жители

¹⁴³ A m m. M a r c., XXXI, 3, 8: .. hocque idem residui velut mente cogitare communi; I o r d., Get., 131; ... diuque cogitantes tandem communi placito legatos in Romaniam direxerunt ad Valentem imperatorem....

¹⁴⁴ A p o l l i n. S i d o n., Carm. VII, 486—488.

¹⁴⁵ H y d a t i i L e m i c i Continuatio chonicorum Hyeronimianorum, 243 (MGH AA, t. XI, pars 1).

¹⁴⁶ C l a u d., De bello Goth., v. 480 sq.: ...consultare iubet bellis annisque verendos. Crinigeri sedere patres, pellita Getarum curia, quos plagis decorat numerosa cicatrix et tremulos regit hasta gradus et nititur altis pro baculo contis non exarmata senectus; A p o l l i n. S i d o n., Carm. VII, 452 sq.:... postquam in consilium seniorum venit honorata pauperies.

¹⁴⁷ Passio S. Sabae, стр. 217—218.

¹⁴⁸ Характерно, что готский термин *gaqum]os* (собрание) употребляется в библии Ульфилы и для перевода греческого слова *συῦδριον*, употребленного в значении судебного заседания (см. D a h n, ук. соч., стр. 32).

¹⁴⁹ Passio S. Sabae, стр. 218, 3—10.

¹⁵⁰ Там же, стр. 217, 36; 218, 1—2.

¹⁵¹ Там же, стр. 218, 6—7.

¹⁵² См. К о р с у н с к и й. О возникновении феодальных отношений в готской Испании, стр. 38.

деревни¹⁵³. Но даже если данная группа состоит из влиятельных членов общины, то это еще не может служить доказательством существования общинного совета. Можно лишь сделать вывод, вполне согласующийся с отмеченным выше фактом имущественного расслоения среди готов, что и внутри отдельных общин наибольшее значение имели состоятельные сельчане, те, кто позднее в готских источниках выступают как *honesti vicini* (LVis, XI, 1, 1).

О совете племенного союза или совете племени, о котором писала Э. А. Томпсон, достаточно определенных данных нет. Согласно «Мученичеству св. Саввы», преследование христиан в Готии было предпринято по решению готских владык — *μεγιστῶνες*¹⁵⁴. Все другие источники инициатором и организатором этого преследования считают Атанариха¹⁵⁵. Но даже если вопрос о таком преследовании обсуждался и решен был рядом вестготских королей и вождей или старейшин, то это не говорит еще о существовании совета племенного союза как постоянного органа управления и тем более сосредоточившего всю власть в своих руках. *Μεγιστῶνες* — это скорее всего собирательное обозначение королей и старейшин вестготских племен, входивших в тот союз племен, который возглавлял Атанарих. К их числу могли принадлежать, в частности, Вингурих и Атарид.

Военная система вестготов определялась характером их общественного устройства. Описывая военные действия между готами и Империей, античные авторы исходят из того, что все племя или ряд племен готов выступает в поход и участвует в сражениях. Войну против Рима ведут не дружины вождей, а готские племена в целом¹⁵⁶. И в ранних готских законах, те, кто обязаны выступать в поход, именуется просто готами (LVis, IX, 2,2).

Несвободные люди не могли участвовать в войске. Это видно из того, что войско выступает одновременно и в качестве народного собрания, в котором у древних германцев, как известно, никогда не участвовали рабы¹⁵⁷. Рабы могли, очевидно, использоваться свободными людьми в походе, а особенно при набегах дружин на соседние территории с целью захвата военной добычи. Такой способ применения рабов характерен был для готского общества и в V в. (SEur., 322). Основой же военной системы вестготов в IV в. было народное ополчение.

Относительно организации готского войска в IV в. нет достаточно определенных данных. По мнению Ф. Дана, войско уже в это время делилось на тысячи, сотни и десятки¹⁵⁸. Основанием для этого утверждения служит наличие в библии Вульфилы терминов «тысячник» (*þusundifaþs*), сотник (*hundafaþs*)¹⁵⁹. По мнению Г. Дельбрюка, сотня представляла собой родовую группу или общину вестготов¹⁶⁰. Наличие тысяч и сотен

¹⁵³ Thompson, ук. соч., стр. 333.

¹⁵⁴ Passio S. Sabae, стр. 217, 26.

¹⁵⁵ Sozom, Hist. eccles., VI, 37; Augustinus, De civitate Dei, XVIII, 52; Auxentius в кн.: Streitberg, Goth. Bib., стр. XVII; Hieronim., Chronica, 371; Gros., VII, 32, 9; Isid., Hist. Goth., 6.

¹⁵⁶ Это не означает, разумеется, того, что дружины королей и вождей не участвовали в этой борьбе. Но они не выступали в качестве главной силы вестготского войска.

¹⁵⁷ В. Шлезингер, желая подчеркнуть участие рабов в варварских войсках, ссылается на упоминание Зосима (Hist. nova, V, 42) о наличии в войсках Алариха в Италии беглых рабов (Schlesinger, Über germanisches Heerkönigtum..., стр. 124). Но следует иметь в виду, что здесь речь идет об участии в войске не рабов вестготов, а тех римских рабов (в подавляющем большинстве варваров), которые перешли на сторону готов и, следовательно, стали свободными. О службе в войске как признаке свободного состояния у остготов см. Gassiodor, Variae, V, 29 (MGH, AA, t. XII).

¹⁵⁸ Dahn, ук. соч., стр. 29.

¹⁵⁹ Г. Дельбрюк, История военного искусства, т. II, М., 1937, стр. 253—256.

¹⁶⁰ E. Oldenburg, Die Kriegsverfassung der Westgoten, В., 1909, стр. 15—17. Ольденбург отмечает, что тысячник именуется в готских законах не *þusundifaþs*,

у вестготов до 378 г. отрицалось немецким исследователем Э. Ольденбургом, который полагал, что десятичная система организации войска возникла у вестготов лишь после их поселения во Фракии под влиянием римской военной системы.

Наличия в библии Вульфила упоминаний о тысячнике и сотнике действительно недостаточно для вывода, что готское войско уже к середине IV в. делилось на тысячи, сотни и десятки. Известно, однако, что и в более поздний период в таких воинских подразделениях сохранились архаические обычаи, корни которых следует искать не в римских воинских порядках, а скорее в древнегерманских традициях¹⁶¹.

Военные командиры готов — оптиматы, *ductores*, *κεφαλαῖωται* — это отчасти представители родовой знати¹⁶², отчасти, по-видимому, просто опытные заслуженные воины¹⁶³.

Несомненно, на военную организацию готов значительное влияние оказала римская военная система. Анализируя лексику готского языка, исследователи отмечают, что среди слов, заимствованных из латыни, особенно много терминов, связанных с военной и лагерной жизнью. Но те элементы римской военной системы, которые заимствовались готами во время переселений и службы в качестве федератов, накладывались сверху на германскую в своей основе систему народного ополчения.

Таким образом, не исключено, что еще до переселения готов на римскую территорию их войско делилось на тысячи и сотни. Относительно порядка комплектования этих отрядов в нашем распоряжении нет данных. Может быть сотни выделялись от тех округов, которые в готском языке именовались *gawi*, подобно тому как во времена Тацита (*Germ.*, 6) сотню воинов выделял округ, именуемый римским историком *pagus*¹⁶⁴. Войско, которое Атанарих и другие вестготские короли послали на помощь Прокопию¹⁶⁵, представляло собой, естественно, не общее народное ополчение вестготов и не королевскую дружину, а отряд, сформированный из определенных контингентов, выделенных различными вестготскими племенами или территориальными округами. Интересно также отметить, что вестготы привлекали иногда в качестве союзников иные племена за соответствующую плату¹⁶⁶.

Следует также обратить внимание на некоторые черты духовной культуры, наиболее показательные для уровня социального развития готов.

как в готской библии, но *thiufadus*, что связано, по его мнению, с готским термином *thiuda* — народ. О пути возможной трансформации термина, обозначающего тысячника, см. *J. Grimm*, *Geschichte der deutschen Sprache*, Lpz, 1853, стр. 177. О том, что должность центуриария была заимствована готами из римской военной системы, в последнее время писал и Г. Данненбауэр, вовсе отрицающий существование сотни, связанной с родоплеменным устройством (*H. Dannebauer*, *Hundertschaft, centena und huntari*, «Grundlagen der mittelalterlichen Welt», Stuttg., 1958, стр. 237).

¹⁶¹ Тиуфаду в V в. принадлежала не только военная власть; он выступал и судьей по гражданским делам (*SEur.*, 322). Начальники тысяч и сотен в некоторых случаях отвечали перед воинами за незаконные действия. За произвольное освобождение какого-либо воина от похода они платили штраф, который распределялся среди воинов данной тысячи или сотни (*LVis*, IX, 2, 1; 3).

¹⁶² См. *A m m. M a r c.*, XXXI, 6, 1 (Сверйда и Колия); XXXI, 9, 3 (Фарнобий); XXXI, 3, 5 (Лагариман и Мундерих).

¹⁶³ Например 12 тыс. оптиматов из войск Радагайса, которые были после победы над варварами включены Стилихоном в его отборные войска (*O l y m p.*, fgm 9).

¹⁶⁴ *E. Schwan*, *Goten, Nordgermanen, Angelsachsen*, «Studien zur Ausgleichung der germanischen Sprachen», Bern—Münch., 1951, стр. 36—43. У свевов, по сообщению Цезаря, каждый округ (*pagus*) отправлял на войну тысячу воинов. *S a e.*, *V. G.*, IV, 1.

¹⁶⁵ *A m m. M a r c.*, XXVI, 10, 3; XXVII, 5, 7; *Z o s i m.*, *Hist. nova*, IV, 7, 2; *E u n a p.*, fgm 37.

¹⁶⁶ В качестве таких союзников выступали остготы, гунны, аланы, тайфалы. См. *A m m. M a r c.*, XXXI, 3, 3; 9, 3; 16, 3.

Уже в IV в. у вестготов появились христианские общины; к концу IV в. новую религию стали принимать и короли некоторых готских племен. Единая церковная организация, правда, не сложилась в Готии, но появились клир (епископы, священники, диаконы), монастыри, возникла религиозная литература, составлен был готский календарь.

В середине IV в. вестготы приобрели письменность. Вульфила создал готский алфавит. Смена язычества христианством и появление письменности — это явления, обычно сопутствовавшие переходу от доклассового общества к классовому. Таким образом, вестготы опередили в своем развитии большинство других германских племен того времени. Вестготам чужд был «аристократический строй», о котором пишут некоторые зарубежные историки. Но по степени разложения родоплеменного строя готы к концу IV в. приближались к тому уровню, которого этот процесс достиг у франков к концу V в. Эти особенности общественного развития вестготов в значительной мере объясняют быструю их романизацию после поселения на римской территории, бурные темпы взаимодействия и синтеза римских и германских отношений (точнее — элементов разлагавшегося родоплеменного строя германцев, с одной стороны, отживавшего рабовладельческого строя, с другой) в Тулузском и Толедском королевствах вестготов.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

*К обсуждению вопроса об азиатском способе производства **

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Редакция ВДИ обратилась ко мне с просьбой информировать читателей журнала о недавно опубликованных работах об азиатском способе производства. На такую тему более квалифицированно мог бы ответить кто-нибудь из востоковедов. Однако, учитывая большое значение и актуальность обсуждаемых вопросов и их близкую связь с проблематикой раннегреческой истории, я согласился выполнить просьбу редакции. Само собой разумеется, что автор этих строк нисколько не собирается решать вопрос о том, существовал ли в действительности азиатский способ производства. Ниже следующие замечания преследуют в основном лишь информационные цели. К тому же они ни в коей мере не претендуют даже на всестороннее изложение материала. Некоторые предложения автора во второй части статьи относятся лишь к частным аспектам проблемы. Таким образом, статья эта задумана только как вводное слово к обсуждению проблемы, а вовсе не как попытка ее решения.

Такое обсуждение кажется мне тем более своевременным, что вопрос об азиатском способе производства фактически уже поставлен в остро дискуссионной форме в книге покойного акад. Е. С. Варги¹. Рассмотрев соответствующие взгляды Маркса, Варга оставил при этом открытым наиболее важный вопрос: «существовал ли в истории где-либо азиатский способ производства?», и предложил обсудить его «серьезным ученым-марксистам — философам, экономистам и историкам» (ук. соч., стр. 382).

В апреле прошлого года на VII Международной конференции античников-марксистов в Ленинграде возбудил большой интерес информационный доклад чешского ученого Я. Печирки «Замечания по поводу дискуссии о рабовладельческой формации и об азиатском способе производства»²; в указанном докладе был вкратце изложен ход обсуждения этого круга вопросов среди зарубежных историков-марксистов.

Затем в августе 1964 г. на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов в Москве были представлены относящиеся к азиатскому способу производства

* *От редакции.* Редакция ВДИ помещает в данном номере некоторые отклики на обсуждение вопроса об азиатском способе производства, поступившие в наш журнал. В последнее время этот вопрос довольно оживленно обсуждается как в печати стран социалистического лагеря, так и в марксистской литературе капиталистических стран. Точки зрения, выявившиеся в ходе дискуссий, изложены в публикуемых статьях. Что касается оценки этих точек зрения, они принадлежат авторам статей.

¹ Е. В а р г а, Очерки по проблемам политэкономии капитализма, М., 1964; см. раздел «Об азиатском способе производства», стр. 358—382.

² См. «Конференция по изучению проблем античности», ВДИ, 1964, № 3, стр. 227.

тезисы докладов двух прогрессивных французских ученых — Ж. Сюре-Канала³ и М. Годелье⁴ и ответ им акад. В. В. Струве⁵.

За рубежом проблема азиатского способа производства уже давно и обстоятельно обсуждается коллективом прогрессивных ученых, работающих в Центре марксистских штудий и исследований («Centre d'études et de recherches marxistes») при ЦК компартии Франции. Труды их систематически публикуются в двухмесячнике «La Pensée». На протяжении прошлого года обсуждаемой проблеме был посвящен почти весь 114 и частично 117 номера журнала⁶.

Этой же тематике уделяет много места и издаваемый в Чехословакии международный журнал «Eirene». В последнем его номере проблеме азиатского способа производства посвящены были две большие обзорные статьи Ж. Шено и Я. Печирки⁷. В Введении пражская редакция [журнала] подчеркнула насущную необходимость вновь обсудить проблему азиатского способа производства, так как «на основании новых исследований и теоретических соображений возникают новые теоретические обобщения, которые во многих случаях не совпадают с принятыми до сих пор взглядами и по-новому ставят вопрос о совпадениях и различиях в развитии европейских и внеевропейских народов» (там же, стр. 129).

Статьи об азиатском способе производства печатались в прошлом году в марксистской печати и других стран (Венгрии, Италии и др.).

Учитывая обилие самых разнообразных высказываний на эту тему, появившихся в последнее время, — а здесь перечислены лишь наиболее важные, — и удельный вес поднимаемых в них вопросов, целесообразность и своевременность широкого их обсуждения не подлежит сомнению.

При бросающемся в глаза обилии выступлений по вопросу об азиатском способе производства не менее характерны серьезные расхождения в позициях отдельных участников фактически уже идущей дискуссии. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно хотя бы бегло остановиться на выводах, к которым пришли те или иные участники.

Академик Е. С. Варга, защищавший еще в 20-е годы концепцию существования пережитков азиатского способа производства, показал в последней своей книге, что соответствующее высказывание Маркса в знаменитом предисловии «К критике политической экономии» не является ни случайным, ни неточным. Приводимые Варгой соображения убедительно показывают, что под азиатским (или восточным) способом производства Маркс понимал явление, отличное от античного и феодального способов производства, параллельное им и в то же время сосуществовавшее с ними. Его характерными чертами Маркс считал государственную собственность на землю и наличие

³ J. S u r e t - C a n a l e, Les sociétés traditionnelles en Afrique tropicale et la conception marxiste de «mode de production asiatique».

⁴ M. G o d e l i e r, La notion de «mode de production asiatique» et les schémas marxistes d'évolution des sociétés.

⁵ В. В. С т р у в е, Понятие «азиатского способа производства». Тезисы Ж. Сюре-Канала, М. Годелье и ответ В. В. Струве опубликованы в журнале «Народы Азии и Африки», 1965, № 1.

⁶ «La Pensée», № 114: Ch. P a r a i n, Le mode de production asiatique: une étape nouvelle dans une discussion fondamentale; F. T o k e i, Le mode de production asiatique dans l'oeuvre de K. Marx et F. Engels; J. C h e s n e a u x, Le mode de production asiatique: quelques perspectives de recherche; M. G o d e l i e r, Les écrits de Marx et d'Engels sur le mode de production asiatique. № 117: J. S u r e t - C a n a l e, Les sociétés traditionnelles dans l'Afrique tropicale et le concept de mode de production asiatique; P. B o i t e a u, Les droits sur la terre dans la société malgache précoloniale (Contribution à l'étude du «mode de production asiatique»).

⁷ «Eirene», III (1964): J. C h e s n e a u x, Le mode de production asiatique: une nouvelle étape de la discussion; J. P e č i r k a, Die sowjetischen Diskussionen über die asiatische Produktionsweise und über die Sklavenhalterformation.

ирригационных систем. Этот способ производства продолжался на Востоке чуть ли не до появления там европейцев. Не все соображения, выдвинутые Варгой, равно убедительны. Находки археологами «городов, погребенных под песками» (ук. соч., стр. 377), вряд ли кто-либо сочтет доказательством существования азиатского способа производства. Равным образом ничего не доказывает в этом плане отмечаемая Варгой эволюция взглядов тех или иных ученых (ук. соч., стр. 378 сл.). Тем не менее в целом аргументация Варги относительно взглядов Маркса кажется вполне убедительной.

Ряд других перечисленных авторов интересовался вопросом, почему Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» — произведении, посвященном почти исключительно проблематике древнего мира, — даже не упомянул об азиатском способе производства. Ш. Парэн отвечает на этот вопрос следующим образом (ук. соч., стр. 5): «В этом сочинении его (Энгельса.— *Я. Л.*) основной целью было открыть природу и формы того движения, которое привело к образованию античного рабовладельческого способа производства. Он никоим образом не претендовал описать крайнее разнообразие всеобщей истории». Следовательно, Парэн, как и Варга, не склонен считать азиатский способ производства категорией универсальной.

Немалое место в идущей дискуссии занимает отношение ко взглядам советских историков. Особенно много внимания посвятил этому кругу вопросов Я. Печирка. В обоих упомянутых трудах он настойчиво призывает к широкому обсуждению проблемы азиатского способа производства, и в этом несомненная заслуга чешского историка. Что касается собственных его взглядов, то Печирка ограничился заявлением о невозможности «объединить все классовые дофеодальные общества во всем мире в одну рабовладельческую формацию» (Замечания..., стр. 6). Его обстоятельный обзор в «Eigene» свидетельствует о тщательном ознакомлении с большим числом трудов советских ученых, главным образом востоковедов, по данному вопросу.

Тем не менее рисуемая им картина кажется мне недостаточно объективной. Правильно упрекая Н. М. Постовскую в том, что она неполно, «часто в нескольких словах», излагала взгляды противников академика В. В. Струве (стр. 148), Я. Печирка впадает в противоположную крайность. В его изложении отказ от концепции азиатского способа производства на рубеже 30-х годов сводится преимущественно к конъюнктурным соображениям. Лишь в конце этого раздела статьи он упоминает о лекции В. И. Ленина «О государстве» (там же, стр. 154), так и не сказав, что в этой лекции было с предельной четкостью сказано, что первые в истории государства были рабовладельческими. А ведь именно эта лекция легла в основу концепции рабовладельческой формации. Излагая взгляды В. В. Струве, Я. Печирка, умалчивая о крупнейших научных достижениях этого ученого, останавливается лишь на моментах критики его концепции теми или иными советскими учеными, мельком упоминая об их согласии с основными его выводами⁸. Известная статья акад. А. И. Тюменева «Передний Восток и античность», во всяком случае в первой своей части⁹, была посвящена преимущественно раскрытию различий между рабством на Востоке и античным рабством в рамках одной рабовладельческой формации. Автор обзора не подчеркивает этого основного положения А. И. Тюменева.

Наибольший интерес к вопросу об азиатском способе производства наблюдается ныне среди французских прогрессивных ученых. Секция афро-азиатских штудий при CERM занимается этим кругом вопросов начиная с 1960 г. В разработке его под руководством Ш. Парэна участвуют Ж. Сюре-Каналь, М. Годелье, Ж. Шено и другие. В качестве примера мы изложим вкратце выводы, к которым пришли двое из перечисленных ученых.

Ж. Сюре-Каналь, изучая социальный строй обществ тропической Африки накануне колонизации, пришел к выводу, что строй этот был далек и от античного рабовладель-

⁸ Ср., например, его изложение взгляда С. И. Ковалева на концепцию В. В. Струве (ук. соч., стр. 157 и прим. 1. В тексте ИГАИМК, 77, стр. 151 сл. следует развернутое одобрение Ковалевым новой тогда концепции В. В. Струве).

⁹ «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 50—70.

ческого, и от феодального строя западноевропейских стран. По его мнению, социальный строй африканских обществ, характеризующийся наличием большой патриархальной семьи и коллективной собственностью на землю, имеет много черт азиатского способа производства, как его определял Маркс. Отсюда Сюре-Каналь заключает, что такая социальная структура существовала повсеместно в качестве переходной от бесклассового к классовому обществу.

М. Годелье¹⁰ в отличие от его коллег (Ж. Сюре-Канала и П. Буато), которых привело к азиатскому способу производства изучение конкретной истории племен тропической Африки и Мадагаскара, стремится рассмотреть азиатский способ производства, так сказать, в историко-философском плане, что естественно усиливает интерес к его выводам и заставляет посвятить его труду больше места, чем другим исследованиям.

Если абстрагироваться от небольшой первой главы («Что такое схема эволюции обществ?», стр. 3 сл.) и Заключение (стр. 39 сл.), вся рассматриваемая работа состоит из трех больших частей: гл. 2 — Понятие азиатского способа производства у Маркса и Энгельса, стр. 5—16; гл. 3 — Злоключения понятия азиатского способа производства, стр. 17—28; гл. 4 — Гипотезы о природе и законах эволюции азиатского способа производства и понятие о типичной линии развития человечества, стр. 28—39.

В главе второй Годелье перечисляет с е м ь досоциалистических способов производства (первобытная община, азиатский способ производства, античный, рабовладельческий, германский, феодальный и капиталистический). Азиатский, а также античный и германский способы производства описаны по работе Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству». О рабовладельческом сказано буквально лишь следующее (стр. 12): «Античный способ производства своей эволюцией создает условия перехода к настоящему рабовладельческому способу производства. И так, таковой появляется в результате развития и разложения античного способа производства, который он заменяет. Рабовладельческий способ производства развивается и разлагается в длительной агонии, когда появляются германские формы собственности». Очевидно, согласно Годелье, рабовладельческий способ производства возникает лишь во время распространения рабства в римской средиземноморской державе. Притом он все время находится в состоянии разложения. Сомнительно, распространяет ли Годелье его действие и на Элладу.

Выводы о понимании азиатского способа производства основоположниками марксизма автор сводит к следующим моментам (стр. 16): 1) это «путь появления государства и классовой эксплуатации из первобытной общины»; 2) «Поскольку азиатский способ производства связывался Марксом и Энгельсом прежде всего с осуществлением крупных работ, в частности ирригационных, путь этот казался им свойственным определенным обществам Азии и представлялся ключом к „восточному деспотизму“»; 3) «Путь этот, благодаря отсутствию развития частной собственности и товарного производства, вел к относительной „стагнации“ этих обществ, к их „неизменности“»; 4) Таким образом, Маркс и Энгельс склонны были применять понятие азиатского способа производства к древнему Египту, Персии, Индустану, Яве, Бали, плоскогорьям Азии, некоторым частям России, т. е. к группе азиатских обществ различных эпох, но организованных соответственно поддающимся отчасти сравнению природным условиям.

В третьей главе рассматриваются четыре основных «злоключения» азиатского способа производства: отказ Энгельса от этой концепции (стр. 17—23), полемика Г. В. Плеханова против концепции азиатского способа производства, дискуссия об азиатском способе у нас в конце 20-х годов (стр. 24) и клеветническая трактовка отказа марксистов от концепции азиатского способа производства у ренегата Виттфогеля (стр. 24 сл.). Наиболее подробно рассматривается точка зрения Энгельса. Годелье, отстаива-

¹⁰ M. G o d e l i e r, La notion de «mode de production asiatique», et les schémas marxistes d'évolution des sociétés, «Les Cahiers du Centre d'études et de recherches marxistes», P., s. a.

вающий универсальность азиатского способа производства, естественно не мог согласиться с Парэнном (см. выше, стр. 77). Отказ Энгельса от концепции азиатского способа производства был, по мнению Годелье, обусловлен тем, что ни Морган, ни сам он не находили настоящей царской власти у греков, ибо гомеровские басилеи не были подобны настоящим царям. Только последующие раскопки центров микенской культуры показали, что и Греция знала сильную царскую власть, а следовательно, и азиатский способ производства. Черты азиатского способа производства Годелье находит и у этрусков, и в доколумбовой Америке. Прочие «заклчения» азиатского способа производства рассмотрены лишь мельком в порядке ответа на вопрос, почему марксисты все-таки отказались от этой концепции. Отказ от азиатского способа производства и от проводимого Энгельсом принципа разнообразия форм перехода к классовому обществу оставил марксистам только один путь (стр. 25): «не „открывать“ историю, а „находить“ ее; находить стадию рабовладельческую, стадию феодальную и т. д.». Это было санкционировано Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Все это привело к трансформации марксистских гипотез в схему-рецепт и вызывало постоянные споры среди ученых, ибо конкретная история Индии, Японии и Китая не укладывалась в рамки рабовладельческого, феодального и других способов производства.

В четвертой главе Годелье характеризует азиатский способ производства как «одновременно последнюю форму доклассового и первую форму классового общества» (стр. 28). Он заявляет (там же), что «Маркс, сам того точно не осознавая, описал форму общественной организации, свойственную п е р е х о д у (подчеркнуто Годелье) от бесклассового к классовому обществу». Все же Годелье считает необходимым подразделить азиатский способ производства на две группы: с крупными общественными работами и без них. Общим для обеих является (стр. 30) «появление аристократии, располагающей государственной властью и обеспечивающей основы своего существования как класса взиманием части продукта общин... Но в зависимости от наличия или отсутствия крупных работ стоит появление бюрократии, абсолютной и централизованной власти, называемой расплывчатым и устаревшим термином „деспотия“».

Внутренним противоречием обществ азиатского способа производства автор считает наличие общинных и классовых структур. Эволюция этих обществ (стр. 33): «может вести к производству, базирующемуся на сочетании частной собственности с товарным производством (греко-римский путь), или же к определенной форме феодализма... через развитие частной собственности без товарного производства (китайский путь)».

Признавая единство развития человечества от доклассового к классовому обществу, Годелье подчеркивает, что «типичным» следует считать лишь «максимальное развитие производительных сил, неравенства и классовой борьбы» (стр. 35) и что лишь в этом смысле развитие на Западе можно считать типичным. Отсюда, по его мнению, следует, что типичность проявляется в неповторяемости развития.

* * *

{ Выше были изложены взгляды некоторых исследователей-марксистов об азиатском способе производства. Очевидно, ими затронуто большое количество важнейших вопросов истории марксизма, его теории, политической экономики, всеобщей истории и этнографии. Из множества обсуждаемых ныне вопросов мы остановимся ниже лишь на трех. Это будут: 1) причины возникновения дискуссии, 2) соотношение понятий «способ производства» и «формация» и 3) существовал ли азиатский способ производства в микенских обществах?

У читателя этих строк естественно возникнет вопрос: почему перечисленные и другие статьи появились почти одновременно в различных странах? Иными словами, почему именно теперь проблема азиатского способа производства приобрела вдруг такую актуальность и оказалась в центре внимания многих историков? Думается, что здесь сыграли существенную роль минимум четыре важных момента.

Прежде всего справедливо будет указать на довольно значительное расширение количества источников. Это относится прежде всего к трудам наших французских

коллег. Вскоре после войны Французская компартия направила многих своих активистов в африканские колонии, чтобы оказать помощь народно-освободительному движению местных племен и народов. Исследуя относительно недалекое прошлое этих народов в доколониальный период, наши коллеги пришли к выводу, что изучаемые ими социально-экономические отношения во многом напоминают черты азиатского способа производства, как они были определены Марксом. К тому же «Формы, предшествующие капиталистическому производству» стали известны во Франции лишь с 1953 г., после того как текст этой работы был опубликован в ГДР.

Во-вторых, со времени установления принятой схемы последовательности социально-экономических формаций (лето 1933 г.) прошло более трех десятилетий. За эти годы был накоплен колоссальный материал по рабству в странах Востока и в греко-римском мире. Возникла потребность обобщить все эти новые данные и проверить, насколько соответствует им принятая у нас концепция последовательности формаций. Новые источники и исследования не всегда приводили к подтверждению этой концепции. С другой стороны, имевшие временами место попытки во что бы то ни стало найти в той или иной стране формы рабства, присущие классической античности, не могли не встретить сопротивления со стороны других исследователей. Все это настойчиво требует еще раз вернуться к давно принятым и устоявшимся понятиям, чтобы проверить их на новом этапе нашего познания.

В-третьих, развенчание культа личности и решения XX съезда КПСС, объявившие войну начетничеству и догматизму, вызвали заметное оживление и в марксистской исторической науке. Отсюда, думается, в частности и стремление уточнить взгляды Маркса на азиатский способ производства.

На перечисленные три соображения постоянно указывают участники дискуссии. Выражая против различных их формулировок, надо признать заслуживающими внимания их критические замечания. Однако справедливости ради, к этим трем необходимо добавить и четвертое соображение, о котором приверженцы концепции азиатского способа производства предпочитают умалчивать. Речь идет об отношении к нашей историографии. Историки, считающие себя марксистами, не могли, конечно, обойти молчанием точки зрения советских востоковедов. И все же при чтении некоторых историографических обзоров трудно уйти от впечатления, что их авторы стремились не столько к объективному анализу взглядов наших исследователей, как к тому, чтобы подчеркнуть свое отрицательное к ним отношение. Вот почему рисуемая ими картина наших дискуссий начала 30-х годов вряд ли может претендовать на объективность.

По указанным соображениям новые работы об азиатском способе производства требуют весьма дифференцированного к себе отношения и оценки. Одной из наиболее характерных черт этих работ является, как нам кажется, отсутствие единства взглядов.

Если, например, Е. Варга ограничился отставиванием взглядов Маркса и даже оставляет открытым вопрос о том, существовал ли когда-либо в действительности азиатский способ производства, то М. Годелье откровенно признает, что его понимание азиатского способа производства значительно отличается от принятого основоположниками марксизма. Отметив, что для Маркса азиатский способ производства был характерен для некоторых территорий Азии (с Египтом включительно), притом требовавших крупных общественных работ, Годелье заявляет, что Маркс, «сам того точно не осознавая, описал форму общественной организации, свойственную переходу от бесклассового к классовому обществу». Иными словами, если для Маркса азиатский способ производства был ограничен определенными природно-географическими рамками и даже обуславливался ими, то Годелье настаивает на его универсальности. Согласно основоположникам марксизма, азиатский способ производства длился несколько тысячелетий и уступил место новому способу производства лишь в результате вторжений других народов и даже европейской колонизации. Годелье же считает, что на смену азиатскому способу производства пришел либо античный, либо феодаль-

ный способ производства. Притом Годелье не одинок. В той или иной мере его взгляды поддерживают Сюре-Каналь и некоторые другие. Таким образом, среди участников дискуссии нет единогласия даже относительно того, что представлял собой азиатский способ производства, какова была степень его распространения и длительность существования. Разногласия среди участников дискуссии не ограничиваются пониманием азиатского способа производства в прошлом и настоящем, но простираются еще дальше. Как, видимо, уже заметил читатель, Годелье не только провозглашает универсальность азиатского способа производства, но фактически сводит на нет и рабовладельческий способ производства. Ведь исключив из последнего азиатский способ производства, античный и германский способы, он оставил за рабовладельческой формацией лишь два-три века одной только римской истории. Случилось так потому, что, описав по Марксовым «Формам...» восточную, античную и германскую формы собственности, Годелье без основания противопоставил их рабовладельческой форме, о которой в упомянутом труде Маркса не случайно нет речи. Ведь Маркс не мыслил себе какой-то отдельной рабовладельческой формы собственности вне рамок античной. Не случайно также Годелье не смог указать ни одной черты постулируемого им рабовладельческого способа производства, который, согласно его мнению, не успев возникнуть, уже разлагается. Таким образом, защита концепции азиатского способа производства привела к ликвидации концепции рабовладельческого способа производства.

Причина этого, по крайней мере частично, кроется в смешении понятий «способ производства» и «формация». В самом деле, ведь из семи перечисленных Годелье до-социалистических способов производства целых пять (кроме феодального и капиталистического) относятся хронологически к древней истории. Принято у нас понятию рабовладельческой формации соответствовать в схеме Годелье четыре способа производства (восточный, античный, рабовладельческий и германский). Это, наряду с фактическим отказом наших коллег от термина «формация», заставляет призадуматься над их словоупотреблением. В печатаемой в этом номере журнала статье А. И. Павловская уже обратила внимание на двойственное значение слов «способ производства» у Маркса. Замечание это кажется мне весьма интересным. К нему хотелось бы добавить следующие соображения.

Немецкое *Produktionsweise* по смыслу не вполне соответствует принятому у нас пониманию способа производства как совокупности производительных сил и производственных отношений. Ведь немецкое *Lebensweise* мы переводим «образ жизни»; содержание этого понятия лучше всего выразить словами «то, как живут». Аналогично и способ производства обозначает «то, как производят» или «образ производства». Значение слова *Produktionsweise* лучше всего видно из письма Энгельса Марксу от 8 декабря 1882 г.: (у германцев и индейцев) «Сходство, действительно, тем более поразительно, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие... на данной ступени способ производства играет не столь решающую роль...»¹¹ В приведенной цитате «способ производства» встречается дважды; оба раза он означает обстоятельства производства, а вовсе не совокупность производительных сил и производственных отношений. Во всяком случае смысл его весьма далек от того, что мы вкладываем в понятие «формация».

Если с этой точки зрения рассмотреть термин «азиатский способ производства», мы, очевидно, придем к выводу, что Маркс мог понимать под ним не обязательно самостоятельную формацию, а обстоятельства производства в странах Востока. Такой взгляд кажется довольно близким к истине. В таком случае критерием при делении на формации останется классовая структура тех или иных обществ. Недаром в тех же «Формах...» Маркс говорит и о смене рабства крепостничеством. Так же, как известно, поступал Ленин в лекции «О государстве». При разграничении понятий «способ производства» и «формация» отпадает необходимость противопоставлять азиатский способ производ-

¹¹ К. Маркс — Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 103.

ства формациям рабовладельческой или феодальной, зато останется в силе сопоставление азиатского, античного и других способов производства, а в рабовладельческой формации найдется место и для восточного, и для античного, возможно, и для других, способов производства¹².

Речь до сих пор шла, само собой разумеется, об азиатском способе производства, как его понимал Маркс. Предложение Гodelье об универсальности азиатского способа производства как необходимом этапе перехода от бесклассового к классовому обществу кажется мне неприемлемым. Само слово «азиатский» не соответствует постулируемой Гodelье универсальности.

Настаивая на универсальности азиатского способа производства, Гodelье включает в единый тип социально-экономических отношений не только те, о которых говорил Маркс, но и значительно отличающиеся от них общества тропической Африки, держав инков и ацтеков, этрусков и микенской Греции. Если до сих пор мы относили к различным формациям раннерабовладельческую микенскую и доклассовую гомеровскую Элладу, то согласно новой концепции пришлось бы оба типа обществ причислить к одному и тому же способу производства. Такая схематизация неизбежно привела бы к еще большему схематизму, чем ныне действующая пятичленная схема.

В заключение несколько соображений о том, можно ли найти азиатский способ производства в микенской Греции. Как известно, среди наших специалистов шли споры относительно характера микенских обществ. В то время как С. Я. Лурье и А. И. Тюменев находили в пилосском обществе много черт, родящих последнее с классической Элладой, автор этих строк отстаивал наличие в нем дворцового хозяйства, однотипного с аналогичными явлениями на Ближнем Востоке. Отсюда следует, что именно мне легче всего искать черты азиатского способа производства в микенской Греции. Не подлежит ни малейшему сомнению, что такую попытку счел бы абсолютно неприемлемой А. И. Тюменев, который считает, например Я. Печиркой, наиболее близким к приверженцам концепции азиатского способа производства.

В действительности, однако, и я не могу согласиться с попыткой М. Гodelье найти азиатский способ производства в микенских обществах. К этой попытке привело его не изучение конкретного материала. Путь рассуждений Гodelье был иной. Решив, что Энгельс отказался в «Происхождении семьи...» от концепции азиатского способа производства потому, что вслед за Морганом не нашел сильной царской власти в доклассовой Элладу, Гodelье счел, что такую власть легко можно обнаружить в микенских обществах, следовательно, в них должен был существовать азиатский способ производства.

Однако фактический материал не подтверждает таких суждений относительно микенской Греции. Прежде всего, все исследователи надписей линейного письма В согласны, что в табличках, относящихся к аграрным отношениям в Пилосе, речь идет о различных формах земельной собственности, причем одна из них всеми интерпретируется как частная собственность. Отсюда следует, что в Пилосе не было важнейшего признака азиатского способа производства — верховной собственности государства на землю. Во-вторых, никто из исследователей не причисляет Пилос хотя бы частично к доклассовым обществам. Существование здесь класса рабов вряд ли может быть поставлено под сомнение. И, в-третьих, в Пилосе в отличие от многих стран древнего Востока, видимо, отсутствовал институт сильной царской власти, характерный, по Гodelье, для азиатского способа производства. Возможно, что это объясняется, например, зависимостью Пилоса от Микен или каким-нибудь другим не известным нам обстоятельством. Но молчание источников во всяком случае не дает нам оснований постулировать существование азиатского способа производства в микенской Греции. Таким образом, концепция универсальности азиатского способа производства теряет еще

¹² В свете указанных соображений автор этих строк признает неправильность сделанного им противопоставления азиатского способа производства и рабовладельческой формации: см. Я. А. Л е н ц м а н, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М., 1963, стр. 50 сл.

одну опору. Однако, даже если бы мы обнаружили в надписях Пилоса какие-нибудь данные в пользу гипотезы Годелье, их нельзя было бы считать аргументом в пользу универсальности азиатского способа производства. Ведь в этом отношении Греция оказалась исключением. После падения микенских обществ она вновь вернулась к первобытнообщинным отношениям. Такой путь был не нормой, а исключением в историческом развитии. Поэтому пример Греции вообще ничего не доказывает ни в пользу, ни против концепции Годелье.

Вопрос о том, существовал ли азиатский способ производства в тех или иных обществах древнего мира, должен решаться конкретно-исторически исследователями отдельных стран. Поэтому первое слово по этому вопросу должно быть предоставлено востоковедам.

Я. А. Ленцман

К ВОПРОСУ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

(По поводу книги M. Godelier, *La notion de «mode de production asiatique» et les schémas marxistes d'évolution des sociétés*, Les Cahiers du centre et d'études et de recherches marxistes, P., 1964)

Теоретические вопросы, связанные с представлением об общественных формациях, являются важнейшими, так как их решение объясняет и дает определение историческому процессу далекого прошлого и позволяет предвидеть развитие событий настоящего времени.

Проблемы азиатского способа производства привлекли к себе вновь внимание прогрессивных ученых за рубежом не случайно. Наличие большого числа новых фактов, открытых раскопками и не известными до того письменными документами, заставило во многом пересмотреть историю древнейших периодов. Это справедливо, например, относительно крито-микенского периода истории Греции. В настоящее время внимание многих исследователей было также привлечено к состоянию африканских племен и государств, к особенностям их общественного строя, характеру их развития в доколониальный и колониальный периоды. Дать определение их строю, отнести его к той или иной общественной формации, охарактеризовать его теоретически стало новой задачей. Вопрос этот был поставлен французскими учеными и освещен в журнале «La Pensée», в ряде книг и статей. На них отозвались исследователи разных стран.

Основные положения Ж. Сюре-Канале, автора труда, посвященного Африке, сводятся к следующему: общества доколониального периода или «традиционные общества тропической Африки» не являются ни рабовладельческими, ни феодальными; они знают большие патриархальные семьи, объединенные в ряде случаев в сельские общины с коллективной собственностью на землю. Характер отношений в африканских обществах ближе к первобытнообщинным отношениям, так как здесь деления на классы не произошло. Лучше всего они определяются как соответствующие описанию, данному Марксом азиатскому способу производства. «Il semble bien qu'on puisse rapprocher le mode de production prépondérant des régions les plus évoluées de l'Afrique Noire traditionnelle de ce que Marx avait dénommé „Mode de Production Asiatique“»¹. Автор считает неправильным то, что этим определением Маркса перестали пользоваться. Азиатский способ производства, открытый Марксом, имеет общесторическое значение и является переходной стадией от первобытного коммунизма к классовому обществу.

Такое же мнение высказано М. Годелье, который считает, что Маркс описал азиатский способ производства как форму общественной организации, характерной для

¹ J. S u r e t - C a n a l e, L'Afrique Noire, I, P., 1961, стр. 101.

перехода от бесклассового общества к классовому; это определенная стадия развития, исторически и географически универсальная. Развитие производительных сил имеет место на базе общинного способа производства, которое отстает и изменяется под влиянием развития частной собственности. Противоречивые элементы этого общества развиваются в противоположения общинной структуры, с одной стороны, и нарождающейся классовой структуры, с другой. Азиатский способ производства может предполагать наличие крупных общественных работ, но может развиваться без них. Племенная аристократия обладает государственной властью и эксплуатирует остальную часть общества².

Более детально Годелье определяет азиатский способ производства как период, когда уже произошло отделение земледелия от ремесла, что позволяет общине довольствоваться собой. Представлена община главами семейств и управляется она советом старейшин. Постепенно выделяется высший слой, приобретающий все большее значение и эксплуатирующий крестьянство и ремесленников (Godelier, *La notion de «mode de production asiatique»*, стр. 7). В рамках такого общества появляется и зависимое положение, и рабство, но они подчинены, ограниченные условиями наличия рода или клана. Рабское положение, подчинение имеет место в условиях, когда хозяин раба сам находится в подчинении у рода или клана, к которому он (хозяин раба) принадлежит. Рабство влияет на развитие всех форм общественных отношений, по мнению Маркса, и меняет их. Но менее всего оно меняет эти формы при азиатском способе производства, при котором этому препятствует родовое начало.

Далее автор останавливается на различных видах докапиталистического способа производства. Наиболее чистая форма «античного» способа производства, под которым автор подразумевает рабовладельческую систему, была в Риме, где индивид имел право на общественную землю (*ager publicus*) и одновременно имел личную земельную собственность. Развитию рабства способствует именно частная собственность на землю. «Германский» способ производства имеет в основе также общественную и личную собственность на землю. Свободные граждане, мелкие производители на земле медленно и постепенно теряют свою свободу, они становятся зависимыми от землевладельцев на основе феодального способа производства (Godelier, стр. 12—13). При феодальном способе производства непосредственные производители составляют общины, которые находятся в зависимости от феодала, при наличии всей феодальной лестницы подчинения (Godelier, стр. 14).

Специфическими чертами азиатского способа производства, как и примитивной общины, следует считать общую собственность на землю. Индивид подчинен общине. Рабство может развиваться, но деятельность раба ограничивается общиной, в чем, по мнению автора, заключается разница азиатского способа производства от рабовладельческого. Отличие того же азиатского способа производства от феодального заключается в том, что при первом собственником земли является государство (*Etat*), которое владеет как бы всеми общинами от их имени. По-видимому, автор имеет в виду соседскую общину, так как он подчеркивает, что это не родственная община, а связанная эксплуатацией личных парцелл (Godelier, стр. 16).

Маркс, по мнению Годелье, указал в азиатском способе производства путь, которым ряд обществ образовалось из примитивных общин, считая его характерным для разных стран в различные хронологические периоды. Указав на ряд неправильностей и извращений в истолковании теоретических положений Маркса и Энгельса, автор считает азиатский способ производства переходной стадией от бесклассового общества к классовому, последним этапом бесклассового и первым этапом классового общества (Godelier, стр. 28—29). Таким образом, определенности данная характеристика лишена, она лишь приблизительно, вернее гадательна, и только пытаются дать новый смысл высказываниям Маркса. Если принять такую характеристику, то неизбежным

² М. Годелье, Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества. Тезисы. 1964 г.

будет признать, что переходный период длился веками, как это может быть с уверенностью указано относительно Индии доколониального периода.

Остаиваясь на причинах развития азиатского способа, Маркс выдвигал необходимость производить большие, например ирригационные, работы. Годелье выдвигает другие причины, приведшие в Африке к эксплуатации большинства меньшинством, а именно контроль над межплеменной торговлей, над торговлей драгоценностями. Таким путем образуется царство, в котором господствует аристократия, при наличии большого бюрократического слоя (Godelier, стр. 29—30). К выделению верхушки и, следовательно, к образованию государства ведет несколько процессов развития, т. е. процессы идут различными путями, формы перехода различны, самый способ эволюционирует. Тот факт, что имеется постоянный продукт, который изымается меньшинством для себя, указывает на то, что эта форма могла быть и была прогрессивной (Godelier, стр. 30—31). Следует, однако, сразу же указать на то, что со своей стороны, считать ту же доколониальную Индию бесклассовым обществом мне не представляется возможным. Нищие производители на земле и в текстильных мастерских принадлежали, конечно, к классу эксплуатируемых, как и магараджи в своих дворцах с несметными богатствами к классу эксплуататоров. Ведь не случайно некоторые советские ученые ставили вопрос о капитализме в Индии в доколониальный период. Автор же анализируемого труда считает, что динамика развития азиатского способа производства имела своей базой продукцию общин. Снижается значение общины лишь с развитием частной собственности. Самое развитие происходит противоречиво, на внутреннем противопоставлении строю общин классового устройства. Думается, что и в этом случае автор преувеличивает особенности в развитии «восточных» обществ в отличие от «западных». Это справедливо и в отношении элементов, способствующих отставанию (stagnatio) восточных обществ.

Как выше было сказано, от азиатского способа производства, по мнению наших французских коллег, намечаются две линии развития: 1) через рабовладение — путь, которым шло развитие у греков, и 2) переход к феодализму, минуя рабовладельческую стадию (Godelier, стр. 32—33). Во втором случае феодализм препятствует развитию товарного производства, а следовательно, и зарождению капитализма.

Далее, автор ставит вопрос, вытекающий лишь отчасти из особенностей азиатского способа производства, а именно — почему наибольших результатов общественное развитие достигло в греко-римском обществе (т. е. в западном, европейском), так как целью этого развития является подчинение природы. Оно осуществляется при постепенном отходе от общинного принципа, при возникновении неравенства и противопоставления между личностью и группой (Godelier, стр. 35). Успехи европейского общества заключались в том, что оно и только оно дало техническое развитие и индустриальный капитализм. Это было достигнуто благодаря сочетанию двух условий: частной собственности, во-первых, и товарного производства, во-вторых, — сочетание, которое и создало оптимальные условия для развития техники и, следовательно, подчинения природы (Godelier, стр. 36). В свою очередь капитализм обусловил появление социализма. Западное, т. е. европейское развитие не является исключительным, настоящая его универсальность в его особенности, которая дала такие замечательные результаты для всего мирового развития, которое венчает социализм, новейший способ производства, несовместимый с другими способами (Godelier, стр. 39). В заключении автор еще раз подтверждает свое мнение о необязательности стадии рабовладения для общественного развития народов и взгляд на азиатский способ производства как на широко распространенную форму перехода от доклассового общества к классовому (Godelier, стр. 40).

Нам представляется существенным отметить, что всякая историческая теория может и должна рассматриваться и проверяться не только умозрительно, но и на основе исторических фактов.

Изучая общества Ближнего Востока первых шести веков нашей эры, мы пришли к выводам, имеющим прямое отношение к поставленным вновь вопросам, выводам, которые позволяют определить общественный строй этих обществ, теоретически

осмыслить процессы, в них происходящие. Мы пришли к заключению о правильности вывода, что восточные общества прошли те же этапы развития, что и западные, что закономерности, определенные основоположниками марксизма, имеют универсальный характер, и новые данные, открытые и не известные дотоле факты, укладываются и находят объяснение в этих закономерностях. Конечно, общественный строй и на западе, и на востоке, на том или другом этапе своего развития приобретает свои особые черты, но их своеобразие и особенности не меняют основного положения, их типической принадлежности той или другой общественной формации. Общественная формация является понятием общим, признаки, ее характеризующие, могут быть поделены на общие и частные, и общие, т. е. существенные признаки являются определяющими и для восточных, и для западных обществ. Частные черты придают своеобразие, являются дополнительными, необязательными признаками данного этапа развития.

Приведем некоторые соображения в связи с конкретными данными об общественном строе народов Ближнего Востока. Наличие оседлого и кочевого населения в изученные нами хронологические периоды создавало особенности, влияло на взаимоотношения народов и на характер общественного строя.

Для Византии до VII в. характерно разложение рабовладельческих отношений и зарождение феодальных, причем наиболее типичным явлением следует считать колонат. Колон уже не раб, но он и не крепостной, но его зависимость от господина и прикрепление к земле, к своей parcelle, могут быть определены как состояние переходное к положению крепостного. Нельзя забывать и того, что законодательство VI в. уделяет внимание не только колонам, но и крестьянским соседским общинам, в отношении которых проявлялась тенденция феодального их закрепощения. Здесь имел место полный цикл, общество прошло все стадии развития, в том числе и рабовладение. Это образец европейского развития, греко-римского, как его часто называют.

Нами часто указывалось, что в парфянский и сасанидский периоды в Иране имели место рабовладельческие отношения как патриархального характера, так и более сложного, развитого вида. Но тотальному развитию рабовладения, известного Греции и Риму, здесь препятствовал родоплеменной строй, традиции которого крепко держались. Община, выросшая на основе родоплеменных отношений, община, ставшая соседской, но крепко хранившая родовые традиции и память об общем племенном происхождении, стоит на пути слишком широкого, проникающего во все отрасли производства рабского труда.

Мы утверждали, что рабовладельческий строй Ирана отличался от строя античных обществ, рабство не было всепоглощающим, не все виды производительного труда выполнялись рабами. Источники свидетельствуют о существовании крестьянской общины, состоящей из свободных членов. На основании документального материала нами было доказано, что в Иране имелись рабы, сидевшие на земле, что parcelle не отчуждается без раба, а раб не продается без parcelle. Более того, юридические данные свидетельствуют, что рабы высвобождались из рабства путем получения права какую-то часть времени «работать на себя». Эти рабы являлись «свободными» на одну десятую, одну треть, в зависимости от того, сколько времени ему предоставлено для работы «на себя»³.

Таким образом, наличие рабовладельческих отношений в Иране III—V вв. не подлежит сомнению, оно засвидетельствовано законодательным материалом. Классовое общество Ирана отличается от рабовладельческого общества Рима тем, что наряду с рабским трудом производство поддерживалось трудом общин, в которых были живы родовые и родоплеменные связи. Это справедливо и для земледельческих, и для скотоводческих районов Ирана. Нами были описаны типические черты этого общества, в котором рабовладение занимало значительное место, общество, имевшее своеобразные, отличные черты по сравнению с рабовладельческими обществами античности. В Иране переход к феодальным отношениям осуществлялся, развиваясь в двух направлениях, путем высвобождения рабов, как мы указывали, и путем закрепления общин.

³ Н. П и г у л е в с к а я, Города Ирана в раннем средневековье, Л., 1956.

Феодальное подчинение свободных общин вызывало протесты, активное противодействие, народные движения. Мы анализировали эти процессы в тех наших работах, которые были посвящены маздакитскому движению, непосредственно связанному с противодействием общин их феодальному закреплению.

Общественный строй южноаравских государств в VI в. был нами описан на основании источников, относящихся к Неджрану. Это тип города-государства, во главе которого стоит племенная знать. Выделившийся из ее среды царь *mlk* (*τύραννος* греческих источников) был связан с другими знатными родами, у него был «соправитель», «сопрестольник» — *συμβασιλευς*. Царь был связан узами родства с семьей и родом, так как сабейские надписи свидетельствуют об одновременном правлении царя с братьями или царя-отца с сыновьями, что говорит о традициях, сложившихся по родовому и по семейному принципу. Источники говорят о наличии рабовладельческих отношений в Южной Аравии, где в то же время известны общины, сложившиеся с древнейших веков, общины, превратившие путем сложной системы ирригации свою землю в «счастливую Аравию». Общины управлялись кабирами и кайями. Таким образом, и здесь рабовладение в ограниченных размерах в виде патриархального и развитого рабства, как это ясно из источников, существовало наряду с общинами при сохранении прочных родоплеменных связей. Следует отметить, что если Иран в какой-то, хотя и очень слабой степени, подвергся эллинизации, затронувшей его западные области, притом в самой ограниченной степени, то Южная Аравия не знала эллинизма. Ее знакомство с христианством произошло через посредство сирийских проповедников и сирийской письменности. Тем более замечательно, что ее независимое, самобытное развитие дало формы общественного устройства, стадии организации производства, которые определяются типическими характеристиками закономерностей, установленных Марксом. Это город-государство, выросший из родоплеменного общества, со знатью патрицианского типа, которая решает его судьбы. Структура этого общества во многих своих чертах повторяет известные и характерные черты других восточных и западных обществ.

Не вызывает сомнений, что на Ближнем Востоке были общества, миновавшие в своем развитии рабовладельческую стадию общественных отношений. Интересно сопоставить, с одной стороны, мелкие арабские государства эллинистического типа, какими были в первые века нашей эры Эдесса, Пальмира и другие, сложившиеся как рабовладельческие, насколько можно судить по сохранившимся надписям и документам (позднеавилонская клинопись, пальмирские надписи, документы из Дуры, свидетельства греческих и латинских авторов). С другой стороны, ничто не дает право предполагать, что общественный строй северных арабских племен лахмидов, киндитов и гасанидов в IV—VI вв. носил рабовладельческий характер. Известно, что эти полукочевые племена, захватывая в огромных количествах военнопленных, перепродавали их как рабов на рынках Византии и Ирана; они не применяли у себя рабского труда и если сохраняли у себя рабов, то в совершенно ничтожных количествах. Никакой производственной роли у названных арабских племен рабы не играли.

Арабы Северной и Центральной Аравии в своем развитии миновали рабовладельческую стадию, как и другие кочевые и полукочевые народы. Халифат сложился как раннефеодальное государство, чему способствовали и формы общественных отношений, сложившиеся к VII в. в Иране и Византии. В этих полукочевых обществах господствует племенная аристократия, имеются значительные имущественные различия между знатью и рядовыми членами. Их характерной чертой является военная организация, войско в то же время и народ. Войско-народ собирается на вечерные сборища; для решения важнейших вопросов. Царь-военачальник, как у германских и славянских дружин, правит и у арабов. Он правит «с братьями и сыновьями», составляя семью или род, так как сыновья указывают на семейную традицию, которая начала теснить родовое начало, представленное братьями, составляющими все вместе знатный правящий род. При определении этого военного полукочевое общества нам не представлялось необходимым пользоваться определением «военная демократия», который, по нашему мнению, не точен. «Демократия» этого полувоенного строя арабов была весьма относительной. Может быть, с большим правом такое общество можно было бы назватьмоло-

дым варварским государством, не имевшим, как и на западе, рабовладельческой основы и развивавшимся соответственно своей стабилизации в соседстве с государствами раннефеодального строя или даже на их землях, как феодальные.

Некоторые ученые утверждают, что Марксово определение азиатского способа производства охватывало в его представлении весь докапиталистический период развития на Востоке, а не только древний. Другие, как академик В. В. Струве, относят это определение Маркса лишь к «древневосточному обществу»⁴. В то же время ряд обществ, начинавших позднее классовое развитие, «могли миновать в своем развитии рабовладельческую формацию»⁵. Считать формацией переходный период нельзя, и не мог длиться такой переходный период веками, поэтому высказанные нашими французскими коллегами положения нам не представляются правильными.

Необходимо также отметить, что важное значение в решении вопроса о формациях имеет характер собственности на землю. Новые материалы, в частности африканские, особенно насторожили в этом случае внимание исследователей. Годелье и другие отмечают, что строй, который они называют строем «азиатского способа производства», имеет форму собственности на землю своеобразную, не соответствующую ни рабовладельческой, ни феодальной форме, это—государственная собственность на землю, вернее общинно-государственная. Если это так, то тем более нельзя считать это положение относящимся к переходному периоду, оно может быть отмечено на многовековом периоде истории Индии.

При таких разных мнениях следует все же сказать, почему советские ученые перестали употреблять термин «азиатский способ производства». Прежде всего потому, что он указывает, что восточные общества прошли особый от западного путь развития, а это является неправильной и европоцентристской точкой зрения. Если согласиться назвать эту форму иначе, то в таком случае дело изменилось бы только на словах. Нам представляется правильным утверждение, что восточные общества прошли те же стадии развития, что и западные, но в своем развитии, на отдельных стадиях они имели особые, отличительные черты. Одни особенности были общими для истории ряда народов, другие были неповторимыми качествами данной истории, истории какого-нибудь одного народа.

Несомненно, что у оседлых народов Азии и Африки существовало рабовладение, но оно не носило того всепоглощающего характера, не охватывало всего производства, как в Риме. Это дает право говорить о рабовладельческой стадии развития восточных обществ, о формации, общей с античными обществами, но имеющей своеобразные черты. Более того, нет никаких оснований для того, чтобы отрицать факт развития некоторых «восточных» обществ, минуя рабовладельческую стадию. Община, глубокие родоплеменные связи способствовали особенностям такого развития, которое имело место у германских народов, может быть отмечено у некоторых славянских и скандинавских народов. По нашему мнению, такой строй, который нам известен в досасанидском Иране, может быть с правом назван рабовладельческим, хотя здесь отсутствовала гипертрофия рабства, рабовладение ограничивалось общинами и прочными родоплеменными отношениями.

В живой исторической ткани, если оставаться нелицеприятным исследователем исторических фактов, часто трудно точно определить, какие именно производственные отношения были господствующими; материал, далеко не полный, может в этом случае привести к заблуждению. Мы считали бы правильным, говоря о данном конкретном случае (досасанидский Иран), считать, что это—рабовладельческое государство, в котором рабство не развилось в «тотальных» формах Рима. Иран в дальнейшем перешел к раннефеодальным формам общественного развития.

Азиатский способ производства — лишь название для особенностей общественного строя, который не поддается определению в той форме, которая произвольно же-

⁴ В. В. Струве, Марксово определение раннеклассового общества, СЭ, 1940, № 3, стр. 7.

⁵ Там же, стр. 13.

лательна исследователю. Нам представляется, что в одном случае этот термин применяют к рабовладельческому обществу, не имеющему черт античного характера, но являющемуся некоторым своеобразием. В других случаях этим термином определяют раннефеодальное общество, характер которого не выявляет еще всей гаммы феодальных институтов. Нам представляется возможным остаться при наших конкретных описаниях и определениях, которые всякий раз были нами даны на основании конкретных данных, на основании тщательно изученных исторических источников.

Советские историки рассматривали учение Маркса о формациях как универсальное, определяющее стадии развития обществ и на западе, и на востоке.

Особенности характера развития отдельных обществ не меняют общих черт, основной линии, этапов, которые проходили эти общества на пути своего роста. Основоположники марксизма никогда не предполагали, чтобы своеобразие, детали исторического процесса могли изменить общую, основную картину закономерности развития, которое они в одинаковой степени наблюдали на всех континентах, в той степени, в какой им были доступны открытые в то время исторические материалы. Раскрывая общие закономерности, основоположники марксизма с удивительной глубиной отмечали особенности исторического развития отдельных обществ, что не мешало им видеть общее и закономерное в этих процессах. Учение Маркса верно, поэтому оно позволяет разгадывать, дает возможность определять и систематизировать новые, до того не известные сведения об обществах, подтверждая вновь и вновь универсальность тех положений, которые были ими установлены, и правильность учения об общественных формациях.

Н. В. Пигулевская

ПО ПОВОДУ ДИСКУССИИ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ «LA PENSÉE» И «EIRENE»*

Дискуссия об азиатском способе производства, развернувшаяся в последние два-три года на страницах исторических журналов в социалистических странах¹ и в марксистской печати капиталистических стран², поднимает важные вопросы социологии древнего мира. Нас, советских историков, это новое обсуждение вопросов, связанных с азиатским способом производства, заставляет вспомнить и еще раз пересмотреть результаты дискуссий конца 20 — начала 30-х гг.; ведь большинство из дискутируемых сейчас вопросов, может быть, на более узком материале, но в той или иной форме рассматривались и тогда, на дискуссиях в Москве, Баку, Ленинграде³. В чем состоят взгляды Маркса на азиатский способ производства? Можно ли считать этот способ универсальной категорией? Каково место азиатского способа производства в эволюции человеческого общества? Какие классы и какие классовые про-

* О дискуссии «La Pensée» см. также М. А. Витгин и Н. Б. Тер-Акопян, По страницам журнала «La Pensée», Вопросы философии, 1965, № 3, стр. 172—176.

¹ См., например, Velosag, 1962, № 5, 1963, № 4; ArOr, 1963, 31; «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, 1; «Eirene», III, 1964.

² См.: «La Pensée», № 114 и № 117; «Rinascita», 5 ottobre 1963; 23 novembre 1963; «Marxism Today», № 6 (1962); «Sciens and Societi», XXVIII, № 4 (1964).

³ См. «Дискуссия о социально-экономических формациях», «Историк-марксист», 1930, т. XVI; «Об азиатском способе производства», Изд-во «Закннига», 1930; «Общество марксистов-востоковедов. Дискуссия об азиатском способе производства», М.—Л., Соцэкгиз, 1934, см. также ИГАИМК, вып. 77, М.—Л., 1934 (дискуссия по докладу В. В. Струве «Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока»).

творения порождаются азиатским способом производства? Эти и многие другие вопросы, вставшие впервые в конце 20-х годов, вновь волнуют умы исследователей.

Одной из основных причин оживления интереса к азиатскому способу производства в настоящее время, как указывают многие из участников дискуссии, является более близкое знакомство с общественным устройством освобождающихся от колониального гнета государств Азии и Африки и потребность осмысления их социальной структуры и перспектив дальнейшего развития.

Особенностью новой дискуссии является то, что пока она идет несколько односторонне: выступают в печати только сторонники азиатского способа производства, причем с довольно резкой критикой тех, кто не признает существование азиатского способа производства или не употребляет сам термин. Дискуссии 20 — 30-х гг. и концепции советских востоковедов не находят всесторонней оценки в этих выступлениях ⁴.

Так как только заключения, основанные на глубоком и детальном изучении конкретного исторического материала, могут иметь действительную ценность в том или ином решении этого вопроса, я не беру на себя смелость высказать какое-то определенное суждение об азиатском способе производства. Я хочу лишь поделиться с читателями мыслями, которые возникли у меня при ознакомлении с материалами дискуссии, и привлечь внимание к вопросам, поднятым ее участниками.

В современной дискуссии, как правильно заметил Ж. Шено, прослеживаются два направления: 1) интерпретация понятия азиатский способ производства в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса и 2) попытки исследователей теоретически осмыслить конкретный исторический материал, используя понятие азиатский способ производства.

Из специальных работ, посвященных толкованию понятия азиатский способ производства в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, можно назвать работы М. Годелье «Понятие „азиатский способ производства“ и марксистская схема развития общества» ⁵, Ф. Тёкеи «Азиатский способ производства в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса» ⁶.

Основываясь на том, что Маркс неоднократно подчеркивает различия рабовладельческого, феодального и азиатского способов производства, Тёкеи утверждает, что концепция азиатского способа производства является органической частью учения Маркса о развитии человеческого общества. Возникновение азиатского способа производства Маркс связывал, по мнению Тёкеи, с двумя факторами: наличием общины и спецификой географической среды. Отмечая, что у Маркса нет анализа классовой структуры азиатских обществ, Тёкеи склонен считать, что Маркс рассматривает эти общества как примитивные, без четкой классовой дифференциации. Акцентируя внимание на застойности обществ, основывающихся на азиатском способе производства, Тёкеи указывает, что Маркс видел причины застойности в об-

⁴ Отказ советских историков в ходе дискуссий в конце 20 — начале 30-х гг. от применения термина азиатский способ производства Я. Печирка и Ж. Шено целиком сводят к тому, что задачи текущей политики возобладали над задачами разработки научной теории, см. J. P e č i r k a, Die sowjetischen Diskussionen über die asiatische Produktionsweise und über die Sklavenhalterformation, «Eirene», III, 1964, стр. 154; J. C h e s n e a u x, Le mode production asiatique: une nouvelle étape de la discussion, «Eirene», III, 1964, стр. 145. Едва ли можно согласиться и с утверждением, что в советской историографии древнего Востока начиная с 30-х гг. и вплоть до последнего времени идет скрытая (без употребления термина) дискуссия об азиатском способе производства (P e č i r k a, ук. соч., стр. 147). Более прав Ш. Парени, рассматривающий итоги дискуссии 20—30-х годов как определенный этап в развитии марксистской исторической мысли («La Pensée», № 114, стр. 3).

⁵ M. G o d e l i e r, La notion de «mode de production asiatique» et les schémas marxistes d'évolution des sociétés, Les Cahiers du CERM, P., s. a.

⁶ F. T ö k e i, Le mode de production asiatique dans l'oeuvre de K. Marx et F. Engels, «La Pensée», № 114, 1964.

щинной форме земельной собственности и соединении в рамках общины ремесла и земледелия. Исходя из своей интерпретации высказываний Маркса об азиатском способе производства, Тёкеи делает вывод, что образование системы общин и фискального государственного режима — естественноисторический процесс, тогда как типичное греческое развитие определяется частными историческими фактами. Считая азиатский способ производства самостоятельной социальной категорией, равнозначной античному, феодальному и другим способам производства, Тёкеи, однако, не затрагивает вопроса о существовании особой социально-экономической формации, соответствующей этому способу производства. Из работ Тёкеи скорее вытекает предположение, что понятия формация и способ производства не совпадают ⁷.

У Годелье понятие азиатский способ производства служит отправным пунктом для его собственных теоретических построений. Он считает, что Маркс, вводя понятие азиатский способ производства, «сам того точно не сознавая», охарактеризовал еще один тип общества — общество, переходное от бесклассового к классовому. Азиатский способ производства он считает категорией универсальной, имевшей два пути развития в направлении рабовладельческого общества и в направлении феодального.

Если Тёкеи делает упор на изолированность отдельных общин, то Годелье говорит о двух типах обществ — с крупными общественными работами и без крупных общественных работ. Тёкеи, как уже указывалось, отмечает застойность в развитии обществ, основанных на азиатском способе производства; Годелье, напротив, утверждает, что азиатский способ производства не означает застоя, а представляет собой дальнейший прогресс производительных сил, достигнутый на базе общинного способа производства. Если Тёкеи не видит существенных расхождений во взглядах Маркса и Энгельса на азиатский способ производства, то Годелье считает, что Энгельс отказался от этого понятия в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» под влиянием ошибочных, с его точки зрения, выводов Моргана о характере общественного устройства гомеровской Греции ⁸.

Попытки осмыслить конкретно-исторический материал, используя понятие азиатский способ производства, предпринимаются рядом исследователей, специалистов по истории стран Азии и Африки ⁹, и среди них расхождений во взглядах еще больше. Пожалуй, наиболее последовательную позицию занимает Ж. Сюре-Каналь. Изучая историю доколониальных обществ тропической Африки, он пришел к заключению, что те общества, где сложилось государство, нельзя характеризовать ни как рабовладельческие, ни как феодальные. Хозяйственной основой этих обществ является или большая семья, или сельская община с коллективной собственностью на землю. Различие между «пленными» и «свободными» представляется в качестве основного социального расслоения (ук. соч., стр. 34), но «пленные» не играли какой-то определенной роли в производстве. Эксплуатируемый класс — это жители деревень (включая и «пленных»). Господствующий класс соединял в себе племенную, военную и должностную аристократию во главе с царем. Государство, помимо «принудительного преодоления общественных антагонизмов», выполняло и некоторые экономические функции, в частности, обеспечивало осуществление торгового обмена, но в Африке оно никогда не имело того деспотического характера, который был свойствен азиатским

⁷ Это подметил и Ж. Шено (ук. соч., стр. 140, прим. 30).

⁸ Godelier, ук. соч., стр. 28.

⁹ См., например, F. Tökei, Les conditions de la propriété foncière dans la Chine de l'époque Tcheou, «Acta antiqua», VI, F. 3—4, 1958; T. Pokora, Existierte in China eine Sklavenhaltergesellschaft?, ArOr, 1963, т. 31; J. Chesneau, Le mode production asiatique: quelques perspectives de recherche, «La Pensée», № 114, 1964; J. Suret-Canalet, Les sociétés traditionnelles en Afrique tropicale et le concept de mode de production asiatique, «La Pensée», № 117, 1964; P. Boteau, Les droits sur la terre dans la société malgache précoloniale (Contribution à l'étude du «mode de production asiatique»), «La Pensée», № 117, 1964.

обществам. Такая социальная и экономическая структура, по его мнению, соответствует тому, что Маркс определял как азиатский способ производства. Основная структура азиатского способа производства, говорит Сюре-Каналь, состоит в сосуществовании типа производства, основанного на деревенской общине, коллективной собственности на землю (исключающей всякие формы частной собственности) с эксплуатацией человека человеком в формах, могущих быть весьма разными, но которые всегда опосредствованы общиной. Определяемый таким образом азиатский способ производства имеет универсальную ценность. Азиатские общества, о которых писал К. Маркс, составляют один вариант этого способа производства, африканские — другой (ук. соч., стр. 43). Поэтому Ж. Сюре-Каналь предлагает считать азиатский способ производства общеисторической категорией, являющейся переходной стадией от первобытного коммунизма к классовому обществу. И так как термин «азиатский способ производства» носит географический оттенок, он предлагает найти какое-то новое обозначение этой стадии развития общества.

Ж. Шено, выступивший с обзором дебатов об азиатском способе производства в «La Pensée» и в «Eirene»¹⁰, также считает азиатский способ производства самостоятельной, качественно отличной от рабовладения и феодализма стадией развития человеческого общества, свойственной большинству известных нам обществ Азии, Африки и доколумбовой Америки. Следы этого способа производства он находит, например, в современной общественной структуре вьетнамских и индонезийских деревень. По его мнению, азиатский способ производства характеризуется «сочетанием производительной активности сельских общин и экономическим вмешательством государственной власти, которая эксплуатирует этих последних и одновременно управляет ими» («La Pensée», № 114, стр. 41). У Ж. Шено заметна вполне определенная тенденция объединять в понятие азиатский способ производства и общества, находящиеся на стадии формирования классов (например африканские), и высокоразвитые общества древнего и средневекового Востока. Подчеркивая универсальность этого способа производства, Шено также настаивает на изменении названия и предлагает свой вариант — *despotico-villageois* («La Pensée», № 114, стр. 51), буквально: деспотическо-деревенский. Основным структурным, как он называет, противоречием этого способа производства Шено считает не противоречие между крестьянами сельских общин и государственной властью (это, по его мнению, противоречие функционирования), а противоположность между государственной формой эксплуатации крестьян и тенденцией частного присвоения земли (представителями господствующего класса?). Поэтому в отличие от Сюре-Каналья, подчеркивающего застойность, Ж. Шено считает, что общество азиатского способа производства при определенных условиях (например, внешнем толчке) может эволюционировать в феодальное, причем это последнее имеет в силу своего происхождения специфические черты, отличающие его от западного феодализма¹¹.

¹⁰ «La Pensée», № 114, 1964; «Eirene», III, 1964.

¹¹ В вопросе о застойности азиатского способа производства позиция Шено не совсем ясна. Своей формулировкой «структурного» противоречия он как будто обосновывает возможность эволюции азиатского способа производства в феодальный. Но затем оговаривает, что эти противоречия лишь в некоторых случаях, например, «под действием ударов, нанесенных извне» (*sous l'effet de coups portés de l'extérieur*), становились достаточно мощными, чтобы разрушать единство деревенских общин и в то же время дать отпор представителям «высшего единства» и чтобы установить внутри деревень частную эксплуатацию крестьян собственниками; одним словом, заставить идти эти общества азиатского способа производства к феодальному способу производства («La Pensée», стр. 52—53). Правильнее, на мой взгляд, подходит к этому вопросу Сюре-Каналь. Признавая застойность в развитии африканских обществ, отмечая даже случаи регресса (когда в результате усиления эксплуатации общин государством обострение социальных противоречий приводило к временному разрушению государства и восстановлению патриархально-общинных отношений), он тем не менее высказывает предположение, что эта циклическая эволюция в Африке, поскольку она содер-

Не имея возможности остановиться на всех работах, в которых рассматривается азиатский способ производства (тем более, что это достаточно обстоятельно сделал уже Ж. Шено в своих обзорах), позволю себе высказать некоторые общие и весьма предварительные замечания относительно современной дискуссии.

По существу и в прежней и в новой дискуссии в основе споров о содержании понятия азиатский способ производства лежат, как мне кажется, неясности и расхождения в толковании важнейшей категории исторического материализма — общественно-экономической формации. Сколько формаций и какие можно проследить в развитии человечества? Можно ли установить какую-то закономерную последовательность в смене одной господствующей формации другой или можно говорить об одновременном (более или менее длительном) сосуществовании двух или нескольких формаций? Какова степень общности каждой общественно-экономической формации, иными словами, все ли человечество прошло одни и те же стадии развития? Эти вопросы поднимались в дискуссии 20-х и 30-х гг. Они встают и сейчас при выявлении сущности понятия азиатского способа производства, только, может быть, в менее отчетливой форме.

Как известно, в итоге дискуссии 20-х и 30-х гг. в советской историографии утвердилась концепция о закономерной смене в истории человеческого общества пяти общественно-экономических формаций: первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической. Было признано, что употребляемое К. Марксом понятие азиатский способ производства нельзя рассматривать как социологическую категорию, дающую основание для выявления какой-то особой азиатской формации.

В новой дискуссии эта концепция поставлена под сомнение. Наиболее определенно в этом плане высказывается, как кажется, Бронислав Дюрдев¹². В статье «О процессе развития человечества до современной цивилизации» (опубликованной в «Югославском историческом журнале», 1963, 1) он утверждает, что учение о закономерной смене пяти общественно-экономических формаций — сталинское извращение марксизма (стр. 18). Делая главный упор на положении Маркса о том, что развитие человеческого общества следует рассматривать как естественноисторический процесс, Б. Дюрдев считает, что общества докапиталистических способов производства (т. е. азиатское, рабовладельческое и феодальное) основываются на естественном отношении к природе в отличие от капиталистического, основывающегося на отношениях, созданных в процессе исторического развития. По его мнению, только по отношению к этому последнему Маркс употреблял понятие «экономическая формация общества», поэтому нельзя это понятие превращать в общую социологическую категорию.

В работах Годелье и других французских товарищей вообще не употребляется термин «формация»; он заменен понятиями способ производства и общество. Однако термин «формация» не привнесен в марксизм кем-то, а применен впервые К. Марксом в качестве категории, обобщающей представление о совокупности всех социально-экономических, политических и идеологических черт общества, находящегося на определенной стадии развития. Блестящий разбор теоретического значения введенного Марксом понятия общественно-экономическая формация дал Ленин в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» (В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 1, стр. 118—125).

Сопоставление понятий «формация» и «способ производства» в трудах классиков марксизма позволяет заключить, что они не совпадают. И дело не только в том, что понятие «формация» шире, чем понятие «способ производства». Маркс употребляет термин способ производства в двух значениях: как обобщающую экономическую категорию (способ производства капиталистический, феодальный, рабовладельческий и т. д.) и как конкретное понятие (способ производства различных об-

жала некоторые прогрессивные изменения, могла привести к качественным переменам (стр. 42).

¹² Вопросу об этапах развития человеческого общества была посвящена также дискуссия, организованная журналом «Marxism Today» в 1962 г.

ции — Капитал, т. I, гл. XII, § 4, стр. 359)¹³. Как мне кажется, в таком же конкретно-историческом смысле употребляет Маркс термин «способ производства» в работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», когда рассматривает экономический базис азиатских и германских общин. Поэтому едва ли прав Годелье, когда он насчитывает семь способов производства и рассматривает как самостоятельные и равноценные по социологической значимости понятия азиатский, античный, рабовладельческий, германский, феодальный и т. д. способы производства.

С точки зрения классовых отношений Годелье характеризует азиатский способ производства весьма расплывчато. Эта социальная структура, по его мнению, «является последним обществом без классов и в то же время первым классовым обществом»¹⁴. И это не случайно. В работах К. Маркса и Ф. Энгельса мы не найдем детальной характеристики ни классового состава, ни форм эксплуатации в обществах азиатского способа производства. Маркс или называет две политические (или социальные?) организации, противостоящие друг другу, — община и деспотия, или говорит о поголовном рабстве населения.

Множественно по разным поводам характеризуя формы эксплуатации непосредственного производителя в эпохи, предшествующие капитализму, Маркс всегда называет лишь две формы: рабовладение и крепостничество (или рабовладельческую и феодальную), сопровождая иногда добавлением «и др.», что означает «и др.» — трудно установить. Эти мои замечания направлены к тому, что едва ли правомерно искать у Маркса законченной и детально разработанной концепции азиатского способа производства¹⁵ (так же как и законченного и детально разработанного учения о рабовладельческой и феодальной формации). В этой связи уместно напомнить слова Ленина о том, что Маркс «дал научный анализ одного общества и одного прогресса — капиталистического» (В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 127—128), что теория Маркса «претендует только на объяснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой. Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу...» (там же, стр. 128).

Разрозненные замечания Маркса и Энгельса, их наблюдения и анализ отдельных явлений экономической и социальной жизни стран Востока в разные эпохи каждый исследователь пытается привести в систему, руководствуясь своей логикой, своими представлениями о ходе исторического процесса в этих странах. Этим и объясняется такая пестрота в изображении азиатского способа производства и такая дискуссионность этого вопроса.

Мне кажется, что сторонники азиатского способа производства объединяют в одну проблему два разных теоретических вопроса: вопрос о переходных состояниях общества в процессе развития от первобытнообщинных отношений к классовым и вопрос об особенностях социальной структуры европейских и неевропейских обществ (как обычно называют их участники дискуссии).

Вопрос о переходных состояниях общества от одной формации к другой (в особенности докапиталистических) — один из сложнейших и еще недостаточно разработанных в марксистской историографии¹⁶. Вспомним, сколько нерешенных или спорных вопросов встает перед исследователем такого, казалось бы, сравнительно хорошо освещенного

¹³ См. также К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 345 (изд. 1954 г.), где Маркс говорит о «докапиталистических национальных способах производства» Индии и Китая.

¹⁴ G o d e l i e r, ук. соч., стр. 28, а также см. его тезисы в НАА, 1965, № 1, стр. 104.

¹⁵ Это признает и Ж. Шено (см. «La Pensée», № 114, стр. 39), но считает эту концепцию достаточно обоснованной, чтобы дать научное объяснение эволюции азиатских, африканских и американских обществ.

¹⁶ См. «История и социология», М., 1965, стр. 28.

ценного источниками и изученного периода, как IV—IX вв. н. э. в Западной Европе. Тем более осложняется исследование и осмысление периодов становления классового общества в европейских и неевропейских странах при скудости или даже почти полном отсутствии письменных памятников.

По-видимому, употребляемое Энгельсом понятие «военная демократия» не дает исчерпывающего осмысления этапов перехода от бесклассового общества к классовому, от племенного строя к государственному. Источники зачастую свидетельствуют о наличии государственной власти и не дают представления о классовой структуре общества. Какой характер носит общество, в котором налицо государственная власть, т. е. органы насилия, обеспечивающие повиновение всего населения, наличествуют рабы, но они не играют сколько-нибудь заметной роли в производстве, а прибавочный продукт, обеспечивающий потребности правящей верхушки, создается трудом всего населения, сохранившего в той или иной степени формы общинной организации — такой вопрос встает не только перед исследователем истории тропической Африки, но и перед исследователем истории древней Греции (скажем, при изучении Фессалии, Элиды или любой другой области в доклассический период), перед исследователями франкского общества или истории славян.

При анализе истории Греции, принимая во внимание тенденцию развития (для всех совершенно очевидную), мы, не задумываясь, определяем эти государства как рабовладельческие с момента их возникновения. Правомерно ли это? И есть ли основания почти аналогичную структуру в тропической Африке или в Азии определять как общества с азиатским способом производства? ¹⁷ Годелье, вводя азиатский способ производства в качестве универсальной стадии последнего бесклассового и первого классового общества, имеет в виду именно этот переходный период. Но применение к этому периоду понятия азиатский способ производства лишь затемняет и осложняет представление о процессе становления классового общества.

Нужно ли рассматривать этот переходный период как формацию? Если бы основным признаком формации была длительность существования, то, не задумываясь, можно было бы ответить положительно, так как почти всегда этот период растягивается на несколько столетий. Но в одних случаях процесс образования классов приводит (бесспорно) к рабовладельческому обществу (в Греции), в других — к феодальному (Франкское королевство, славянские государства). И так как он протекает в условиях разного уровня развития производительных сил, уже на основании только одного этого признака едва ли можно говорить об одинаковом способе производства и, следовательно, едва ли можно всегда объединять эти переходные общества в единую формацию.

Вопрос об особенностях социальной структуры европейских и неевропейских обществ в дискуссии по существу сводится к различию между обществами, утратившими общинные связи на ранних ступенях развития, и обществами, сохранившими вплоть до проникновения капиталистических отношений значительные элементы общинного устройства, тормозившего развитие частной собственности на землю. Только эти признаки азиатского способа производства и признаются всеми участниками дискуссии, остальные подчеркиваются одними и отрицаются другими.

Эта особенность, по-видимому, прежде всего относится к странам древнего Востока — Китаю, Индии, Месопотамии, Египту. Я не могу судить, в какой мере понятие азиатский способ производства применимо к тому или иному периоду истории

¹⁷ Сходство в ранних стадиях развития греческого и азиатского обществ отметил уже К. Маркс; см., например, его замечание о том, что мелкое крестьянское хозяйство и производство самостоятельных мелких ремесленников становятся экономической основой классического общества, «когда первоначальное восточное общинное владение уже разложилось, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени». Капитал, т. I, гл. XI, стр. 341, прим. 24. (Разрядка моя.— А. П.)

Индии и Китая. Что касается Египта, то по этому вопросу мне представляется возможным высказать некоторые замечания.

В какой мере характерные признаки азиатского способа производства (верховная собственность государства на землю и наличие замкнутой общины) проявлялись в эпохи Древнего, Среднего и Нового царства — не берусь судить. Ко времени македонского завоевания верховная собственность государства на землю, по-видимому, носила в значительной мере номинальный характер. Птолемеи попытались восстановить принцип государственной собственности, этого же принципа придерживались римские императоры. Однако экономические отношения неуклонно развивались в направлении укрепления частновладельческих прав и привели к концу IV в. н. э. к полному исчезновению категории государственных земель и превращению египетских земледельцев в собственников земли, или в частных и в имперских колонов. Сельская община, по-видимому, уже при Птолемеях стала носить фискальный характер; поздние римские документы (III—IV вв.) доказывают это совершенно неопровержимо. Причины перерождения общин следует видеть прежде всего в значительном расслоении общинников, притоке греческих и прочих переселенцев, влиянии развития товарно-денежных отношений. Несомненно, нивелирующее влияние Римской империи играло немалую роль в исчезновении специфики египетских социальных отношений, однако следует отметить, во-первых, что этот процесс шел стихийно и даже вопреки стремлениям Птолемея и римских императоров законсервировать эти отношения, во-вторых, исчезновение (или сглаживание) черт азиатского способа производства отнюдь не сопровождалось повышением роли рабского труда в производстве (т. е. никаких существенных изменений в производственных отношениях не происходило, менялось лишь их юридическое выражение). Процесс феодализации в Египте V—VII вв. протекал в формах, весьма близких (если не идентичных) к тем, которые имели место в западных провинциях. Из этого следует, что между римским рабовладельческим способом производства и египетским (азиатским?) способом производства, по-видимому, не было принципиальной разницы.

Что касается Месопотамии, то следует напомнить, что точка зрения акад. Тюмеева о двух — восточном и греко-римском — путях развития рабовладельческой формации основывается на детальнейшем изучении им социально-экономических отношений в Междуречье, на тщательном исследовании конкретного исторического материала. К тому же она позволяет проследить непрерывную прогрессивную эволюцию этого общества (чего, скажем, нельзя сделать на основании концепции Ж. Шено).

В заключение хочется высказать пожелание, чтобы дискуссия об азиатском способе производства способствовала творческому сотрудничеству советских историков и наших зарубежных коллег в дальнейшей разработке социологических проблем древней истории.

А. И. Павловская

ДРЕВНЕЙШИЙ ПИСЬМЕННЫЙ ПАМЯТНИК КАВКАЗА*

Интерпретируемая нами надпись найдена в 1960 г. в двух км от г. Майкопа, на хуторе Северо-Восточные Сады. На приусадебном участке гр-на Вишневого, что расположен по Садовой улице, при углублении ямы для нового, взамен подгнившего столба, были обнаружены камни, на одном из которых вырезаны непонятные знаки¹.

Сын гр-на Вишневого Григорий, учащийся средней школы, принес этот камень со знаками школьному учителю истории В. И. Сохрякову, который хранил его у себя до осени 1962 г., когда он передал его в Адыгейский научно-исследовательский институт в г. Майкопе, археологу А. П. Дитлеру. В начале 1963 г. А. П. Дитлер ознакомил с памятником ленинградского кавказоведа Л. И. Лаврова, после чего камень был отвезен Л. И. Лавровым в Ленинград для показа специалистам по древним письменностям². Осенью 1963 г. благодаря любезности Л. И. Лаврова мы имели возможность ознакомиться с этим памятником и приступить к его изучению.

На камне оказалась надпись, выполненная псевдоиероглифическим библским письмом несколько своеобразной формы. Мы полагаем именовать этот извод (вариант) псевдоиероглифического письма колхидским.

Памятники библского псевдоиероглифического письма впервые были найдены при раскопках Библа в 1929 г. археологом Морисом Дюнаном³. Псевдоиероглифическая письменность Библа засвидетельствована двумя хорошо сохранившимися бронзовыми табличками, одной поврежденной, тремя фрагментами каменных плиток и четырьмя бронзовыми сакральными лопаточками (спатулами). Памятники датируются согласно археологическим данным началом II тыс. до н. э. (примерно 1900—1700 гг.).

Псевдоиероглифическая письменность памятников Библа была дешифрована Эдуардом Дормом в 1946 г.⁴, работу которого продолжил Аятон Ирку⁵.

Предложенное Дормом и развитое Ирку чтение псевдоиероглифического библского письма не получило еще в науке полного признания, однако наша надпись, столь далеко отброшенная от центра зарождения письма, основательно поддерживает выводы Э. Дорма и А. Ирку. Это особенно важно отметить и потому, что надпись, будучи вышлепена, по нашему мнению, на одном из кавказских языков, расширяет ареал распространения и использования псевдоиероглифического библского письма.

Псевдоиероглифическое библское письмо первоначально было слоговым, но уже довольно рано слоговые знаки в соответствии с особенностью семитических языков

* От редколлегии ВДИ. Публикуя настоящую статью Г. Ф. Турчанинова, редколлегия ВДИ считает необходимым ознакомить широкие круги ученых с загадочной надписью, дешифровка которой представляет задачу чрезвычайно сложную. Редколлегия надеется, что публикация надписи вызовет отклики других специалистов.

¹ На других камнях, которыми был забутован столб, как сообщил нам археолог А. П. Дитлер (Адыгейский НИИ), никаких знаков не оказалось.

² Эти сведения почерпнуты из статей В. П. Пачулиа (газ. «Адыгейская правда» от 22.XII.1963 г., № 254 (8674) и абхазск. журн. «Алашара», № 6, 1963, стр. 92—93), которые были присланы нам их автором. Пользуемся случаем выразить здесь ему нашу признательность.

³ M. D u n a n d, *Byblia Grammata. Documents et recherches sur developpement de l'écriture en Phénicie. République Libanaise. Ministère de l'Education Nationale et Beaux-Arts. Direction des Antiquites. Études et Documents d'Archéologie. II, Beyrouth, 1945* (далее — DBGr., а также D u n a n d (по Diringer'y)).

⁴ E. D o r m e, *Déchiffrement des Inscriptions pseudo-hiéroglyphiques de Byblos, «Syria», XXV, 1—2, 1946—1948, стр. 1—35; о н ж е, Communication déchiffrement des Inscriptions pseudo-hiéroglyphiques de Byblos, CRAI, 1946, стр. 360—365 и 472—479.*

⁵ A. I i r k u, *Wortschatz und Grammatik des gublischen Inschriften, ZDMG, 102, 1952, стр. 201—214* (у нас в табл. IV: Iirku).

потеряли свою слоговость, перестали строго различаться и употреблялись только с учетом обозначаемых ими согласных. Считается почти несомненным, что псевдоиероглифическое библское письмо послужило основой для создания в середине II тыс. до н. э. финикийского линейного письма, ибо все без исключения знаки этого письма имеют свои прототипы во псевдоиероглифике ⁶.

Некоторое время финикийское псевдоиероглифическое и финикийское линейное письма сосуществовали. Имеются памятники, в которых налицо буквы обоих писем, например, статула 'Азрубала. Есть несколько линейных букв и в нашей надписи. К концу II тыс. до н. э. линейное письмо, как более простое и доступное, вытеснило псевдоиероглифическое.

Памятников псевдоиероглифического библского письма за пределами Библа до сих пор обнаружено не было, тем самым интерпретируемая нами кавказская находка оригинального извода этого письма приобретает исключительное культурно-историческое и научное значение.

Совершенно естественно, что обстоятельства, при которых стало известно миру псевдоиероглифическое библское письмо, и обстоятельства, при которых был обнаружен наш памятник этого письма, исключают вопрос о возможности подделки кавказской находки.

1. *Внешний вид памятника.* Находка представляет собой плитку мелкозернистого светло-серого расщеченного бурыми пятнами кварцита. Форма камня: неправильный, обращенный нисходящим углом вправо, треугольник (см фото). По вертикали, в самой широкой части, размер камня достигает 20 см, в самой узкой — 2 см. По горизонтали, у основания, размер камня = 22 см. Площадь поверхности камня ≈ 220 кв. см. Толщина куска в среднем 4—5 см. Лицевая поверхность камня, на которой вырезаны знаки, фигуры и линии, относительно гладкая. Тыльная сторона камня носит следы грубого скола. Лицевая сторона плитки патинизировалась, цвет ее более темный, чем цвет тыльной стороны. Предварительной разведкой, произведенной в декабре 1963 г. на месте и вблизи находки плитки, установлено, что порода камня, на котором вырезана надпись, — местная.

Уже с первого взгляда на заполненную знаками, фигурами и линиями поверхность камня можно заключить, что мы имеем дело не с фрагментом, а с законченным произведением графики. Резчик использовал для надписи кусок камня в его естественной или почти естественной форме.

Центральная часть интерпретируемого нами графического произведения занята фигурами, которые не вмещаются в знаки псевдоиероглифического библского письма. Здесь, как можно предполагать, воспроизведен то ли чертеж города, то ли отпечаток с царской печати, не исключающий наличия в нем пиктограмм. Исследование этой части камня лежит в будущем.

Центральная часть памятника отделена от других его частей, размещенных вправо, влево и вверху, глубоко врезанными линиями на шесть неодинаковой величины частей, именуемых нами в дальнейшем условно сегментами. Надпись размещена внутри упомянутых шести сегментов (см. фотографии). Счет сегментов надписи мы ведем справа налево.

По месту находки памятника надпись названа нами Майкопской, а по особенностям письма — Кодхидской.

2. *Интерпретация графической стороны надписи.* Сопоставление букв Майкопской надписи колхидского письма с буквами памятников собственного псевдоиероглифического библского письма имело в нашем исследовании несколько этапов ⁷.

⁶ И. Ш. Ш и ф м а н, Финикийский язык, М., 1963, стр. 15—16, табл. стр. 17.

⁷ В процессе работы, которая велась по пластилиновому эстампажу, нам неоднократно приходилось обращаться к подлиннику в целях уточнения той или иной детали, снимать с отдельных букв оттиски на фольгу, проверять habitus букв под лупой. Работа над графической стороной памятника велась параллельно с интерпретацией текста памятника. Буквы подсказывали текст, текст корректировал буквы.

МАЙКОПСКАЯ НАДПИСЬ КОЛХИДСКОГО ИЗВОДА ПСЕВДОИ

ТАБЛ. I ЕДИНИЧНЫЕ БУКВЫ НАДПИСИ (В ПОРЯДКЕ РАЗМЕЩЕНИЯ ИХ В ТЕКСТЕ).

№№ букв на эстамп.	habitus букв	финикийск. значение букв	Колхидское значение букв	№№ букв на эстамп.	habitus букв	финикийск. значение букв	Колхидское значение букв	№№ букв на эстамп.	habitus букв	финикийск. значение букв	Колхидское значение букв
1		j ₁	ī	23		c(s)	e	37		'	ġ
2		z ₁	z	26		k ₂	k	40		h	h
3		t	t	27		—	n	41		n	n
4		—	h	28		š ₁	š	42		z	dz
5		d	d	29		w ₃	ū	43		k ₂	k
11		b ₁	b	35		n ₁	n	44		n ₁	n
22		l ₂	l	36		b	b				

ТАБЛ. II Лигатуры и буквенные соединения надписи (в порядке размещения их в тексте).

№№ букв и знаков на эстамп.	habitus лигатур и соединений	буквы и знаки, входящие в лигатуры и соединен.	финикийск. значение букв и знаков	Колхидс. значение букв и знаков	№№ букв и знаков на эстамп.	habitus лигатур и соединений	буквы и знаки, входящие в лигатуры и соединен.	финикийск. значение букв и знаков	Колхидс. значен. букв и знаков	№№ букв и знаков на эстамп.	habitus лигатур и соединений	буквы и знаки, входящие в лигатуры и соединен.	финикийск. значение букв и знаков	Колхидс. значение букв и знаков
6			h	h	15			t ₄	t	30			' ₂	ġ
7			—	детерм. см. табл. III	16			b ₁	b	31			w	ō(ū)
8			m ₃	m	18			h	h	32/33			Цифра, см. ниже.	
9			r ₁	r	19			z ₁	z	34			k ₂	k
10			n	n	20			—	w	32			z	20(10+10)
13			'a	a	21			t ₃	t	33			1(один)	1(один)
14			h	ā	24			m ₃	m	38				—
					25			z ₃	z	39				—

ТАБЛ. III ДЕТЕРМИНАТИВЫ МАЙКОПСКОЙ НАДПИСИ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДЕТЕРМИНАТИВАМИ ХЕТТСКОГО ИЕРОГЛИФИЧЕСКОГО ПИСЬМА).

Рис. 1 — «ЦАРЬ», сравн. хеттск. иероглифич. , вар. — id.

Рис. 2 — «ГОРОД», сравн. хеттск. иероглифич. — id.

Рис. 3 — «ПРАВИТЕЛЬ», сравн. хеттск. иероглифич. , вар. — id.

Рис. 4 — «СТРАНА», сравн. хеттск. иероглифич. , вар. — id.

Примеч.: детерминативы 1 и 4 даются вне лигатур, см. табл. II.

ЕРОГЛИФИЧЕСКОГО БИБЛСКОГО ФИНИКИЙСКОГО ПИСЬМА

ТАБЛ. IV Буквы и цифры Майкопской надписи в сопоставлении с буквами и цифрами древнейших памятников псевдоиероглифического библского и линейного финикийских писем.

Буквы в рубриках 1, 2, 3, 4 и 5 размещены в порядке букв семитического алфавита; цифра в верхнем углу квадрата, слева, указывает на № буквы или цифры на эстампаже Майкопской надписи. См. рис. 2. Сокращения источников см. в списке литературы.

1 Буквы и цифры Майкопской надписи, имеющие сходный *habitus* и занимающие сходное положение в строке, что и в псевдоиероглифическом и линейном финикийских письменах.

Майкопск.	¹⁶ →	⁶ ⤴	¹⁴ ⤴	³¹ П	⁴³ ⤴	³⁴ Ⓞ	²² 2	⁴¹ Ⓞ	⁹ 9	²⁸ Ⓞ	³ +	¹⁵ 8	³³ 1	Всего 12 букв и 1 цифра
финикийс.	2	6 ₁ ⤴	h ⤴	h П	w ⤴	k ₂ Ⓞ	k ₁ 2	l ₂ Ⓞ	n 9	r ₁ Ⓞ	s ₁ +	t 8	t ₄ 1	
Источник:	D.B.Gr. pl.8, f.26	D.B.Gr. pl.8, f.26	Jb. dem.	D.B.Gr. pl.9, f.28	D.B.Gr. pl.9, f.28	D.B.Gr. pl.9, f.28	D.B.Gr. pl.9, f.28	D.B.Gr. pl.11, g.f.32	D.B.Gr. pl.8, f.26	D.B.Gr. pl.10, f.2	Ahiram	DBGr. pl.8, f.26	D.B.Gr. pl.9, f.28	

2 Буквы Майкопской надписи, имеющие сходный *habitus* с псевдоиероглифическими и линейными финикийскими буквами, но занимающие зеркальное положение в строке.

Майкопские	¹⁸ E	⁴⁰ E	²⁹ F	² 4	¹⁹ F	¹ 6	²⁶ 6	¹⁰ 7	³⁷ U	³⁰ 7	²³ 7	Всего 11 букв
финикийские	E	E	F	4	F	6	6	7	U	7	7	
Источник:	Ahiram	Ahiram	D.B.Gr. pl.12, i, f.34 Jrku, 205	D.B.Gr. pl.10, f.2	D.B.Gr. pl.9, f.28	D.B.Gr. pl.10, f.2	D.B.Gr. pl.9, f.28	D.B.Gr. pl.11, g.f.32 pl.9, f.28	D.B.Gr. pl.8, f.26	D.B.Gr. pl.9, f.28	Jehimilk	

3 Буквы Майкопской надписи, имеющие сходный *habitus* с псевдоиероглифическими и линейными финикийскими буквами, но занимающие необычное положение в строке.

Майкопские	¹³ 7	¹¹ 7	³⁶ 7	⁵ 7	⁴² 7	⁸ 7	²⁴ 7	²¹ 7	Всего 8 букв
финикийские	7	7	7	7	7	7	7	7	
Источник:	D.B.Gr. pl.11, g.f.32	D.B.Gr. pl.8, f.26	Ahiram	Dunand no Diring	D.B.Gr. pl.12, f.f.31	D.B.Gr. pl.8, f.26	Jb. dem.	D.B.Gr. pl.8, f.28	

4 Буквы и цифры Майкопской надписи, варьированные от *habitus*'а букв псевдоиероглифического и линейного финикийских писем и занимающие различное положение в строке.

Майкопские	²⁵ 7	³⁵ 7	⁴⁴ 7	³² 7	Всего 3 буквы и 1 цифра
финикийские	7	7	7	7	
Источник:	D.B.Gr. pl.13, i, f.27a	D.B.Gr. pl.8, f.26	ib. dem.	Линейное 7-20 общезвест.	

5 Буквы Майкопской надписи, относимые к собственно колхидскому письму.

	²⁰ 7	⁴ 7	²⁷ 7	³⁹ 7	Всего 4 буквы
	w ^k	h ^k	n ^k	n ^k	

В процессе изучения надписи выяснились такие ее особенности, как то, что часть букв надписи дана писцом в простейших соединениях и лигатурах⁸, что обращенность букв в сравнении с положением их в памятниках, найденных в Библие, кодифицирована по-своему, и кодификация эта достаточно устойчива, что буквы при общности дукта иногда имеют свой местный *habitus*, несколько отличающийся от типических форм в надписях, найденных на территории Библиа, что в надписи встречаются по крайней мере три буквы, не засвидетельствованные в ранее известных нам памятниках собственного псевдоиероглифического библского письма, и что в ней имеются несколько детерминативов того же типа и значения, что и детерминативы в хеттском иероглифическом письме.

Мы полагаем, что эти особенности Майкопской надписи представляют собой особенности колхидского письма.

Как и памятники псевдоиероглифического письма из Библиа, Майкопскую надпись следует читать справа налево. Это подтверждает последняя строка надписи в шестом сегменте (см. буквы № 43 и 44 на фото с эстампажа). Внутри сегментов знаки размещаются иногда в две и три строки. Одно дополнение к строке текста первого сегмента дано снизу вверх, другое по горизонтали, под строкой этого текста. Начиная с третьего сегмента, надпись вырезалась писцом частями снизу вверх, кроме шестого сегмента. Для того чтобы правильно прочесть строки шестого сегмента, камень нужно повернуть на 90° против часовой стрелки. Изучение знаковой стороны надписи было направлено прежде всего на то, чтобы выделить из общей массы знаков надписи те, которые стоят вне соединений и лигатур. Они составили группу, включающую 20 буквенных и 2 небуквенных знака (см. табл. I и III, рис. 2 и 3).

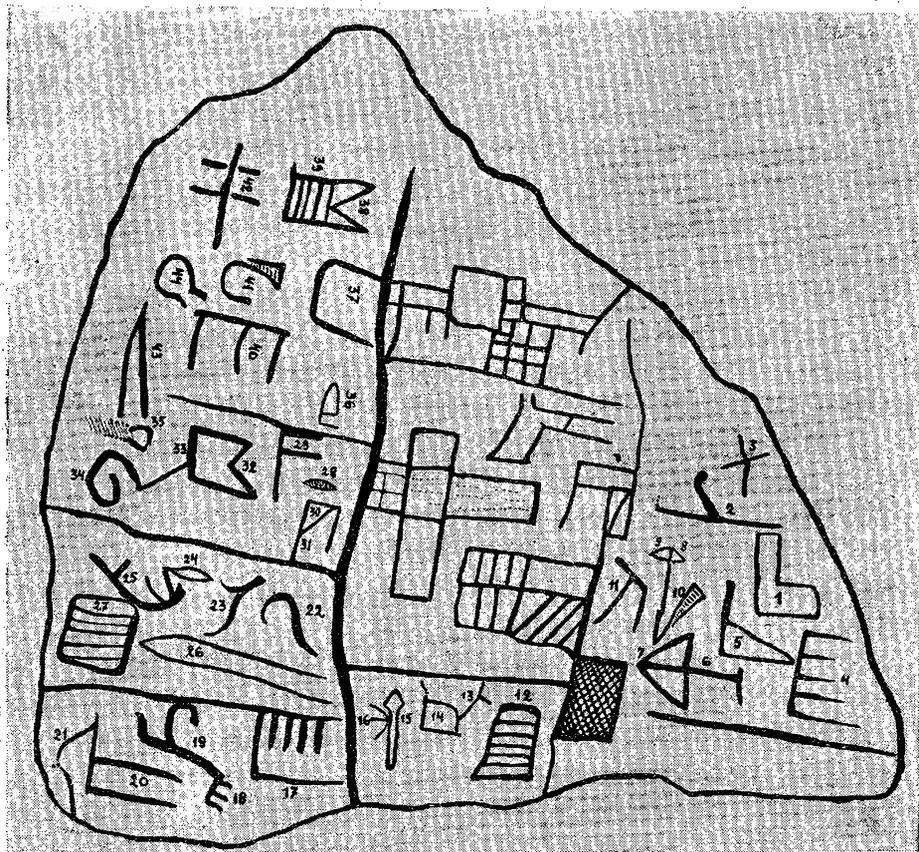
Группа нелигатурных и несоединенных знаков надписи облегчила раскрытие соединений и лигатур. Соединения и лигатуры читаются справа налево и сверху вниз. В соединениях и лигатурах оказалось 4 небуквенных знака и 18 букв, которые либо повторяли уже наличные в группе нелигатурных и несоединенных знаков, либо давали новые. Соединения и лигатуры составили вторую группу знаков. Они с полной очевидностью показывают нам, как писавший строил эти начертания (см. табл. II).

Любопытно отметить, что два личных имени надписи из трех даны в лигатурах. Это как бы монограммы, понять которые нетрудно по наличным при них детерминативам. По-видимому, такое написание личных имен и, вероятно, только определенных, было в колхидской письменности типичным.

После того как были выполнены указанные выше работы, явилась возможность определить знаковый состав надписи в целом и подсчитать ее буквенные знаки. Первых в надписи оказалось 38 (см. табл. IV), вторых 6 (см. табл. III и IV, 1, 4). Из небуквенных знаков 4 трактуются нами как детерминативы, связанные своей формой и значением с хеттским иероглифическим письмом (см. табл. III), а 2, образующие число 21, как цифры библского письменного счета (см. табл. IV, 1, 4).

Изучение знаковой стороны надписи в ее отношении к псевдоиероглифическому библскому письму позволило нам установить, что в надписи, кроме знаков собственно псевдоиероглифического письма, имеется несколько букв финикийского линейного письма и 3 буквы (из них одна повторяется дважды), не встречающиеся в этих письменах. Определилось, что 12 букв и знак числа «1» Майкопской надписи имеют ту же форму и положение в строке, что и буквы финикийского псевдоиероглифического и линейного письма, 11 букв в их отношении к финикийской псевдоиероглифике и буквам линейного финикийского письма представлены зеркально, 8 занимают своеобразное положение в строке, а 3 и цифра «20» даже частично отличаются от букв финикийского письма своей формой (см. табл. IV).

⁸ Под буквенными соединениями мы разумеем такие сочетания, в которых отдельные буквы, образующие фигуру, могут быть выделены без малейшего усилия. В лигатуре же, напротив, это усилие требуется, ибо буквы соединены так, что по меньшей мере один, а иногда и два штриха одной буквы являются штрихами другой.

Фотография эстампажа Майкопской надписи (1/2 натуральной величины)

Тот факт, что в надписи кроме трех букв, именуемых нами буквами собственно колхидского письма, и кроме букв, имеющих непосредственное отношение к знакам псевдоиероглифического библского письма, оказались использованы 4, может быть, 5 букв финикийского линейного письма архаичной формы, представляется весьма существенным. Этот факт имеет значение в определении датировки памятника.

Детерминативы Майкопской надписи колхидского письма по своей форме мало чем отличаются от хеттских иероглифических, а по значению в нашей интерпретации текста Майкопской надписи полностью совпадают с ними.

Наличный в первом сегменте надписи детерминатив «царь», после того как мы освободили его от выступающего с ним в лигатуре в функции компонента знака, аналогичного букве *h* библского псевдоиероглифического письма, приобрел форму, засвидетельствованную в табл. III, рис. 1. Эта фигура детерминатива представляет собой вариант хеттской иероглифической фигуры «царь», известной и в хеттских памятниках⁹, ибо «лежачее» положение фигуры детерминатива в Майкопской надписи не приходится брать во внимание. Как мы уже указывали выше, направленность и положение знаков в Майкопской надписи имеет свою кодификацию.

⁹ E. L a r o c h, Les hiéroglyphes hittites. Première partie. L'écriture. P., 1960 (далее — ЛНН), стр. 10.

Мало чем отличается от хеттского иероглифического по своей форме и детерминатив «город». Этот детерминатив в Майкопской надписи, как видно по его фигуре во втором сегменте, тупоконечен (см. табл. III, рис. 2), в то время как в хеттской иероглифике его верхина либо остра, либо немного закруглена. В Майкопской надписи детерминатив по своему рисунку весьма напоминает кавказскую боевую башню.

Детерминатив в третьем сегменте надписи интерпретируемый нами в значении «правитель», имеет в памятнике три столбика на основании, как это в хеттском (см. табл. III, рис. 3), притом ввиду их истертости не ясно, доходили ли они до основания. Поскольку в самом хеттском иероглифическом письме в фигуре детерминатива «правитель» также наблюдаются иногда отклонения в ту или иную сторону (ЛНН, 209), мы считаем некоторое отличие в фигуре детерминатива «правитель» Майкопской надписи по сравнению с хеттской явлением локальным.

И, наконец, детерминатив «страна». В Майкопской надписи он представлен вариантом той же формы, что и в хеттской иероглифике (ЛНН, 125; см. табл. III, рис. 4). Находящийся под этой фигурой знак в виде ребристого квадрата является в нашей интерпретации буквой колхидского письма, выражающей консонантную основу слова «страна». В данном случае мы имеем дело с так называемым смешанным написанием. Детерминативу придано фонетическое звучание на языке надписи, который рассматривается нами в следующей статье.

Наличие в нашей надписи детерминативов, заимствованных из хеттской иероглифики, свидетельствует о том, что у народа, памятником культуры которого является надпись, существовали связи не только с Финикией, но и с Хеттским царством. Что хеттская иероглифическая детерминация была принесена сюда, на Кавказ, вместе с псевдоиероглифическим библским письмом как дополнительный компонент этого письма, возникший в его недрах вне Кавказа, маловероятно. Во всяком случае мы пока что не находим реального подтверждения такого предположения. Полагаем, что хеттская иероглифическая детерминация была внесена в колхидское письмо самостоятельно (на этом мы остановимся в следующей статье).

Майкопская надпись рассматривается нами как надпись, теснейшим образом связанная с псевдоиероглифическим библским письмом. То, что ее буквы в некоторых случаях палеографически отличаются от букв псевдоиероглифики, не устраняет нашего утверждения, а усложняет его.

Майкопская надпись пока что является единственным памятником библской псевдоиероглифики, найденным за пределами древнего Библа. Количество надписей, обнаруженных на территории самого Библа, как мы уже говорили, невелико. Эти надписи выполнены на различном материале: камень, металл. Различие материала создает различие в форме букв. Все это делает работу над палеографическим изучением Майкопской надписи весьма затруднительной, имея в виду, что надпись является изводом, а не копией псевдоиероглифического библского письма. В нашем исследовании Майкопской надписи мы предпочитаем поэтому идти преимущественно по пути общего сопоставления форм ее букв с буквами памятников, найденных на территории Библа.

Сохранность каменной плитки, на которой вырезана Майкопская надпись, в целом можно назвать исключительной. Этой сохранностью она безусловно обязана тому обстоятельству, что пролежала без движения тысячелетия в земле в каких-то исключительных условиях, которые, к сожалению, нам неизвестны. Время разрушило поверхность камня весьма незначительно — лишь кое-где рисунок неглубоко врезанных знаков надписи стал менее рельефным, а «каналы» некоторых букв расширились или, если они проходили близко друг к другу, слились воедино.

К нашему счастью, таких мест в надписи немного. Из 38 букв надписи в той или иной мере пострадали только 7. Расширение «каналов» и стертость или повреждение элементов букв отмечены нами на фотографии эстампажа надписи штриховкой или пунктиром.

Большое количество буквенных соединений и лигатур (в них заключено около половины всех букв надписи) нельзя ставить в зависимость только от недостаточности места на поле надписи. Соединения и лигатуры свидетельствуют о том, что письмо

для народа, представителем которого был писец, не являлось случайным фактом, а было непременным элементом его жизни.

Культура письма была у этого народа достаточно высока. Письмо всегда предполагает читателя, а чтобы умозрительно выделить из соединения или лигатуры письма те или иные буквы, его нужно хорошо знать и понимать.

Писавший надпись, кроме того, как мы покажем ниже, пользовался приемом *matres lectionis*, т. е. заменял долгие гласные а, і, о, и соответственными согласными¹⁰.

Лигатуры и простейшие буквенные соединения начинаются в надписи с первых же ее строк. В первом сегменте надписи имеются две лигатуры. Одна из них представляет сочетание букв m_3g_1 и п, вторая сочетание буквы h с детерминативом¹¹.

Соединяя букву m_3 с буквой g_1 , писец придает m_3 своеобразную форму в сравнении с аналогичной m_3 в собственном псевдоиероглифическом письме. Он вырезает ее в горизонтальном положении в виде «миндалины». Это положение для m_3 у него является нормой, ибо он также вырезает ее и в четвертом сегменте. С палеографической стороны «горизонтальное» m_3 нашей надписи следует сравнивать с «вертикальным» псевдоиероглифическое библское письмо в лапидарной надписи¹². Этот знак хорошо воспроизведен А. Ирку в его таблице в качестве дублета $q_3 m_3$ ¹³. Вырезав m_3 в форме «миндалины», писец делит ее на две почти равные части вертикальным штрихом. Одна, правая часть «миндалины», становится носителем знака m_3 , другая, левая, — «головкой» буквы g_1 , обычной для псевдоиероглифического письма формы, стержень которой опущен вниз (см. у нас табл. IV, 1, буква 9).

Заметим, что «стержень», на котором покоится «головка» буквы g_1 , опускается вниз только на $\frac{2}{3}$ всей вертикальной линии. Нижняя часть вертикальной линии или «стержня» отходит немного влево. Это уже «стержень» не g_1 , третьей буквы в лигатуре, которой является п. Часть буквы п, которая смотрит вправо и вверх, сильно расширена. Расширение произошло за счет разрушения «перемычки» между «каналами». На фотографии эстампажа это место восстановлено штриховкой.

В палеографическом отношении п нашей надписи ближе всего находит себя в п псевдоиероглифического письма лапидарной надписи¹⁴, если ее представить себе зеркальной и не с закругленным основанием, а острым, как то у большинства п в надписи на бронзовой табличке¹⁵.

В целом лигатура из букв m_3g_1 и п образует слово m_3g_1p (см. табл. II). Эта лигатура является монограммой личного имени царя.

Вторая лигатура первого сегмента надписи из соединения буквы h и детерминатива «царь» значительно проще. Нам представляется, что писец выполнил ее одним приемом, умозрительно наложив детерминатив на фигуру буквы h, часть которой видна справа. Псевдоиероглифическое библское h здесь типично п не нуждается в ком-

¹⁰ Об употреблении этого приема передачи долгих гласных в псевдоиероглифическом библском письме см.: D h o r m e, *Déchiffrement des Inscriptions...*, стр. 13 слл.

¹¹ Цифры при буквах обозначают, что в группировке знаков по вокализации мы следовали принципу, намеченному Э. Дормом, хотя слоговость письма в нашей надписи, как это выяснилось из ее анализа, совершенно разрушена. Это удобно технически, да и кто знает, может быть в будущем этот прием окажется полезным и прольет какой-либо свет на вокализацию нашей надписи. Сравнительная грамматика кавказских яфетических языков находится в ряде случаев на том этапе разработки учения о древнейшем периоде вокализации (и консонантизации) этих языков, когда делать какие-либо определенные выводы для весьма отдаленного времени еще невозможно.

¹² DBGr., табл. 8, рис. 26, седьмая строка, четвертый знак слева. У нас табл. IV, 3, буквы 8 и 24.

¹³ I i r k u, ук. соч., стр. 205.

¹⁴ DBGr., табл. 11, g, рис. 32, вторая строка, третий знак сверху. У нас табл. IV, 2, буква 10.

¹⁵ DBGr., табл. 9, рис. 28, п последней строки обор. стор. табл. У нас табл. IV, 2, буква 10.

ментариях (см. у нас табл. IV, 1, буква б). Какой представляется нам эта лигатура по ее разложению, видно на табл. II.

Во втором сегменте надписи после детерминатива «город» оказываются подряд одна лигатура и одно простейшее буквенное соединение. В лигатуре к обращенной вниз «чашеобразным раствором» псевдоиероглифического библского письма букве 'а¹⁶ пригнана несколько расширенная, находящаяся почти в обычном для нее положении псевдоиероглифического библского письма буква h, а в буквенном соединении к «стержню копьеобразной» t₄ слева, вплотную приставлена своим изгибом буква b₁. Все три буквы типичны в такой форме и положении для псевдоиероглифики¹⁷.

Лигатура и простейшее буквенное соединение второго сегмента образуют вместе буквенный ряд 'ahbt₄b₁, в котором лигатура 'ah является монограммой личного, как мы полагаем царственного племени, положенного в основу названия города.

В третьем сегменте надписи, после детерминатива «правитель», левее и ниже его, мы сталкиваемся с двумя двухбуквенными соединениями. Первое состоит из обращенной вправо финикийского линейного письма h, по величине по сравнению с другими буквами этого сегмента весьма небольшой (см. у нас табл. IV, 2, буква 18), и вплотную примыкающей к ней слева зеркальной букве z₁, типичной для псевдоиероглифического библского письма¹⁸, второе, помещенное в самом углу камня, состоит из букв w и t₃. Буква w поставлена на «развилку», обращенную раствором вправо. Мы полагаем эту w относить к собственно колхидскому письму, именуя ее w_K, т. е. w колхидская (см. у нас табл. IV, 5, буква 20). Происхождением своим она явно связана с псевдоиероглифической библской w₃, отмеченной А. Ирку в качестве второго знака в его таблице (см. у нас табл. IV, 2, буква 29). Буква t₃ присоединена к w_K только одним верхним изгибом «дуги». Для псевдоиероглифического библского письма такое положение t₃ необычно. Эта буква во всех случаях обращена округлостью «дуги» с «шипом» на ней вверх¹⁹. На нашей надписи «шип» буквы незаметен. Возможно, что такое положение t₃ в Майкопской надписи являлось для колхидского письма обычным.

Буквенные соединения третьего сегмента в целом образуют ряд hz₁w_Kt₃.

В четвертом сегменте в простейшем соединении даны две буквы: m₃ и z₃. Буква m₃ вырезана здесь в той же миндалевидной форме и в том же горизонтальном положении, как и в первом сегменте²⁰. К ней слева присоединена одним «зубчиком» z₃, которая в сравнении ее с типичной z₃ псевдоиероглифики не только положена и изогнута полудугой, но, более того, «зубчик» ее основания оказывается обращенным влево, а не вправо и прикрепленным к «стержню» буквы несколько выше ее конца. Чем руководствовался писец, изображая z₃ в таком оригинальном виде, догадаться трудно. Возможно, что это местный, колхидский habitus буквы²¹.

В пятом сегменте имеется две лигатуры. В правом нижнем углу сегмента в лигатуре соединены буквы зеркальная 'z₂ и w, причем так, что первая буква кажется

¹⁶ Типическую форму этой буквы см. DBGr., табл. 11, g, рис. 32, в третьей строке, буква 2 сверху. У нас в табл. IV, 3, буква 13.

¹⁷ DBGr., табл. 8, рис. 26, строка четвертая, буква 4 слева (для h); строка первая, буква 4 слева (для b₁) и строка третья, буква 4 слева (для t₄). У нас в табл. IV, 1, буквы 14, 15, 16.

¹⁸ DBGr., табл. 9, рис. 28, последняя буква первой строки обор. стор. табл. У нас в табл. IV, 2, буква 19.

¹⁹ DBGr., табл. 8, рис. 26, строка третья, буква 2. У нас в табл. IV, 3, буква 21.

²⁰ См. выше. У нас в табл. IV, 4, буква 24. Небольшое утолщение внутри «миндалины» m₃ слева — естественное. Мы указываем на эту особенность для того, чтобы букву не пытались трактовать как š₁ псевдоиероглифического библского письма (см. рис. 2).

²¹ Типическое псевдоиероглифическое z₃ см. DBGr., табл. 13, 1, рис. 27, а, строка первая, буква 5. У нас в табл. IV, 4, буква 25.

вписанной во вторую в виде треугольника, в левой верхней части ее. Обе буквы и зеркальная ζ_2 и w для псевдоиероглифического письма тиличны²².

Вторая лигатура пятого сегмента помещена в центре его. Она представляет собой цифру, изображающую число 21. Однако прежде чем объяснить эту лигатуру, нам следует обратиться к способу обозначения цифр в финикийском линейном письме и к их вероятному изображению в псевдоиероглифическом библском.

Из дешифрованных надписей псевдоиероглифического библского письма нам известна только фигура для единицы²³. Она по форме совпадает с двухэлементной фигурой этой цифры в европейском счете. Какой была по форме в псевдоиероглифическом библском письме цифра 10, нам неизвестно.

Ориентируясь на финикийское линейное письмо, во времени сменившее псевдоиероглифическое, мы предполагаем, что в псевдоиероглифическом письме цифра 10, при единице в форме \uparrow , могла иметь фигуру \rightarrow , как в финикийском линейном письме, при единице в форме \uparrow , цифра 10 имела форму —.

Если наша догадка верна, то развивая далее эту мысль, можно предположить, что цифра 20 в псевдоиероглифическом письме представляла собой, как и в финикийском линейном, соединение двух десятков.

Древнейшая форма цифры 20 в финикийском линейном письме представляла собой соединение по диагонали двух параллельно лежащих десятков, т. е. имела фигуру Σ .

Можно предположить, что и в псевдоиероглифическом письме цифра 20 также образовывалась путем дуближа десятков, по способу, аналогичному с финикийским линейным письмом. Если это было так, то в псевдоиероглифическом письме фигура для 20 имела либо форму \Rightarrow , либо Σ . Последняя как раз и представлена в интерпретируемой нами Майкопской надписи. (см. табл. IV, 4, знак 32). Возможно, что такая фигура для 20 представляла особенность колхидского письма.

К этой фигуре, обозначающей 20, слева вплотную присоединена фигура цифры 1. По-видимому, писец весь цифровой комплекс 21 воспринимал как единую фигуру, отчего входящий составным элементом в единицу элемент ее в виде косой, наклонной линии слева, он выполнил позже, когда им была уже написана фигура Σ . Этой косой линией он соединил лигатуру 21 с находящейся левее ее буквой k_1 (см. ее у нас в табл. IV, 1, буква 34.)

Насколько верны наши наблюдения и соображения относительно вероятной формы для 10 и 20 в псевдоиероглифическом библском и колхидском письменах — покажет будущее. Не можем не отметить здесь того, что в этом вопросе мы нашли понимание со стороны семитолога проф. И. Н. Винникова.

В последнем, шестом сегменте надписи писец почему-то счел для себя неудобным вырезать строки при прежнем положении плитки. Он повернул камень против часовой стрелки на 90°, отчего строки надписи в этом сегменте по отношению к другим пяти, при первоначальном положении камня, оказались вертикальными.

В шестом сегменте оказывается только одна лигатура. Она помещена слева, с краю, в первой верхней строке текста. Лигатура представляет собой соединение хеттского типа детерминатива «страна» с буквой n в форме ребристого квадрата.

Буква n в этой форме в известных нам псевдоиероглифических надписях Библия не встречается. В Майкопской надписи она повторена дважды. В табл. IV, 5, буквы 27 и 39 мы обозначили ее как n_k — n колхидская. Эта буква принадлежит, по-видимому, к собственно колхидскому письму.

²² Первую в ее обычном положении см. DBGt., табл. 9, рис. 28, последняя, тринадцатая, строка, буква 6 слева лицевого текста бронзовой таблички; вторую там же в четвертой строке, буквы 2 и 9 слева. У нас в табл. IV, 2, буква 30 и IV, 1, буква 31.

²³ DBGt., табл. 9, рис. 28; табл. 13, 1, рис. 27; табл. 12, е, рис. 30. У нас в табл. II и IV, 1, знак 33.

Так обстоит дело с лигатурами и простейшими соединениями букв в Майкопской надписи.

Из букв, стоящих вне лигатур и буквенных соединений с палеографической стороны, далеко не все требуют обстоятельных пояснений. Так, например, буквы j_1 и z_1 первого сегмента имеют типичную форму для этих букв в псевдоиероглифическом библском письме и отличаются в нашем памятнике от них лишь своим зеркальным положением (см. у нас в табл. IV, 2, буквы 1 и 2). Имея в виду тот факт, что в собственно псевдоиероглифических памятниках зеркальность некоторых букв также имеет место²⁴, трудно сказать, представлена ли в нашей Майкопской надписи в этих случаях местная кодификация букв или это явление старое, собственно библское.

В первом сегменте с палеографической стороны представляются заслуживающей внимания t в виде четырехконечного креста. Мы полагаем эту букву рассматривать как знак линейного финикийского письма, поскольку для вседоиероглифического t типичен «крест», в котором вертикальный штрих значительно длиннее горизонтального. Это хорошо отражено Э. Дормом в его таблице²⁵ и неудачно у А. Ирку²⁶. У последнего t выведен в виде знака «плюс».

Четвертая и пятая буквы первого сегмента по своеобразию их формы объясняются нами особо ниже. Из других букв в этом сегменте требует палеографического пояснения одиннадцатая буква надписи b_1 . В сравнении с известными нам b_1 псевдоиероглифического библского письма b_1 нашей надписи, во-первых, оказывается в необычном положении — она не только зеркальна, но в этой зеркальной форме повернута вправо, отчего ее вертикальный штрих оказывается верхним, во-вторых, при таком положении буквы средний ее штрих значительно удлинен²⁷.

Второй и третий сегменты надписи букв вне лигатур и соединений не имеют. В четвертом сегменте отдельных букв четыре. С палеографической стороны здесь рассматриваются три из них: l_2 , k_2 и n_k . Четвертая буква $c(\$)$ рассмотрена особо ниже.

Буква l_2 имеет в Майкопской надписи форму, мало чем отличающуюся от l_2 в собственно псевдоиероглифическом библском письме: верхний конец ее также решительно загнут вниз и немного вправо, в стержне буквы соблюдена надлежащая кривизна²⁸.

Буква k_2 , при типичности ее псевдоиероглифической формы в нашей надписи, очень длинна и загнута острием не вверх, а вниз. По внешнему виду она весьма походит на лезвие ножа (см. у нас в табл. IV, 2, буква 26). Буква n_k типичный знак нашей надписи в виде ребристого квадрата. Она встретится еще раз в шестом сегменте. Количество горизонтальных штрихов внутри квадрата (пять — три), с нашей точки зрения, не имеет различительного значения и, как кажется, зависит от величины квадрата (см. у нас в табл. IV, 5, буквы 27 и 39).

В пятом сегменте из отдельных букв в порядке чтения следует обратить внимание на букву двадцать восьмую (см. рис. 1). \check{s}_1 в форме «глаза»²⁹, «зрачок» которой выпался и она стала похожа в нашей надписи на m_3 . Значение ее установлено контекстом и поддержано тем соображением, что m_3 в Майкопской надписи выступает во всех случаях в лигатуре и в соединении, а не отдельно. Внешне на поверхности камня \check{s}_1 выражена слабо, но она хорошо отреагировала в оттиске на фольгу. На фотоснимке усилена.

²⁴ DBGr., табл. 9, рис. 28, строка двенадцатая, буква 2 слева (для z); табл. 11, g, рис. 32, строка третья, буква 3 сверху (для k) и др.

²⁵ D h o r m e, Déchiffrement des Inscriptions..., табл., стр. 4—5; DBGr., табл. 11, g, рис. 32, вторая строка, буква 5 сверху.

²⁶ I i r k u, Ук. соч., стр. 205.

²⁷ Ср. DBGr., табл. 8, рис. 26, первая строка, буква 4. У нас в табл. IV, 3, буква 11.

²⁸ DBGr., табл. 9, рис. 28, седьмая строка, буква 4. У нас в табл. IV, 1, буква 22.

²⁹ DBGr., [табл. 10, рис. 2, лиц. стор., строки 13 и 14, буквы 5 и 6. У нас в табл. IV, 1, буква 28.

Большой интерес представляет буква 29 (см. рис. 1). Этой букве мы находим графическую параллель на одной спатуле из Библа³⁰. А. Ирку в своей таблице интерпретирует эту букву как вариант w_3 , но при транскрибировании и чтении текста, как и Э. Дорм, ее опускает³¹. У нас эта буква представлена зеркально. Ее значение, так же как у А. Ирку, — *waw*. Финикийское происхождение этой буквы для нас несомненно.

В пятом сегменте кроме ξ_1 и w_3 (по Ирку) заслуживает внимания с палеографической точки зрения буква 35 (см. рис. 2). Контекст подсказал, что это псевдоиероглифическая ψ зеркальной и отчасти варьированной формы, от которой в нашей надписи в приличном виде сохранилась только верхняя часть буквы. В обычной для псевдоиероглифического письма форме она засвидетельствована на стеле из Библа³². Предшествующая этой букве k_1 в подобной, достаточно типичной для нее форме, хорошо известна в псевдоиероглифическом библском письме³³.

В последнем, шестом, сегменте надписи обращает на себя внимание прежде всего линейного финикийского письма буква b (см. рис. 1, буква 36). Необычное ее положение, нам кажется, объясняется тем, что писец повернул камень для выполнения последней части надписи уже тогда, когда написал эту букву. По отношению к строкам и буквам предыдущего пятого сегмента эта буква, хотя она и зеркальная, до того как камень был повернут, имела удобочитаемое положение. В этом удобочитаемом положении буква b с палеографической стороны сопоставима с b надписи на саркофаге библского царя Ахирама (XIII—XII вв. до н. э.)³⁴ и может служить одним из аргументов в датировке интерпретируемой нами надписи. На поверхности камня буква b выражена нерельефно. На фотоснимке усилена.

Следующая в строке за b псевдоиероглифическая библская буква представляет собой зеркальную, немного угловатую и расширенную ζ , пристроенную к линии, делящей памятник на две неравные части. В своем обычном округлом виде эта буква в псевдоиероглифических надписях представлена весьма широко³⁵.

Интересна в палеографическом отношении зеркальная линейная h этого сегмента надписи. Буква h , подобная этой, налицо также в третьем сегменте в соединении с z_1 . У данной буквы h в сравнении с h третьего сегмента вертикальная черта выходит, хотя и незначительно, за горизонтальные черточки (см. у нас в табл. IV, 2, буква 40), в то время как у h третьего сегмента верхняя и нижняя горизонтальные черточки соединены с верхним и нижним концами вертикальной черты. Обе эти особенности h характеризуют h надписи Ахирама Библского (Винников, стр. 149) и, так же как h этого шестого сегмента, оказываются способными служить датировке нашей надписи.

Следующая за h буква n псевдоиероглифического библского письма имеет здесь почти ту же форму и занимает почти то же положение в строке, что и n во фрагменте

³⁰ DBGr., табл. 12, i, рис. 34, обор. стор., строка третья, 4 знак слева. У нас в табл. IV, 2, буква 29.

³¹ J i r k u, ук. соч., стр. 205, текст 9 на стр. 209, строка 7, 4 буква справа; D h o m e, Déchiffrement des Inscriptions..., текст на стр. 32, строка 7, 4 буква справа.

³² DBGr., табл. 8, рис. 26, строка 9, 7 буква. У нас в табл. IV, 4, буква 35.

³³ DBGr., табл. 9, рис. 28, лиц. стор., строка 4, буква 4. У нас в табл. IV, 1, буква 34.

³⁴ См. фотоснимок, транскрипцию и аргументацию в статье: И. Н. Винников, Эпитафия Ахирама Библского в новом освещении, ВДИ, 1952, № 4, стр. 141—152. Здесь же литература вопроса. В табл. IV — Ahiram. Прорись в книге: Д. Дирингер, Алфавит, М., 1963, стр. 254. В нашей табл. IV, 3, буква 36.

³⁵ DBGr., табл. 9, рис. 28, строки 7 и 8; табл. 8, рис. 26, строка 7 и др. В нашей табл. IV, 2, буква 37.

одной из лапидарных надписей Библа ³⁶. Буква z псевдоиероглифического библского письма в этой строке (см. рис. 1, буква 42) отличается лишь тем, что она положена на бок, ибо в такой форме, но в вертикальном положении, она в псевдоиероглифическом письме известна на одной из спатул ³⁷.

Буква k_2 последней строки шестого сегмента (рис. 1, буква 43) в такой форме для псевдоиероглифического библского письма типична ³⁸ и отличается от нее разве лишь тем, что она немного длинна и остра.

Последняя буква шестого сегмента и надписи в целом принимается нами в соответствии с контекстом за p_1 . Вместо продолговатой формы ³⁹ здесь мы имеем округлую. Так как округлость формы этой буквы в какой-то мере свойственна подобной p_1 и в пятом сегменте нашей надписи (см. рис. 2, буква 35), можно предполагать, что этот *habitus* является местной колхидской формой p_1 псевдоиероглифического библского письма.

В надписи есть еще несколько таких букв, которые требуют особых замечаний. К этим буквам прежде всего относится h , наличная в первом сегменте, в самом начале строки. Видеть в ней вариант зеркальной h финикийского линейного письма того типа, что дана во второй строке текста в шестом сегменте надписи, едва ли возможно. Вместо одного горизонтального, параллельного верхней и нижней линиям штриха в интерпретируемой нами h , мы имеем три штриха, из которых средний самый короткий. Скорее всего эта h , как и p_k , относится к буквам собственно колхидского письма. В таблице IV, 5, буква 4, мы обозначили эту букву как h_k , т. е. h колхидская.

Весьма интересной оказывается с точки зрения ее *habitus*'а и стоящая слева после данной колхидской h_k буква d . В ней мы видим зеркальную d той формы, которая могла явиться переходной от псевдоиероглифического письма к линейному, если, конечно, имея в виду своеобразную форму и положение буквы, это не d собственно колхидского письма.

Весьма характерной в палеографическом отношении является в Майкопской надписи буква $c(s)$ в четвертом сегменте надписи (см. у нас в табл. IV, 2, буква 23). Относимая нами к финикийскому линейному письму, эта $c(s)$ по своему *habitus*'у весьма походит на $c(s)$ надписи Йехимилка, датируемой XII веком до н. э., если ее представить в зеркальной форме ⁴⁰. Не исключено, однако, что в этом знаке мы можем иметь букву собственно псевдоиероглифического письма, обозначающую не $c(s)$, а ее фонетическую звонкую разновидность (dz), ибо в Майкопской надписи, как это устанавливается из чтения ее текста, имеется диалектальная замена глухих консонантов на звонкие, например, p (p) на b (b). Наше предположение видеть в данной букве dz (= z) поддерживается весьма близкой к эпиграфическому знаку Майкопской надписи параллелью, данной И. Ш. Шифманом (ук. соч., стр. 17 под знаком z) в его сопоставительной таблице финикийского линейного письма с псевдоиероглифическим, поскольку колхидское письмо непосредственно связано с последним.

Наиболее разрушенными в надписи оказались p в лигатуре с m_3 и g_1 , такое же p вне лигатуры в шестом и последнем сегменте надписи и p_1 в четвертом сегменте. У первых двух p близко проходившие друг к другу «каналы», вследствие разрушения «перемычки» между ними, слились в один, образовав подобие треугольника; у третьей — p_1 осталась целой только верхняя часть буквы, ее «головка», а «туловище» все высыпалось. Эти повреждения части букв отмечены нами на эстампаже штриховкой. У ξ_1 высыпался «зрачок» внутри «миндалины» буквы. Как мы говорили выше, визуально она просматривается плохо и на фотоснимке усилена. Повреждения других букв незначительны. Все они отмечены нами на эстампаже пунктиром (см. рис. 1).

³⁶ DBGr., табл. 11, g, рис. 32, строка 2, буква 3 сверху. У нас в табл. IV, 1, буква 41.

³⁷ DBGr., табл. 12, f, рис. 31, лиц. стор., строка 2, буква 1 слева. У нас в табл. IV, 3, буква 42.

³⁸ DBGr., табл. 9, рис. 28, строка 5, буква 2. У нас в табл. IV, 1, буква 43.

³⁹ См. выше. У нас в табл. IV, 4, буква 44.

⁴⁰ H. Jensen, Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart, B., 1958, стр. 266. У нас в табл. IV: Jehimilk.

Повторяемость букв надписи, несмотря на небольшой объем текста, довольно значительная. Из 38 буквенных знаков надписи 9 повторяются по два раза. К повторяющимся буквам псевдоиероглифического библского письма относятся: b_1 , h , z_1 , k_2 , m_3 , n_1 и n ; к буквам финикийского линейного письма: h , а к колхидским — p_k .

В целом Майкопская надпись колхидского письма обилием лигатур и буквенных соединений, собственной кодификацией букв в строке по сравнению с буквами уже известных нам псевдоиероглифических памятников Библи, наличием в тексте детерминативов типа хеттского иероглифического письма и другими своими оригинальными чертами должна быть отнесена с графической стороны к памятникам сложным и трудным. Раскрытие ее графической стороны явилось делом нелегким, граничащим в ряде случаев почти что с дешифровкой, но не менее трудным оказался и сам текст надписи, к интерпретации которого мы обратимся в дальнейшем.

Г. Ф. Турчинов

НОВЫЕ НАДПИСИ ИЗ ПИРГИ НА ФИНИКИЙСКОМ И ЭТРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В ходе раскопок порта Этрусского государства Цере в Пирги (совр. Пирджи, 40 км северо-западнее Рима) археологической экспедицией Римского университета под руководством проф. М. Паллоттино 8 июля 1964 г. среди остатков древнего святилища, в тайнике, среди прочих предметов были обнаружены в свернутом виде три тонких золотых пластинки¹.

После развертывания пластинок выявилась их прекрасная сохранность; все три исписаны при помощи вдавливания букв острым инструментом. На одной из них (высота слева 19,2 см, справа 18,6 см, ширина вверху 9,5, внизу 9,3 см) этруская надпись в 9 строк. На второй (18,5 см, 16,5 см, 8,1 см и 7 см соответственно) этруская надпись в 16 строк. На третьей (18,7 см, 19,3 см, 9,2 см и 9,2 см соответственно) финикийская (пуническая) надпись в 11 строк².

Пластинки с финикийской и большей этрусской надписями имеют каждая по 10 отверстий диаметром около 0,4 см, расположенные по краям. Пластинка с кратким этрусским текстом имеет 12 отверстий диаметром около 0,2 см. Важно также отметить, что внутри свернутой пластинки с большим этрусским текстом было найдено 18 бронзовых гвоздиков толщиной 0,3 см частично фрагментированных, с золочеными шляпками диаметром 0,9 см, которыми, вероятнее всего, были прибиты эта и финикийская пластинки. Внутри же пластинки с кратким этрусским текстом оказалась 11 гвоздей толщиной 0,2 см и диаметром шляпки в 0,8 см. Уже из этого обстоятельства можно сделать предположение, что первые два текста были прибиты рядом и, возможно, имели сходное содержание. Издание самих текстов, прекрасно выпол-

¹ G. Colonna, M. Pallottino, L. V. Borrelli, G. Garbini, Scavi nel santuario etrusco di Pyrgi, Relazione preliminare della settima campagna, 1964 e scoperta di tre lamine d'oro iscritte in etrusco e in punico. AC, XVI, 1964, стр. 49—117, табл. XXV—XXXIX (далее — Pyrgi); об обстоятельствах находки см. особенно Pyrgi, стр. 50—63, археологический контекст по мнению археологов относится к VI—началу V в. до н. э.

² См. Pyrgi, стр. 64—65 (Borrelli).

ненное в кратчайший срок семитологом проф. Дж. Гарбини и этрусколо-гом М. Паллоттино³, вполне подтверждает такое предположение. Можно лишь выразить глубокую признательность итальянским ученым за столь быструю публикацию⁴. В то же время сами издатели считают свою публикацию предварительной, нуждающейся в дальнейшей доработке и уточнениях⁵. На наш взгляд, этрусский и финикийский тексты выявляют больше сходства, нежели это предполагают издатели. Кроме того, они при спешности публикации не успели произвести исчерпывающий и всесторонний анализ текстов. Поэтому в настоящей статье нами предпринимается попытка нового толкования этих важнейших эпиграфических памятников, значение которых трудно переоценить. Ведь это первый связный финикийский текст на территории Апеннинского полуострова, а его явные связи с этрусским текстом помогают нам сделать значительный шаг вперед в интерпретации этрусского языка.

ФИНИКИЙСКИЙ (ПУНИЧЕСКИЙ) ТЕКСТ⁶ (фот. 1)

Чтение букв в самой надписи никаких сомнений не вызывает. Можно даже говорить о каллиграфическом почерке писца. Поэтому у нас нет никаких расхождений в чтении с издателем текста Дж. Гарбини⁷.

1 lrbt l'štrt 'šr qdš	Владычице Астарте место священное
2 'z 'š p' l w'š ytn	это, которое соорудил (букв. сделал) и которое одарил
3 tbyr' wlnš mlk 'l	Tbyr' Wlnš, царь над
5 kyšry' byrḥ zbḥ	K(a)йшири, в месяце жертвоприношения
5 šmš bmtn' bbt w bm	Шемешу, даром, (а именно) храмом и (священной) высо-
6 tw ⁸ · k'štrt · 'rš · bdy	той его, так как Астарта избрала <i>бод'а</i> своего
7 lmlky šnt šlš III by	на царство. Третий год III в ме-
8 rḥ krr bym qbr	сяце Krr, в день погребения
9 'lm wšnt lm'š 'lm	божества. И годы статуи божества
10 bbtu šnt km hkkbm	в доме его (т. е. храме) — подобны годам звезд
11 'l	этих

Перевод Дж. Гарбини (Purgi, стр. 74) звучит следующим образом: «Госпоже Астарте. Это священное место, которое соорудил и которое даровал «Thefarie Veliannas, царь над «Кайсрие, в месяце zbḥ «šmš, в виде дара в храм и его «участок (?); ибо Астарта возвысила (?) рукою своею «на его царство на 3 года в ме «сяце Krr, в день погребения «божества. И годы статуи божества 10в храме своем, (эти) годы подобны этим 11звездам». Перевод С. Москати (Purgi, стр. 260): «Госпоже Астарте. Это часовня, «которую соорудил и которую даровал «Тефарие Велианас, царь над «Цере, в месяце zbḥ «šmš в дар (?) храму и его «участку (?), так как Астарта потребовала (его) посредством себя «в третьем году его «царствования, в ме «сяце Krr, в день погребения «божества. Годы статуи божества 10в храме своем (являются) годами, подобными звезд 11этим».

³ Purgi, стр. 66—104, табл. XXXVII—XXXIX.

⁴ Мы считаем своим долгом поблагодарить издателей за любезно присланные отписки публикации.

⁵ См. Purgi, стр. 76, прим. 29 и стр. 83.

⁶ См. также новое исследование финикийского текста: S. Moscati, Sull'iscrizione fenicio-punica di Purgi, RSO, XXXIX, 1964, № 4, стр. 257—260 (далее — Moscati, IFP); авторы считают своим долгом выразить благодарность проф. Москати за возможность ознакомиться с его статьей немедленно после выхода ее в свет.

⁷ G. Garbini L'iscrizione punica, Purgi, стр. 66—76, табл. XXXVII; издатель приводит также повсеместно чтение и интерпретацию текста Дж. Леви дельла Вида.

⁸ С. Москати (IFP, стр. 258) предлагает альтернативно wbtw?, но считает это чтение маловероятным, с чем надо согласиться.

Примечания к переводу

Стк. 1: lrbt l'štrt. Такие посвящения типа lrbt l'štrt являются типичными для пунических надписей⁹. Однако, исходя из наиболее частой посвятельной формулы пунических надписей lrbt ltnt pn b'1 w l' dn lb'1 hmn 'š ndr x bn y «Великой Тиннит, украшению Баала и господину Баалхаммону, то, что посвятил х сын у'а»¹⁰, мы не можем согласиться с издателем текста, и с С. Москати, выделяющими посвящение в отдельное предложение.

Сткк. 1—2: 'šr qdš 'z. Букв. «место¹¹ святое»; для «святилища» обычно употребляется mqdš. 'z — указат. местоим. м. р. «этот, это», соответствующее более распространенному z¹². Как указывает Дж. Гарбини, форма 'z характерна для финикийских текстов Кипра и новопунического (стр. 68).

Сткк. 2—3: 'š p'1 w 'š ytn Tbrū'. Wlnš. 'š — относительное местоим. p'1 — 3 л. ед. ч. м. р. Perf. «сделал», причем здесь, как и в ряде других надписей, глагол этот передает значение «изготовил, соорудил»¹³; ytn — 3 л. ед. ч. м. р. Perf. «дал» часто встречается и в значении «дарить» (ср. с mtn' «дар») ¹⁴. Tbrū' Wlnš — имя собственное, соответствующее этр. Thefariei Velianas. Необычным является здесь передача этрусского f через b в финикийском, это дает возможность предположить, что согласный b мог произноситься как v. Ранее такое явление было засвидетельствовано только в новопуническом¹⁵. Заслуживает внимания также передача конечных гласных -iei через финикийские y'. Соответствие финикийского š этрусскому s закономерно¹⁶.

Сткк. 3—4: mlk '1 Kyšry' — «Царь над K(а)йшири». Согласно предположению Гарбини (стр. 69), поздняя форма названия этого этрусского города-государства Cisca или Saere эволюционировала от *Chaisrie, *Chaisraie. Нельзя целиком согласиться с издателем текста, считающим, что предлог '1 «над» в этом выражении необычен. Он в таком же значении встречается в надписи Шафатбаала, царя Библа (X в. до н. э.): t'rk B'lt Gbl ymt Šp'tb'1 wšntw '1 Gbl «Да продлит Владычица Библа дни Шафатбаала и годы его над Библом».

Сткк. 4—5: byrh Zbh Šmš. Zbh — «приносить в жертву закланием». Можно согласиться с Дж. Гарбини, что здесь нет никакой описки писца¹⁷. А. ван ден Бранден полагает, что этот месяц следовал вслед за зимой.

Сткк. 5—6: bmtw' bbt wbm'tw. mtn' «дар, подарок» (см. выше). Предлог b выражает инструментальный падеж: ytn...bmtw' «одарил...даром» — характерный для се-

⁹ G a r b i n i, стр. 66—67.

¹⁰ См. И. Ш. Ш и ф м а н, Финикийский язык, М., 1963, стр. 60.

¹¹ См. также G a r b i n i, стр. 67: 'šr hqdš; ср. угар. 'aṭr, араб. 'atrā «место»; араб. 'iṭr(un), акк. ašru «след»; правда, акк. aširtu — «святилище», но контекст нашей надписи («место священное это, которое соорудил и которое одарил... храмом...») подтверждает наш перевод («место священное»).

¹² Др. евр. ze.

¹³ Надпись Ахирама, царя Библа: 'rn z p'1 «саркофаг, который изготовил».

¹⁴ Др. евр. mattānā «дар, подарок».

¹⁵ J. F r i e d r i c h, Phönizisch-punische Grammatik, Roma, 1951, стр. 41—42, § 105 (далее — F r i e d r i c h, Grammatik).

¹⁶ G a r b i n i, стр. 69; в кипро-финикийских надписях имя Ptolemaios передается как Ptlmyš; см. также A. van den B r a n d e n, L'inscription phénicienne de Larnax Lapethou. II, OA, III, 1964, № 2, стр. 245—261 (особенно стр. 251).

¹⁷ Дж. Леви делла Вида (Purgi, стр. 75) полагает, что zbh šmš испорченное zbh ššm, встречающееся в надписях из Кипра; см. также Van den B r a n d e n, ук. соч., стр. 252—253, однако тот же автор отмечает наличие названия Zbh šmš в CIS, I, 131; см. там же (стр. 255—256) справку о финикийских месяцах, засвидетельствованных данными эпиграфики.

метических языков оборот. *bbt wbmwtw* «храмом¹⁸ и (священной) высотой его». Наличие предлога *b* перед словом *bt* обусловлено наличием того же предлога перед предыдущим словом¹⁹. *bmtw* ср. с др.евр. *bāmā* (ж. р.) «священная высота», т. е. культовое место; *w* в конце слова — притяж. местоим. 3 л. ед. ч. м. р. и относится к слову *bt* «храм».

Сткк. 6—7: *k'štrt. 'rš. bdy lmlky*. Данное место, являясь, как на это указывает также издатель, наиболее существенным для понимания смысла всей надписи, представляет наибольшую трудность для перевода²⁰. Дж. Леви делла Вида (стр. 75) переводит: «потому что Астарта выбрала через него (? — *М. Г.*) на третьем году, III, его правления...»²¹, что, с нашей точки зрения, смысла не дает, так же как и перевод Гарбини «на три года», а перевод Москати в данном месте натянут. *k'štrt* «так как Астарта». *'rš* (3 л. м. р. ед. ч. Perf.) передает действие богини Астарты, однако этот корень в глагольном значении в финикийских текстах до сих пор не был засвидетельствован. Известны, правда, имена собственные *'rš*, *'ršt*, *'bd 'rš*, в том числе теофорные *b'l 'ršt* «Баал 'ršt» и *'ršt b'l* «'ršt Баала»²². *'ršt* в женском роде в выражении *'ršt šru* встречается также в одном пуническом тексте (CIS, I, 5689) и понимается его исследователем Ж. Феврие как «цена» (*'ršt šru* «цена крови») ²³. В этой связи интересна пуническая надпись № 172 из Сульчи в Сардинии, приведенная у Доннера и Рёллига²⁴. Она имеет параллельный латинский текст и составлена от имени Химилькона, сына Иднibaала, сына Химилькона ([H]młkt bn. 'dnb'l — Himilkoni · Idnibalis). В латинском тексте читаем: *2...ex·s(enatus), c(onsulto), fac(iundam)...* В пуническом тексте выражению *ex s(enatus) c(onsulto)* соответствует: *2... 'l. m'yṭb 'rš'*. При этом заслуживает внимания точка зрения М. Ливерани²⁵, предлагающего последнюю группу знаков разделить на слова не так, как это делают авторы хрестоматии (*m'yṭb 'rš'*), а *m'yṭb 'rš'*²⁶. Как указывает М. Ливерани, слово *m'yṭb*²⁷ явно соответствует латинскому *consulto*. В таком случае, по мнению того же автора (там же), *'rš'* соответствует слову «*senatus*», что дает право возводить корень *'rš* к понятию «желать, избирать». Нам точка зрения М. Ливерани кажется очень убедительной. Обращаясь к аналогиям из других семитических языков, укажем, что *'arešet* в др. евр. встречается в Библии только один раз (Ps., 21, 3) и переводится обычно «желание»²⁸. В текстах из Угарита *'arš* часто встречается в значении «желать, вожделеть»²⁹. Первая табличка угаритского

¹⁸ *bt* «дом» в значении «храм», «дом божества» (*bt'l*) встречается повсеместно в финикийском, древнееврейском, угаритском и других семитических языках.

¹⁹ Раскопками доказано, что храм стоял на ровном месте, — *G a r b i n i*, стр. 74: «*recinto* (?), (культовый) участок». *Moscatti*, IFP, стр. 258: «*sacello* «часовенька», однако в Библии «высота» вовсе не высокий холм, а культовое возвышение.

²⁰ Переводы Дж. Гарбини и С. Москати см. выше.

²¹ ...*perché Astarte scelse per mezzo di lui nell'anno tre 3 del suo regno...*

²² См. *M. Lindzbarski*, *Handbuch der Nordsemitischer Epigraphik*, I, Weimar, 1898, стр. 277.

²³ *J. Fевrier*, *Le vocabulaire sacrificiel punique*, JA, CCXLIII, 1955, № 1, стр. 56.

²⁴ *H. Donner*, *W. Röllig*, *Kanaanäische und aramäische Inschriften*, I, Wiesbaden, 1962.

²⁵ *M. Liverani*, рец. на кн.: *Donner*, *Röllig*, ук. соч., RSO, XXXIX, 1964, № 4, стр. 310.

²⁶ Внутри данной группы знаков словоразделитель отсутствует; *'*(алеф) в конце второго слова *mater lectionis*, характерный для позднепунических надписей.

²⁷ Букв. «благоустройство».

²⁸ *'arešet šefātaw* «желание уст его»; см. также *mōgāš* «желание» (Hi., 17, 11), встречающееся также только один раз; в то же время *'ēgāš* (*pi'el*) повсеместно в Библии встречается в значении «совершить помолвку», *ru'al* ж. р. *'ōgāšā* «быть помолвленной».

²⁹ *Aistleitner*, WUS, стр. 37, № 423; ср. также акк. *erešu* «желать».

эпоса о Керете, где текст, к сожалению, частично разбит. говорит об обращении бога Эла к герою Керету во время сна³⁰. В нем среди прочих имеются и следующие слова³¹: 41...mlk[t]r 'abh 42 u'arš hm drk[t] 43k 'ab 'adm «Царь-[б]ык³², отец его (Керета), пожелает (u'arš — Imperf. 3 л. ед. ч. м. р.) ли³³ он власт[и] подобно отцу людей?». Примечательно, что в данном тексте слову «власть» (drkt)³⁴ предшествует глагол 'arš³⁵. Поэтому, вполне возможно, что и в финикийской надписи этот глагол мог быть связан с термином, касающимся государственной власти. Следует также учесть приведенные выше пунические теофорные имена. Возможно, что B'1'ršt или 'ršt¹ означают «Баал мое желание (или выбор)» и «желание (выбор) Баала». Поэтому в данном случае следует согласиться с Дж. Гарбини и Дж. Леви делла Видой (стр. 7), считающими, что 'rš «пожелала?» могло также означать «избрала». Особо следует также отметить, что как в угаритском тексте о Керете, так и в надписи из Сульчи, корень 'rš связан как-то с понятиями, касающимися власти или управления государством.

Далее, как отмечает издатель текста, слово bdy ставит его в затруднительное положение. Действительно, если предположить, что слово это означает «рукой своей»³⁶ и является формой, в которой выпал у после предлога b— (b(y)dy), то все предложение остается без дополнения, что сильно затрудняет его понимание в целом и здесь следует домыслить, что Астарта рукой своей возвысила Тефария Велиану (Garbini, стр. 71—72).

Действительно, bd происходит от byd «в руке», однако в пунических текстах, правда, более позднего времени, термин bd приобрел новое значение. Как убедительно доказал И. Ш. Шифман³⁷, словом bd бод обозначался зависимый человек, связанный со своим господином, но не бывший рабом³⁸. у в конце этого слова является притяж.-местоим. суффиксом 3 л. ед. ч. ж. р.³⁹ и относится к слову 'šrt. Следовательно, здесь речь идет о бод'е Астарты, которым был Тефарией Велиана и которого она пожелала (избрала?) lmlky «на царство». Нам, однако, кажется сомнительным перевод Дж. Гарбини и Дж. Леви делла Вида «на его царство» (al suo regno — стр. 72 и 74—75), так как притяж.-местоим. суффикс 3 л. ед. ч. м. р. передается выше через w. Поэтому правильнее было бы считать, что суффикс у в конце слова указывает на абстрактное понятие «царство(вание)»⁴⁰, причем здесь отпала конечная согласная t⁴¹. Перевод С. Москати (IFP, стр. 259—260) «в третьем году его правления (царства)» (lmlky šnt šlš) также неприемлем ввиду того, что тогда смысл выражения (так

³⁰ В русском переводе проф. И. Н. Винникова в «Хрестоматии по истории древнего Востока» (М., 1963, стр. 282—285) данное место из-за фрагментарности текста оставлено без перевода.

³¹ Текст приводится по выверенному чтению нового издания: A. Herdner, *Corpus des tablettes en cunéiformes alphabétiques découvertes à Ras Shamra-Ugarit de 1929 à 1939*, I, P., 1963, стр. 58—67.

³² Распространенный эпитет угаритского верховного бога Эла.

³³ См. Aistleitner, WUS, стр. 89, № 836.

³⁴ drkt, там же, стр. 82, № 792.

³⁵ Значение 'rš «избирать, отбирать» подтверждает и применение его в тексте PRU, V, 18.140, 23'alpm-'aršt, lk. w.ly «Быки отобраны для тебя и для меня».

³⁶ Дж. Леви делла Вида, стр. 75: «посредством себя» (per mezzo di lui); то же и у Москати (IFP, стр. 260).

³⁷ И. Ш. Шифман, К вопросу о значении термина «бод» в пунических надписях, ЭВ, XV, 1963, стр. 17—23.

³⁸ Но, как доказывает автор, связь эта была более тесной, чем связь римского клиента со своим господином.

³⁹ Friedrich, Grammatik, стр. 46, § 112₁.

⁴⁰ Friedrich, Grammatik, стр. 90—91, § 204a; 207.

⁴¹ До сих пор, однако, в финикийских надписях такая форма в этом значении не засвидетельствована; возможен также перевод «на ее царство»; в таком случае у в конце слова lmlky следует понимать как притяж.-местоим. суффикс 3 л. ед. ч.

как Астарта потребовала *бод'а* своего» остается нераскрытым (см. также ниже о датировочной формуле).

В целом здесь напрашивается аналогия с практикой древневосточных государств, Сирии и Финикии, где цари-узурпаторы после получения ими власти говорят, что им в этом деле помогло божество⁴². Подобное же явление характерно и для древнейшего Шумера XXV—XXIV вв. до н. э., где как доказал акад. В. В. Струве, избрание нового правителя божеством говорит обычно о захвате или об узурпации им власти или о переходе ее к нему не совсем обычным путем⁴³.

Сткк. 7—9: *šnt šlš III buḫ Kḫ bym qbr 'lm. šnt* обычно принимается в финикийском за форму множественного числа⁴⁴. Однако, как заметил еще М. Лидзбарский⁴⁵, в датировочных формулах надписей вместо *št* «год» ставилось *šnt* в качестве формы сопряженного состояния. Как «третий год» понимает *šnt šlš* и С. Москати (IFP, стр. 259)⁴⁶.

buḫ kḫ «в месяце Kḫ⁴⁷». *qbr 'lm* букв. «гробница божества»⁴⁸ — имя собственное дня.

Сткк. 9—10: *w šnt l m 'š 'lm bbtu*. «И годы статуи⁴⁹ божества в храме своем»; у местоим. суффикс 3 л. ед. ч. ж. р. (?).

Сткк. 10—11: *šnt km hkkbm 'l. 'l* — ср. др. евр. *'elle* «эти».

Таким образом, разбираемая здесь надпись является посвянительной. Она выполнена от имени Тефария Велианы (Тиберия Велианы), царя К(а)йшри. Автор ее говорит о даровании своей покровительнице, богине Астарте, храма и священной высоты в благодарность за то, что Астарта сделала его царем «над К(а)йшри». Следовательно, учитывая еще и то обстоятельство, что автор надписи не называет своих пред-

ж. р., а само выражение говорит не о том, что Астарта сделала Тефария Велиану «своим царем», а что она возвела его на царство в государстве, верховной владычицей которого была она сама. См. также D o n n e r, R ö l l i g, I, № 111 и II, 1964, стр. 117: *z...bššt 'rb'm št lmlky Msnš'n hmmlkt* «на сорок шестом году царствования (lmlky) Масиниссы, царя...» (III—II вв. до н. э.).

⁴² Относительно Азитавадда, царя дануниитов в Киликии (IX в. до н. э.) и Закара в Сирии см. И. Н. В и н н и к о в, Новые финикийские надписи из Киликии, ВДИ, 1950, № 2, стр. 86—97; о н ж е, Новая интерпретация надписи Закара, царя Хамага и Лу'аша, ЭВ, X, 1955, стр. 84—94.

⁴³ В. В. Струве, Государство Лагаш, М., 1961, стр. 6—25; о н ж е, Энтемена-узурпатор, КСИНА, № 46, 1962, стр. 27—36.

⁴⁴ F r i e d r i c h, Grammatik, стр. 108, § 240₁₄.

⁴⁵ L i d z b a r s k i, Handbuch, I, стр. 379—380; см. также Van den B r a n d e n, ук. соч., стр. 247—248, где сплошь и рядом встречаются датировочные формулы: *šnt 11* «год одиннадцатый», *šnt 33* «год тридцать третий»; *bšnt 3* «в третьем году».

⁴⁶ См. также F r i e d r i c h, Grammatik, стр. 146, § 315; относительно употребления датировочной формулы года без предлога перед словом *šnt* «год» см. др. евр. Neh., 2, 1: *...š'nat 'ešrīm l^oartaḥšast' hammelek* «двадцатый год царя Артаксеркса»; Esr., 7, 8: *...š'nat hašš'ebi'it lammelek* «седьмой год царя»; Reg., 18, 10: *...š'nat-tēša' l^eHošē'a melek Yisra'el* «девятый год Хошеи, царя Израиля».

⁴⁷ Ср. с этр. текстом, где месяц назван *ḫurvar*, что не было замечено издателями; конечно, это может быть лишь случайным созвучием этрусского и финикийского названий месяца. Месяц Kḫ встречается также в финикийских надписях Кипра — см. Van den B r a n d e n, ук. соч., стр. 256.

⁴⁸ Ср. с этр. текстом и комментарием к нему. *'lm* — множественное число в значении единственного — см. G a r b i n i, стр. 72—73.

⁴⁹ Следует согласиться с Дж. Гарбини, отмечающим (стр. 73), что предлог *l* в данном случае передает родительный падеж; *m 'š* «статуя»; как отметил уже издатель, *'(алеф)* в качестве второго коренного встречается лишь в пунических текстах; обычная финикийская форма *mš*.

ков правителями или магистратами, возможно, что здесь речь идет об узурпации власти в Цере (K(a)йшри).

Проф. Дж. Гарбини считает, что текст относится к первой половине V в. до н. э., и, возможно, даже ближе к его началу (Pugli, стр. 76). Мы можем вполне согласиться с издателем, отмечающим близость знаков рассматриваемой надписи с надписями Табнита и Эшмуазара, дарей Сидона, относимых им к концу VI — началу V вв. до н. э. (Pugli, стр. 75), однако, на наш взгляд, эти надписи относятся к середине — второй половине V в. до н. э.⁵⁰, поэтому и надпись из Пирги следует отнести ближе к концу V в. до н. э., по крайней мере ко второй его половине.

ЭТРУССКИЕ НАДПИСИ (ФОТ. 2 и 3)

Из двух этруских надписей особенный интерес представляет более пространный текст (в дальнейшем именуемый текст А), возможная близость которого с пунической надписью подчеркивается уже внешними особенностями пластин и некоторыми обстоятельствами их обнаружения (см. выше).

Вторая этрусская надпись (текст Б) едва ли является продолжением первой. Это тоже вытекает из внешних особенностей пластинки, на которой она начертана. Хотя размеры этой пластинки существенно не отличаются от двух других, количество, размеры и расположение отверстий по ее краям, служивших для ее крепления, иное (см. выше). Имеются также различия в написаниях некоторых слов: *ϕefariei velianas* (текст А) и *ϕefarie veliunas* (текст Б), *ϕemiasa* (текст А) и *ϕamuce* (текст Б), *seleitala* (текст А) и *selace* (текст Б). Возможно также *itanim* (текст А) и *etanal* (текст Б), *cluvenias* (текст А) и *cleva* (текст Б).

Наше внимание будет поэтому сосредоточено на анализе текста А и его сравнении с текстом финикийской надписи.

Направление письма в обеих этруских надписях справа налево. Высота букв колеблется от 0,6 до 1,0 см. Благодаря четкости начертаний и хорошей сохранности текстов у нас не возникает сомнений в правильности чтения, предложенного М. Паллоттино.

Текст А (фот. 2)

1 *ita. tmia. icac. he*
 2 *gamašya [.] vatieχe*
 3 *unialastres. ϕemia*
 4 *sa. meχ. ϕuta. ϕefa*
 5 *riei. velianas. sal.*
 6 *cluvenias. turu*
 7 *ce. munistas. ϕuvas*
 8 *tameresca. ilacve.*
 9 *tulerase. nac. ci. avi*
 10 *l. χurvar. tešameit*
 11 *ale. ilacve. alšase*
 12 *nac. atranes. zilac*
 13 *al. seleitala. acnašv*
 14 *ers. itanim. heram*
 15 *ve. avil. eniaca. pul*
 16 *umχva*

Текст Б (фот. 3)

1 *nac. ϕefarie. vel*
 2 *iiunas. ϕamuce*
 3 *cleva. etanal.*
 4 *masan. tiur*
 5 *unias. selace. v*
 6 *acal. tmial. a*
 7 *vilyval. amuc*
 8 *e. pulumχv*
 9 *a. snuiaϕ*

⁵⁰ Царские надписи из Сидона и особенно их датировка вызвали в науке немалые разногласия (датировки колеблются между VI—III вв. до н. э.). По данным археологии и стиля антропоморфных саркофагов И. Ассман (J. Chr. A s s m a n n, Zur Baugeschichte der Königsgruft von Sidon, «Arch. Anz.», 1963, № 4, стр. 690—716) предлагает датировать эти надписи временем не ранее середины — второй половины V в. до н. э.

По палеографическим и языковым особенностям М. Паллоттино относит надписи к началу V в. до н. э.⁵¹; хронологически наиболее близкой им он считает надпись на ножке килика из Тарквиний⁵², датируемую также началом V в. до н. э. Однако сопоставление начертаний знака п этой надписи (||) с начертанием того же знака в рассматриваемом памятнике (||) показывает, что нашу надпись следует отнести к несколько более позднему времени. То же вытекает и из особенностей начертания в ней буквы ф. Как полагает М. Гаммарштрём, именно формы этого знака могут служить наилучшим критерием для датировки надписей, относящихся к периоду перехода от древнеэтрuscoго к позднеэтрuscoму времени⁵³. Наличие в нашей надписи теты в форме \diamond (в противоположность более архаичным начертаниям \otimes и \odot), не засвидетельствованной в этрусской эпиграфике ранее середины V в. до н. э., позволяет принять эту дату в качестве *terminus post quem* при определении ее времени.

Такому предположению не противоречат и собственно языковые (фонетические) особенности рассматриваемого текста: сохранение полной огласовки и отсутствие слоговых сонантов. Как известно, синкопирование гласных в безударном положении и вызванный этим переход слогаобразующих функций к некоторым сонантам имели место не ранее конца V в. до н. э.⁵⁴.

Существенной особенностью рассматриваемой надписи является наличие в ней двух различных начертаний сигмы: \sum и Σ и отсутствие знака M (транскрибируемого \acute{s}). Можно предполагать, что четырехштриховая сигма служит здесь для передачи звука, обычно изображаемого посредством M (\acute{s})⁵⁵. Эту мысль высказывает и М. Паллоттино (Purgi, стр. 80), хотя он все же предпочитает транскрибировать этр. \sum с помощью греч. σ .

Интерпретация. В своем толковании данной надписи М. Паллоттино не касается вопросов возможного сходства рассматриваемых этрусских форм с формами каких-либо известных языков. Следуя установившейся традиции, он опирается преимущественно на комбинаторный анализ других этрусских текстов, содержащих аналогичные или сходные слова и морфемы. Добытые таким путем результаты сопоставляются с соответствующими местами финикийской надписи, понимаемой им как параллельный текст, составленный по тому же поводу, но не вполне соответствующий содержанию этрусского. Этимологические сближения ограничиваются узким кругом слов, принадлежащих к терминам культурного обихода и проводятся только с материалами греческого и итальянских языков.

Поскольку рассматриваемая надпись содержит немало слов, не встречающихся в других этрусских текстах, многие ее места остались неистолкованными⁵⁶.

⁵¹ Purgi, стр. 80 слл.; ср. также датировку пунической надписи, предложенную Г. Гарбини (Purgi, стр. 75—76).

⁵² TLE, 156; В u o n a m i c i, EE, табл. XLVIII, 82.

⁵³ M. H a m m a r s t r ö m, Die etruskischen Lokalalphabeten, «Atti del I° Congresso internazionale Etrusco», Firenze, 1929, стр. 254.

⁵⁴ H a m m a r s t r ö m, ук. соч., стр. 254.

⁵⁵ Ср., например, tešameitale (текст А, $\acute{s} = \sum$) и tešamsa (TLE, 135, $\acute{s} = \text{M}$), tešamitn (Agr., XI, 5; $\acute{s} = \text{||}'$); alšase (текст А, $\acute{s} = \sum$) и alši (TLE, 2, $\acute{s} = \text{M}$); речь может идти лишь о том, что тот же самый знак в одних случаях поставлен вертикально, а в других — горизонтально.

⁵⁶ М. Паллоттино предлагает следующий предварительный перевод текста А (стр. 99): «Это (есть) святилище (или часовня) и это (есть) место изображения?», посвященные Юноне-Астарте: Тефарий Велиана (или кто-либо совместно с Тефарием Велианой) даровал это; соответственно тому, что (или кто) надлежит каждому из мест

Мы, напротив, исходим из предположения о наличии как в грамматике, так и в основном этрусском словаре индоевропейских элементов, особенно близких языкам анатолийской группы, а в его словарном составе — многочисленных культурных заимствований (преимущественно из греческого)⁵⁷, что подтвердилось и результатами прежних исследований одного из авторов настоящей статьи⁵⁸. Поэтому нами значительно расширена область этимологических сопоставлений, которые проводятся применительно к большинству рассматриваемых слов и морфем, наряду с комбинаторным анализом и сопоставлениями с параллельными местами финикийской надписи.

Ниже приводим результаты нашего анализа:

Сткк. 1—2: *īta. tmia. icas. he/gamašva* «Это священное место (*tmia*) и этот храм ее (*heramašva*)».

īta — указ. местом. «этот» или «тот» (им. п. ед. ч.); ср. *itan*, вин. п. ед. ч. (TIE, 39), *ital*, род. п. ед. ч. (GLE, 2), а также позднетр. *ta* (им. п.) и *tn, ʔn* (вин. п.), засвидетельствованные многочисленными надписями (так же Паллотино — Purgì, стр. 83).

tmia = греч. *τέμενος* «земельный участок, священное место, святилище»⁵⁹. Этот термин, стоящий в начале этрусской надписи, соответствует финикийскому *ʔšr qdš ʔz*, начертанному после имени божества.

icas = *ica-s* — еще одно указательное местоимение, представленное (в форме *esa, sa*) многочисленными позднетрускими текстами. Каково различие между *ēta* и *ica* (позднетр. *ta* и *sa*) определить трудно. Возможно *ica* (*sa*) употреблялось по отношению к предметам более близким и означало «этот, эта», в то время как *īta* (*ta*) указывало на более отдаленные предметы и его следует перевести «тот, та». Оба местоимения, очевидно, индоевропейского происхождения. Этр. *sa* соответствует хетт. *kā* «этот» (HW, 94), арм. *sa* «этот, тот» и др. <индоевр. **kō*-«этот» (WP, I, 452); этр. *ta* — др.инд. *ta*-«это», авест. *ta-*, греч. *τό*, арм. *da*, готск. *ṛa*-«этот» < индоевр. **tó*-«тот» (WP, I, 742). Конечное *-s* в *ica-s* = лат. *-que*, лидийск. *-k*, ликийск. *-ke* < индоевр. **qce* «и» (WP, I, 507).

heramašva. Этр. *herama-* следует сблизить с греч. *ἱερόν* «священное место, храм», (*dei luoghi*)??, приношение за его возвышение?? таковые три года... (и) приношение за... (действие, связанное с храмовой магистратурой или резиденцией верховного магистрата?)... Следуют упоминания изображения?? и (соответствующих?) лет...».

⁵⁷ По всем этим вопросам, особенно по вопросу индоевропейского характера этрусского языка или его возможных связей с индоевропейскими, имеется обширная литература, насчитывающая десятки исследований — см. E. F i e s e l, *Etruskisch*, B. — Lpz., 1931 (*Die Erforschung der indogermanischen Sprachen*, II); M. Lopes P e g n a, *Saggio di bibliografia Etrusca*, Firenze, 1953; из новейших работ можно указать: В. Г е о р г и е в, *Исследования по сравнительно-историческому языкознанию*, М., 1958, стр. 184—195; о н ж е, *Hethitisch und Etruskisch*, Sofia, 1962; о н ж е, *Spät-hethitisch — Altetruskisch*, Sofia, 1963, (LB, VII, 2), стр. 5—23; R. H a u s s c h i l d, *Die Indogermanischen Völker und Sprachen Kleinasien*, B., 1964, стр. 64—67.

⁵⁸ Материалы этих исследований опубликованы только частично. Предварительные наблюдения были изложены в книге: А. И. Х а р с е к и н, *Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности*, Ставрополь, 1963 (далее — Х а р с е к и н, ВИПЭ), а дальнейшие наблюдения в докладах: А. И. Х а р с е к и н, *К вопросу о взаимоотношениях этрусского и греческого языков*, «Конференция по изучению проблем античности, 9—14 апреля 1964 г. Тезисы докладов», М., 1964; о н ж е, *Про индоевропейські компоненти етрусської мови*, «Доповіді звітної наукової конференції кафедр Кременецького педагогічного інституту за 1964 рік», Кременец, 1965 (в печати).

⁵⁹ Так же Паллотино (Purgì, стр. 83). Но при этом остается необъясненным выпадение гласного первого слога, что не совсем обычно для греческих заимствований в этрусском. Поэтому можно допустить и непосредственное развитие этр. *tmia* из индоевр. **dem-*, **dʰm-* «строить».

откуда оно, возможно, было заимствовано. Соответствия греч. spiritus asper этр. h и греч. ιε этр. e вполне закономерны⁶⁰. Не совсем обычна лишь передача греч. -v через этр. -na. Но здесь бесспорно речь идет о замене греческого морфологического элемента соответствующим этрусским — ср. греч. πρῶτον (род. сосуда) — этр. pruxim и греч. νικητήριον «награда победителю» — этр. nicefuma (CII, 2403). Конечное -sva в других этрусских текстах не засвидетельствовано и поэтому его значение нельзя установить с полной достоверностью. Но исходя из того, уже ранее установленного факта, что в этрусской морфологии преобладают индоевропейские элементы, можно с достаточной вероятностью принять, что и в данном случае мы имеем форму, выводимую из индоевр. *seuo-, *suo-; ср. др.инд. sváh, авест. hva, греч. ὄς (крит. ὄς < *σῶς), ст. слав. *свой*.

Этр. herma- встречается также в нескольких других надписях в позднетруском фонетическом оформлении: herma (TLE, 290), hermu (TLE, 131; 275), hermeri (TLE, 131). В кратком тексте на жертвенной чаше (TLE, 290) речь может идти о ее приношении в храм бога Юпитера (этр. tin-): šta sinu herma tins sece «(Меня) ставит Сентий⁶¹ (в) храм верховного (бога) Юпитера». Еще больше оснований в пользу нашего толкования дает эпитафия Ларта Пулены (TLE, 131). В этой надписи данное слово засвидетельствовано трижды. Как явствует из параллельных формул gufsva. safas. hermeri и iufsva. safas. raḥanas. alumpafē, где safas — собственное имя этрусского божества в генитиве, речь здесь, видимо, идет о чем-то, принадлежащем или имеющем отношение к указанному божеству. Поскольку же во второй формуле alumpafē употреблено в локативе, можно думать о месте нахождения объектов, имеющих отношение к богу saf- или же месте совершения религиозных актов, связанных с культом этого божества⁶². Таким местом, вероятнее всего, было святилище или культовое место в целом.

Сткк. 2—3: vatieḫe / unialastres. θemia/sa «Владычице? (или: для владычицы?) Юноне-Астарте построен(ы) (сооружены)».

vatieḫe «владычице?» — в других этрусских текстах не засвидетельствовано. Значение может быть установлено только предположительно, путем сопоставления этр. vatieḫe unialastres с пунич. lrbt l'štrt «владычице Астарте». Но то же значение может быть выведено на основании индоевр. этимологии: vati- < индоевр. *roti- «господин» (WP, II, 77); ср. др.инд. rāti-, авест. paiti- «господин, повелитель, супруг», лат. rotis «могущественный», и др. Этр. v < индоевр. *p (ср. veg- «огонь», возможно, восходящее к индоевр. *reṽōg- «огонь»); этр. a < индоевр. ḍ представлено многочисленными примерами⁶³. Женский род данного слова образован посредством суффикса -ḫa⁶⁴, который в нашем конкретном случае выступает в огласовке на -e, что является признаком дательного падежа (<индоевр. *-a-ī).

unialastres — «Юноне-Астарте». Оба имени употреблены в форме род.-дат. II ед. ч., показателем которого у большинства этрусских существительных женского рода было окончание -i, но могло употребляться также и окончание -(e)s⁶⁵. Относительно отождествления этрусской богини uni (= лат. Juno «Юнона») с финикийской 'štrt «Астарт» см. свидетельство Августина: lingua Punica Juno Astarte vocatur⁶⁶.

⁶⁰ См. E. Fiesel, *Namen des griechischen Mythos im Etruskischen*, Göttigen, 1928, стр. 15 слл.; Харсекин, ВПЭ, стр. 32.

⁶¹ Ср. то же имя в TLE, 523.

⁶² В данном случае hermeri употреблено не в локативе, а, вероятно, в генитиве ед. ч. — см. Харсекин, *Про индоевропейські компоненти*, стр. 73, однако параллелизм указанных формул подтверждается наличием в этой же надписи сочетаний pul hermu и pul alumpafē, где оба термина употреблены в одном и том же падеже (локатив ед. ч.).

⁶³ Ср., например, приведенные выше этимологии этр. местоимений ita и isa, а также arimos «обезьяна» < индоевр. *or(i)mo и др.

⁶⁴ Ср. W. Deeske, EFS, II, 1882, стр. 62.

⁶⁵ Ср. ELE, 38.

⁶⁶ Augustinus, *Heptat.*, VII, 16; ср. также Purg, стр. 56 (G. Colonna).

themiasa. Корень этого слова them-, tham- правильно понимался уже ранее: «строить, сооружать»⁶⁷. В окончании прежде часто усматривали показатель претерита⁶⁸. Но наличие в этрусских текстах сочетаний типа serihci tesamsa (TLE, 135), arse asnapasa (TLE, 170) и др. заставляет думать о формах на -sa как о причастиях⁶⁹. Корень them- может быть закономерно выведен из индоевр. *dem- «строить» (WP, I, 786), ср. греч. δέμω «строить, сооружать», готск. timrgan «строить», хеттск. tamiba «построил» и др.

Стк. 4—5: meχ. θuta. θefa/riei: velianas «правитель... (?) Тефарий Веллана». Производные от корня meχ- представлены в TLE, 87 (meχl) и TLE, 233 (meχlum). Их обычно отождествляют с формами, имеющими основу meθlum-, засвидетельствованными в тексте Загребской мумии и ряде других надписей, и понимают в значении «государство, конфедерация»⁷⁰. С таким объяснением нельзя не согласиться, но надо отметить, что meχl, представленное единственной надписью, является, очевидно, сокращением от meχlum, точно так же как и другое имеющееся в той же надписи слово rihθ представляет сокращение от rihθne «притан». В таком случае meχ, лежащее в основе meχlum «государство, страна, владение», можно истолковать как «правитель, владетель, государь». Соотношение между ними будет аналогичным соотношению между лат. rex «царь, повелитель» и regio «страна, область» или между соответствующими понятиями во многих других языках. Этимология этого слова недостаточно ясна. Возможно, его следует возвести к индоевр. *meǵ(h)- «великий» (WP, II, 257), давшему в некоторых языках термины со значением «власть».

θuta, — видимо, определение к meχ. Каково его конкретное значение, определить затруднительно. В других текстах оно засвидетельствовано дважды: в TLE, 159 в сочетании с ati «мать» и в тексте мумии (X, 7) в соседстве с acil irei, где известно значение только acil («жертвенный дар»). Формально оно представляет причастие, образованное посредством суффикса -ta < индоевр. *-to-s (индоевр. θ) > этр. а; конечные согласные в этр. обычно утрачиваются). Что касается семантического значения, то можно лишь предположительно указать на его возможное сходство с греч. θύω «молиться; совершать жертвоприношения (в том числе благодарственные)», с которым оно обнаруживает фонетическую близость. Такое значение удовлетворяло бы общему контексту как этой, так и указанным местам других надписей, но ввиду отсутствия соответствия в финикийском тексте остается лишь более или менее вероятной гипотезой⁷¹.

θefa/riei velianas — собственное имя этрусского правителя, автора рассматриваемых надписей. Состоит из личного имени θefa/riei «Тефарий» (ср. лат. Tiberius «Тиберий»), по-видимому, в форме им. п. ед. ч. и gentilicia velianas («сын» Велианы) в род. п. ед. ч. Несколько необычно (даже для архаичных надписей) окончание -iei в имен. п. Обычно встречаются мужские имена на -ie, что мы находим и в тексте B в имени этого же лица: θefa/rie. M. Паллоттино (Pugli, 87), однако, указывает, что формы с окончаниями -iei и -ei имеются в хронологически близкой рассматриваемой надписи на Капуанской черепице (TLE, 2).

Из изложенного следует, что в этрусском тексте отсутствует прямое соответствие финикийскому mlk 'l kušru «царь над K(a)йшри (Цере)». Очевидно, как полагает и M. Паллоттино (Pugli, 88), такое указание представлялось излишним в надписи, предназначавшейся для своих соотечественников — этрусков, но оно было необходимо в тексте, рассчитанном на читателей-иностранцев.

⁶⁷ ELE, 92; Trombetti, LE, 249.

⁶⁸ См., например: ELE, 55; LE, 35.

⁶⁹ Ср. также ELE, 86.

⁷⁰ Ср., например, ELE, 94.

⁷¹ Если наше сопоставление верно, то этр. θu- надо рассматривать как заимствование, поскольку возведение этого корня непосредственно к индоевр. источнику (*dheu- «клубиться (о дыме)») наталкивается на семантические трудности.

Сткк. 5—6: sal./cluvenias «совершив (жертво)приношение (Солнцу?)». Контекст других этрусских надписей, содержащих слово sal (TLE, 359 B; Agr., VI, 1; VII, 7; XII, 14), дает основания предполагать в нем наименование какого-то рода принесения или жертвы⁷². Это особенно следует из параллелизма формул mlaχ tins lurθ «жертву Юпитеру принеси (?)» (TLE, 359 B) и lurθ sal afrs «принеси (?) sal предкам» (там же).

cluvenias. В других текстах данное слово не встречается. Однако корень clu- находим в cluθi (TLE, 72), которое обычно понимается как глагол со значением «даровать»⁷³, и, возможно, также в clucθraś, cluctraś (Agr., III, 5; VIII, 9; XII, 13). Формально cluveni-as напоминает известные по многочисленным посвячительным надписям глагольные формы mulveni (TLE, 359 A), muluveni- (TLE, 725), mulvene (TLE, 763) и др. с приблизительным значением «посвящать», а его окончание -as представляет, очевидно, формант, служивший для образования причастий⁷⁴. Следовательно, сочетание sal cluvenias можно предположительно перевести: «принеси жертву; совершив (жертво)приношение». Однако в финикийском тексте соответствующий эквивалент отсутствует. Вместо него находим byṯḥ zbḥ šmš «в месяц жертвоприношения солнцу». В этой связи не может быть полностью исключена возможность понимания этр. sal как имени божества, соответствующего лат. Sol «бог Солнца»⁷⁵. Основным препятствием для этого служит то, что этрусские наименования солнца нам хорошо известны: usil и egus. И все же нам представляется возможным, что независимо от этих наименований имя божества Солнца могло быть усвоено этрусками из латинского или какого-либо другого италийского языка, подобно тому как ими были заимствованы имена многих других божеств⁷⁶. Тогда рассматриваемое место может быть понято как «принеси (жертву богу) Солнца» или «(в день) принесения (жертвы богу) Солнца». В этом последнем случае cluvenias надо рассматривать не как причастную форму, но как существительное на -ia- в родительном падеже.

Сткк. 6—7: turuse «даровал» — одно из тех немногочисленных слов, значения которых не вызывают сомнений. Оно представлено также в ряде других дарственных и посвячительных надписей. Корень tur- обычно сближают с греч. δῶρο «дар, принесение», δωρέω «дарить». Нам, однако, представляется более вероятным возведение его, как и многих других корневых этрусских слов, непосредственно к индоевр. *dō-r < *dō- «давать», давшему родственные формы в ряде других языков, в том числе арм. тур- «дар», ст. слав. даръ, русск. дар, дарить и др. Окончание -se — показатель 3 л. ед. ч. перфекта и его часто сближают с греческим окончанием соответствующих перфектных форм -κε. Но в отличие от греческих форм, развившихся в срав-

⁷² Ср. E. Goldmann, Ricerche etrusché, St. Etr., II, 253—256; он же, Beiträge zur Lehre vom indogermanischen Charakter der etruskischen Sprache, I, Heidelberg, 1929, стр. 97; H. L. Stoltenberg, Etruskische Namen für Personen und Gruppen, Leverkusen, 1958, стр. 72—73.

⁷³ S. Bugge, EFS, II, 55 слл.; C. Pauli, EFS, III, 71—79; W. Deescke, EFS, VI, 53.

⁷⁴ ELE, 55.

⁷⁵ В таком случае надо полагать, что в приведенном выше месте из TLE, 359 B (lurθ sal afrs) слово afrs относится не к sal, но к следующему за ним pases, значение которого не установлено. Само sal является косвенным дополнением к глаголу lurθ, а прямым дополнением к тому же глаголу может быть стоящее непосредственно перед ним huvīθun, значение которого тоже неясно. Все сочетание huvīθun lurθ sal можно перевести «huvīθun принеси(?) богу Солнца». От параллельного сочетания mlaχ tins lurθ «жертву Юпитеру принеси (?)» оно отличается лишь отсутствием окончания -s в объекте sal.

⁷⁶ Ср. сходную картину у римлян, которым, кроме обычного наименования солнца sol, было известно также заимствованное из греческого phoebus «солнце, бог Солнца», а также имя древнеиранского солнечного божества Mithras.

нительно позднее время, этрусский перфект на -се встречается уже в самых древних надписях и уже поэтому непосредственная связь между ними представляется маловероятной. Кроме того, этрусский перфект не имеет никаких признаков удвоения корня. Ср., например, греч. δέδορμη «принес в дар; даровал» — этр. *turuse* (позднеэтр. *turce*); греч. δέδομη «построил, соорудил» — этр. *ḡamuse* (позднеэтр. *ḡamse*) и др. Очевидно, мы имеем здесь дело с параллельным развитием, которое, как известно, при наличии определенных предпосылок может проявляться иногда в языках, хронологически значительно отстоящих друг от друга.

Сткк. 7—8: *munistas*. *ḡivas/tameresca* «этот дар тамеры (должностной титул), состоящий из всего (?) этого святилища (?)».

Анализ этого места удобнее начать с *tameresca*, представляющего сочетание существительного *tameres-* (род. п.) с постпозитивным членом -са (имен. п.)⁷⁷. Сочетания такого рода известны из ряда других надписей. Например, TLE, 214: (чаша) *lucaniesca* «Лувкания (дар или собственность) это»; TLE, 215: (сосуд) *ḡancesca . . . ninnal . acil*. «Это Танкия Нумы (жертвенный) дар». Еще чаще встречаются аналогичные сочетания с артиклем -та — TLE, 8: (чаша) *mi supesta* «Я Купия (дар или собственность)»; TLE, 9: (чаша) *maiflnasta mi* «Майфлвы (дар или собственность) я» и др. Это дает нам возможность понимать *tameres-ca* как «(дар) тамеры», значение же последнего как должностного титула уже давно достаточно надежно установлено с помощью комбинаторного метода⁷⁸. Этимологически его сближают с греч. ταμίης «служитель культа, жрец; владыка, властелин»⁷⁹.

munistas, — как и предыдущее, представляет сочетание имени и определенного члена, но оба в одном и том же родительном падеже. В других надписях находим несколько форм, несомненно образованных от этого же корня: *munisle* (TLE, 84), *munisuleḡ* (TLE, 173), *munisvleḡ* (TLE, 172), *municleḡ* (TLE, 99) и *municlet* (TLE, 570 A), которые обычно понимаются в смысле «служебное положение, пост, должность»⁸⁰ и сопоставляются с лат. *munia*, обычно употребляющимся в том же значении. Надо, однако, отметить, что *munia* (архаичн. *moenia*) могло означать также «городские стены, место внутри стен; здание, строение»⁸¹. Если этр. *munī-* действительно было заимствовано из латинского, оно могло унаследовать и это его значение и употребляться как в наименованиях определенного рода зданий и связанных с ними учреждений, так и в соответствующих должностных титулах⁸². Более точно определить смысл этого корня помогает то, что все образованные от него должностные термины являются наименованиями ж р е ч е с к и х должностей. Например, в TLE, 172... *munisvleḡ calusurasi*... «...в должности (жреца) бога Калу...»; TLE, 173 ...*munisule ḡ calu*... (то же); TLE, 99 ...*meiani municleḡ* «...в должности (жреца) богини Меан» и др. Надо поэтому полагать, что *munis-tas* могло быть наименованием к у л ь т о в о г о здания или учреждения, т. е. святилища. Из сопоставления с приведенным выше латинским термином также следует, что это, возможно, было названием не отдельного строения, но святилища в более широком смысле, т. е. в с е г о к у л ь т о в о г о м е с т а.

Синтаксически возможно двоякое объяснение: либо как о б о з н а ч е н и е м е с т а, выраженное родительным падежом, подобное аналогичным конструкциям латинского языка, либо как о п р е д е л е н и е в родительном падеже и соответствен-

⁷⁷ См. ELE, 46—47.

⁷⁸ Ср. S. P. C o r t s e n, *Die etruskischen Standes- und Beamtentitel, durch die Inschriften beleuchtet*, Kjøbenhavn, 1925, стр. 135 сл.; LE, 228: ELE, 98; В u o n a m i c i, EE, 315.

⁷⁹ Последнее засвидетельствовано также в форме ταμίεϋ ω (M a n., 4, 580).

⁸⁰ ELE, стр. 90.

⁸¹ Ср. *moenia praeter aedificia significant etiam et munia, hoc est officia* (P a u l., e x F e s t., стр. 151, ed. Müll.).

⁸² Как следует из надписей, в смысле «должность, служебное положение» употреблялись только формы с суффиксами -suleḡ, -sle(ḡ) и -clet/ḡ.

но перевести: «в этом святилище?» или «этого святилища»⁸³. Финикийская параллель позволяет отдать предпочтение последнему.

Ϝivas. Сходные формы встречаем в TLE, 672 (Ϝiveś), TLE, 86 (Ϝivuś) и, возможно, TLE, 619 (Ϝueś). Однако контекст каждой из этих надписей настолько не ясен, что они едва ли могут помочь в его интерпретации. Все же Э. Феттер на основании эпитафии из Сан Манно (TLE, 619) предполагает для всех этих форм значение «всего» или «всему»⁸⁴. Напротив, М. Паллоттино (Purgi, 90) связывает их с числительным Ϝи «один» и толкует как «одного, каждого». Интерпретация Э. Феттера более удовлетворяет рассматриваемому месту нашей надписи munistas Ϝivas «всего святилища», которое в таком случае выявляет семантическую близость финикийскому hbt wbmwtw «храмом и священной высотой его».

Сткк. 8—9: ilasve. /tulerase «как она (та) определила» или «как ею (той) определено».

ilasve — М. Паллоттино (Purgi, 91), следуя старому объяснению А. Торпа⁸⁵, видит в данном слове глагольную форму с не вполне определенным значением жертвоприношения, приношения или дарования. В действительности такое толкование едва ли приемлемо. Мы склонны рассматривать его как образование, состоящее из ila- «она; та» и -sve «как» или же дат.-абл. от -сва «какой». В надписи на Капуанской черепице (TLE, 2) трижды встречаем ilucve. Различие огласовки первого компонента (ilu- вместо ila-) вызвано, очевидно, тем, что это местоимение употреблено здесь вместо имени божества мужского пола (leḡam), в то время как ila- заменяет имя богини unī «Юноны». В заклинании из Монте Питти (TLE, 380) это же местоимение представлено формой iluc. Его местоименная природа доказывается здесь тем, что оно помещено после глагола ḡariscip⁸⁶ в таком же положении, в каком несколькими строками выше в той же надписи находим перечень проклинаемых лиц. Этимологические связи его весьма прозрачны: ср. лат. ille, illa «тот, та», умбрск. ūl-, ul- «тот», возможно также хетт. -il, -ila «сам», восходящие к индоевр. местоименному корню *i-, *o-.

Второй компонент -sve (ср. также -сва, -ḡve, -ḡva) в других надписях представлен довольно широко. Часто его рассматривают как словообразовательный суффикс прилагательных⁸⁷. М. Паллоттино (ELE, 32) полагает, что с его помощью образовывались отглагольные прилагательные. Не исключена возможность его местоименного происхождения и в этом случае он может быть выведен из индоевр. *q̣o-, *q̣ā- «какой, какая; как» (WP, I, 519).

tulerase. Этот термин несомненно находится в связи с известным этр. tular, которое в настоящее время большинство исследователей склонны понимать как «камень, пограничный камень, стела»⁸⁸ или «межа, граница»⁸⁹. Такое объяснение действительно удовлетворяет содержанию всех тех надписей, где знание соседних слов позволяет проникнуть в их смысл. Правда, в отдельных случаях, как нам кажется, его лучше было бы перевести «область, территория, владения», например, TLE, 530 (колонка неизвестного происхождения): tular alfil «владения Альфия»; TLE, 692 (колонка из Веттоны, Умбрия): tular/larns «владения Ларния» и др. Иными словами, круг значений этр. tular, видимо, близок лат. finis «предел, граница», а также (мн. ч.) «пределы, область, территория; владения»⁹⁰.

⁸³ Т. е. «(относящийся к) этому святилищу» или же «(состоящий из) этого святилища».

⁸⁴ E. V e t t e r, Etruskische Wortdeutungen, I, Wien, 1937, стр. 10.

⁸⁵ Т о р п, EB, II, стр. 45.

⁸⁶ В. Георгиев (V. G e o r g i e v, Hethitisch und Etruskisch, Sofia, 1962, стр. 10) переводит «tabefeci».

⁸⁷ Т о р п, EB, I, 17, 73 и 106; А. Бекштрем, Исследования в области этрусологии, Спб., 1908, II, стр. 28 и 97—98.

⁸⁸ С. P a u l i, Altitalische Studien, III, Hannover, 1884, стр. 57; Т о р п, EB, II, стр. 30; LE, 160; ELE, 99.

⁸⁹ LE, 160.

⁹⁰ Ср. Purgi, стр. 91—92 (Pallottino).

Но рассматриваемое нами *tulerase*, вероятно, является не именной, а глагольной формой, не засвидетельствованной в других местах. Можно поэтому лишь предполагать, что ее соотношение с существительным *tulag* такое же, как лат. *finio* «определять, устанавливать» с существительным *finis*. Окончание *-se*, хотя и представлено в нескольких других случаях (*acnese, utuse, sechase, feše, eṛtse* и др.), остается пока необъясненным. Контекст данной надписи позволяет предполагать в нем претеритальный суффикс. М. Паллоттино же наряду с возможным глагольным характером *tulerase* допускает также его объяснение как глагольно-именной формы (Pugli, 91—92). В этом случае в сочетании *ilacve tulerase* пришлось бы предположить опущение глагола-связки. Объяснение этого места затрудняется еще и тем, что в финикийском тексте соответствующее выражение, видимо, отсутствует.

Стк. 9: *pac* «так, итак, таким образом». Правильно истолковано уже Э. Феттером, сближавшим его с лидийск. *pak* с тем же значением⁹¹. Но, возможно, также означает «когда»⁹². Остается неясным, относится ли оно в качестве обстоятельства к предшествующему *tulerase* или же им начинается следующая фраза, содержащая датировку. В пользу такого предположения можно указать на то, что вторая этруская надпись из Пирги (текст Б) начинается именно со слова *pac*. Но в других случаях оно засвидетельствовано и внутри предложения (TLE, 334).

Стк. 9—11: *ci·avi/l·χurvar · tešiamet/ale* «(в) третьем году, (месяце) Хурвар (= октябрь?), (в день) погребения».

ci уже давно признано как числительное, хотя относительно его конкретного значения мнения исследователей расходились. Соответствие сочетания *ci avil* финикийскому *šnt šlš* «год третий» подтверждает правильность толкования *ci* = «три», предложенного А. Торпом еще в начале нашего столетия⁹³. Правильно было ранее истолковано также *avil* «год»⁹⁴. Интересно, что числительное *ci* употреблено здесь *п е р е д* словом *avil*. Для других этрусских памятников такое сочетание совершенно необычно. Во всех известных нам погребальных надписях, содержащих обозначение возраста, числительные ставятся *п о с л е* этого слова⁹⁵. Вероятно, это следует объяснить тем, что в противоположность эпитафиям, где числительные выступают как количественные, в данном тексте *ci* имеет *п о р я д к о в о е* значение⁹⁶.

χurvar — в этом слове мы видим наименование этрусского месяца «хурвар» или «хуфар» (= финик. *kr*), засвидетельствованное античными глоссами в форме *Xosfer, χoffer* «октябрь»⁹⁷. Надо заметить, что появление в латинской передаче этрусских слов буквы *o*, отсутствующей в этрусском письме, вообще не является редкостью⁹⁸. Сами этруски передавали звук *o*, встречавшийся, например, в греческих именах, посредством *u*: греч. Ὀδυσσεύς «Одиссей» — этр. *utuše*; греч. Ὀρφεύς «Орфей» — этр. *urfe*; греч. Ἀδωνίς «Адонис» — этр. *atunis* и многие др. Что касается появления в глоссе *s* вместо *r*, то можно указать, что колебания между *s* и *r* засвидетельствованы

⁹¹ E. V e t t e r, *Zu den lydischen Inschriften*, Wien, 1959, стр. 60.

⁹² K. O l z s c h a, *St. Etr.*, XXX, 1962, стр. 178 слл.

⁹³ Торп, ЕВ, I, стр. 72 слл.; в нашей статье (А. И. Х а р с е к и н, К интерпретации этрусских числительных, ВДИ, 1964, № 2, стр. 55 слл.) это числительное было ошибочно определено как «два».

⁹⁴ См., например, LE, 68—69; ELE, 87.

⁹⁵ См. Х а р с е к и н, К интерпретации..., стр. 57.

⁹⁶ См. выше комментарий к переводу финик. *šnt šlš* как «третий год».

⁹⁷ *Xosfer turcorum lingua octuber mensis dicitur* «Xosfer на языке этрусков называется месяц октябрь» (*Liber Glossarum, CGL*); ср. также: *Xoffer Octimber mensis dicitur in lingua tuscorum* (Leiden MS, XVIII, 67 D); *Xofer tuscorum lingua october mensis* (Papies, *Elementarium doctrinae rudimentum*); см. TLE, 858.

⁹⁸ Например: *corofis* (TLE, 826), *lucumones* (TLE, 843), *subulo* (TLE, 851); *falado* (TLE, 831), ср. также в греческой передаче: *ἄσοι* (TLE, 804), *ἄραχος* (TLE, 810) и др.

и другими примерами: *á̄bas* «ветер» (гlossa, TLE, 806) и *á̄vta* «ветер» (гlossa, TLE, 807); *ar̄ca* «счетная доска» (TLE, 779), ср. лат. *abacus*, греч. *ἀβάξ* (то же); *navesial* (гентилий, CIE, 3892; 3894) и *naverial* (гентилий из того же погребения, CIE, 3893; 3895) и ряд других. Аналогичные колебания между *s* и *g* свойственны также и латинскому языку⁹⁹.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в этой датировочной формуле отсутствует эквивалент финикийского *byrḥ* «в месяце». Но надо заметить, что и в тексте Загребской мумии, представляющем собой часть религиозного календаря, мы ни разу не встречаем слово «месяц» (этр. *tiv-* или *tivr*) рядом с наименованиями месяцев (*acale*, *celi* и, возможно, *masn*).

tesíameitale. После *byrḥ kgr* в пунлическом тексте следует более точное обозначение даты: *bym qbr ʾlm* «в день погребения божества». В этрусском варианте в соответствующем месте находим слово *tesíamei-tale*, которое можно сблизить с *tesim* (Agr., III, 12; VII, 10, 17; X, 10) *tesamitn* (Agr., XI, 5) и *tesamsa* (TLE, 135). Последняя надпись (саркофаг из Тарквиний) дает возможность установить смысл данного слова: *camnas: larḥ. larḥals: atnalc. clan. an. šuḥi. lavtni. zivas. ceriḫu/tesamsa. šuḥiḥ. atr̄sc. escuna. calti. šuḥiti. munḥ zivas mur̄sl XX* «Ларт (из рода) Камны, сын Ларта и Атналии; он семейную гробницу при жизни построил, поместив (*tesamsa*) в гробнице и в атриуме (?)... этой гробницы подземной при жизни 20 урн». Таким образом, корень *tesam-* этой надписи и его более архаичная форма *tesiam-* в надписи из Пирги означают «помещать (в гробницу)», что, разумеется, можно понимать и в смысле «погребать». Элемент *-ei-* в *tesiam-ei-tale* служит, по-видимому, показателем дат.-аблатива, которое может быть выведено из индоевр. окончания дат. п. **-e-i*¹⁰⁰. Наконец, конечное *-tale*, как правильно предполагает М. Паллоттино (Purgì, 93), представляет архаичную форму постпозитивной частицы *-tle*, уже издавна объясняемой как определенный артикль, возникший из местоимения *ta* «этот; тот»¹⁰¹. К этому надо добавить, что *-tale* (> *-tle*) является формой дательного-отложительного падежа, образованной от генитивной основы *-tala* (> *-tla*), также представленной во многих надписях, в том числе и в рассматриваемой (см. ниже). Аналогичные образования на генитивной основе известны и в ряде других случаев. Например: *ca* «этот», *cal* (род. п.), *clḥ*, *clḥi* (местн. п.)¹⁰². Итак, *tesíamei-tale*, синтаксически соответствующее лат. *ablativus temporis*, надо перевести «(при) погребении» или «(во время) погребения». Как предполагает Г. Гарбини (Purgì, 72), речь здесь может идти о празднике адоний, во время которого совершалось погребение статуи бога Адониса. Известно, что в некоторых местах он отмечался в осенние месяцы¹⁰³. Соответствия финик. *bym* «в день» и *ʾlm* «божества» в этрусском тексте отсутствуют.

Сткк. 11—13: *ilacve. al̄sase nas. atranes. zilac/al.* «как она избрала (??) как атрана своего (т. е. зависимого человека) на царство (т. е. царем)».

ilacve. См. выше.

al̄sase употреблено здесь в сочетании *ilacve al̄sase nas*, параллельном *ilacve tulerase nas* (см. выше), и поэтому его следует рассматривать как форму морфологически подобную *tulerase*. Что касается семантического значения, то ввиду отсутствия этого корня в других этрусских текстах¹⁰⁴ не представляется возможным его определение с помощью традиционного комбинаторного метода. Если же исходить из парал-

⁹⁹ Ср., например, латинское наименование этрусков (*tuscorum* и *turcorum*) в приводившихся выше гlossах (TLE, 858).

¹⁰⁰ Х а р с е к и н, Про индоевропейські компоненти..., стр. 73.

¹⁰¹ S. Bugge, *Etruskisch und Armenisch*, Christiania, 1890, стр. 133—136; Т о р р, *ЕВ*, II, 87—88.

¹⁰² G e o r g i e v, *Hethitisch und Etruskisch*, стр. 7; ср. также К. Я н а ч е к, Что мы знаем в настоящее время об этрусском языке?, *ВЯ*, 1954, № 3, стр. 98.

¹⁰³ *The Oxford Classical Dictionary*, Oxf., 1957, стр. 6—7.

¹⁰⁴ Если не считать *al̄si* (TLE, 2), в котором чтение первых трех букв сомнительно.

лельного финикийского текста, то его положение между *ilacve* (соответствующим финик. *k'sirt*) и *atranes* (которое, как увидим далее, равнозначно финик. *bdu*) дает основания для отождествления с финик. *ṛṣ* «избрала» и допущения для него такого же или сходного значения.

Индоевропейская этимология не ясна, однако можно было бы указать на встречающийся в хеттском корень *alš-*, который, как предполагают, означает «захватывать (в плен)?» (HW, 20), но такое сближение остается не более чем догадкой. Относительно возможности соединения в этр. *alš-* этих различных понятий ср. лат. *capio*, употреблявшееся как в смысле «захватывать (в плен)», так и в смысле «избирать»¹⁰⁵.

пас. См. выше.

atranes М. Паллотино (Purgì, 93) сближает с лат. *atrium* «зал, дворец» и сочетание *atranes zilacal* переводит «зилк храма». Нам, однако, это толкование представляется сомнительным как из-за отсутствия аналогии в финикийском тексте, так главным образом и потому, что остается необъясненным наличие согласного *-n-* в этрусском корне *atran-*. В предложенном выше переводе соответствующего места финикийского текста (*ṛṣ bdu lmlky*) *bdu* понимается как наименование свободного, но зависимого лица. Имеются основания для аналогичного толкования и этр. *atranes*. Так, в TLE, 314 (надмогильный камень из Вольцев) [*es]a· šuḏi· cpeici· š· atrenu· paḡ· priiḷ*] термин *atrenu*¹⁰⁶ едва ли может быть собственным именем (гентилицем матери), так как в этом случае он должен был бы иметь окончание *-(a)l*. Напротив, окончание *-u* часто принимают нарицательные имена в аблативе¹⁰⁷. Следующее далее *paḡ* на основании контекста TLE, 2 и CIE, 504 может быть определено как глагольная форма. В целом, эта надпись может быть передана: «Эта гробница (для) Т(аны) Крейкия (или Т[ефария], Т[укерия] Крейкия) атараном (т. е. зависимым лицом) построена (?)...». Этот же термин находим и в других надписях: CIE, 4142 (крышка оссуария из Перузии): *atrania velcurna* «атратния (т. е. женщина, являющаяся зависимым лицом) Велтура», TLE, 596 (оссуарий из Перузии): *tite: atrane: etri* «Тит, атран Этрия».

В тексте Загребской мумии засвидетельствована также форма без суффикса *-n-*: *aḡre* (<**atre*) в сочетании *unialti... aḡre* (XII, 10—11). Думается, что М. Паллоттино здесь совершенно прав, сближая это слово с лат. *atrium* и переводя указанное сочетание *in aede... Iunonis* (Purgì, 93). Тогда *atranes* можно рассматривать как субстантивизированное прилагательное, образованное от **atre* с помощью известного адъективного суффикса *-n-* и как формально, так и семантически близкое латинскому *atriensis* «смотритель (управитель) атриума (дома)». Однако контекст приведенных выше этрусских надписей не оставляет никакого сомнения в том, что термин *atran* обозначал зависимого человека. Очевидно Тефарий Велиана был зависимым человеком богини, что вполне соответствует и данным финикийской надписи, а то, что правители, в том числе и цари, зачастую в древности считали себя слугами, рабами верховного божества своей страны, общеизвестно.

На первый взгляд, некоторые затруднения вызывает объяснение окончания *-s* в *atrane-s*. Так как этот термин употреблен здесь в функции прямого объекта к глаголу *alšase*, он должен стоять в винительном падеже, который в этрусском языке формально совпадает с именительным и обычно представляет собой чистую основу¹⁰⁸. Но уже В. Георгиев убедительно показал, что иногда элемент *-s* является энклитическим притяжательным местоимением 3 лица (м. р.) «его, ее; свой»¹⁰⁹, что как нельзя лучше соответствует нашему контексту (ср. финик. *bdu* «бод, 'а своего (ее)»). Подобно уже рас-

¹⁰⁵ Ch. L. Lewis and Ch. Short, *A Latin Dictionary*, Oxf., 1958, s. v. *capio*: *de istac sum iudex captus, me capere arbitrum, te mihi patronam capio*; ср. также формулу, которую произносил Pontifex Maximus при посвящении в весталки: *sacerdotem Vestalem, quae sacra faciat... ita te, Amata, capio*.

¹⁰⁶ Колебания в огласке *e/a* обычны для этрусского языка.

¹⁰⁷ Харсекян, Про индоевропейські компоненти..., стр. 73.

¹⁰⁸ Иногда им. п. существительных м. р. мог также принимать окончание *-s*.

¹⁰⁹ Georgiev, *Hethitisch und Etruskisch*, стр. 15—16.

смотренной выше форме женского рода -sua «ее, своя»¹¹⁰ это местоимение, по-видимому, возникло из индоевр. *su-, *s- «себя, свой»¹¹¹.

zilacal. Понимание этого слова не представляет затруднений. Смысл основы zilac- (позднеэтр. zilc-, zilχ-) давно раскрыт комбинаторным путем. Так обозначался магистрат или сановник, пользовавшийся высшей властью в этрусских городах-государствах. Условно его можно назвать «царь». Эта же основа употребляется в глагольных формах, означавших осуществление власти zilca. Окончание -al, обычное для родительного падежа, встречалось также в функции дательного¹¹², в данном конкретном случае — dativus finalis. Следовательно, все слово переводим: «на царство(вание)», что точно соответствует финику lmlky (см. выше).

Сткк. 13—15: seleitala ·asnašv/ers ·itanim ·heram/ve «(годы) статуи (??) этой пребывания в этом же святилище». seleitala в других этрусских текстах не засвидетельствовано¹¹³. Однако в тексте Б находим глагол šelace, образованный, вероятно, от того же корня, на действительный смысл которого проливает свет его употребление между именем богини unī «Юнона» и словами vasal tmial «дар, (состоящий из) святилища». С достаточной вероятностью можно думать о значении «основал, (воздвиг, поставил и т. п.)». Но selei-tala имеет в конце элемент -tala, который, как уже отмечалось выше, соответствует позднеэтр. -tla и, следовательно, является определенным членом в род. п. Это дает возможность определить смысл данного слова, морфологически несомненно существительного: «того, что основано, воздвигнуто или поставлено; сооружение этого». Но обратимся к латинским аналогиям. Понятие «сооружать, воздвигать, ставить» передается латинским глаголом statuo, а соответствующее ему существительное statua означает «то, что поставлено, колонна, статуя». Не исключена поэтому возможность, что сходный круг значений могло иметь и этр. selei-tala.

asnašv/ers — существительное в родительном падеже, образованное от общего корня с причастием asnapas(a)¹¹⁴. М. Паллоттино, специально занимавшийся изучением новых находок, содержащих эту форму, понимает ее в смысле «то, что имелось; имевшаяся»¹¹⁵. Тогда соответствующее существительное могло означать «наличие», что хорошо удовлетворяет нашему контексту.

itanim следует расчленить на itani-m. Энклитическая частица -m известна из многих других этрусских памятников. Ее семантическое значение «и, но, же» уже давно получило общее признание. Аналогичная частица -ma «но, же» имеется в хеттском языке¹¹⁶. Само слово itani-, на наш взгляд, является указательным местоимением в локативе, может быть соответствующим хеттскому же ēdani (дат.-локат. п. ед. ч.) «в этом»¹¹⁷. Однако соответствие этр. i — хетт. ē остается при этом необъясненным.

heramve. Местный падеж уже известного нам слова herama «святилище»¹¹⁸.

¹¹⁰ См. выше комментарий к слову heramašva.

¹¹¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 342.

¹¹² Об этом см., например, ELE, 37—38.

¹¹³ Представленное в TLE, 762 se-la ввиду наличия внутри него словоразделительного знака [·] едва ли можно рассматривать как одно слово. Более правдоподобно предположение, что мы имеем здесь дело с сокращениями каких-то двух слов, возможно, собственных имен, например, se[ðre]·la[rθal·clan], что полностью соответствует содержанию остальной части надписи, которую в таком случае следовало бы перевести «Дар Setre, сына Ларта».

¹¹⁴ TLE, 169; 170; St. Etr. XXXII, 1964, 124.

¹¹⁵ M. P a l l o t t i n o, Un gruppo di nuove iscrizioni tarquinesi, St. Etr., XXXII, 1964, стр. 127.

¹¹⁶ Ср., например, G e o r g i e v, Hethitisch und Etruskisch, стр. 30; И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, М., 1952, стр. 161.

¹¹⁷ Фридрих, Грамматика, стр. 77.

¹¹⁸ См. выше. Об окончании местного пад. ед. ч. -e см. Харсекин, Про индоевропейські компоненти..., стр. 73, но при этом неясным остается происхождение и функция полугласного -v-. Можно допустить, что окончанием локатива в данном

Сткк. 15—16: *avil· eniāsa· pul/umḫva* «годы, как эта *pulumḫva*».

avil — «год» (см. выше). Как следует из многих других текстов, не имеет особой формы мн. ч., что допускает также перевод «годы».

eniāsa — видимо, сложное образование, состоящее из союзного слова *eni-* и указательного местоимения *sa (-īsa)*. Первое (в более поздней форме *ena-*) засвидетельствовано в комплексе *ena-s*¹¹⁹ в тексте Загребской мумии (VII, 11; X, γ4; XI, γ2; XII, 7) и TLE 100 и было правильно истолковано уже Э. Феттером как союзное слово «как»¹²⁰. О втором компоненте *-sa, -īsa* уже говорилось выше. В целом *eniāsa* переводим «как этот (или эти)».

pulumḫva. Последнее слово надписи может соответствовать только финик. *kkbḥm* «звезды». Однако подтвердить это каким-либо другим способом не представляется возможным. Наличие в TLE, 570 внешне сходного *fulumḫva* ввиду неясности окружающего его контекста нисколько не помогает нашей интерпретации¹²¹. То же надо сказать и о *pulum* в TLE, 233.

В заключение приводим полученный нами буквальный перевод всей рассмотренной надписи:

- 1 Это священное место и этот хр-
- 2 ам-ее владычице
- 3 Юноне-Астарте сооруже-
- 4 н(ы). Мех (мех) благодарный? Тефа-
- 5 рий Велиана (в день Солнцу??
- 6 принесения жертв(ы) даро-
- 7 вал состоящий из святилища? этого всего?
- 8 этот (дар) тамеры (тамера, т. е. правителя, владыки, должностного лица и т. п.), как она
- 9 определила так. Третий год,
- 10 (в месяце) Хурвар, (в день) погребе-
- 11 ния. Как она избрала (??)
- 12 так атрана (атран, т. е. зависимый человек) своего? на царст-
- 13 во. Sele этого пребыва-
- 14 ния (?)¹²² в этом же хра-
- 15 ме годы, как эта (эти) *pul-*
- 16 *umḫva* (звезды??).

Л и т е р а т у р н ы й п е р е в о д .

«Это священное место и этот ее храм сооружены (для) владычицы Юноны-Астарты. Благодарный? правитель Тефарий Велиана в день (жертво)приношения (богу) Солнца? даровал этот (дар) тамеры (т. е. правителя, владыки, должностного лица и т. п.), состоящий из всего? этого святилища?, как она (т. е. Астарта) определила. Третий год, (в месяце) Хурвар, (в день) погребения. Так как она избрала? атрана (т. е.

случае является не *-e*, но *-ve*, развившееся из индоевр. окончания локатива, содержащего элемент **-bh-* (Мейе, ук. соч., стр. 307). О закономерности соответствия индоевр. **bh > атр. v* см. Харсекин, Про индоевропейські компоненти..., стр. 72.

¹¹⁹ Конечное *-s* здесь очевидно представляет хорошо известную этрусскую связку «и», которой мы уже касались выше при рассмотрении слова *īsa-s*.

¹²⁰ V e t t e r, ук. соч., стр. 61. Нам же, исходя из наличия связки *-s*, равно как и из контекста соответствующих мест, представляется более приемлемым перевод «как и».

¹²¹ М. Паллоттино (Pugli, стр. 98), несмотря на их внешнее сходство, считает сомнительным отождествление этих двух слов ввиду отсутствия в этрусской эпиграфике других примеров перехода *p > f* в начальном положении.

¹²² Букв. «валичия».

зависимого человека) своего на царствование. Годы пребывания этого sele в этом храме подобны этим звездам?».

Благодаря тому что нам удалось выяснить значение слов 'rš bdy lmlky в финикийском варианте надписи, которые играют основную роль для понимания всего текста, облегчалась также задача определения соответственных этрусских слов и выражений, параллельных финикийскому тексту и совпадающих с ним по смыслу. В результате этого, хотя в этрусском тексте и остаются отдельные неясные места, можно с полной уверенностью сказать, что мы имеем здесь впервые дело с финикийско-этрusco-билингвой. Расхождение в порядке слов и составе предложений обоих вариантов обусловлено, вероятнее всего, следующими причинами: а) различием синтаксиса обоих языков; б) различными, выработавшимися в течение веков, формулами и традициями составления стандартных посвячительных надписей. Сюда следует также отнести отсутствие в этрусском тексте слов «день» и «месяц», различия в титулатуре и прочее.

Вторая этруская надпись (текст Б) тесно связана с первой¹²³. Поскольку детальное ее изучение и сопоставление обоих текстов привело бы к значительному увеличению объема данной статьи, ограничимся здесь лишь кратким ее анализом.

Стк. 1—3: nas· ʒefarie· vel/iunas· ʒamuce/cleva· etanal «Итак Тефарий Велиана построил cleva etanal».

nas — «так, итак, таким образом; когда» (см. выше).

ʒefarie veliunas — «Тефарий Велиана»; преномен ʒefarie в им. п., гентилиций же veliunas — в родительном. Обращают внимание особенности в орфографии по сравнению с тем же именем в тексте А, о чем тоже уже упоминалось выше.

ʒamuce — 3 л. ед. ч. перфекта «построил, соорудил». Корень этого глагола, несомненно, тот же, что и в ʒemiāsa текста А, хотя и имеет место различие в огласовке.

cleva etanal — смысл не вполне ясен. Судя по контексту, речь идет о каком-то синонимическом наименовании дара, состоящего из сооружений, построенных Тефарием Велианой. cleva встречаем только в TLE, 2, где, насколько можно судить из контекста, речь идет о каком-то даре богу Leʒam¹²⁴.

etanal — морфологически род. п. (оконч. -(a)l), смысл же остается неясным. Возможно, что следует связать с itani- текста А (колебания между e и i известны и из других памятников). Тогда сочетание cleva etanal можно было бы понимать как «cleva, (состоящая из) этого¹²⁵».

Стк. 4: masan· tiur «в месяце Масан».

Значение tiur (в других памятниках также tivr-, tiur-) уже давно установлено комбинаторным методом: «месяц»¹²⁶.

masan, очевидно, наименование этрусского месяца. Это следует из текста Загребской мумии, где находим более позднюю форму masn в сочетании с числительным ʒupem cialxus «двадцать девятого» (XII, 10) в положении, аналогичном другим названиям месяцев (asale «июнь» и seli «сентябрь»). О месте этого месяца в году можно судить на основании следующих соображений. Первые восемь этрусских месяцев нам известны из глосс (TLE, 801, 805, 818, 824, 836, 854 и 858), среди которых mas(a)n отсутствует. Так как этрусский год, очевидно, состоял из десяти месяцев и начинался с весны (марта), можно думать, что mas(a)n был одним из двух последних зимних месяцев¹²⁷.

¹²³ М. Паллоттино (Pugli, стр. 104) переводит ее: «(И)так Тефарий Велиана основал (храм или что-либо подобное), установил жертвоприношение cleva в месяце Масан (и) учережден обряд (vac)l храма (или подобное)...».

¹²⁴ Ср. Pugli, стр. 101 (Pallottino).

¹²⁵ Имеется в виду объект (или объекты), при котором находилась табличка с надписью. Ср. финикийский текст: «даром, (а именно) храмом и „высотой“», т. е. «даром, (состоящим из) храма и „высоты“».

¹²⁶ См., например, LE, 69, ELE, 99.

¹²⁷ См. выше мнение А. ван ден Брандена о месте финикийского месяца zbh šmš, видимо, соответствовавшего этрусскому mas(a)n.

Сткк. 5—6: unias· selace· v/acal· tmial «Юноне selace в виде дара (состоящего из) священного места».

unias — дат.-род. п. от unī «Юнона».

selace — 3 л. ед. ч. перфекта (см. выше).

vacal — genetivus obiectivus «(в виде) дара». В TLE, 2 и тексте мумии находим формы vacl, vacil, уже ранее правильно поняты некоторыми исследователями¹²⁸.

tmial — род. п. от tmia «священное место» (см. выше).

Сткк. 6—9: a/vilxval· amuc/e· pulumxv/a· snuiaf «год каждый? (т. е. все годы) есть и будет звезде?? каждой? подобен???».

avilxval = avil «год» + -xval «каждый» (возможно, из индоевр. *q̥uō-, *q̥uā-, давшего многочисленные формы вопросительных, неопределенных и относительных местоимений во многих индоевр. языках) (WP, I, 519—523); ср. хеттск. kuella «каждого»¹²⁹. По смыслу «год каждый», как и во многих языках, означает, конечно, «все годы» (avil выражает как ед., так и мн. ч. — см. выше).

amuc — архаичная форма, тождественная более поздней amce, представленной многочисленными текстами. В морфологическом отношении, несомненно, представляет образование на -ce от am- — «быть». Такие образования, занимавшие в системе этрусских глагольных времен промежуточное место между настоящим и прошедшим временами, обычно рассматриваются как перфект и формально отождествляются с греческим перфектом на -иε.

Как известно, индоевропейский перфект не имел временного значения, но указывал на состояние завершенности в настоящем и реализацию действия. Так, греч. εἴωθα значит «я привык и продолжаю иметь обыкновение», скр. řičgāya — «я оперся и продолжаю опираться» и т. д.¹³⁰. Это архаическое значение, видимо, сохранилось в этрусском, что ясно вытекает из сравнения с соответствующим местом финикийской надписи, и этр. amuce могло означать «есть и продолжает быть».

pulum-xva — «как звезда??» или «как звезды??». Смысл корня pulum- устанавливается только на основании сопоставления с финик. kkbm и не может быть подтвержден никакими другими источниками (см. выше). Конечный элемент -xva «какой? -ая? -ие? или как?» ср. с рассмотренными выше -cve, -xval.

snuiaf — это слово встречается в этрусских надписях впервые; значение его совершенно неизвестно, однако надо отметить, что в тексте А его заменяет слово epiasa, букв. «как этот» (или «как эти»), т. е. «подобно».

Буквальный перевод всего текста Б:

- 1 Итак Тефарий Вел-
- 2 иана построил (соорудил)
- 3 cleva etanal
- 4 (в) Масане месяце
- 5 (и) Юноне поставил (в виде) д-
- 6 ара, (состоящего из) священного места; г-
- 7 од каждый? есть и бу-
- 8 дет звезде?? каждой?
- 9 snuiaf (подобно???)

¹²⁸ Ср., например, ELE, 90; корень vac-, очевидно, восходит к индоевр. *bhag- «часть, доля (предназначенная для божества)» (WP, II, 127). О соответствии индоевр. *bh > этр. v см. Х а р с е к и н, Про индоевропейські компоненти..., стр. 72.

¹²⁹ HW, стр. 112; см. также выше наши замечания о компоненте -cve в ilacve; однако при допущении их общего происхождения требует объяснения наличие в данном случае согласного х на месте с в -cve; возможно, что различие вызвано позиционными условиями после плавного l в противоположность с после гласного.

¹³⁰ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 222; ср. также E. S c h w y z e r, Griechische Grammatik, I, Münch., 1939, стр. 768.

Предположительный литературный перевод

«Итак Тефарий Велиана соорудил *sleva etanal* в месяце Масане (и) поставил Юноне (в виде) дара, (состоящего из) священного места. Все годы <пребывания этого *sele* в этом храме>¹³¹ есть и будут подобно звездам».

Как явствует из приведенного, этрусский текст Б представляет собой сокращенный вариант текста А. Несомненно, как указывают сами обстоятельства его находки, он был прибит в другом месте, нежели текст А и финикийская надпись.

Один, может быть, наиболее важный вопрос, решению которого в значительной степени способствуют новые находки из Пиргии, — вопрос о характере этрусского языка, теснейшим образом связанный с проблемой происхождения или формирования этрусской народности. За три столетия, прошедшие с начала этрускологических исследований, не было недостатка в попытках сближения языка этрусков с самыми различными живыми и мертвыми языками. Особенно часто его сближали с языками индоевропейскими¹³². Но из-за отсутствия надежных средств проверки, все эти предположения не выходили за рамки лишь более или менее вероятных гипотез.

Обнаружение в рассмотренных надписях индоевропейских форм, зачастую выявляющих некоторую близость особенно к хеттскому и другим анатолийским языкам и подтверждаемых в своих значениях параллельным финикийским текстом, является серьезным подкреплением уже высказывавшегося мнения о возможной близости этих языков в рамках индоевропейской языковой общности¹³³. Но нельзя забывать и о том, что по крайней мере некоторая часть основного этрусского словаря (в наших текстах, например, числительное *si* «три», глагол *amuse* «есть и будет») и отдельные грамматические формы (оконч. *-(a)l* род.-дат. п.) не могут быть удовлетворительно объяснены, исходя из материалов индоевропейских языков. Все это дает основания для предположения о языковом смешении, имевшем место в глубокой древности. Можно думать, что этрусский язык был в основе своей индоевропейским, близким анатолийским языкам¹³⁴, с примесью в морфологии и основном словаре довольно значительных неиндоевропейских элементов. В «культурной» же части его словаря имели место многочисленные заимствования, особенно из греческого¹³⁵.

Разумеется, вопрос этот требует дальнейшей разработки и прежде всего уточнения возможных фонетических соответствий, что позволило бы с большей надежностью провести широкие сравнения с привлечением материалов многих других этрусских текстов. Такая работа сопряжена с серьезными трудностями, разрешению многих из которых не могут помочь и вновь найденные надписи. Но они, безусловно, помогут в определении правильного направления дальнейших поисков, а в ряде конкретных случаев облегчат и процесс самой работы.

Еще до недавнего времени велись бесконечные споры между сторонниками Геродота, выводившими этрусков из Малой Азии, и приверженцами Дионисия Галикарнасского, рассматривавшими их как автохтонных жителей Италии. Сейчас большинство исследователей склонно понимать под происхождением этрусского народа его формирование *in situ*¹³⁶. Но это, конечно, не исключает необходимости выясне-

¹³¹ В ломаных скобках дополнение на основании текста А.

¹³² См. сводку по истории изучения этрусского языка. Харсекин, ВИПЭ, стр. 5—24.

¹³³ Ср., например, Georgiev, *Hethitisch und Etruskisch*, стр. 5; В. В. Иванов, *Хеттский язык*, М., 1963, стр. 213 и др.

¹³⁴ Об индоевропейском характере этрусского языка см. выше прим. 57, а также В. В. Шеворoshкин, *Опыт дешифровки карийских надписей*, ВДИ, 1965, № 1, стр. 47—50, где автор сближает этрусский язык с индоевропейскими языками Малой Азии.

¹³⁵ Ср. Харсекин, *Про индоевропейські компоненти...*, стр. 71; см. также Харсекин, ВИПЭ, стр. 66—75.

¹³⁶ Обзор литературы по этому вопросу см. в статье: Н. Н. Залесский, *Этрускология за рубежом*, ВДИ, 1956, № 4, стр. 71—77.

ния характера, происхождения и взаимосвязей отдельных составляющих его компонентов. Важнейшими источниками для этого могут быть языковые данные, в том числе и приведенные выше данные наших надписей.

Содержание наших памятников проливает свет на целый ряд вопросов истории Этрурии конца V в. до н. э.¹³⁷. Вполне вероятно, что город Пирги, порт государства Цере, вскоре после составления надписей Тефарием Велианой подвергся какому-то опустошительному набегу. Речь, видимо, идет о набеге Дионисия Сиракузского в 384 г. до н. э., во время которого был разграблен и, вероятно, разрушен знаменитый храм *Leukothea*. Но то обстоятельство, что надписи успели снять с мест, куда они были прибиты, и спрятать, свидетельствует, что нашествие не было неожиданным¹³⁸.

Очень интересны данные, касающиеся характера власти в государстве Цере V века до н. э. Если финикийский текст именуется Тефария Велиану «царем над К(а)йшри», то это еще вовсе не доказывает монархического характера его правления. Как правильно отмечает М. Паллоттино (*Purgi*, 107), термин *mlk* «царь» мог обозначать также и верховную власть, сосредоточенную в руках магистратов. Отметим, что и в городах-государствах Финикии царская власть была зачастую ограничена советом старейшин и даже народным собранием, и поэтому термин *mlk* не должен был ни в коей мере обозначать ничем не ограниченную власть царя-деспота. Основной же этрусский текст (A) называет Тефария Велиану *tex*, термином, значение которого «правитель, государь» выявляется достаточно убедительно (см. выше), но, кроме того, также еще *zilac* и *tamera*, «титулами», о которых по другим надписям можно заключить, что они применялись в отношении достаточно широкого круга лиц¹³⁹. Это обстоятельство заставляет предполагать, что власть *tex*'а не была абсолютной, — иначе он не мог бы носить те же титулы, что и его подданные.

Кроме «титулов» *zilac* и *tamera* Тефарий назван также еще атраном, но этот последний термин выражает лишь религиозный факт (см. выше), так что для вопроса о характере государственного строя этот термин ничего не дает. Зато соответствие этрусского термина атран финикийскому бод дает некоторые дополнительные сведения о социальном делении общества в Этрурии¹⁴⁰, так как финикийская параллель не только подтверждает значение термина атран, видное из приведенных выше этрус-

¹³⁷ М. Паллоттино датирует надписи, как уже указывалось, несколько более ранним периодом (*Purgi*, стр. 104—117).

¹³⁸ О набеге на побережье Этрурии сицилийских греков в 384 г. до н. э. см. Н. Н. Залесский, Этрурия и Карфаген, сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 525; А. И. Немовский, История раннего Рима и Италии, Воронеж, 1962, стр. 168.

¹³⁹ Содержание терминов *zilac*, *zilc* не раз уже было предметом обсуждений. Окончательное решение пока отсутствует (см., например, Л. А. Ельницкий, Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э., М., 1964, стр. 112—114; там же приводится библиография других работ, касающихся этого вопроса). В настоящее время можно только утверждать, что ими обозначались высшие сановники этрусских городов-государств. Как следует из надписей, эти должности обычно находились в руках лиц, многократно переизбиравшихся (TLE, 99, 131, 136, 171, 324) или же занимавших их в течение неопределенного времени (TLE, 102, 137, 146, 170, 172—174, 194 и др.). Чаще, особенно в более ранний период (до середины III в. до н. э.), лица, имеющие «титул» *zilata* (залка), не занимали никаких других должностей, но позже пребывание в этой должности все чаще совмещается с другими государственными или культовыми должностями, в результате чего одно и то же лицо могло занимать два, три и даже более постов (TLE, 87, 137, 165, 169, 170, 171, 325).

«Титул» *tamera* засвидетельствован тремя надписями: TLE, 170 (*tamera sarvenas*), TLE, 172 (*tamera zelarvenas*) и TLE, 195 (*tamera zelarvenas*). Конкретный смысл его не вполне ясен. Но, поскольку *zelarvena-* и *sarvena-* обычно понимают как соответствия лат. *duumvir* и *sevir*, *tamera* предположительно переводят «член коллегии».

¹⁴⁰ Н. Н. Залесский, К социальной истории этрусов, УЗЛГУ, № 127, 1950, стр. 166—168.

ских надписей, но и проливает свет на характер зависимости людей, обозначавшихся этим термином (см. выше).

Много света проливает наша билингва и на историю политических и религиозных связей Этрурии и Карфагена¹⁴¹. В самом факте нахождения надписи видят подтверждение и ранее известных данных о дружественных сношениях этрусков и Карфагена в рассматриваемое время. О существовании финикийской колонии вблизи Цере известно было и ранее. Наша же надпись свидетельствует о том, что роль и число финикийских колонистов были столь значительны, что Тефарий Велиана счел необходимым составить надпись также и на финикийском языке. Не менее важно и то, что он называет богиню в этрусском тексте двойным именем Юновой-Астартой. Вполне возможно, хотя этого утверждать и нельзя из-за малочисленности данных, что предположения о сильном этрусско-карфагенском соперничестве¹⁴² в V в. до н. э. несколько преувеличены, а данные о карфагено-этрuscoм союзе находят дополнительное¹⁴³, хотя и косвенное, подтверждение. Не исключено и предположение о том, что колония каких-то этрусских купцов существовала в это время в Карфагене. Ведь в пользу последнего, может быть, говорит этруская надпись, найденная в Карфагене¹⁴⁴. Действительно, нам известны временные и постоянные поселения иноземных купцов в странах древнего Востока на определенных договорных основаниях¹⁴⁵. Вполне возможно, что это практиковалось и в отношениях между Этрурией и Карфагеном.

А. И. Харсекин, М. Л. Гельцер

¹⁴¹ См. Purgì, стр. 112—117 (М. Паллоттино); см. также подробную сводку сведений об этрусско-карфагенских связях: Залесский, Этруски и Карфаген, стр. 520—526.

¹⁴² Залесский, Этруски и Карфаген, стр. 523—524.

¹⁴³ Там же, стр. 523.

¹⁴⁴ Там же, стр. 521; см. также И. Ш. Ш и ф м а н, Возникновение Карфагенской державы, М., 1963, стр. 62; относительно интерпретации этой надписи см. А. С h a r s e k i n, Über die etruskische Inschrift aus Karthago, в кн.: F. Altheim u. R. Stiehl, Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden, I, Frankfurt am Main, 1960, стр. 233.

¹⁴⁵ См. М. Г е л ь ц е р, Тамкар и его роль в Передней Азии XIV—XIII вв. до н. э., ВДИ, 1964, № 2, стр. 3—16, где указана литература данного вопроса.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ МАЛОАЗИЙСКИХ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ БУКВЕННЫХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ

Три позднехеттских языка западной Малой Азии — ликийский, лидийский и карийский¹ — дошли до нас в буквенных текстах середины I тыс. до н. э. Ликийская, лидийская и карийская письменности были заимствованы у греков, однако это заимствование происходило в разное время и источники этого заимствования были разными. В очень раннюю эпоху, — видимо, вскоре после возникновения греческого письма, — создали свою письменность карийцы. Л. Джеффери пришла к выводу, что греки заимствовали свою письменность у финикийцев в середине VIII в. до н. э.²; возможно,

¹ О хетто-лувийском характере карийского языка см. В. В. Ш е в о р о ш к и н, Опыт дешифровки карийских надписей, ВДИ, 1965, № 1. В этой работе произведена идентификация карийских букв; там же изложен способ цитирования карийских надписей, принятых в настоящей статье.

² L. N. Jeffery, The Local Scripts of Archaic Greece, Oxf., 1961 (далее — LSAG), стр. 21.

этот процесс следует отнести к более раннему времени (конец IX или начало VIII в.?). Следует учесть, что уже в карийских надписях VII в. до н. э. (Египет, Сарды, Смирна) буквы имеют «нормализованную» форму, несколько отличную от той исходной, близкой к финикийской, формы карийских букв, которая характеризует некоторые архаичные граффити из Африки, видимо, относящиеся к концу VIII в.

Можно думать, что карийская письменность была заимствована в VIII в. до н. э. у дорийцев Крита³, причем, по-видимому, именно Крит, судя по очень архаичной форме местных греческих алфавитов (ср. LSAG, стр. 308 слл.), был первой греческой территорией, на которой появилась греческая буквенная письменность⁴.

Только в архаичных алфавитах Крита встречается дигамма, полностью идентичная самаритянскому ваву (LSAG, стр. 24 и 308); аналогичная дигамма (в значении ν) встречается в архаичных карийских граффити из Вади-Хальфы. В этих же граффити встречается копча ζ ⁵ (F 72: неопубликованная копия А. Аркелла), передававшая в карийском наряде с φ и R⁶ звук [i]. Случаи, когда одна буква эволюционирует под влиянием «графической эволюции» другой буквы, известны (ср. эволюцию форм сигмы и йоты или дигаммы и эпсилона в греческом), и мы к ним еще вернемся в иной связи; здесь важно отметить, что именно в наиболее архаичных алфавитах Крита йота имела форму S (ср. LSAG, стр. 308—309); эта форма, видимо, и послужила прообразом карийской буквы i. На Крите, а также на Фере и Мелосе (алфавиты которых очень близки критским) йота в форме | отсутствовала (ср. LSAG, табл.). Отсутствовала эта буква и в карийском, что является одной из наиболее характерных особенностей карийских надписей. В надписях Крита — Мелоса наряду с обычными : и ; употреблялся редкий знак словораздела | (еще только в Сикиносе), знаки словоразделов | , : и ; употреблялись и в карийских надписях, причем первый — в наиболее архаичных.

Заметим, что в качестве одного из пунктуационных знаков на Крите (и только здесь) использовалось χ , передававшее в карийском букву χ (на монетных легендах этот карийский знак чередовался с δ).

По-видимому, в не дошедших до нас греческих надписях Крита использовался в значении χ характерный знак \downarrow , известный из этеокритских надписей и из греческих надписей Сикиноса (алфавит критского типа)⁷. Этот же знак использовался в карийских⁸, а также во фригийских надписях (ζ) и в надписи этрусского типа с ост-

³ Джеффри допускает мысль о возникновении первой греческой письменности на Родосе (LSAG, стр. 10), хотя и признает большую архаичность алфавитов Крита сравнительно с алфавитом Родоса (LSAG, стр. 40). Как будет показано далее, именно на Родосе заимствовали в более позднюю эпоху свою письменность ликийцы. Можно думать, что если бы карийцы могли в свое время заимствовать свою письменность на соседнем Родосе, они не стали бы завозить ее из столь отдаленной территории, как Крит. Видимо, однако, в момент заимствования карийцами своего письма греческой письменности Родоса еще не существовало.

⁴ Колыбелью ее было, возможно, одно из греческих поселений Финикии: Аль Мина? — ср. LSAG, стр. 11—12, 16, 21, 68 и 326.

⁵ Ср. об использовании в греческом аналогичной формы копья для обозначения числа 90 E. Schwyzer, Griechische Grammatik, I, Münch., 1939, стр. 149.

⁶ Этот вариант встречается только в карийских надписях юго-восточной Карии; можно думать, что он представляет собой результат эволюции именно первой формы копья (примета в виде горизонтального штриха могла быть использована для отличия этого знака от буквы γ , имевшей на юго-востоке Карии форму P; различие в направленности знаков обусловлено общими различиями в направлении письма. Возникает вопрос: не выходцами ли из Кавна были египетские карийцы, побывавшие в Вади-Хальфе, и не Кавн ли был колыбелью карийской письменности?).

⁷ Ср. LSAG, стр. 35, 39 сл., 308 сл. и табл.

⁸ Именно этот знак (а не ν , как полагает Дж. Пухвел, который, кстати, неверно передает через ν первый знак надписи H 2) встречается, как это отчетливо видно из фотокопий, в карийской надписи VI в. до н. э. (?) из Сард (см. G. M. A. Hanfmann, The Fourth Campaign at Sardis (1961), BASOR, 166, 1962, стр. 11).

рова Лемноса (z?). Характерно, что в архаичных карийских надписях из египетских Фив (в которых отсутствовали некоторые знаки, ставшие употребительными в поздних надписях) буква X = h не использовалась (х отсутствовало также в алфавитах Крита — Феры — Мелоса).

Если в некоторых карийских надписях встречается сигма (или иота?) Σ (не более трех раз)⁹, то эта особенность, видимо, не является изначальной. Во всех карийских надписях s передается посредством M (с вариантами W и Λ в архаичных надписях из Сильсиле). Как известно, в архаичных алфавитах Крита — Феры — Мелоса сигма Σ (передававшая звук в алфавитах Наксоса, Пароса, Делоса, Родоса, Книда, ионийского додекаполиса и др.) отсутствовала, а соответствующий звук передавался посредством M (в данном случае в карийских надписях из Сильсиле сохранились более архаичные формы буквы s, как это следует из сопоставления с исходными для греческого M = s формами финикийского цаде — ср. LSAG, стр. 33); это обстоятельство свидетельствует о ранней дате заимствования карийской письменности, а также о возможном наличии соответствующих архаичных форм в не дошедших до нас древнейших греческих надписях Крита.

На Крите (и в некоторых других районах Греции) коппа имела архаичную форму Φ наряду с более обычной формой φ (ср. LSAG, стр. 308 сл.). Эта форма коппы была использована в карийском для обозначения звука λ (ср. также варианты этой карийской буквы Φ ¹⁰, Φ , Θ и др.).

В алфавите Мелоса (а также в алфавите дорийской колонии Селинунта в Сицилии) бета имела вид ∇ (см. LSAG, стр. 262 сл., 308 сл. и табл.); можно думать, что эта форма, более архаичная, чем, например, B и другие использовавшиеся на Крите (и Фере) варианты беты, была распространена в раннюю эпоху и на Крите, откуда она, видимо, и проникла в алфавиты Мелоса и Селинунта. В карийском звук [b] также передавался через ∇ (ср. кар. bskove при хет. Paskuwa [baskuwa]: собственные имена), во всяком случае, в раннюю эпоху (в надписях Карию IV в. до н. э. указанная форма беты встречается лишь однажды)¹¹.

Ряд звонких смычных b, d, g передавался в раннекарийском через ∇ Δ , C, что находит прямую аналогию в греческих алфавитах. Что касается ряда p, t, k (фонетически [p^h, t^h, k^h]: «сильные», fortes, ср. англ. p, t, k), то он представлен греческими соответствиями Φ , Θ , ∇ лишь в позднекарийском (аналогичная ситуация наблюдается в этрусском, в котором ряд сильных смычных, — противопоставленных здесь слабым, а не звонким, — представлен в виде Φ , Θ , ∇ лишь в относительно поздних надписях). В раннекарийском губному [p] соответствует буква ∇ (= ∇ , ∇ и др.).

⁹ Несомненное Σ (между двумя согласными) встречается в карийской надписи из Смирны, которая вскоре будет опубликована Ф. Штайнгером; по-видимому, та же буква (в слове $\Sigma\kappa\lambda$) встречается в граффито из Абу-Симбела В 8. Возможно, эта же буква (или ее вариант с тремя балками) встречается в Н 2 перед n (что само по себе свидетельствует против ее интерпретации как «n» — до сих пор следование nn в карийском не засвидетельствовано).

¹⁰ Относительно аналогичной формы финикийского k см., например, В. L. Hillman and N. J. E. P., The Origin and Development of Alphabet, AJA, 31, 1927, 3, стр. 314; Н. J. E. P., Die Schrift in der Vergangenheit und Gegenwart², В., 1958, стр. 266.

¹¹ В конце надписи D 11. В одной из надписей Африки (F 62) встречается и другая форма беты, а именно B. Эта же форма использовалась в карийских монетных легендах в Малой Азии в 480—460 гг. до н. э. (D 18 B). Следует отметить, что в карийском не было особой буквы B (как это думали до сих пор: ср. O. Masson J. Y. u o t t e, Objets pharaoniques à inscription carienne, Le Caire, 1956 [1957], стр. 67, № 2). В 1956 г. А. Бернан заново скопировал надписи из Абу-Симбела, в результате чего было установлено, что знак B, принимавшийся в этих и других надписях за b, на самом деле передает букву g.

Возможно, прообразом этой буквы послужил один из вариантов пи (ср. характерные незамкнутые формы р в карийских надписях из Фив). Отсутствие Ф в раннекарийских надписях (эта буква появляется лишь в надписях Карики, где она в ряде случаев выступает как взаимоисключающий графический вариант ∇) объясняется просто: в алфавитах Крита — Феры — Мелоса, которые легли в основу карийской письменности, Ф отсутствовало (тогда как во всех остальных греческих алфавитах Ф было налицо). Наряду с ∇ в карийском использовалась и другая буква, обозначающая звук типа [р] и, видимо, впоследствии исчезнувшая из карийских надписей: Γ π. Именно в такой архаичной форме эта буква встречается в архаичных карийских надписях из Сильсиле (в Абу-Симбеле встречается также и несколько более поздняя, угловатая форма π), и именно такая форма π была характерна для архаичных греческих надписей Крита (ср. LSAG, табл.).

Может возникнуть вопрос: какое отношение имеет кар. √ к греческим алфавитам Крита, в которых эта буква не использовалась (на Фере и Мелосе она соответствовала ξ) и в которых [k] передавалось посредством обычной капши. Едва ли кар. √ представляет собой позднее заимствование. Эта буква встречается в ряде карийских надписей в архаичных формах, близких формам финикийского кафа (таковы варианты буквы k в надписях Абу-Симбела, Сильсиле, Вади-Хальфы). Формы типа √, принимавшиеся ранее за особую букву (К «k» в отличие от √ «k^с»), оказались, как это следует из результатов упоминавшейся выше сверки А. Бернана, вариантами того же «кафа» √ (= k). Заметим, что сходные формы встречались в значении капши в некоторых надписях Крита — Феры¹². Можно думать, что карийская буква k идентична по происхождению критской капше, ибо едва ли приходится сомневаться в исходной идентичности греческих букв К и √, восходящих к финикийскому кафу. Если в ряде греческих алфавитов дифференцированные К и √ употреблялись соответственно для обозначений χ и γ (или χ и ψ)¹³, то в алфавитах Феры и Мелоса К и √ обозначали соответственно χ и ξ. В общем и целом карийский оказывается в данном случае ближе к исходному финикийскому состоянию, нежели греческий.

¹² Ср. G. Driver, *Semitic Writing from Pictograph to Alphabet*, L., 1948, стр. 174.

¹³ В настоящей работе проводится та точка зрения, что буквы, передающие в греческом ξ и ψ, идентичны по происхождению соответствующим буквам, передающим единичные согласные: так, Χ ξ идентично по происхождению Χ χ (как √ ξ на Фере и Мелосе идентично по происхождению √ χ); ср. также выше о √ ψ и γ. Этот вывод подтверждается, в частности, следующими параллелями: √ ξ (Книд, Памфилия) ~ √ χ (один раз в Абу-Симбеле: очевидно, здесь сказалось карийское влияние; ср. также иберийск. √ ko?), *) (ψ (например, в западной Аркадии) ~ лик.) (q; ср. аналогичные знаки в этрусском: J e n s e n, Schrift, стр. 492, а также знак √), употреблявшийся наряду с капшой для передачи звука k в ликийском, а также в этрусско-италийских алфавитах (см. G. Bonamici, *Epigrafia etrusca*, Firenze, 1932, стр. 40 и 122; J e n s e n, Schrift, стр. 480), как, впрочем, и в греческом алфавите Феры — см. LSAG, стр. 424. Аналогичный знак употреблялся в иберийских алфавитах для передачи ke (ср. U. Schöll, *Die südlusitanischen Inschriften*, Wiesbaden, 1961 (далее — SII), стр. 38). Синхронный сравнительный анализ архаичных греческих алфавитов позволяет трактовать Χ χ и Χ ξ как варианты одного и того же знака; то же может быть сказано и в отношении √ χ и √ ψ и т. д. К отождествлению в генетическом отношении двух разных Χ приходит в своей работе и Джеффри (LSAG, стр. 36—37), однако она полагает, что разные √ (χ и ψ) имеют разное происхождение: по ее мнению, ионийцы, заимствовавшие у карийцев сампи, заимствовали у них и знак √ ψ. Но в карийском √ имело значение k и могло служить прообразом ψ не в большей степени, чем критское √ ξ или родосское √ χ. Можно было бы предположить, что прообразом пси явился знак √, видимо, имевшийся в карийском (вариант √?) и, возможно, заимствованный в весьма удаленный греческий алфавит Памфилии (в качестве сибиллянта); аналогичный знак имелся в италийских (мессапск. t) и иберийских (Ti по Шмоллю) алфавитах. Однако едва ли следует отделять ионийское √ ψ от соответствующей буквы в других греческих алфавитах.

В карийском варианты X и + использовались для обозначения h; T встречается в карийском лишь в текстах IV в. и, возможно, представляет собой не прямую, а косвенную аналогию тау, если оно действительно эволюционировало из более раннего ↑ — карийского сампи (Сильсиле, возможно также Абидос), видимо, представляющего собой дифференцированный финикийский тав + (то же может быть сказано и о карийском ϕ).

Неоднократно высказывавшаяся гипотеза о происхождении греческого сампи из карийского подтверждается, во-первых, аналогией кар. ϕ, ↑, T: греч. ϕ, ↑, ↑ (третья форма греческого сампи, видимо, обусловлена стремлением избежать смещения с тау), во-вторых, тем обстоятельством, что наиболее архаичная форма греческого сампи представляет собой определенное упрощение карийского (отсутствие вертикального выступа над горизонтальной балкой).

Весьма специфичная карийская буква \wedge (дентальный; условное обозначение \mathfrak{t}), не встречающаяся в надписях из Фив, где ей соответствует дельта $\Delta (= d)$, употребляющаяся также и в других надписях. Эта связь между обоими знаками позволяет думать, что первый сложился в результате эволюции второго; такой вывод подтверждается свидетельством иберийских алфавитов, в которых два знака, входящие в группу вариантов, обозначающих силлабему с начальным дентальным (Tu), полностью идентичны по форме кар. \mathfrak{t} и d¹⁴. По-видимому, карийские буквы ϕ и \square \mathfrak{u} , представляющие собой фиксацию незавершенной эволюции $i\alpha > e/i$ и $u\alpha > o/u$, являются не чем иным, как дифференциацией кар. ϕ и \square о. Кар. \boxplus — заимствованная критская эта, — видимо, соотносится с кар. ϕ + e, так же как более поздн. греч. \square (книдская эта и др.) соотносится с более поздним кар. \mathfrak{d} (= лид. y).

Неясно происхождение карийского, дентального \mathfrak{d} (условное обозначение \mathfrak{d}); возможно, и для этой буквы удастся отыскать аналогию в богатом эпиграфическом материале Крита. Несмотря на видимое отсутствие \mathfrak{d} в карийских надписях из Фив, эту букву следует признать весьма архаичной — она в числе других была заимствована из карийского в ликийский; возможно, карийским влиянием объясняется архаичность ликийского ρ (при родосском ρ π), а также наличие в ликийском дигаммы, отсутствовавшей в греческом алфавите Родоса. Из карийского же ликийцы могли заимствовать \mathfrak{f} \mathfrak{h} : в аналогичном значении эта буква в форме \mathfrak{H} (обычный вид), \mathfrak{F} (на монете) употреблялась в карийском уже в очень раннюю эпоху (в текстах Карики ее, видимо, заменило $\mathfrak{X} <$ лик. X \mathfrak{h} ?). Свое \mathfrak{h} карийцы могли заимствовать на Крите, где сходная буква употреблялась в греческих алфавитах (обычное \mathfrak{F} ξ), а также в этеокритских надписях¹⁵.

Интересна проблема лик. \mathfrak{w} β. Уже высказывалась мысль о связи кар. \mathfrak{V} с этой ликийской буквой, как и с дигаммой греческого диалекта Памфилии, идентичной указанной карийской букве, которая трактовалась как своего рода графический вариант F. Следует, однако, учесть, что карийская буква \mathfrak{V} передавала звук [b], а не [v] (ср. кар. bskove-: хет. Paskuwa, кар. χ sb: K/Xασβ-, лик. kahba, кар. (ups)bu: лик. (prij)a bu-, ср. также употребление b- в анлауте в отличие от v-), что и позволило нам связать ее по происхождению с одной из форм беты архаичного алфавита Мелоса. Кар. b

¹⁴ SH; M. L e j e n e, Epigraphie sud-hispanique, REA, 65, 1963, стр. 13 (табл.).

¹⁵ По мнению А. Хойбека, лик. \mathfrak{F} заимствовано из греческого алфавита: в восточных алфавитах в эпоху ликийского заимствования эта буква была «пустым» знаком в алфавите и могла трактоваться как угодно (ср. A. H e u b e s k, Lydiaka, Erlangen, 1959, стр. 49). Такой вывод подтверждается и тем обстоятельством, что в ликийском в значении \mathfrak{h} был однажды употреблен вариант $\mathfrak{=}$: оба эти знака использовались впоследствии в алфавите Родоса в значении ξ . Однако связь с архаичным кар. \mathfrak{H} \mathfrak{h} подтверждается сходством звуковых значений. Можно думать, что ликийцы «повернули» на 90° заимствованное у карийцев \mathfrak{h} под влиянием соответствующей буквы родосского алфавита, что в свою очередь повлияло на форму упомянутого варианта кар. \mathfrak{h} на монете D 18.

встречалась лишь в архаичных надписях VII—V вв. до н. э. и впоследствии вышло из употребления, греческий же диалект Памфилии относится к числу поздних. Можно думать, что лик. β и дигамма Памфилии представляют собой заимствования из карийского (возможно, в ликийском существовала промежуточная форма $*\sqrt{\vee}$: едва ли греки Памфилии заимствовали свою дигамму из отдаленной Карии, скорее всего они воспользовались алфавитом соседней Ликии), причем эволюция $b > \beta$ (спирант.) $>$ дигамма также свидетельствует о том, что заимствование шло в этом направлении.

Лик. $\sqrt{\vee}$ τ (сходное по форме с лид. λ) может восходить к кар. $\uparrow \tau$ ($< \uparrow$; аналогично — X. Педерсен); едва ли этот знак имеет отношение к идентичной по форме букве для « π » в иберийских алфавитах, а также к сходному керамическому знаку Крита.

Формальная идентичность карийских и ликийских букв \vdash (= h) и $\sqrt{\vee}$ (= k), несомненно, не случайна. Однако, если ликийское состояние может быть объяснено заимствованием из родосского и других близких Ликии алфавитов, то ситуация в карийском может иметь и иные объяснения (см. выше). Следует учесть во всяком случае, что если заимствование лик. h и k из карийского может рассматриваться как моногенный акт, то заимствование этих ликийских букв из греческого должно было представлять два акта: $\sqrt{\vee}$, как и другие буквы, могло быть взято из родосского алфавита, где оно имело значение χ , тогда как X в этом алфавите отсутствовало и могло быть заимствовано, например, из алфавитов дорийского гексаполиса (\vdash X в значении χ выступало, например, в алфавитах Книда, Калимны, Галикарнаса; это обстоятельство может рассматриваться в качестве одного из доводов в пользу вывода о том, что \vdash X = h вначале появилось в карийском алфавите и лишь затем второй вариант этой буквы был использован ликийцами под $\sqrt{\vee}$).

Несмотря на то, что генезис целого ряда ликийских букв может быть удовлетворительно объяснен из карийского, гипотеза о восхождении ликийского алфавита к греческому алфавиту Родоса, распространенная в настоящее время¹⁶, находит свое убедительное обоснование прежде всего в том факте, что карийская иота имела вид I (эта форма иоты может рассматриваться в целом ряде случаев как свидетельство родосского происхождения того или иного алфавита: см. LSAG, стр. 30). Ликийская сигма, видимо, идентична по происхождению трехбалочной сигме ζ , использовавшейся в соседних с родосским греческих алфавитах (на Родосе использовалась сигма Σ , представлявшая «чужеродное тело» в некоторых карийских надписях, — впрочем Σ , возможно, передавало здесь гласный, что свидетельствует об относительно позднем влиянии родосского алфавита на карийские). Видимо, из родосского алфавита были заимствованы ликийские a, b, g (видоизмененное впоследствии), i (E = *e > i), z, c (каппа), l, m, n, u (O = *o > u), r, t и др.; ликийский «ромб» \diamond , видимо, представляет собой характерную ликийскую стилизацию коппы¹⁷.

Если карийцам и ликийцам приходилось в поисках письменности пускаться в плавание, то ликийцы могли заимствовать свою письменность на материке. Весьма древним центром греческой колонизации малоазийского побережья была Смирна, вошедшая впоследствии в состав ионийского додекаполиса. В греческих алфавитах Смирны и Колофона находит четкие аналогии лидийский алфавит, большая архаич-

¹⁶ См. из последних работ Ph. H o u w i n k t e n C a t e, The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period, Leiden, 1961, стр. 3 и 7.

¹⁷ Интересную аналогию ликийским «генитивам» — посессивам на \diamond , используемым в собственных именах, образуют возможно идентичные им по происхождению этрусские формы на $-\chi$ (типа $gumax$). Несомненность трактовки лик. \diamond как гуттурального согласного, подтверждаемая параллельно лик. sbi : \diamond : aza = $sbicaza$ = $\Sigma\pi\iota\gamma\alpha\alpha$, была в свое время подвергнута сомнению X. Педерсеном (H. P e d e r s e n, Lykisch und Hittitisch, København, 1949, стр. 12—13), отождествившим ликийский «ромб» с he . Эта идентификация была недавно поддержана Э. Ларошем и Ф. Хоуинком тeн Кате. Несостоятельность интерпретации Педерсена очевидна; ср. в этой связи также Ш е в о р о ш к и н, ук. соч., стр. 44, прим. 57.

ность которого сравнительно с карийским (ср. буквы для l, m, n в обоих алфавитах, ср. также формы лид. v и лик. w и т. д.; об относительной архаичности лидийского алфавита свидетельствует и левая направленность лидийского письма) указывает, очевидно, на то, что лидийский алфавит был заимствован позже карийского, но раньше ликийского (можно думать, что уже в начале VII в. лидийцы имели письменность: так, в надписях из Сард лидийские буквы, за исключением z, выступают в тех видоизмененных формах, которые нам известны из «классических» надписей. Несомненно, в момент заимствования лидийские буквы были идентичны греческим, и для их эволюции требовалось значительное время).

В лидийском, как и в ионийских алфавитах, имелась иота I; лидийское \acute{s} ([s]) передавалось посредством ионийских вариантов сигмы ζ , ξ и ζ : первая форма находит аналогию в греческом алфавите Смирны (аналогичная сигма употреблялась также в Лаконии, Аттике и др.), вторая — в алфавитах Смирны и Колофона (ср. также алфавиты Наксоса, Эвбеи, Аттики, Фессалии), третья — в алфавитах Самоса, Колофона, Эфеса, Милета¹⁸. Возможно, отсутствие в лидийском «гуттурального ∇ » (в лидийском эта буква была использована под ϵ) при наличии соответствующей буквы в карийском и ликийском может быть связано с отсутствием ∇ χ в ионийских алфавитах.

Карийское влияние сказывается в использовании в лидийском знака \uparrow (ср. использование карийского сампи в ионийских алфавитах), в наличии в лидийском знака \downarrow , а также дигаммы, отсутствовавшей в алфавитах ионийского додекаполиса. Можно думать, что лид. \uparrow (архаичная форма) идентично по происхождению и по значению кар. \uparrow : в обоих случаях сибилант, отличный от [s].

Лид. δf , выступавшее также в форме δ (в упомянутых надписях из Сард использовалась первая форма) находит четкую аналогию в позднеэтрусском f , в котором эта буква выступала в обеих указанных формах. Неясно, имеют ли лид. и этр. δf какое-либо отношение к кар. $X = \delta \chi$ (второй вариант — на монетах); было высказано мнение, что лид. δf генетически связано со сходным фригийским знаком («угловатая восьмерка»)¹⁹. Возможно, идентичны по происхождению буквы типа ∇ (в италийских алфавитах также в горизонтальном положении) в карийском (χ), этрусском, фригийском, греческом алфавите Памфилии (ξ), иберийском (ко по Шмоллю; k по Товару); ср. также позднюю форму коппы в финикийских алфавитах. В карийских, лидийских, фригийских и этрусских надписях использовался знак \uparrow (во фригийском $\uparrow = \Phi$)²⁰. Весьма четкой изоглоссой между фригийским, этрусским, карийским и ликийским алфавитами является использование ∇ под kh, χ . В карийских надписях из Смирны встречалось \downarrow , имевшее значение z во фригийском и лемносском алфавитах.

Аналогичная буква употреблялась в этрусском. Как во фригийских, этрусских и лемносских надписях, так и в карийских надписях из Сард наряду с указанной буквой использовалась Σ (ср. также шестибалочную сигму во фригийских, лемносских и лидийских надписях). В карийских (?), греческих (Памфилия), мессапских надписях использовался знак Ψ (исходное значение: дентальный спирант?, видимо, $\Psi = \uparrow <$ финик. \uparrow). Ср. также графическую параллель: кар. и лемносск. \square , \circ . Интересно сопоставить архаичные надписи на металлических орудиях из Болоньи (ср. В и о п а ш и с и, ук. соч., стр. 148) с известными малоазийскими алфавитами (карийским, лидийским, ликийским): в надписях из Болоньи использовались, в частности, следующие формы букв: \bigwedge a (ср. лик. e), \mathbb{B} b (ср. лик. \mathbb{B} b), \mathbb{H} E e (ср. кар. $\mathbb{H} = \mathbb{H}$, E²¹), \mathbb{I} F z (ср. лид. s = \acute{s}), $\hat{\zeta}$ z (ср. кар. $\hat{\zeta}$ t), Σ M s (ср. кар. Σ M) и т. д.

¹⁸ Ср. LSAG, стр. 34, 323; табл. 63, 1 и 66, 53.

¹⁹ См. исследование М. Фалкнер (M. Falkner, «Frühgeschichte und Sprachwissenschaft», Wien, 1948, стр. 98).

²⁰ Ср. J. Friedrich, Phrygia. Sprache, RE, Hb. 39, стр. 871.

²¹ Возможно, архаичная карийская буква \mathbb{H} (вариант E, закрытое [e]?) послужила прообразом позднекар. \mathbb{H} (только Кария); ср. в этой связи венецк. \mathbb{H} h (ср. этр. \mathbb{H} h при кар. \mathbb{H} e) и др. Заметим, что в ряде случаев перед нами могут быть «типо-

Уже много раз высказывались предположения о восточном происхождении этрусков (сходство этрусского и лемносского алфавитов, этр. и лид. g и т. д.). Перечисленные изоглоссы (которые, несомненно, могут быть умножены) подтверждают выводы Хаммарстрема о «волнах этрусков»,шедших,— очевидно, вместе с эвбейскими колонизаторами,— на восток (одна из таких волн занесла на Апеннинский п-ов относительно позднее g и т. д.) (ср. Jensen, Schrift, стр. 479 слл.).

В этой связи крайне интересными представляются исследования А. Хойбека, посвященные знаку \uparrow в различных алфавитах (Heubeck, Lydiaika, стр. 51 слл.). А. Хойбек показал, что параллелизм между лид. \uparrow (звонкий дентальный спирант?) и соответствующим знаком италийских алфавитов имеет глубокие корни: возможна реконструкция синхронных соответствий между лид. \uparrow и соответствующим звонким (из *dh) в фаликийском и других языках, обозначавшимся через \uparrow и давшим впоследствии f (в связи с чем обозначение \uparrow было использовано и для фиксации тех f, которые возникли из *bh, *gh). Очевидно, эта аналогия свидетельствует о малоазийском происхождении италийского \uparrow . Аналогичные выводы могут быть сделаны, естественно, и относительно других малоазийских знаков в италийских алфавитах, в частности, g и h .

Итог сказанному можно подвести в нескольких словах: карийская письменность, видимо, возникла в VIII в. до н. э. на Крите; она оказала значительное влияние на возникшие несколько позже лидийскую (побережье) и ликийскую (Родос) письменности, а также на некоторые разновидности греческой письменности. Восточные письменности — карийская, лидийская, ликийская, фригийская — имеют четкие аналогии в письменностях Запада, в частности в этрусской, которая, видимо, также возникла на Востоке (ср. изоглоссы Анатолия — Лемнос — Этрурия). Карийская и другие малоазийские письменности, возможно, имеют определенные аналогии в иберийских письменностях. Исследование карийских алфавитов проливает новый свет на известные эпиграфические данные.

В. В. Шеворошкин

логические» совпадения, т. е. сходные знаки и даже связанные между собой группы знаков, представляющие результат независимой эволюции. Показательно в этом отношении сопоставление карийской и нумидийской письменностей; так, «круг» и «квадрат» обозначают в нумидийском один и тот же звук ([r]); звук [b] обозначается через O , II (ср. кар. λ), II и E обозначают дентальный (в карийском — гласный типа [e]), X и g передают [s] (в карийском — гуттуральный), + и X обозначают [t] (в карийском h), M и Z передают [š], H и I передают [ts] (аналогично в карийском). Интересно, что в ливийских и карийских надписях ∇ передает звук [p] (о ливийских надписях см. J e n s e n, Schrift, стр. 142).

КОПТСКАЯ ТКАНЬ ИЗ СОБРАНИЯ ГОС. МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ им. А. С. ПУШКИНА (инв. № I, 1а, 5195)

Всевозможные аллегории, как, например, времена года, олицетворения определенных мест, стихий природы и другие были очень распространены в искусстве всего широкого мира, затронутого эллинистической культурой. Единичные аллегорические фигуры или целые композиции включаются в большие комплексы живописных или мозаичных украшений стен общественных и частных зданий, сооружений культового назначения, гробниц и т. п. Часто приходится иметь дело с фрагментами таких композиций, например, при изучении узорчатых коптских тканей. В большинстве случаев они фрагментированы еще в древности при употреблении тканей, либо позже, в результате неподходящих условий хранения. Нередко это бывают только какие-нибудь эпизоды или частные детали общей композиции, сознательно так представленные оттого, что их смысл был ясен как авторам этих произведений, так и их современникам. Возможно, достаточно было намекать, чтобы узнать знакомый образ, тем более, если перед глазами было достаточно полных композиций.

Теперь эти намеки и краткие символы далеко не всегда так безусловно ясны и понятны, как то было около полутора десятков столетий тому назад. Так обстоит дело с одной из тканей из собрания Отдела древнего востока ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. № I, 1а, 5195, поступившей в музей в 1911 г. из коллекции В. С. Голенищева¹. Это растянутый в стороны прямоугольник. Его средняя часть занята большим овалом, в котором помещено погрудное изображение женщины, резко повернувшей голову в сторону. В левой руке, прижатой к груди, бледно-розовый цветок. Другая рука поднята до уровня правого плеча и раскрытой ладонью обращена к зрителю. Правая половина фигуры (плечо и грудь) обнажена. Большой плащ драпируется на левом плече и скрывает другую половину фигуры вместе с левой рукой. Голова сильно наклонена к правому плечу. Черты лица крупные, тяжелые. Огромные глаза под длинными густыми бровями широко раскрыты, пристальный взгляд устремлен в сторону. Ноздри короткого прямого носа раздуты, рот приоткрыт. Подобранные волосы почти полностью скрыты под венком из больших листьев, похожих на лавровые. В левом ухе круглая серьга в виде шарика, правого уха не видно. Голова окружена большим нимбом.

Ткань выполнена в петельчатой технике шерстью по льняной основе. По характеру и качеству исполнения узора ткань напоминает полихромные эллинистические мозаики. Подчеркнута экспрессия движения. Фигура трактована объемно. Пластика форм, свет и тени переданы градацией оттенков цвета. Розовые и желтые тона тела оттенены бледным бежево-зеленоватым контуром глаз, овала лица и шеи. Немногие акценты коричневым — тень между губами, рисунок носа, тени в отверстиях ноздрей, на руках (между пальцами), в складках плаща, на стебле цветка — придают большую определенность формам. Интенсивный розовый — на верхней губе ярко-красный — цвет губ, тени возле носа и глаз, на подбородке, ухе, обнаженной груди и на плече кажутся отблесками звучного красного плаща. Коричневые волосы перекликаются с такими же бровями и карими глазами. Зеленые листья венка четко вырисовываются на желтом нимбе. Синий фон, густеющий до темного у контуров фигуры, создает впечатление глубины пространства, подчеркивает объемность фигуры и усиливает по контрасту звучание теплых тонов.

В расцветке краев прямоугольника повторяются основные цвета ткани: в желтых углах — синие круги, по наружному краю — простая красная каемка. Сочетанием звучных чистых цветов при передаче крупных объемов и форм узора достигается яркость колорита, праздничная декоративность ткани в целом.

¹ Инв. номер коллекции Голенищева 1426. Ткань была куплена в Египте, происхождение ее неизвестно.

Ткань очень ветхая. Шерстяной уток местами вытерт. Бесчисленные разрывы и выпадение кусочков ткани с утком зашиты в позднее время через край толстой белой ниткой, крупными стежками. Утрачена часть ткани на верхнем крае ближе к левому углу и левая половина нижнего края со значительной частью угла. Края узорчатой ткани подвернуты. Мелкими частыми стежками тонкой льняной нитки прямоугольник пришит по краям на довольно тонкое льняное полотно, где на 1 см приходится 15 нитей основы и 22 нити утка. Это было сделано еще в древности, вероятно, тогда же, как ткань была изготовлена. Кроме того, позднее ткань вместе с остатками льняного полотна была нашита беспорядочными стежками на грубый холст, благодаря чему, кстати сказать, ткань до сих пор не рассыпалась на мелкие кусочки. Основа узорчатой ткани и льняное полотно потемнели до коричневого цвета.

На рис. 1 показана ткань в том виде, в каком она была приобретена В. С. Голенищевым и в каком поступила в музей. При внимательном рассмотрении обнаруживается, что правый верхний угол отличается от остальной ткани вертикальным расположением уточных нитей. Хорошо заметно, что этот угол отрезан от какой-то другой ткани и наложен на нашу. Точно так же вырезан из другой ткани еще один кусок (не считая мелких кусочков синего фона): с изображением чашечки цветка и части стебля. Шириной рядов шерстяного утка этот кусок не отличается от остальной ткани, только чуть диагональное направление их не совпадает с горизонтальными рядами всей ткани. Темный фон около цветка едва заметно темнее фона ткани с женской фигурой. Когда отпорол все нашитые кусочки, можно было увидеть, что правый верхний угол оторван и утрачен, а на месте цветка большая лакуна. По остаткам бледно-розового утка около стебля видно, что здесь был выткан розовый цветок, может быть, даже такой же формы, как в нашитом кусочке ткани. Таким образом, своеобразная реконструкция ткани не слишком искажала ее первоначальный вид (рис. 2). Относительно добавленных частей можно почти с уверенностью сказать, что они взяты с аналогичной узорчатой ткани, возможно, нашитой на то же самое льняное полотно. Количество нитей на 1 см во всяком случае совпадает и на рассматриваемой ткани, и на нашитых на нее кусочках: 22 нити утка и 12 нитей основы.

Вероятно, ткань I, 1а, 5195 — только часть украшения завесы. Это можно предполагать исходя из размеров ее — $27,3 \times 34,4$ см и размеров фигуры, почти полностью заполняющей ткань. Видимо, была парная ей композиция (от которой, может быть, и были отрезаны нашитые на ткань куски) либо с тем же персонажем, либо с другим, дополняющим сюжет. Парные композиции были распространены довольно широко. Достаточно вспомнить такие из них, как ткань с изображением Нила из собрания ГМИИ (инв. № I, 1, 5822)², Гея из собрания Гос. Эрмитажа (инв. № 11440)³, Диониса и Ариадны из Венского музея (инв. № XIII, 1а; 1b)⁴, два медальона с абсолютно идентичными головами Диониса, лишь повернутыми в противоположные стороны, из Музея тканей в Вашингтоне (ТМ, 71 106; 71 107)⁵ и др.

Поскольку прямых аналогий нашей ткани нет, можно лишь высказать предположение относительно того, что за персонаж на ней представлен.

Женская фигура явно связана с кругом эллинистических представлений. Нимб здесь не имеет христианского значения. Он принадлежит к тем нимбам, хорошо знакомым по стенным росписям Помпей и Геркуланума, которые были отличительным признаком героизированной личности или главного действующего лица в композиции. Не принадлежит наша героиня и к кругу Аполлона, несмотря на веночек, очень похожий на лавровый. Известно несколько богинь, в частности эллинистических египетских, атрибутами которых были цветы. Но ни с одной из них нашу фигуру сопоставить нельзя. Вероятнее всего, это — нимфа. Фигура помещена на синем фоне, кото-

² М. М а т в е е, К. Л я п у н о в а, *Художественные ткани коптского Египта* М.—Л., 1951, стр. 41, рис. 6.

³ Там же, № 15, стр. 94, воспр. на фронтисписе.

⁴ «Koptische Kunst. Christentum am Nil», Essen, 1963, № 333—334, стр. 331.

⁵ Там же, № 263—264, стр. 305—306, табл. 9.

FIG. 1

Рис. 2

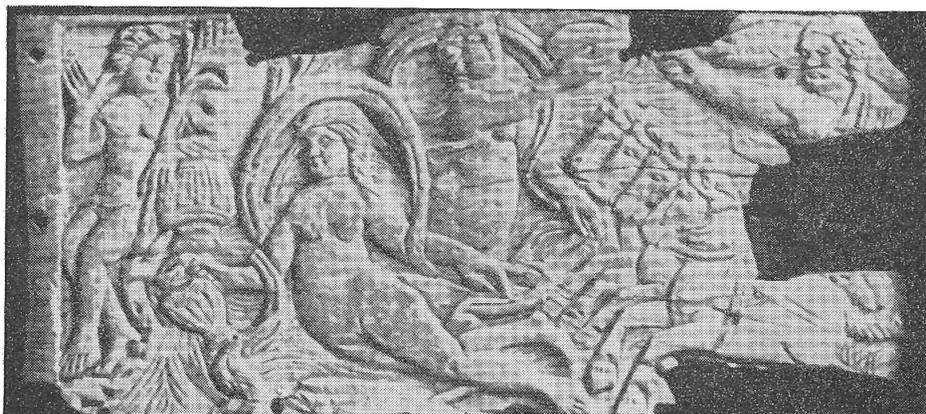

Рис. 3

рый обычен для персонажей, связанных с водной стихией⁶. Изображения морских божеств в мозаиках, например, из Антиохии даны именно на синем фоне (Нептун, полуфигура женщины, олицетворяющей море). То же можно видеть на коптских тканях, как, например, на уже упоминавшихся с изображением Нила, Геи, а также на многочисленных тканях с изображениями nereid (например, на великолепном образце из музея в Кливленде). Отнести представленную на ткани фигуру именно к этому ряду персонажей заставляет также изображение длинного цветка с симметричными листьями, безусловно указывающего на связь с водой, и даже более точно — с пресной водой. Интересен в этом контексте рельеф, представляющий аллегория: река, текущая в море (рис. 3)⁷. Крайняя слева фигура очень похожа на изображение на нашей ткани. Олицетворение реки или истока ее представлено сидящей фигурой, опирающейся локтем левой руки на перевернутый сосуд, из которого вытекает вода. Голова повернута и наклонена к левому плечу. В левой руке, задрапированной от плеча плащом, длинный стебель растения, похожего на тростник. Правая рука согнута в локте, поднята к правому плечу, а раскрытая ладонь обращена к зрителю и поднята выше плеча. Волосы коротко подобраны. Правда, нет венка и нимба, но это не умаляет общего иконографического сходства. Этот рельеф, таким образом, подтверждает, что на ткани I, 1a, 5195 представлена речная нимфа или нимфа какого-нибудь источника.

Не совсем понятно патетическое выражение лица нашей нимфы. Оно напоминает лицо с ткани из Детройта, где представлена женская голова, резко повернутая к правому плечу. Анализируя ткань, А. К. Уэйбел говорит, что это драматическое лицо вызывает в памяти образы роковых героинь древнегреческих трагедий⁸. С другой стороны, в памяти встает не менее драматический образ богини Геи из большого фриза Пергамского алтаря, который, кстати, близок изображению на нашей ткани и по положению фигуры.

Таким образом, ткань принадлежит, несомненно, к числу ранних коптских, еще близких к иконографическим традициям и эстетическим идеалам греко-римского искусства, сохраняющих целый ряд профессиональных приемов изображения человеческих фигур, общий реалистический метод искусства.

Датировать ткань, учитывая все это, следует концом III в. или IV веком н. э.

Р. Д. Шуринова

⁶ См. Матъе, Ляпунова, ук. соч., стр. 40—41.

⁷ Н. Рейнсе et R. Тyler, *L'art byzantin*, P., 1934, табл. 12b.

⁸ А. С. Веибел, *Hellenistic and coptic textiles*, «The Art Quarterly», XI, № 2, Spring 1948, стр. 106—116.

КЕСАРИЙСКАЯ НАДПИСЬ ПОНТИЯ ПИЛАТА И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В 1961 г. во время итальянских раскопок в Кесарии Иудейской (или Палестинской; совр. Эль-Кайзарие) — административном центре провинции Иудеи и местонахождении римского гарнизона — при расчистке остатков театра IV в. н. э. была найдена фрагментированная латинская надпись, содержащая имя знаменитого своей связью с легендарной историей суда над Иисусом Христом римского наместника в Иудее — Понтия Пилата (26—36 гг. н. э., *Jos., Ant., XVIII, 42*).

Рис. 1

Камень, на котором вырезана эта надпись, обнаружен по вторичному его употреблению, в ступени лестницы у северной части орхестры. Для этой цели поверхность камня была с левой стороны немного подтесана (в среднем на 30 см по ширине), что и уничтожило часть надписи. Размеры камня: высота — 82 см, ширина — 68 см, толщина — 20 см. Сохранились три строки, верхняя из которых несомненно и была первой. Ниже третьей строки поверхность камня сбита, но сохранился длинный и косой апекс, в точности как над буквой Е в первой и третьей строках. Это позволяет восстановить предположительно одну из букв четвертой строки надписи, которая опять-таки несомненно была последней.

Руководитель раскопок в Кесарии А. Фрова тотчас же опубликовал надпись¹ по фотографии, транскрипцией ее текста майюскульным шрифтом:

.....]S TIBERIEVM
... PON]TIVSPILATVS
PRAE]ECTVSIVDA[EA]E
.....

Восстанавливая текст надписи, А. Фрова высказал следующие соображения²: буква S перед словом *Tiberieum*, по его мнению, должна относиться к слову *Caesarien]s(ibus)* — написание, как он полагает, более вероятное, чем *Caes]s(ariensibus)*, — поскольку на камне достаточно места для недостающих девяти букв. Во второй строке перед словом *Pon]tius* следует предполагать преномен Понтия Пилата, неизвестный нам, ибо его имя фигурирует повсюду как в греческих, так и в латинских источниках без преномена. В третьей строке перед словом *praef]ectus* А. Фрова допускает возможность присутствия какого-либо прилагательного. Далее, на основании отмеченного выше апекса непосредственно под третьей строкой он восстанавливает четвертую, исчезнувшую строку надписи, содержащую какое-то слово с буквой E, например *d]e]dit*. А. Фрова полагал также, что Тибериум представлял собой небольшую окруженную портиками площадку перед зданием театра Герода.

¹ А. Ф р о в а, *L'iscrizione di Ponzio Pilato a Cesarea*, «Rindi conti dell'Istituto Lombardo. Cl. di lettera», 95 (1961), стр. 419 сл. Перевод этой публикации на польский язык см. в «*Studia biblijne i archeologiczne*», Poznan, 1962.

² Ф р о в а, ук. соч., стр. 425.

Позднее эта надпись была переиздана Б. Лифшицем³ с попыткой нового, более пространного восстановления ее содержания. Предлагаемый им текст выглядит следующим образом:

Ti(berio) Caes(are) Aug(usto) V? co(n)]s(ule) Tiberieum
 Pon]tius Pilatus
 Proc(urator) Aug(usti) praef]ectus Juda[ea]e
 [ded(it) dedicavit]

Б. Лифшиц, таким образом, предполагает, что Тибериум был датирован соответствующей титулатурой императора. За именем Понтия Пилата, помимо титула префекта, должен был, по его мнению, следовать, в соответствии с литературными данными, также титул прокуратора. В качестве примера он приводит одну из надписей с Сардинии III в. н. э.: *proc(urator) Aug(ustorum) et praef(ectus) prov(inciae) Sardiniae* (CIL, X, 7584). Четвертую строку Б. Лифшиц восстанавливает, игнорируя апекс над сбитой буквой E, отмеченный первым издателем, не расходясь с ним, впрочем, по существу.

И, наконец, совсем недавно к этой надписи обратился известный итальянский эпиграфист А. Деграсси⁴, отвергнувший дополнения Б. Лифшица прежде всего на том основании, что для них не оказывается на камне необходимого места. А. Деграсси вслед за А. Фрова хочет видеть в первой строке надписи наименование того, кому посвящен Тибериум, а не дату посвящения по консульству, тем более, что такая дата предполагала бы наличие не одного, а двух имен, — затруднение, из которого Б. Лифшиц выходит, относя посвящение к 31 г. н. э. — году падения Сеяна. А. Деграсси восстанавливает недостающий текст первой строки как *Dis Augusti]s*, т. е. как посвящение Августу и Ливии — родителям Тиберия, находя поддержку в надписи из Большого Лептиса в Северной Африке (AE, 1951, № 85), начинающейся именно этими словами, а также в надписи CIL, VIII, 25512 из Буллы Регии в Нумидии с подобным же посвящением. А. Деграсси считает, что титул *praef]ectus* применительно к Понтию Пилату достаточно правомерен без каких-либо к нему дополнений, поскольку он именуется у Иосифа Флавия то *ἐπίτροπος* (прокуратор), то *ἐπαρχος* (префект), то *ἡγεμῶν*, как его называют и евангелия.

А. Деграсси указывает также на то, что еще О. Гиршфельд⁵ усомнился в правомерности наименования Понтия Пилата прокуратором на основании одних лишь историко-литературных данных. Он полагал, что вопрос о титулатуре первых правителей Иудеи останется открытым до обнаружения эпиграфических свидетельств. По утверждению Гиршфельда, прокураторы, назначавшиеся первоначально в качестве агентов императорского фиска иногда даже из числа императорских вольноотпущенников, лишь значительно позднее (не ранее времени императора Клавдия) приобрели и административные функции. При этом он считал, что прокураторы, действовавшие как военные и гражданские администраторы, более соответствовали новым и еще не достаточно замиренным или вообще мало романизованным провинциям.

Отвергая эту конструкцию О. Гиршфельда в ее общей форме, А. Деграсси соглашается с ней в той ее части, которая касается титулатуры римских правителей Иудеи при Августе и Тиберии. Тем более, что в этой части мнение О. Гиршфельда разделяют

³ B. Lifshitz, *Inscriptions latines de Césarée (Caesarea Palaestinae)*. I. Le Tiberieum, «Latomus», XXII (1963), стр. 783 сл.

⁴ A. Degrassi, Sull'iscrizione di Pontio Pilato, «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti. Cl. di scienze mor., stor. e filol.», XIX (1964), fasc. 3—4, стр. 59 сл.

⁵ O. Hirschfeld, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diokletian*, 2. Aufl., B., 1905, стр. 382 сл. Собственно говоря, уже Т. Моммзен (*Römisches Staatsrecht*, II, Lpz, 1887, стр. 236) замечает, что Понтий Пилат по своему назначению *cum iure gladii* должен был именоваться префектом.

также А. Джонс⁶ и Р. Сайм⁷, отмечающие отсутствие единообразия в греческих терминах, которыми Понтий Пилат и другие римские правители Иудеи обозначались у Филона, у Иосифа Флавия и в христианской новозаветной и историко-церковной литературе.

В конце же концов, ни Фрова, ни Деграсси не склонны особенно настаивать на правоте Гиршфельда, ибо и древние авторы, и эпиграфические тексты знают и префектов, и прокураторов в одних и тех же провинциях. Пфлаум, перу которого принадлежат наиболее новые и обстоятельные исследования о прокураторах всаднического сословия⁸, полагает⁹, что управители Иудеи резонно именовались прокураторами, поскольку в императорских провинциях прокуратор как частный агент императора (или лица императорской фамилии) наряду с финансовыми осуществлял и военно-административные функции. Он только совершенно справедливо настаивает на том, что в титулатуру прокуратора входило наименование того лица, агентом которого он являлся и волю которого осуществлял¹⁰.

Мнение О. Гиршфельда, что правители Иудеи первоначально все и всегда именовались префектами, вряд ли может быть признано правильным, потому что у Иосифа Флавия, называющего многие имена римских правителей Иудеи, они обозначаются хотя и по-разному, но иногда достаточно определенно: если Валерий Грат, предшественник Понтия Пилата (управлял Иудеей с 15 по 26 г. н. э.), назван у него *ἐπαρχος* (Ant., XVIII, 23), что могло соответствовать латинскому *praefectus*, Мерилл, правивший в 37 г., — *ἐπαρχὸς* (Ant., XVIII, 237), а Куспий Фад (44—47 гг. н. э.) вновь — *ἐπαρχος* (Ant., 363) и *ἐπίτροπος* (BJ, II, 220), то Копоний, правивший в 6—9 гг. н. э., поименован *ἐπίτροπος τῆς Ἰππικῆς* (BJ, II, 117), а Сабин, управлявший Сирией в 4 г. до н. э., именуется у него *το καίσαρος ἐπίτροπος* (Ant., XVII, 221), то *ὁ ἐπίτροπος τοῦ Καίσαρος*, то, наконец, даже *ὁ τῆς Συρίας ἐπίτροπος* (BJ, II, 16).

Понтий Пилат именуется у Иосифа Флавия также по-разному: если в «Иудейской войне» он поименован *ἐπίτροπος ὑπὸ Τιβερίου* (BJ, II, 160), то в «Иудейских древностях» как раз перед началом рассказа об Иисусе Христе (Ant., XVIII, 63—64), уже давно помещаемого издателями в скобки как интерполяция, Пилат поименован *ἡγεμών* (XVIII, 55), совершенно так же, как его называют и позднейшие евангельские тексты. У Филона Александрийского (Leg. ad Caium, 38) о Понтии Пилате говорится: *ἦν τῶν ἐπαρχῶν ἐπίτροπος ἀποδειγμένος τῆς Ἰουδαίας*.

Ознакомление с материалом, систематизированным у Пфлаума¹¹, убеждает в том, что уже в ранние времена Империи наряду с префектами, в особенности в императорских провинциях, управлявшихся представителями всаднического сословия, многие из правителей были прокураторами с обязательным, однако (в эпиграфических источниках), указанием на лицо, от имени которого они как таковые действовали. Просто прокураторами, или по-гречески эпитропами, управители Иудеи, Сирии или других провинций именуется очень редко, как, например, Юлий Альбин Классициан назван прокуратором Британии при Нероне (AE, 1936, № 3) или К. Сатурий в 78—80 гг.—прокуратором Реции¹². Для времени раньше 40-х гг. н. э. такие случаи в эпиграфике как будто бы неизвестны.

⁶ A. H. M. Jones, *Procurators and Prefects in the Early Principate*, «Studies in Roman Government and Law», 1960, стр. 115 сл.; ср. также его статью «Procurator Augusti» («Papers of the British School at Rome», XV, 1939, стр. 12).

⁷ R. Syme, *The Wrong Marcius Turbo*, JRS, LII (1962), стр. 92.

⁸ H. G. Pflaum, *Essai sur les procurateurs équestres sous le Haut-Empire Romain*, P., 1950; он же, *Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire Romain*, I—III, P., 1960—1961.

⁹ RE, s. v. *Procurator* (XXIII, 1, 1957, стб. 1240 сл.).

¹⁰ Там же, стб. 1242.

¹¹ Pflaum, *Les carrières procuratoriennes équestres...*, III *Fasti procuratorum equestrium*, стр. 1018.

¹² Pflaum, *Essai...*, стр. 14 сл.

Из всего этого, по нашему мнению, можно заключить, что наименование Понтия Пилата прокуратором Тиберия у Иосифа Флавия является, вероятнее всего, ошибочным, поскольку найденная в Кесарии Палестинской надпись аттестует его как префекта. Наименование же его просто прокуратором Иудеи, кроме того, и анахронистично, поскольку подобное обозначение — прокуратор провинции, — редкое вообще, не характерно для эпохи Тиберия.

Однако в известном месте в «Анналах» Тацита (XV, 44) Понтий Пилат, названный в связи с упоминанием об Иисусе Христе и христианах, именуется именно «прокуратором» даже без прямого упоминания при этом титуле провинции Иудеи. Относительно этого места в «Анналах», как известно, давно уже, начиная с Бруно Бауэра, высказывалось предположение о позднейшей интерполяции на том основании, что оно, будучи совершенно одиночным для этого времени свидетельством об Иисусе Христе в латинской литературе, говорит о нем к тому же в не свойственном тогдашней римской психологии духе. О. Гиршфельд по этому поводу замечает лишь, что свидетельству Тацита нельзя придавать большой цены в отношении титула Понтия Пилата¹³. Однако, видимо, и это не совсем так, поскольку Тацит достаточно точен в обозначении титулатуры называемых им римских должностных лиц, и, по крайней мере в других случаях, ни один прокуратор не фигурирует у него без обозначения того лица, прокуратором коего он является, и провинции, где он функционирует. В частности, Луцилий Капитон, действовавший в Азии в 23 г. н. э., которого Кассий Дион анахронистически именует τὸν τῆν Ἀσίαν ἐπιτροπεύσαντα (LVII, 23, 4), назван у Тацита совершенно точно procurator rerum Caesaris in Asia (Ann., IV, 15). В «Анналах» же находим упоминание о Сульпиции Руфе — ludi procurator (XI, 35) и о Февии Руфе — префекте анноны (XIII, 22).

Из всего этого, мне кажется, нельзя не сделать вывода, что наименование Понтия Пилата прокуратором (Иудеи) у Тацита является обстоятельством, подтверждающим предположение о позднейшей интерполяции всего относящегося к Иисусу Христу пассажа. Если бы это место было подлинным и принадлежало Тациту, то мы, по крайней мере, читали бы здесь о нем как о прокураторе императора Тиберия в Иудее (если можно допустить, что Тациту, все же и при его большой осведомленности об иудейских делах, мог остаться неизвестным истинный титул Понтия Пилата, поскольку, видимо, некоторые его предшественники на посту управителя Иудеи действительно являлись императорскими прокураторами). Но в такой форме, как она фигурирует в тексте Тацита, титулатура Понтия Пилата уместна лишь в каком-либо значительно более позднем сочинении, в котором подобный анахронизм уже не резал бы глаза. Прокуратором (ἐπίτροπος) называет Понтия Пилата историк церкви Евсевий (Hist. Eccl., I, 9, 4), писавший в начале IV в. н. э. Не было бы ничего удивительного, если бы именно тогда, когда приобретающая государственный характер христианская церковь стала заботиться о создании и об упорядочении своей исторической традиции, и была сделана соответствующая вставка в Тацитовы «Анналы». А разницей в титулатуре Понтия Пилата у греко-иудейских авторов, отмеченный нами выше, может свидетельствовать, — помимо того, что он характеризует известное безразличие в словоупотреблении Иосифа Флавия по отношению к официальной титулатуре Понтия Пилата, — также и о наличии в самих его источниках разных наименований Понтия Пилата — то как префекта (ἐπαρχος, ἡγεμών), то как прокуратора (ἐπίτροπος).

Христиане III—IV вв., видимо, были вообще плохо осведомлены о политической обстановке в Палестине в то время, к которому относили деятельность Иисуса. Так, Тертуллиан, например, называет Пилата ошибочно прокуратором Сирии¹⁴.

Одновременно с мифической биографией Иисуса Христа создавалась и определенным образом эволюционировавшая «биография» Понтия Пилата. Если для Филона и Иосифа Флавия Пилат — грубый и презрительный римлянин, на каждом шагу оскорбляющий бытовые и религиозные чувства иудеев, то для евангелистов, писавших в те времена, когда христианская община, резко противопоставив себя иудейству,

¹³ H i r s c h f e l d, Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten, стр. 384.

¹⁴ T e r t u l l., Apolog., 21: Pontio Pilato Syriam tunc ex parte Romana procurantē.

искала контактов с официальным Римом, Пилат предстал жалостливым правителем и судьей, не находившим за Иисусом никакой вины.

В средневековых христианских легендах Пилат представлен как истый христианин и великомученик¹⁵. Известно несколько редакций апокрифического «Письма Понтия Пилата императору Тиберию», существуют так называемые «Деяния Понтия Пилата». Тем ценнее и интереснее в свете всего вышеизложенного это первое эпиграфическое свидетельство о Понтии Пилате¹⁶, возвращающее на реально-историческую почву это важное для истории раннего христианства имя.

Л. А. Ельницкий

¹⁵ G. A. Müller, Pontius Pilatus, Stuttg., 1888, стр. 53.

¹⁶ Не считая, впрочем, некоторых нумизматических данных: от времени его правления дошли кесарийские монеты с изображением гирианды и *lituus*, датируемые издателями 27/28 и 31/32 гг. н. э. G. F. Hill, Catalogue of the Greek Coins in the British Museum, L., 1914, №№ 69—84, стр. 258 сл.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕМЕСЛЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ ПОЗДНЕРИМСКОГО ЕГИПТА

Ремесленные корпорации, составлявшие подавляющее большинство профессиональных объединений, засвидетельствованных папирусами позднеримского Египта, выполняли, судя по дошедшему до нас материалу, задачи в первую очередь чисто фискальные. Во всяком случае, вероятно, не без давления государственных органов, функция сбора налогов ставится на первое место, а обязанность членов корпорации платить регулярно налоги признается их первейшей обязанностью. Но было бы совершенно неверно предполагать, что этим ограничивалась или исчерпывалась задача корпораций. Важную роль в жизни корпораций играла хозяйственная сторона их деятельности. Несмотря на то, что члены корпораций обычно занимались своей профессией в индивидуальном порядке, они были более или менее тесно связаны общностью профессиональных интересов, и эта хозяйственная и профессиональная взаимосвязь не могла не найти отражения в источниках. Здесь предполагается осветить только некоторые аспекты хозяйственной деятельности ремесленных корпораций.

Сильнее и ярче всего экономическая и профессиональная взаимозависимость членов ремесленных корпораций выступала в тех случаях, когда *вся корпорация* была занята выполнением какой-нибудь работы, в особенности, если характер самой работы (например, строительство здания) неизбежно приводил к некоторому разделению труда и кооперированию ее исполнителей. Небольшие заказы, не требовавшие привлечения всех ремесленников данной корпорации, могли поручаться отдельным ее членам¹. Если заказ оформлялся через корпорацию, то, очевидно, она и выделяла

¹ Наем ремесленников не должен был обязательно осуществляться через корпорацию. Источники говорят о том, что, как правило, заказчик договаривался с ремесленником в частном порядке, минуя корпорацию. Иногда встречаются выдачи как корпорации, так и отдельным ремесленникам данной профессии (например, P. Ross. Georg., V, 61, A, Re, 11; B, Re, 8; C, Re, 9, 10; A, Ve, 11, 15, 22; D, Ve, 7 и B, Re, 14; C, Re, 17 — валяльщики; P. Ross. Georg., V, 61, D, Ve, 4, 9 (?) и B, Re, 4, 5; A, Ve, 19 — *хатабртаи*), но не ясно, идет ли речь о работах, выполненных *всей корпорацией* и отдельными ее членами или корпорацией и ремесленниками, в нее не входившими.

соответствующих исполнителей². Но даже если заказ распределялся между членами корпорации с тем, чтобы каждый ремесленник самостоятельно изготовил у себя дома порученную ему часть изделий, то и тогда общность хозяйственных интересов и взаимосвязь членов ремесленных корпораций были весьма значительны³.

Корпорация выступала как единое целое в момент оформления заказа. Ее представители (чаще всего глава)⁴, действуя от имени всех остальных членов⁵, отвечавших в таком случае друг за друга⁶, вели соответствующие переговоры, если обстоятельства позволяли им предъявлять свои условия⁷, и подписывали согласованные (или им предписанные) условия. Соглашения разрабатывались с особой тщательностью и предусматривали ряд статей, относящихся к материалу, ассортименту, норме выхода продукции, количеству и качеству изделий, срокам поставки, размеру и порядку оплаты⁸. Сырье либо поставлялось заказчиком, в роли которого часто выступало государство⁹, либо приобреталось самими ремесленниками. В первом случае оно

² Возможно, что органы, обязанные поставлять по разнарядке на время рабочую силу, в тех случаях, когда дело не сводилось к уплате соответствующей суммы, обращались к корпорациям, которые выделяли необходимых работников. См. F. O e r t e l, *Die Liturgie. Studien zur ptolemäischen und kaiserlichen Verwaltung Ägyptens*, Lpz, 1917, стр. 85 и 87 (по поводу P. Theod., 34, I и 36, I) и Th. R e i l, *Beiträge zur Kenntnis der Gewerbes im hellenistischen Ägypten*, Diss., Borna—Lpz, 1913, стр. 91.

³ К сожалению, источников позднеримского времени, рисующих эту сторону деятельности корпораций, очень мало (если только не считать, что все упоминания ремесленников во множественном числе относятся к корпорациям). Поэтому придется в отдельных случаях прибегать к использованию материала раннеримского времени.

⁴ О главе корпорации в позднеримском Египте см. И. Ф. Ф и х м а н, *К характеристике корпораций византийского Египта*, ВВ, XVII, 1960, стр. 22—24.

⁵ Часто в папирусах не указывается, что договор заключен от имени корпорации: например, P. Oxy., I, 134 (569 г.), P. Kl. Form., 119 (Арсиноя, VI в.) и т. п., но то, что в документе фиксируется должность заключающего соглашение ремесленника, заставляет предполагать, что глава корпорации выступает в качестве ее представителя.

⁶ ἐξ ἀλλήλων(εγγύτης)—BGU, VII, 1564, 4, 12 (= Sel. Pap., II, 395) (Филадельфия, 138 г.).

⁷ Такие переговоры велись между буле г. Оксиринха и продавцами пряжи и ткачами города, но, как показывает сохранившаяся часть протокола заседания буле, где обсуждался вопрос (P. Oxy., XII, 1414—270—275 гг.), буле не удовлетворило полностью требования ремесленников. Оно постановило, что продавцы пряжи должны согласиться на получение 30 драхм вместо просимых 49 драхм, а ткачам было решено несколько увеличить плату в связи с удорожанием сырья. Поскольку ткачи ссылались на удорожание не только сырья, но и заработной платы подсобной рабочей силы, напрашивается вывод, что и их требования не были полностью удовлетворены. Решения буле носили, по-видимому, окончательный характер, так что «свобода продажи», о которой говорит А. Перссон (A. P e r s s o n, *Staat und Manufaktur im Römischen Reiche. Eine wirtschaftsgeschichtliche Studie*, Lund, 1923, стр. 33), ограничивалась буле, во всяком случае, когда дело касалось его. O P. Oxy., XII, 1414 см. P. J o u g u e t, *Les βουλαί égyptiennes à la fin du III siècle après J. C. d'après le tome XII des Oxyrhynchus Papyri*, «Revue égyptologique», N. S., 1 (1919) стр. 76—77; P e r s s o n, *ук. соч.*, стр. 32—33; M. J a c z u n o w s k a, *Rozwój rzemiosła w świetle papirusów z Oxyrhynchos*, «Meander», VI, 10 (1951), стр. 516, 527; A. H. M. J o n e s, *The Economic Life of the Towns of the Roman Empire*, «Recueils de la Société Jean Bodin», VII (1955), стр. 177; о н ж е, *The Cloth Industry under the Roman Empire*, «The Economic Historical Review», Sec. Ser., XIII, 2 (1960) стр. 12. Ср. с предписанным тарифом цен (κοπή) в арабском Египте: P. Ross. Georg., IV, 8.

⁸ См., например, P. Oxy., XII, 1454 (116 г.), BGU, VII, 1564 (138 г.) и т. д. В P. Oxy., XII, 1414 (270—275 гг.) ткачам предъявляется образец изделий.

⁹ Согласно Cod. Theod., XI, 1, 24 (395 г.) корпораты Карфагена поставляли сырье императорским ткацким мастерским. Неизвестно, существовала ли подобная практика в Египте.

поступало; по-видимому, в распоряжение корпорации¹⁰. Во втором—либо корпорация, коллективно закупала сырье с последующим его распределением¹¹, либо каждый ремесленник приобретал его соответственно потребности.

До сих пор не обнаружены сведения о коллективной закупке сырья или о наличии его постоянных запасов, принадлежавших корпорации. Длительное время исследователи предполагали, что корпорации располагали общими запасами сырья или вели точный и полный учет запасов, принадлежавших ее членам¹². Этот вывод основывался на Р. Оху., I, 85 (338 г.)¹³. Но, публикуя этот текст в 1934 г., издатель А. С. Хант внес в чтение папируса ряд существенных изменений¹⁴. Улучшенное чтение показывает, что речь идет не об общей сумме запасов и их стоимости, а о цене за единицу измерения¹⁵. Проблема сырья приобретала огромное значение не только потому,

¹⁰ Это сырье поступало либо в порядке ежегодной поставки деревнями: например; PSI, VII, 779 (III в.); Р. Thead., 34, III, 28—29 (324 г.); 37 (326 г.); Р. Оху., XVII, 2154 (IV в.) и т. д., либо покупалось у производителей или у купцов (Р. Оху., XII, 1414, 7—9). Что поставки льна передавались ткачам, видно из Р. Hib., II, 219, 1—4 (309 г.), содержащий раскладку по деревням поставки льна, предназначенного для ткачей. Иное понимание этого места см.: R. M a s M u l l e n, *The Anabolicsae species*, «Aegyptus», XXXVIII (1958), стр. 189.

¹¹ Ср. *pistores* из Остии: P. S. L e i c h t, *Ricerche sulle corporazioni professionali in Italia dal secolo V all' XI*, «Rendiconti della r. Accademia dei Lincei», Ser. VI, v. XII (1936), стр. 203; коллективная закупка сырья константинопольскими цехами в X в. засвидетельствована «Книгой эпарха» (V, 3; VI, 8; IX, 3).

¹² L. W e n g e r, *Der Eid in den griechischen Papyrusurkunden*, ZS, RA, XXII (1902), стр. 189; R e i l, ук. соч., стр. 190—191; G. M é a u t i s, *Une métropole égyptienne sous l'Empire romain: Hermoupolis-la-Grande*, Lausanne, 1918, стр. 184; A. S t ö c k l e, *Berufsvereine*, RE, Supplbd. IV (1924), стб. 199; J. G. M i l n e, *A History of Egypt under Roman Rule*³, L., 1924, стр. 259; L. C. W e s t, A. C. J o h n s o n, *Currency in Roman and Byzantine Egypt*, Princeton, 1944, стр. 126; A. C. J o h n s o n, L. C. W e s t, *Byzantine Egypt: Economic Studies*, Princeton, 1949, стр. 154, 252; J a c z y n o w s k a, ук. соч., стр. 528; J. D a y, S. B. P o r g e s, *Financial Transactions of Aurelia Titoueis*, AJPh, LXXXI (1960), стр. 174₃₃ и т. д.

¹³ Однотипны датированные тем же числом PSI, III, 202; Р. Негг., 73 и, возможно, Р. Оху., X, 1303 (336 г.). Близок по форме и содержанию Р. Антин, I, 38 (301 г.).

¹⁴ Sel. Pap., II, 332. А. Джонсон и Л. Уэст (*Byzantine Egypt*, стр. 154, 176, 177, 185, 193, 252) не учли, по-видимому, переиздание Р. Оху., I, 85, несмотря на то, что А. Сегре в рецензии на их книгу о денежном обращении указал на правильное чтение этого места («Aegyptus», XXVII, 1947, стр. 228—229). Между тем цены, указанные в исправленном тексте, прекрасно вмещаются в их таблицы цен. См. в связи с ценами на ячмень А. Сегре, *Byz.*, XXI (1951), стр. 217—218. Не учтено исправление текста и в работе: D a y, P o r g e s, ук. соч., стр. 174₃₃.

¹⁵ Предложение В. Шумана (CPh, XXXIII, 1938, стр. 316 — рец. на Р. Негг.) читать $\dot{\alpha}\tau\alpha\lambda()$ как $\dot{\alpha}(\rho\rho\omega\rho\iota\omega)\tau\dot{\alpha}\lambda(\alpha\tau\alpha)$ и, следовательно, считать, что речь идет не о цене за единицу измерения, а об общей стоимости запасов (без указания на количество), следует отвергнуть, поскольку это означало бы, что запасы корпорации или ее членов до смешного малы (если судить по существовавшим тогда ценам). Кроме того, непонятно, что могли дать правительству подобные цены. Ведь для него представляли интерес либо цена единицы измерения, либо реальное количество запасов, а не общая стоимость. Если бы правительству нужны были сведения об общей стоимости в целях обложения, оно бы не интересовалось наличием сырья (Р. Оху., I, 85, IV), общей стоимостью отдельных видов изделий (Р. Оху., I, 85, II; Р. Негг., 73) и потребовало бы, чтобы ему были предъявлены не сведения о запасах, а об изготовленной или проданной продукции. Наконец, соответствующее место в Р. Негг., 73 сохранилось плохо, и на основе этого текста делать выводы рискованно. В то же время строки 15—19 Р. Антин, I, 38, представляющие почти дословную параллель к Р. Оху., I, 85, II, 16—18, ясно показывают, что имелась в виду цена за единицу измерения.

что от его качества зависело в значительной степени качество готовых изделий, но и вследствие того, что в тех случаях, когда ремесленники работали на своем сырье, его цена играла немаловажную роль в определении цены готовой продукции. Рост цен на сырье был одним из главных аргументов, к которым прибегала корпорация, выдвигая требование повышения цен на вырабатываемые ею изделия (например, Р. Оху., XII, 1414).

Поскольку, как уже упоминалось, корпорация была вынуждена принимать на себя обязательство поставлять изготавливаемые ею изделия в соответствии с согласованным или предписанным ассортиментом, то нужно полагать, что те же лица, которые подписывали документ (обычно глава корпорации), следили за строгим выполнением всех условий заказа, производили сдачу готовой продукции, получали полагающееся корпорации вознаграждение¹⁶ и распределяли полученные деньги между теми, кто участвовал в выполнении работы. Но, как уже подчеркивалось, далеко не всегда члены корпорации принимали участие в выполнении коллективных заказов, чаще всего ремесленники работали самостоятельно¹⁷.

Оказывала ли в таких случаях корпорация влияние на их профессиональную деятельность, в частности, использовали ли они, как утверждают в последнее время исследователи, самый факт объединения в корпорацию как средство для устранения конкуренции и установления монопольных цен?

Слов нет, в V и VI вв. монополия¹⁸ была широко известна в Поздней римской империи. Она осуществлялась правительством¹⁹ и отдельными корпорациями либо на основе полученного ими правительственного разрешения²⁰, либо явочным порядком в результате сговора²¹. Политика правительства в этой области, как хорошо показали Г. Миквиз и Э. Штейн²², прошла ряд этапов. Сначала оно предоставило

¹⁶ В Р. Оху., I, 84 (= W. Chrest., 197 = Sel. Pap., II, 374 — 316 г.) глава корпорации кузнецов получает по распоряжению логиста 6 талантов в виде платы за поставку корпорацией кентинария обработанного железа. В Р. Оху., XVI, 1911, 181, 185, 187 (VI в.) Сурут, по-видимому, глава корпорации гончаров из Арпокры, получает от крупного именя сырье (смолу) и плату за работу. В Р. Kl. Form., 119 эпистат седельщиков дает расписку в том, что обязан поставить девять седел и т. д. В некоторых случаях получатель денег не указывается.

¹⁷ В ВГУ, VII, 1615 (Фил., 84 г. н. э.) ткачи разделены на группы, причем в состав некоторых групп входят лица, связанные родственными узами (например, отец и сын, отец и сыновья).

¹⁸ О монополии в древности см. F. M. Heichelheim, Monopole, RE, XVI, 1, 1933, стб. 147—199, особ. стб. 198—199. О монополии в позднеримском Египте — Johnson, West, ук. соч., стр. 311.

¹⁹ О правительственных монополиях см. J. K a r a y a n n o p u l o s, Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates, Münch., 1958, стр. 234—236. Об использовании правительством корпораций в процессе практического осуществления монополии в арабское время см. коптский папирус В. М. Ор., 8903 (W. E. Crum, Koptische Zünfte und das Pfeffermonopol, ÄZ, LX, 1925, стр. 103—111. О роли епископа в данной связи: A. S t e i n w e n t e r, Die Stellung der Bischöfe in der byzantinischen Verwaltung Ägyptens, «Studi in onore di P. De Francisci», I, Milano, 1956, стр. 90).

²⁰ Cod. Theod., XIV, 22, 1 (364 г.) относится к Риму. Передача права продажи папируса корпоратам (Cod. Just., XI, 18, 1, 4—439 г.; об этой конституции см. N. L e w i s, L'industrie du papyrus dans l'Égypte gréco-romaine, P., 1934, стр. 160), вероятно, была осуществлена таким путем.

²¹ См. выражения Cod. Just., IV, 59, 2 (483 г.): «pro sua auctoritate», «huiusmodi sese pactis constringere», «interdictis corporum pactionibus».

²² G. M i c k w i t z, Die Kartellfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens, Eine Studie in spätantiker und mittelalterlicher Wirtschaftsgeschichte, Helsingfors, 1936, стр. 198—204; E. S t e i n, Histoire du Bas Empire, II. De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476—565);

корпорациям (очевидно, за вознаграждение) монополии в определенных сферах деятельности, потом последовало строжайшее запрещение монополий (законы Льва — Cod. Just., IV, 59, 1, 473 г. и Зинона — Cod. Just., IV, 59, 2, 483 г.), сохранявшее свою силу в момент составления Кодекса Юстиниана), и, наконец, вновь возобновило практику предоставления монополий. Судя по данным законодательства и свидетельству Прокопия Кесарийского, сущность монополии заключалась в том, что лица, пользовавшиеся ею, устраняли взаимную конкуренцию и устанавливали обязательную единую цену-минимум на продаваемые ими товары. Сюда же относит законодательство и распространенный среди строительных рабочих и подрядчиков обычай не заканчивать работу, брошенную собратом по ремеслу, и не перебивать заказа, порученного другому лицу²³.

Монополии были распространены не только в Константинополе. В Cod. Just., IV, 59, 1 говорится о монополиях в каком бы то ни было месте или городе²⁴. Об этом также свидетельствуют Прокопий Кесарийский (Н. А., XX, 1—2; XXVI, 19) и другие источники. Запретительная формула в Cod. Just., IV, 59, 2 составлена так, что под нее подпадают все виды ремесленной деятельности²⁵. Прокопий говорит о «многих» монополиях, но имеет в виду в первую очередь монополии для тех, кто снабжал население продовольствием и предметами первой необходимости²⁶. Всеобщность постановления закона и то, что в нем упоминаются и «ceterarum praeterea professionum primates», дает основание полагать, что кроме конкретно указанных в конституции Зинона профессий имелись в виду и ремесленники других специальностей²⁷, в первую очередь те, кто работал на рынок.

Разумеется, объединение в корпорацию облегчало как сбор необходимых денег для получения от государства права монополии и соблюдение условий, связанных с нормальным осуществлением этого права, так и проведение необходимых переговоров и достижение единодушия, если речь шла об учреждении монополии явочным порядком²⁸. Этим объясняется не только упоминание сопрога в конституции Зинона, но и то, что *primates professionum* должны были платить 50 фунтов золота штрафа. Штрафование глав соответствующих корпораций²⁹ вызвано тем, что они, по-видимому, созывали собрания, на которых принималось решение о введении монополии, и

Р., 1949, стр. 426—427. См. также F. M. Heichelheim, *Römische Sozial- und wirtschaftsgeschichte (Von der Königszeit bis Byzanz)* в «*Historia Mundi*», IV (Römisches Weltreich und Christentum), Bern, 1956, стр. 466, 472.

²³ Cod. Just., IV, 59, 2. Ср. Cod. Just., VIII, 12, 9-а (время Зинона). О том, насколько приведенные в законодательстве данные соответствовали действительному положению дел в строительстве, показывает надпись 459 г. из г. Сарды (Sardis, VII, 18), подробный разбор которой дал У. Баклер (W. H. Buckler, *Labor Disputes in the Province of Asia*, «*Anatolian Studies Presented to Sir W. M. Ramsay*», Manchester, 1923, стр. 36—50; он же, *A Trade Union Pact of the 5th Century*, «*Studies Presented to D. M. Robinson*», II. Saint-Louis, 1953, стр. 980—984).

²⁴ Подобная формулировка объясняется, вероятно, запретительным характером постановления.

²⁵ «*vel cuiuslibet alterius ad victum vel ad quemcumque usum pertinentis speciei vel cuiuslibet materiae... monopolium*».

²⁶ Прокоп., Н. А., XX, 2 — «τὰ ἐπιτήδεια»; XXVI, 19 — «ὄνιον τῶν ἀναγκασιωτάτων».

²⁷ То, что в тексте, относящемся к *ceterae professiones*, стоит выражение «если они в будущем... осмелились бы», следует, возможно, понимать как указание на то, что работники этих профессий еще не проявляли своего стремления к монополии.

²⁸ Но это еще не дает основания присоединиться к выводу Г. Миквица (ук. соч., стр. 200—201) о благотворных последствиях принудительного объединения ремесленников в корпорации, поскольку одна, к тому же потенциальная, возможность сговариваться насчет цен вряд ли могла существенно улучшить положение ремесленников.

²⁹ Л. М. Хартман (L. M. Hartmann, *Urkunde einer Gärtnergenossenschaft vom Jahre 1030*, Freiburg in B., 1892, стр. 5) и следующий за ним Г. Гуммерус (H. G u m-

следили за его выполнением, в то время как их долг по отношению к государству заключался в том, чтобы, опираясь на свой авторитет и власть, проводить правительственную политику, а не помогать, вернее, возглавлять действия по нарушению императорских постановлений. Г. Миквиц делает из факта штрафования глав корпораций вывод, что решение о введении монополии не принималось на общем собрании членов корпорации³⁰, так как руководство корпорации обладало необходимыми средствами, чтобы заставить членов подчиниться его решению. Глава корпорации действительно обладал большими полномочиями, но вряд ли он решался в данном случае действовать без согласия собрания. Введение монополии было сопряжено с денежными расходами (для уплаты государству) или с риском огромной ответственности перед государством (в случае отсутствия разрешения). Успешное проведение монополии зависело от соблюдения принятых решений всеми без исключения членами корпорации. Поэтому безопасней для главы корпорации было бы провести обсуждение этого вопроса и утверждение решения на общем собрании ее членов. Кстати, в самом тексте законодательства неоднократно говорится о «собраниях» и «сговорах».

Далеко не всегда рост цен на товары и рабочую силу был результатом согласованных действий членов корпорации или, как выражается Г. Миквиц, «картелирования». Ведь кроме ремесленников, входящих в состав соответствующей корпорации, находились и такие, которые не были ее членами. Поэтому нельзя говорить об исключительном праве одних только членов корпорации заниматься данным ремеслом³¹. Ремесленники не-члены корпорации могли в отдельных случаях и при известных обстоятельствах срывать монополию, введенную корпорацией. Правда, таких ремесленников было, видимо, немного; выступать против корпорации было далеко не безопасно, но с такой возможностью нельзя не считаться. Так, например, рост цен, засвидетельствованный 122-й новеллой Юстиниана (544 г.), был вызван страшной эпидемией

m e r u s, *Industrie und Handel*, RE, IX, 2, 1916, стб. 1534) переводят *primates* «предприниматели, работодатели»; большинство ученых (J. P. W a l t z i n g, *Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains depuis les origines jusqu'à la chute de l'Empire d'Occident*, II, Bruxelles, 1896, стр. 427з; J o n e s, *The Economic Life of the Towns...*, стр. 180; F. D ö l g e r, *Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt*, «Atti del 3 congresso internazionale di studi sull'alto medioevo 14—18 ott. 1956», Spoleto, 1959, стр. 92 и т. д.) считают, что речь идет о главах корпорации. Г. Миквиц (ук. соч., стр. 200) полагает, что имеются в виду либо главы корпорации, либо их «виднейшие члены». Думается, что законодательство подразумевает глав корпораций, поскольку, не говоря уже о том, что определение видных членов, по инициативе которых была учреждена монополия, было связано с хлопотами, штраф можно было взимать только с лиц, юридически ответственных за корпорацию, т. е. с руководителей. То, что в конституции говорится о главах, а не о главе корпорации, объясняется тем, что имеется в виду ряд корпораций. Кроме того, конституция носила общемперский характер, а в Константинополе отдельные корпорации возглавлялись несколькими лицами. См., например, *Nov. Just.*, 43, 1, 1 (537 г.).

³⁰ M i c k w i t z, ук. соч., стр. 200.

³¹ См., например, B u c k l e r, *Labor Disputes*.. стр. 42 (ср., однако, о н ж е, *A Trade Union Pact...*, стр. 983 сл.); D ö l g e r, ук. соч., стр. 91. В Sardis, VII, 18 указывается, что корпорация строителей несет ответственность в том случае, если работник, начавший работу или продолживший ее, является членом корпорации («из нас», «наш» — стк. 28, 29, 33, 34, 35; строки восстановлены, но правильность восстановления не вызывает серьезных сомнений). Следовательно, работодатель мог бы нанять и другого работника, не принадлежавшего к корпорации. Правда, ему было выгоднее иметь дело с ее членом. Исключительное право заниматься той или иной профессией было предоставлено в порядке привилегии только некоторым корпорациям. См. W a l t z i n g, ук. соч., стр. 425—427.

чумы 542 г.³². Г. Миквиц³³ считает, что эта новелла указывает на поворот в политике правительства, а именно свидетельствует о том, что «под давлением потребителей император был вынужден снова отнять предоставленные льготы» (не устанавливая, однако, твердых цен)³⁴. Но в 122-й новелле, строго наказывавшей как тех, кто требовал, так и тех, кто платил выше обычной цены; нет каких бы то ни было указаний или даже намеков ни на роль корпораций во взвинчивании цен³⁵, ни на отмену ранее предоставленных льгот (ср. Cod. Just., IV, 59). Между тем, если бы корпорации играли важную роль в этом подъеме цен, новелла не смогла бы обойти этот вопрос молчанием. Поэтому, думается, не следует преувеличивать значение корпораций в установлении цен³⁶. Государство, безусловно, могло по своему усмотрению предоставлять монополию, отнимать и контролировать осуществление корпорацией права монополии.

Было бы интересно, конечно, проследить «монопольные тенденции» в деятельности ремесленных корпораций Египта византийского периода. Прокопий Кесарийский (Н. А., XXVI, 14) говорит о монополии, учрежденной в свою пользу августалом Гефестом, но, по-видимому, имелись в виду товары первой необходимости. Что же касается папирологического материала, то даже Г. Миквиц³⁷, тщательно просмотревший все источники в поисках следов монополий, был вынужден прийти к нежелательному для себя выводу о том, что таких данных нет³⁸. В Р. Оху., I, 85 (=Sel. Pap., II, 332) (Окс., 338 г.) и однотипных с ним документах главы ряда корпораций докладывают логисту Оксиринха состояние цен *idia tyrimati*. По общепринятому мнению, это выражение следует переводить «по собственной оценке»³⁹, но это не означает, что

³² О чуме 542 г. см. Stein, ук. соч., стр. 758—761, 841; J. L. Teall, The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330—1025, DOP, XIII (1959), стр. 90, 95.

³³ Mickwitz, ук. соч., стр. 204.

³⁴ Караяннопулос (Karaounopoulos, ук. соч., стр. 220) утверждает, что новелла вводила твердые цены. В действительности же новелла требует только возврата к ценам и заработной плате, соответствующим «древнему обычаю». Ни о каком тарифе цен нет речи в 122-й новелле.

³⁵ Э. Штейн (Stein, ук. соч., стр. 760) правильно подчеркивает, что главной причиной повышения цен было сокращение рабочей силы. П. С. Лейхт (Leicht, ук. соч., стр. 204 — его книга «Corporazioni romane e arte medievali», Torino, 1937 нам недоступна) делает из отсутствия упоминаний корпораций в 122-й новелле вывод, что политика закрепощения начала приходить в упадок во время Юстиниана. О возможности использования в этой связи в качестве доказательства 122-й новеллы см. F. M. De Robertis, Il fenomeno associativo nel mondo romano. Dai collegi della repubblica alle corporazioni del Basso Impero, Napoli, 1955, стр. 233.

³⁶ В Константинополе при приеме и сдаче работы садоводами присутствовали выделенные корпорацией «оценщики», которые, по словам Юстиниана (Nov. Just., 64 (538 г.)), занижали стоимость участка при передаче его садоводу и завышали ее при возврате участка хозяину в шесть и более раз. Но в данном случае потребность в оценщике объясняется спецификой работы. Кроме того, правительство, как показывает новелла, ограничило права корпорации, выделив в дополнение к оценщикам корпорации своих представителей.

³⁷ Mickwitz, ук. соч., стр. 198.

³⁸ В изданном после выхода в свет книги Г. Миквица Р. Mich., V, 245 (=SB, V, 8030) (Тевт., 47 г. н. э.) речь идет действительно об установлении «градации цен» и «распределении рынка» между участниками соглашения. Но мы имеем здесь дело с солью и гипсом, а монополия на соль существовала непрерывно и не была отменена даже постановлением Льва (Cod. Just., IV, 59, 1 — 473 г.). На то, что это единственный известный пример монополии, указывает и К. Прео (Cl. Préaux, Institutions économiques et sociales des villes hellénistiques principalement en Orient, «Recueils de la Société Jean Bodin», VII, 1955, стр. 128).

³⁹ Это выражение встречается и в SB, VI, 9558, 12, и издатель (H. Hunger, Die Logistie — ein liturgisches Amt (Pap. Graec. Vindob. 19799/19800), Ch. E. XXXII,

корпорации сами устанавливали цены⁴⁰. Быть может, логист не имел возможности или не считал нужным лично проверить цены и поручил эту работу главам соответствующих корпораций. Они ее выполняли сами, без участия государственных властей, и поэтому доложили, что цены сообщаются ими «по собственной оценке» и подтвердили правильность сообщаемых ими сведений клятвой. Возможно также, что на основании этих сведений логист (а не корпорации) устанавливал обязательные цены. В любом случае не следует переоценивать значение этих документов. Все они происходят из Оксиринха, датированы одним и тем же днем — 30 атиром. Документов с выражением $\delta\iota\phi\ \tau\iota\mu\acute{\alpha}\tau\alpha\iota$, относящихся к другим городам и другому времени, нет. Единственный близкий по форме и содержанию документ — P. Antin., 38 (301 г.)⁴¹ — не содержит этого выражения. Возможно, что это было временное, к тому же чисто локальное явление. Единственное, что можно в этой связи сказать, заключается в том, что государство использовало корпорации в своей политике контролирования цен.

Правда, Хайхельхайм в рецензии на книгу Г. Миквица⁴² ссылается еще на SB, III, 6266 (=6704) и SEG, VIII, 355. Но SB, III, 6266 относится к зависимой от крупного землевладельца корпорации⁴³ и поэтому не показателен в данном случае, что же касается SEG, VIII, 355, то, не говоря уже о том, что возможность использования этой надписи VI в.⁴⁴ в данной связи весьма ограничена⁴⁵, сам же текст ее, являющийся в очень значительной степени результатом дополнения (восстановления) SB, III, 6978, нельзя считать материалом, позволяющим делать бесспорные выводы.

Как показывает рассмотренный нами материал, преобладавшая в ремесленной среде самостоятельность хозяйственной деятельности не исключала производственные связи между ремесленниками, членами одной и той же корпорации. Общность профессиональных интересов, участие в совместном выполнении заказов, принадлежность к корпорации несомненно способствовали развитию чувства солидарности, объединяли и сплачивали ремесленников в борьбе за свои интересы. Возможно, что ремесленники иногда использовали объединение в корпорации в целях повышения заработной платы, цены за изготавливаемую ими продукцию, однако в дошедшем до нас папирологическом материале пока не удалось обнаружить данных, которые убедительно подтверждали бы наличие так называемых «монополистических тенденций»,

И. Ф. Фихман

1957, стр. 282) полагает, что его следует перевести «под собственную ответственность» ссылаясь как на документы, в которых в таких случаях стоит выражение $\kappa\iota\upsilon\beta\acute{\omega}\nu\phi\ \eta\mu\acute{\iota}\nu\omega\varsigma$, так и на документы, в которых $\kappa\iota\upsilon\beta\acute{\omega}\nu\omega\varsigma$ и $\tau\iota\mu\acute{\alpha}\tau\alpha$ стоят рядом. Поскольку такому сочетанию можно найти и другое объяснение (см. J. J. Rabinowitz, *Miscellanea Papyrologica*, JJP, XI—XII (1958), стр. 167—170), мы, не исключая возможности перевода в P. Оху., I, 85 «под собственную ответственность», оставляем в силе старый перевод «по собственной оценке».

⁴⁰ У. Л. Уэстерман (W. L. Westerman, *Price Controls and Wages. The Age of Diocletian. A Symposium*, N. Y., 1953, стр. 33) полагает, что контроль и право установления цен были переданы государством корпорациям. Но в указанных папирусах идет речь не о ценах на будущий месяц, как думает У. Л. Уэстерман (там же, стр. 32), а о ценах за текущий месяц (P. Оху., I, 85, II, 11—12: $\epsilon\pi\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \delta\epsilon\ \tau\omicron\upsilon\ \mu\eta\acute{\nu}\omicron\varsigma$), по существу за истекший месяц, как верно заметил Э. Зайдль (E. Seidl, *Der Eid im römisch-ägyptischen Provinzialrecht*, II, Münch., 1935, стр. 76), поскольку документ составлен в последний день месяца. Следовательно, корпорация не предписывает цены, а сообщает реально существовавшие на рынке цены.

⁴¹ Об особенностях этого документа, см. R. Rémond, *À propos du papyrus d'Antinoé* № 38, Св. Е., XXXII (1957—), стр. 131, 141.

⁴² JRS, XXVIII (1938), стр. 92.

⁴³ См. Фихман, ук. соч., стр. 24—26.

⁴⁴ Э. Штейн (Stein, ук. соч., стр. 427) датирует ее временем после 538 г.

⁴⁵ Стк. 7—10 разрешают применять труд заключенных (т. е. устраивать конкуренцию ремесленникам) только в случае крайней нужды.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. А. ГВАХАРИЯ, *Словарь-симфония урартского языка*, Изд-во восточной литературы, М., 1963, 499 стр.

Работа В. А. Гвахарии — почти пятисот страниц рукописного текста мелким почерком, воспроизведенных ротационным способом, — представляет собой словарь-конкорданс всех контекстов ко всем урартским памятникам. Это — плод долгого и терпеливого труда. В настоящее время многие урартские тексты еще не поддаются переводу, а переводы уже интерпретированных текстов нуждаются в уточнении. Только сверка всех наличных контекстов и разночтений может позволить установить значение еще не понятых урартских слов и пассажей, а также выяснить точное употребление грамматических форм, без чего невозможны проверка и усовершенствование существующих переводов и толкований. В конкордансе В. А. Гвахарии каждый вариант написания слова в каждой грамматической форме имеет отдельное гнездо, под которым и приводятся все наличные в источниках контексты. Вот почему книга В. А. Гвахарии при нынешнем развитии урартоведения является чрезвычайно нужным и ценным пособием, в значительной мере избавляющим исследователя от необходимости вести собственную словарную картотеку и картотеку грамматических форм. Всем, занимающимся урартоведением, это издание будет очень полезно.

К сожалению, конкорданс В. А. Гвахарии не свободен от недостатков. Весьма неудобна сама система расположения гнезд. Естественно, что для каждого, пользующегося словарем, желательно, чтобы все контексты на одно слово и одну грамматическую форму были собраны в одном месте. Между тем В. А. Гвахария перенял из краткого (а потому более обзорного) глоссария Г. А. Меликишвили к его книге «Урартские клинообразные надписи» (М., 1960) (далее — УКН) неудобный орфографический принцип расположения слов, поэтому одно и то же слово в гетерографическом написании

попадает в первый раздел словаря, а в фонетическом — во второй, причем перекрестных ссылок нет¹; таким образом, из словаря не явствует тождественность слова в обоих написаниях², а ведь во множестве случаев только наличие параллельного написания одного и того же слова в одинаковом контексте в гетерографической форме и в фонетическом облике позволяет установить значение урартского слова, поскольку значение шумерских гетерограмм заранее известно. Но мало того, и фонетическая орфография одного и того же слова в одной и той же грамматической форме обуславливает у В. А. Гвахарии помещение такой формы в разных гнездах, если в этом фонетическом написании имеются разночтения. Например, слово *aluse* «правитель» в форме абсолютного падежа помещается перед этим же словом в форме отложительного падежа (*alusinane*) и другими аналогичными формами, если оно написано *a-lu-si*, но после них, если оно написано *a-lu-ú-si*. Однако же нет никакой необходимости помещать *a-lu-ú-si* и *a-lu-si* со всеми относящимися к ним контекстами в разных гнездах словаря и, главное, в разных местах алфавитного порядка, так как законы клинописной графики заведомо допускают *scriptio defestiva* при наличии *scriptio plena*, и оба написания представляют одну и ту же грамматическую форму. То же касается и разночтений, отличающихся только упот-

¹ Во второй части (фонетические написания) в большинстве случаев, но не всюду, есть отсылки к первой части (гетерографические написания), но обратных отсылок нет.

² В начале книги (стр. 32 сл.) есть список гетерограмм и гетерографических написаний с фонетическими комплексами, но и тут урартские раскрытые чтения не приводятся.

реблением знаков-омофонов. Все словари языков, пользовавшихся клинописью, исходят из этого правила и фиксируют с л о в а и их формы, а не орфографические различия, необходимые и допустимые только при цитировании самих контекстов. В то же время В. А. Гвахария объединяет нередко в одном гнезде разные грамматические формы и даже слова, коль скоро написание их совпадает³.

Гетерограммы, в том числе и шумерские, автор воспроизводит внутри контекстов в их аккадском облике, хотя в начале гнезда для каждого гетерографического написания или детерминатива⁴ он дает и шумерскую транскрипцию, к сожалению, не всегда безошибочно.

Неудобен и ссылочный аппарат. Г. А. Меликишвили, публикуя в транскрипции и переводе все урартские тексты, известные к 1958 г., уже указал для каждой надписи все предшествовавшие издания. Поэтому очевидно, что в конкордансе контекстов вполне достаточно было бы ссылок на номер по УКН; в крайнем случае можно было бы приложить сопоставительную сводку нумераций надписей по различным предшествовавшим изданиям, как это сделано в книге Ф. В. Кешига⁵. Однако В. А. Гвахария, хотя и приводит библиографию надписей (стр. 6 сл.), но дает им собственную нумерацию, не согласованную ни с УКН, ни с НСІ. В самой же книге он и этой своей собственной нумерацией не пользуется, а при к а ж д о м контексте повторяет длинный список ссылок на все существующие издания данной надписи, что увеличивает объем книги во много раз, ничего не давая исследователю, — напротив, это только затрудняет поиски нужной ссылки на последнюю публикацию. При этом в тексте книги В. А. Гвахария явственно сказывается история составления его картотеки. Так, контексты некоторых важных памятников (анналы Сардури II — УКН, 155, Цовинарская-Коллагранская надпись — УКН, 266 и др.), очевидно, расписывались еще до выхода в свет первого издания УКН, поэтому здесь совсем нет ссылок на это авторитетное издание, но лишь на

³ Например, в словах на -а-і-е не различаются формы родительного и дательного падежей; не различаются и графически совпадающие окончания на xi-e, xi-i-e с различным грамматическим значением; глагольная форма ú-li «иди» помещена в одно гнездо с ú-li «другой» и т. п.

⁴ Гетерограммы и детерминативы, как правило, не различаются в словаре. Это отчасти оправдано тем, что без специальной проверки и в самом деле их иногда трудно различать в тексте.

⁵ F. W. Kö nig, Handbuch der chaldischen Inschriften, I—II, Graz, 1955—1957 (далее — НСІ).

старые и в значительной мере устаревшие публикации (для УКН, 155 — на издание М. фон Церетели 20-х гг., для УКН, 266 — на издание И. Фридриха 1937 г. в «Acta Jutlandica»). Для большинства памятников приводятся ссылки на разные издания вплоть до первого издания УКН, но нет ссылок на НСІ и на второе издание УКН, которые, очевидно, попали в руки автора лишь позже; и лишь в немногих случаях встречаются также ссылки на эти последние издания. УИД⁶ использованы лишь в приложениях, где глоссарий к изданным в этой публикации документам дан списком, без контекстов (и с некоторыми описками). Переводы контекстов даются по-русски и по-грузински, а в трудных случаях — на языке соответствующей обработки памятника, например по-немецки.

В своем словаре В. А. Гвахария полностью отказывается от каких-либо собственных толкований урартского текста. Приводя контекст по тому или иному изданию, он в точности воспроизводит транскрипцию соответствующего автора⁷ и сделанный им перевод; если транскрипция данного автора существенно расходится с транскрипцией, данной другим автором, таким образом, что, согласно применяемому В. А. Гвахарией орфографическому принципу, слово должно попасть сообразно разным транскрипциям в разные места словаря, — он во втором случае снова повторяет тот же контекст уже в иной транскрипции, не оговаривая, что он у него уже был написан выше⁸. Все ошибки того или иного издателя текстов педантически воспроизводятся. В то же время отдельные слова почему-то приводятся вообще без контекста⁹ или изредка — с неполным контекстом. Поэтому конкорданс В. А. Гвахарии не всегда освобождает

⁶ И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.—Л., 1963.

⁷ Не делается исключения и для архаичной транскрипции А. Г. Сэйса с е е s вместо š, lu вместо u и т. п. Если из всех издателей урартских текстов только один протранскрибировал гетерограмму для «раба» по-шумерски как ERĒ, а остальные передавали эту гетерограмму в ее аккадском облике как ARDU, то под ERĒ мы найдем только один контекст, а все остальные — под ARDU, и указания на тождественность знака мы в конкордансе нигде не найдем.

⁸ Иной раз даже при идентичном чтении контекста двумя исследователями этот контекст помещается в конкорданс дважды; в частности, в ряде случаев чтения анналов Аргишти I по УКН и по изданию Н. В. Арутюняна (ЭВ, VII) приводится каждое отдельно даже тогда, когда они совпадают.

⁹ См., например, ar-da-i-e, ba-di-ni-e, ba-du-si, bi-di-i-a-di и др.

исследователя от необходимости пользоваться изданиями текстов для проверки — тем более необходимой, что в книге встречаются и описки¹⁰.

Автор конкорданса, сведя воедино все параллельные контексты, имел возможность выявить и устранить погрешности прежних изданий, реконструировать некоторые лакуны, уточнить переводы и т. п. Однако, следуя правилу только прямого воспроизведения уже ранее предложенных чтений, он этой возможностью не воспользовался.

Все недостатки, подобные перечисленным, естественны и обычны в картотеке, составленной для личного пользования¹¹;

¹⁰ Например, слово *šu-ú-i-a* в результате описки (*su-ú-i-a*) попало в словарь между *su-ú-i* и *su-ú-ni* (правильно [*a*]-*su-ú-ni*).

¹¹ В работе такого большого объема, несмотря на тщательность кропотливого труда автора, не могли не вкрасться погрешности. Так, у В. А. Гвахарии немало ошибок в транскрипции гетерограмм, например *šišu* вместо *sisū* «лошадь», *DŪ* вместо *DŪ* «делать», *gābu* вместо *gaḅi* «большой», *uduḡu* вместо *udḡu* «верблюду» (по всей книге). Автор не заметил, что *ARDU* (=ERUM) — то же, что *ERĒ* (так, не *ERĒ!*) «раб», а *GIS.GAG*^{ti} — то же, что *ISU.SIKKĀTI(TI)*^{pl} —

однако, издавая картотеку, следовало бы попытаться их устранить. Тем не менее, даже со всеми недостатками конкорданс В. А. Гвахарии настолько облегчает работу урартолога и сокращает его труд, что каждый, занимающийся урартскими текстами, должен быть горячо благодарен автору.

И. М. Дьяконов

акк. «колышек») (урарт. «стрела, наколечник стрелы») и поместил контексты, в соответствии с транскрипцией разных авторов, в совершенно различных местах своего словаря (*GIS.GAG*^{ti} — к тому же под несуществующим словом *ISU.KAKTI*). Иногда контексты попадают не в то гнездо, например, форма [*ĀLU. Ar-*] *di-ni-ni-i-še* — в гнездо *ĀLU. Ar-di-ni-ni*, форма *AMĒLU-āš-te* — в гнездо *AMĒLU.A.SI*^{pl}, *Ar-gi-iš-ti-ka-i* — в гнездо *Ar-gi-iš-ti-i-še* и др.; имеются нарушения алфавитного порядка, например *ISU.QAŠTU*, попало между *ISU.KARĀNU* и *ISU.KIŠTU*, *al-asu-ú-i-ni-e* (орфографический вариант слова *alsuine*) — между *a-lu-si-e* и *a-lu-si-na-a-ni*, *a-mu-hi* — между *a-nu-ni*, с одной стороны (выше), и *a-nu-li-ni*, с другой (ниже), *ar-ni*, *ar-ni-e*, *ar-ni-e-di-ni-e* — между *ar-a-ni* и *ar-da-i-e* и т. п.

А. Н. ЕГУНОВ, *Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков*, М.—Л., 1964, Изд-во «Наука», 427 стр., тираж 1500 экз. цена 1 р. 64 к.

Книга А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» много шире не только своего заглавия, она не укладывается и в рамки оговоренной автором в предисловии «местами более обширной» темы: «Гомер в русской литературе», понимая под последней литературу художественную. Перед нами исследование о русском Гомере, важная глава из истории национальной культуры, прослеживающая многообразные пути Гомера к русскому читателю, начиная с подстудов к нему (цитирование, на ранних этапах неосознанное и не из первых рук, пересказы содержания и ссылки на отдельные эпизоды «Илиады» и «Одиссеи») и кончая научным прочтением поэм филологами и поэтами, переводами и навеянными творчеством Гомера произведениями русской поэзии (оригинальные стихи Батюшкова, Жуковского, Гнедича и др.). Мы знакомимся с разнообразными формами существования гомеровской темы — от литературного салона, где обсуждались иностранные новинки по гоме-

ристике, до чердачных каморок, в которых переводчиков Гомера продолжала вдохновлять старинная «История о разорении Трои».

Рассмотрение переводов Гомера не изолировано, а на широком фоне научного и поэтического восприятия автора, иными словами, систематическое прослеживание взгляда на Гомера в изучаемый период с учетом западного материала в русской научной литературе не знает предшественников. «Гомер» А. Н. Егунова, таким образом, прокладывает новые пути и несомненно послужит образцом для аналогичных исследований. Новаторство, кроме указанного комплексного подхода к русским воплощениям Гомера, состоит и во введении научно-филологического критерия при оценке переводов, т. е. в определении степени приближения к исторически подлинному Гомеру и в скрупулезных поисках в заведомо третьесортной переводческой продукции материала, поучительного с точки зрения будущего переводческого освоения Гомера.

Разносторонняя эрудиция автора и редкое в наши дни мастерство филологического анализа пленяют читающего и держат его от странички к страничке в состоянии предвкушения дальнейшего: книга настолько свежа и непохожа на обычные литературоведческие исследования, что это вполне естественно — в ней нов материал, новы интерпретации, своеобразна манера изложения.

Прежде чем перейти к поглавному рассмотрению работы, следует сказать, что здесь будет сделана попытка ознакомить с книгой А. Н. Егунова только коротко, не касаясь специальных проблем, близких для русиста (они вне компетенции рецензента) или для переводчика художественной литературы¹.

Хотя работа охватывает столетний промежуток времени, начинающийся переводами Ломоносова (1748 г.) и завершающийся переводами Жуковского, Ордынского и Арсеньева (1849—1853 гг.), глава I открывается доломоновскими отголосками Гомера в древнерусской литературе. Автор воссоздает неожиданную (для неспециалиста во всяком случае) картину: Гомер еще до сознательных попыток передать его средствами своего языка вошел в русский обиход — отраженный в переводной с греческого житийной литературе, в ссылках на его поэмы древнерусских переводчиков и писателей и внецерковным путем в репликах из византийских хроник и через посредство латинской хроники Гвидо де Колумна, впервые переведенной на Руси в XVI в. Эти разделы первой главы — вообще чрезвычайно интересной — содержат два частных открытия, мимо которых нельзя пройти даже в краткой рецензии, подобной настоящей. Речь идет об объяснении гомеровской цитаты (автор бесспорно доказал, что это псевдоцитата) из Ипатьевской летописи (стр. 12—15), вызвавшей целую литературу, но не получившей удовлетворительного истолкования, и комментарий к одному трудному месту Аввакума (стр. 10—11), доказывающий, что протопоп вслед за житием Патрикия Прусского невольно процитировал Гомера.

Заново понятые древнерусские тексты интересны не только в смысле уточнения толкований «Жития» Аввакума и Ипатьевской летописи, хотя это и очень важно, но и с точки зрения более широкой — как образцы филологической работы, восхищающей своим мастерством. Завершается глава анализом цитат из Гомера, переведенных Ломоносовым для своей «Риторики». В этих цитатах автор сумел взглянуть за обусловленным тогда-

шней концепцией Гомера искажением подлинника плодотворные поиски русских адекватов для его передачи и частичный отход от поэтики классицизма.

Глава II убедительно подтверждает авторское положение: «литературно неудачный перевод не прямо пропорционален своему историческому значению». Она заполнена анализом прозаических переводов Кондратовича и Екимова (1758—1778). Оба эти переводчика, далекие от «высокой» литературы с ее представлением о необходимости сгладить грубость и «дикарство» Гомера, создавали свои работы в отрыве от какой бы то ни было теории, руководствуясь исключительно внутренним чутьем. Характерно в этой связи, что труд Кондратовича не был опубликован (он перевел обе поэмы), екимовская «Илиада» была встречена холодно, а «Одиссея» приписана другому лицу. Автор рассматривает переводы Кондратовича, сделанные с латинского языка, в перспективе будущего русского Гомера как интересный опыт передачи на родном языке сложных гомеровских эпитетов.

Дальнейший шаг приближения к Гомеру — перевод Екимова: он отмечен стремлением передать поэтику оригинала; в частности «важность» гомеровской дикции воспроизводится путем введения книжно-славянского языка. А. Н. Егунов показывает, что Гнедич изучал Екимова и многим ему обязан. Последний раздел главы — убедительная атрибуция анонимного прозаического перевода «Одиссеи» Екимову — успех тем больший, что атрибуция редко бывает бесспорной. Глава III знакомит со спорами о Гомере во французской литературе XVII—XVIII вв. и их продолжением в литературе русской и завершается рассмотрением «стихотворной подготовки к передаче Гомера», как это сформулировано в оглавлении, осуществленной Тредьяковским и Сумароковым, и разбором «Илиады» Кострова. Этот первый художественный перевод поэмы был выполнен в духе господствовавшего в то время вкуса, т. е. с тенденцией устранить все не согласующееся с эстетическими представлениями французского классицизма. Глава IV продолжает анализ подготовки подступов к созданию русского заместителя подлинника: останавливается на первом гексаметрическом переводе начальных стихов «Илиады» М. Н. Муравьева, на опыте перевода Карамзина и, наконец, на отрывках из Гомера в периодике начала XIX в. Главы V—VIII посвящены Гнедичу. На основании тщательного изучения переводов Гнедича А. Н. Егунов приходит к двум выводам: 1. Удача перевода Гнедича подготовлена всеми его предшественниками, в опыте которых — безотносительно от его ценности — вылезал его успех. 2. Он, этот успех, — следствие филологического прочтения оригинала и стремления передать

¹ Значению работы А. Н. Егунова для переводчиков и теоретиков переводческого дела посвящена рецензия С. Маркиша «Ученым и переводчикам» («Вопросы литературы», 1964, № 8).

как размер подлинника, так и особенности его поэтики. Эпический язык Гомера переводчик также воспроизводит умелой комбинацией архаизмов, диалектизмов и неологизмов, так что русский читатель Гомера, подобно греческому читателю, держал в руках произведение, написанное в различных лексических ключах.

Исследователь подробно останавливается на оригинальном и переводческом искусстве Гнедича, показывая на сходных вариантах (сколько известно, подобная работа предпринята впервые) его эволюцию от первых опытов до окончательной версии «Илиады». Мы видим, как постепенно и трудно выработывался метод подхода Гнедича к Гомеру, иными словами, как постепенно и трудно создавался первый русский Гомер. Глава IX оценивает современные Гнедичу переводы Гомера, те, что поражали ему, и те, которые исходили из ставших после Гнедича несостоятельными теоретических принципов. Следует сказать, что к известным в этой связи именам А. Н. Егунову благодаря счастливой находке удалось прибавить и неизвестное — Крылова, которому принадлежит перевод отрывка из «Одиссеи». Глава X отведена Жуковскому. Здесь его переводы из «Илиады», «Одиссеи» и дискуссия 40-х годов о Гомере (Белинский, Гоголь и др.). В центре внимания исследователя перевод «Одиссеи». А. Н. Егунов доказывает, что перевод Жуковского в отличие от гнедичевского не основан на историко-филологическом подходе к тексту (дело не единственно в том, что Жуковский перевел с немецкого подстрочника), в результате чего сохраняются лишь сюжет и последовательность эпизодов «Одиссеи»; поэтика Гомера не воспроизводится, а систематически вытесняется личной поэтикой переводчика. Из-за этого «Одиссея» Жуковского, несмотря на то, что создана большим мастером, с точки зрения переводческого искусства — шаг назад сравнительно с «Илиадой» Гнедича. Представление о методе работы Жуковского дает блестящий анализ (стр. 370—371) строчки «Одиссеи»: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос», которая «западает в память всякому читавшему Жуковского, и тем самым считается типично гомеровской». Позволю себе продолжить пространную цитату, так как она — показательный образец работы Жуковского и характерный пример анализа А. Н. Егунова, дающий

представление о подходе исследователя к своему материалу, более убедительный, чем это может сделать передача рецензента. «По-русски при наличии в предложении глагола выражение „с перстами пурпурными“ будет признаком Эос в момент действия глагола (ср. „встала с головной болью“, „пришла с пустыми руками“). Разложение эпитета, грамматически — определения, на грамматическое дополнение делает из постоянного свойства лица или предмета его свойство в данный момент, т. е. персты Эос были пурпурны, когда она встала. Между тем у Гомера „розово-перстая“ служит постоянным эпитетом Эос, потому что она у Гомера всегда „рано-рожденная“, только что рожденная, и ее пальчики розовеют, как у младенцев, тогда как цвет пурпура — красно-фиолетовый, темный, что придавало бы заре зловещий оттенок. Вдобавок слово „пурпур“ рождает у читателя социально-исторические ассоциации, как пышное одеяние власть имущих, а слово „младая“ в русской поэзии применяется преимущественно к девушкам уже „на выданьи“. Таким образом, этот „классический“, всем известный стих Гомера на самом деле целиком принадлежит Жуковскому и может служить примером плохого перевода (не говоря уже о том, что Жуковский опустил здесь и союз „едва“, „чуть только“).

Последние две главы, XI—XII, посвящены концепции Гомера после перевода Жуковского — откликам на его «Одиссею», ряду новых (не интересных принципиально) попыток перевода поэм и, наконец, перспективам современных переводов Гомера.

Обзор книги с остановками только на больших выводах и отдельных попутных открытиях был бы не полон, если б не коснуться вопроса, имеющего специальный интерес для тех, кто занимается античной культурой. Книга А. Н. Егунова, несмотря на то, что автор рассчитывал на читателей, не знакомых с языком подлинника, и только в редчайших случаях цитировал оригинальный текст, позволяет проникнуть в поэтику Гомера подчас глубже, чем это делают литературоведческие работы о греческом Гомере. Классик на примерах трактовки удачных и неудачных русских адекватов гомеровских стихов обогащает свое представление о Гомере как поэте и глубже проникает в особенности его искусства.

С. Б. Полякова

Е. М. ШТАЕРМАН. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., Изд-во «Наука», 1964, тираж 1400 экз., цена 1 р. 22 к.

Рецензируемая работа — единственное монографическое исследование, специально посвященное анализу многочисленных проблем римского классического рабства последних столетий Республики. Может показаться парадоксальным, что вплоть до сего дня в обширной литературе об античном рабстве не было фундаментальных работ как раз об эпохе высшего расцвета римского рабства, которое, по единодушному мнению всех специалистов, считается высшей точкой развития древнего рабства вообще.

Относительная фрагментарность и немногочисленность источников, слабая и односторонняя изученность рабовладельческих отношений этого времени наряду с общепризнанным тезисом об их наивысшем развитии породили ряд умозрительных построений и гипотез, например, о массовых порабощениях, о тысячных толпах рабов, работавших в кандалах, которых не кормили и не одевали, и т. д. Все эти утверждения в силу их кажущейся очевидности не вызывали сомнений и с течением времени превратились в схемы и догмы, ставшие традиционными и как бы доказанными. В XIX в. римское рабство часто рассматривали с «аболиционистской» точки зрения, уделяя основное внимание описанию его ужасов. Рабство много осуждали, но мало объясняли. Морально-публицистический подход приводил к искажению исторической перспективы, к отказу от объективного исследования. Легче было разделить традиционное, казавшееся бесспорным мнение, чем начать сложное и неблагоприятное исследование. К тому же для буржуазного ученого всесторонний анализ римского рабства таил в себе опасность нежелательных выводов о рабовладельческом характере римского общества. Проще было осудить рабство как случайную аномалию в развитии общества или приравнять его к уже известным явлениям, например, к капиталистическим отношениям, американскому плантаторскому рабству.

Эта сложная и запутанная задача, которая осталась не решенной в буржуазной историографии, привлекла внимание ученых, стоящих на позициях материалистического понимания истории. Уже в 30—40-х гг. советские историки исследовали многие важные вопросы античного рабства (классовая борьба рабов, эволюция техники и др.), была разработана концепция рабовладельческой общественно-экономической формации. Однако более глубокую и всестороннюю изучению проблемы мешали вульгарный социологизм и догматизм, подменявший объективное исследование сложной исторической действительности абстрактным теоретизированием.

Велико еще было и влияние морализаторско-публицистических концепций либеральной историографии XIX в.

С середины 50-х гг. интерес к проблемам античного рабства возрождается как в советской, так и в зарубежной историографии. В развернувшейся полемике марксистско-ленинской историографии с буржуазной приняли самое активное участие рядом с советскими историками и ученые братских социалистических стран¹. Монография Е. М. Штаерман появилась в серии «Исследования по истории рабства в античном мире», которая как бы подводит некоторый итог уже выполненным исследованиям и заполняет известные пробелы в существующей литературе.

В рецензируемой монографии исследуется очень широкий круг проблем: источники рабства, рабство в сельском хозяйстве, в ремесле, положение городской фамилии и рабской интеллигенции, вольноотпущеничество, социальное положение рабов и отношение к ним, идеология рабов и классовая борьба. Каждая из этих проблем предполагает целый ряд вопросов, которые либо поставлены автором заново (например, о классовой неоднородности рабов, о роли внутренних источников рабства, об идеологии рабов), либо, известные ранее, решаются свежо и с новой точки зрения.

Коротко концепция автора такова. Эпоха 201—30 гг. до н. э., т. е. от II Пунической войны и до падения Республики была эпохой «максимального расцвета рабовладельческого способа производства, распростиравшегося в последующие столетия по всему Средиземноморью» (реф. соч., стр. 5). Этот расцвет объясняется не серией победоносных войн, а более глубокими причинами: кризисом полисного строя, развитием товарно-денежных отношений, известной демократизацией римского общества и

¹ См., например, D. Tudor, *Istoria sclavajului in Dacia Romana*, Bucuresti, 1957; G. Kehnsherpfer, *Die Stellung der Bibel und der alten christlichen Kirche zur Sklaverei*, Halle, 1957; I. Češká, *Diferenciace otroku v Itálii v prvních dvou stoletích principatu*, Praha — Brno, 1959; F. Gryglewicz, *Niewolnicy w Nowym testamentu*, Lublin, 1961; B. Bolz, *Niewolnicy w pismach Cicerona*, Poznan, 1963; B. Lapićki, *Poglady prawne niewolnikow proletariatusz rzymwskich*, Łódz, 1955; O. Jurwicz, *Niewolnicy w komediach Plauta*, Warszawa, 1958. Над различными аспектами истории рабства работают И. Бижуньска-Маловист, Г. Шрот, Р. Гюнтер и др.

III в. до н. э. и эмансипацией зависимых клиентов и плембеев. Все это расчищало дорогу для проникновения рабства в производство, создавало объективные предпосылки для его развития, которому способствовали победоносные войны, успешные завоевания и эксплуатация провинций. «...Как и во всякой антагонистической формации, победоносные войны и здесь являлись мощным катализатором, ускорившим в стране-победительнице развитие уже формировавшегося в ней способа производства» (там же).

Поэтому старые типы хозяйства — крестьянское, основанное на личном труде, и более или менее крупное, обрабатываемое главным образом зависимыми клиентами — начинают разлагаться, а на первое место выдвигаются новые: средние рабовладельческие виллы, тесно связанные с рынком, преимущественно хозяйства скотоводческие, иппенды, занятые производством специализированных культур: винограда, оливок и других, в то время как в зерновых поместьях традиционные методы эксплуатации оставались более живучими.

Аналогичные процессы происходили в ремесле и строительстве. Существовавшие мелкие мастерские не могли уже удовлетворять возросшие требования потребителей, появляется необходимость в более или менее квалифицированных ремесленниках, которых доставляли эллинистические страны. Оттуда же «поступала и большая, прежде отсутствовавшая группа рабов — людей умственного труда, всевозможных специалистов, от простых писцов до высокообразованных ученых» (стр. 9). Внедрение рабства в производство, в жизнь римского общества привело к перегруппировке классов и сословий и изменению их отношений.

Римский плебс в I в. до н. э. раскололся на несколько групп с различными интересами — сельский плебс, римская армия и городской плебс, которые все ненавидели сенатско-всадническую олигархию. С укреплением рабовладельческих отношений образовалась новая прослойка в лице средних собственников рабовладельческих вилл, выражавшая недовольство слабым сенатским правительством. Провинциальная аристократия требовала изменения социальной политики. Даже сословие рабов не было единым в классовом отношении (см. ниже, стр. 167—168).

В связи с усложнением социальной структуры сложились комплекс противоречий, определивших бурные и острые формы классовой и социальной борьбы последнего века республики. Основной антагонизм — сельских рабов и рабовладельцев — осложнялся противоречиями прочих прослоек с сенатской олигархией. «Начавшиеся как борьба за реставрацию крестьянского поляса эти конфликты переросли в борьбу между связанным с

консервативными как в экономике, так и в политике крупными собственниками сенатом и выразившими более передовые отношения кругами, стремившимися привести в соответствие с этими отношениями политическую надстройку» (стр. 12). Решающее влияние на коренные изменения в экономической, социальной и политической жизни конца Республики оказал, следовательно, генезис рабовладельческих отношений.

Прежде чем приступить к конкретному исследованию этого генезиса автор останавливается на краткой характеристике советской, главным образом, историографии рабства. Е. М. Штаерман внимательно анализирует развитие советской историографии, указывает на те существенные недостатки исследовательской работы (серьезные лакуны, заимствования из концепций буржуазных авторов — в частности М. Вебера и А. Валлона — вульгарный социологизм, иллюстративный подход к источникам), которые часто мешали ее творческому развитию. Это помогает автору выявить подлинные успехи советских ученых разных поколений, достигнутые в ходе преодоления отмеченных недостатков. Автор показывает, как с изживанием вульгарного социологизма и совершенствованием исследовательского метода появляются новые точки зрения, основанные уже на анализе фактического материала, исчезают из исследований необоснованные положения догматического толка. Аргументированная, динамичная критика рисует развитие нашей науки, ее успехи и достижения объективнее и полнее, чем знакомые нам по учебникам и юбилейным изданиям уклончиво-панегрические или чисто библиографические обзоры.

В первой главе исследуются источники рабства. До недавнего времени считалось за аксиому положение о роли войны как важнейшего источника рабства, а переход к внутренним его источникам рассматривался как кризисный момент. Это положение было подвергнуто предварительной критике еще в 1960 г.²

В рецензируемой работе эта критика подкреплена многочисленными аргументами. Основные возражения таковы: войны III—I вв. до н. э. велись не столько ради рабов, сколько ради земель и ценностей, римляне обычно не продавали местное завоеванное население, а военнопленных часто выкупали. Продажа местного населения и военнопленных в рабство рассматривалась Цицероном или Саллюстием не как обычная практика, а как экстраординарная мера наказания или устрашения. Дошедшие до нас цифры говорят, что с 218 по 88 г. до н. э. было продано при максимальном допу-

² Е. М. Штаерман, С. Л. Утченко, О некоторых вопросах истории рабства, ВДИ, 1960, № 4.

ске около 1 млн. человек, т. е. в среднем по 6 тыс. в год, причем множество рабов поглощали государственные рудники, государственное строительство и т. п. «...Следовательно, вряд ли можно говорить о непрерывном массовом поступлении пленных в частные хозяйства» (стр. 43—44). К тому же часть рабов отпускалась на волю: по подсчетам Т. Франка в III в. до н. э. в среднем по 1350 в год, а в I в. до н. э. уже по 16 тыс. в год.

Частные владельцы неохотно покупали военнопленных, предпочитая этим, хорошо помнившим об утерянной свободе, опасным и строптивым рабам послушных доморожденных, привыкших с детства к рабству работников. «Возможно даже, что пленных чаще, чем других рабов, отпускали на волю» (стр. 46).

Однако во время войн римляне отбирали рабов у завоеванного населения, пользуясь беспорядками в ходе войны, порабощали свободных; наконец, войны открывали римским наместникам, публичникам и другим дельцам путь в провинции и зависимые царства, откуда они выкачивали рабов теми или иными, но не военными способами. «...Пополнение рабской силы связано теперь в гораздо большей мере с косвенными результатами войн, отдававших провинции на разграбление римским дельцам» (стр. 49).

Важным источником рабства была работорговля, в частности, торговля с варварами, хотя роль пиратов в ней часто преувеличивают.

Автор уделяет большое внимание кабальному рабству и самовоспроизводству рабского населения. Привлечение относящихся ко II—I вв. до н. э. данных из Дигест, комедий Плавта и Теренция, скрупулезный анализ источников позволили, на наш взгляд, твердо обосновать положение о существовании и известной роли (даже в Италии во II—I вв. до н. э.) кабального рабства, которое, по мнению автора, напоминало аналогичное явление в восточных государствах (стр. 61—62).

Автор особенно настаивает на роли естественного воспроизводства как одного из основных источников рабства в Италии: общепринятая точка зрения о якобы препятствовавшей возвращению рабов их дешевизне несостоятельна, так как средняя стоимость раба была не так уж мала. Рабовладелец заботился о естественном приросте своей фамилии, не меньше чем об увеличении поголовья своего скота (стр. 54). Рабы на виллах обычно жили не в казармах, а в каморках и не были изолированы от рабынь. Автор приводит некоторые данные о воспитании рабов, рожденных в доме рабовладельца, хотя большинство этих данных относятся не к сельским рабам, а к familia urbana.

Хотя Е. М. Штаерман и делает ого-

ворку, что нельзя с полной достоверностью ответить на вопрос, какой источник рабства в Римской республике II—I вв. до н. э. был основным, создается впечатление, что на первое место она все-таки выдвигает роль естественного воспроизводства. «Думается даже, что естественное воспроизводство, за исключением отдельных недолгих периодов массовых распродаж пленных, было основным источником рабства и в Италии и в тех провинциях, откуда рабов импортировали в Рим, и что прирожденный раб был гораздо более типичной фигурой, чем проданный в рабство пленный» (стр. 55).

Центральное место в концепции автора занимает исследование сельского рабства, поскольку сельское хозяйство было ведущей отраслью экономики, а сложившиеся здесь отношения определяли и господствующий способ производства и соответственно классовую структуру общества. Мелкое хозяйство свободных крестьян и зависимых клиентов и колоннов, сидевших на землях более или менее крупных владельцев, хотя и продолжает существовать, но оттесняется на задний план более передовыми рабовладельческими виллами. Рабовладельческие хозяйства особенно бурно развиваются в скотоводстве и в новых (связанных с рынком) отраслях земледелия (виноградарство, маслино-, плодо-, овощеводство и т. д.). Сравнительный анализ трактатов Катона и Варрона показывает, насколько глубоко проник рабский труд в сельскохозяйственное производство I в. до н. э., как упала доля свободного труда.

Дробная специализация рабов на вилле, кооперация и разделение труда, совершенные орудия производства, надзор и поощрение поместной администрации обусловили экономическую выгодность рабовладельческих вилл, а их распространение привело к расцвету итальянского сельского хозяйства во II—I вв. до н. э.

Существовавшие еще крупные хозяйства, земли которых обрабатывались полузависимыми колонами, клиентами и арендаторами, были главным образом связаны с зерновым хозяйством, которое таким образом, видимо, не испытывало на себе последствий того прогресса сельского хозяйства, который затронул преимущественно виноградарство, маслиноводство, скотоводство и т. д. (стр. 68, 78—79, 80, 87).

Подробно рассмотрена проблема латифундий и их роли в развитии сельского хозяйства Италии. Е. М. Штаерман свела воедино разрозненные замечания на этот счет, высказанные в советской литературе в последнее время, и развила стройную и законченную теорию, обосновав ее многими новыми фактами и соображениями. Теперь уже вряд ли можно связывать развитие рабства, про-

песс земельной концентрации в Италии II—I вв. до н. э. с расширением латифундий-плантаций. Придется, очевидно, пересмотреть и взгляд на сущность латифундиального хозяйства как хозяйства плантационного. Автор очень убедительно связывает это устаревшее представление с механическим перенесением на древность порядков американского рабства.

Сильное впечатление производит анализ положения сельскохозяйственных рабов. Автор критикует упрощенные представления о том, что положение рабов становилось тем хуже, чем более возрастало их число, о расточении сил и здоровья раба посредством сокращения его пайка. Однако, хотя рацион рабов был достаточным для восстановления трудоспособности, а их физическое и в какой-то мере моральное состояние составляло предмет заботы хозяев, положение рабов было тяжелым — их держали в строгой изоляции, редко отпускали на свободу, отстраняли от участия в религиозных празднествах, их пекулий был невелик. «Фактор принуждения по отношению к рядовым рабам оставял далеко позади слабые попытки их заинтересовать» (стр. 89). Из всех категорий рабского населения сельские рабы — основные производители в основной отрасли производства — были самым обездоленным, самым эксплуатируемым классом. Существо рабовладельческих отношений проявлялось здесь ярче и полнее, чем где бы то ни было.

В книге Е. М. Штаерман впервые в советской литературе уделено самое пристальное внимание малоизученному вопросу о рабстве в ремесле. В развитии италийского ремесла новый этап, связанный с глубоким проникновением рабовладельческих отношений, начинается с рубежа II—I вв. до н. э., т. е. приблизительно на столетие позже, чем в сельском хозяйстве. Оживление италийского ремесла объясняется ростом богатства и роскоши, притоком квалифицированных ремесленников — рабов и свободных из эллинистических стран, повышением товарности экономики, связанным с ростом городского населения и умножением числа более или менее специализированных вилл (стр. 102). Несвободный труд быстро внедряется в ремесло, которое переживает расцвет в I в. до н. э. — I в. н. э. Основной производственной ячейкой становится мелкая мастерская, где трудилось до нескольких десятков рабов, причем, как и в сельском хозяйстве, во вновь возникающих передовых отраслях ремесла превалирует абсолютно труд рабов, в то время как в исконных традиционных отраслях большую или меньшую роль играет труд свободных (стр. 104).

Впервые в литературе анализируется положение рабов-ремесленников. Они

часто сдавались в наем, работали самостоятельно и пользовались пекулем, в которой могла входить оборудованная мастерская. Т. е. они в отличие от рабов сельских не знали железной дисциплины фамилии. Для раба-ремесленника (даже рядового), работавшего вне повседневного контроля господина, большую роль играла экономическая заинтересованность в результатах своего труда, а не непосредственное принуждение (стр. 108).

Городские рабы не были изолированы ни от других рабов, ни от работавших рядом свободных, входили в разнообразные коллегии, культобы и иные корпорации, занимали там должности магистров и министров, причем господа и даже официальные власти поощряли деятельность коллегий.

Если сельский плебс с презрением относился к сельским рабам, то городской, часто занятый тем же ремесленным трудом, что и рабы, участвовавший в тех же коллегиях, относился к городским рабам более дружелюбно. Мало того, среди городских рабов наметилась определенная дифференциация: выделяется слой рабов зажиточных, ставших владельцами средств производства, и рабов-викариев. Зажиточные рабы со временем становились зажиточными вольноотпущенниками, но и до того они по своему положению стояли ближе к свободным собственникам предприятий, чем к рабам. Остальная же масса рабов-ремесленников сближалась со свободными наемными работниками и мелкими мастерами.

В особые категории рабского населения выделены городская прислуга и рабская интеллигенция, которые часто занимали привилегированное положение и ни по положению, ни по мировоззрению никогда не были близки рядовым трудящимся рабам. Следовательно, неправомерны были бы выводы о положении посредних, сделанные на основании данных о возвышении отдельных образованных рабов (стр. 136).

Исследование вопроса о месте разных категорий рабского населения в производстве и обществе II—I вв. до н. э. приводит автора к новым важным выводам. Если раньше в нашей литературе рабы рассматривались как более или менее однородная по своему положению масса, как более или менее единый класс-сословие³, то Е. М. Штаерман пришла к заключению о несовпадении понятий классов и сословие, если их применять к рабам. Рабы все, конечно, были одним сословием, которое первоначально было и классом — классом производителей ма-

³ В очень общей форме о несовпадении классового и сословного положения разных групп рабов говорит Г. Г. Диллгенский («Проблемы истории рабства на XI Международном конгрессе ист. наук в Стокгольме», ВДИ, 1961, № 2).

териальных благ, лишенных собственности на средства производства и находившихся, как и производимый продукт, в собственности владельцев средств производства. Однако по мере развития ремесла, торговли, товарно-денежных отношений, культуры сословия расслаиваются и сочлены их оказываются в разных классах.

Сельские рабы еще не были затронуты процессом дифференциации. Их классовая и социальная сущность еще совпадали, методом их эксплуатации оставалось внеэкономическое принуждение в его наиболее грубой форме.

В городском ремесле и во внепроизводственных сферах «выделяется слой рабов, которые по своему отношению к средствам производства, месту в процессе производства или иных областях жизни к классу рабов уже причислены быть не могут, хотя они и входили в сословие рабов. Они сближаются со сходными по положению слоями свободных... Именно этих рабов чаще всего отпускали на волю. Но став вольноотпущенниками, они меняли не свою классовую, а лишь свою сословную принадлежность... Поэтому в городах противоречия между рабами и рабовладельцами, а особенно между рабами и свободными, играли меньшую роль, чем противоречия между имущими и неимущими, трудящимися и нетрудящимися. Как всегда, сословные противоречия отходили на задний план по сравнению с классовыми» (стр. 158).

Юридическое положение рабов (и отношение к рабам в римском обществе) также было сложнее и противоречивее, чем иногда думали. Тенденция к полному юридическому и фактическому бесправию всего сильнее влияла на положение сельских рабов, но по отношению к городским иногда нейтрализовалась такими факторами, как дифференциация рабов и появление в их среде привилегированных групп, как политические события, в которые оказывались втянутыми рабы, как пережитки патриархальных традиций, отводивших рабам известное место в жизни фамилии и фамильных культах, в то время как работающие вне фамилии рабы становились как бы частью низших слоев городского плебса, как влияние эллинистических идей, порожденных стремлением затушевать противоречия между рабами и рабовладельцами.

Своеобразие классового и юридического положения разных групп городских рабов «послужило отправной точкой наметившейся при империи тенденции к превращению рабов из подданных только своих владельцев в подданных государства» (стр. 255). Здесь наметились пути, которыми пойдет эволюция положения сельских рабов, основного эксплуатируемого класса, когда спустя

век-полтора появятся впервые признаки грядущего разложения рабовладельческого строя.

Классовая борьба в рабовладельческом обществе один из наиболее исследованных советскими историками вопросов, однако и в этой казалась бы хорошо знакомой области Е. М. Штаерман удалось сказать новое слово. Она не только пополнила наши знания о различных формах классовой борьбы, но и внесла ряд важнейших уточнений в уже разработанную концепцию рабских восстаний. Анализ географии разрозненных выступлений рабов, маршрутов движения восставших, действий Манлия — сообщника Катилины в Этрурии — и других косвенных данных позволил обосновать важный тезис о сельских рабах как основной социальной силе восстаний. Уточнены представления о влиянии восстаний на ход развития рабства, на изменения в хозяйственной жизни, на эволюцию политического устройства римского государства.

Мы воспроизвели здесь очень кратко и кратко наиболее общую концепцию автора, опустив многие важные разделы и экскурсы (о вольноотпущенниках, об идеологии рабов, о культах героев и ларов, о «рабском вопросе» в сочинениях Плавта и Цицерона, о литературном образе «тирана», о роли рабской интеллигенции в создании римской культуры и др.), которые сами по себе являются тонко выполненными исследованиями и вызывают большой интерес.

Рецензируемая работа своим динамичным, подлинно диалектическим отношением к материалу, смелостью и остротой постановки новых проблем будит мысль, выдвигает новые вопросы.

Насколько можно судить по отдельным замечаниям, эпоху расцвета рабовладельческих отношений автор датирует II в. до н. э. — I в. н. э. (стр. 5, 256): положение основного производящего класса — сельских рабов в I в. н. э. оказывается более или менее одинаковым, а основной классовый антагонизм столь же обостренным, как и во II — I вв. до н. э.; развитие сельского хозяйства в целом и ремесла по восходящей линии продолжается и в I в. н. э.

Если развить эти положения, то можно прийти к выводу об одинаковой сущности рабовладельческого способа производства развитого типа с II в. до н. э. — по I в. н. э., а поэтому целесообразнее было бы рассматривать общество II в. до н. э. — I в. н. э. как единое целое. Хронологическое ограничение рамок исследования может породить иллюзию, что эпоха расцвета ограничивается последними столетиями республики, а с установлением империи начинается нисходящая линия движения классического рабства.

Нам представляется, что общеприня-

тая, основанная на политическом принципе периодизация римской истории на республику и империю не соответствует основным этапам социально-экономического развития Рима. При характеристике эволюции рабства подчинение этой внешней схеме мешает исследовательскому процессу. Большинство изменений, которые автор намечает в отношениях рабства в I в. н. э., это выражение его движения по восходящей линии, рассмотрение их в рамках той же работы передало бы динамику всего процесса полнее и объективнее.

Существенной новостью для нашей научной литературы является как уже отмечалось, указание на роль внутреннего воспроизводства рабов внутри фамилии (причем речь идет и о сельских рабах). Автор приводит ряд аргументов, которые заставляют признать, что этот важный источник рабства никак нельзя сбрасывать со счетов. Тезис о войнах как единственном или чуть не единственным источнике рабства убедительно оспорен, что открывает дорогу к более правильному пониманию роли войны в древности.

Тем не менее роль внутреннего воспроизводства в рецензируемой монографии, по нашему мнению, несколько преувеличена, а роль войны соответственно занижена. Аргументация автора, имеет уязвимые места. В цифровые подсчеты проданных пленных, видимо, не попадает множество пленных, захваченных каждым римским легионером и скорее всего не подлежавших продаже⁴. Цицерон, на сочинения которого автор ссылается в подтверждение мысли о редких распродажах пленных, как мы знаем, устраивал такие распродажи и сам (*Ad Att.*, V, 20, 5)⁵.

Умолчание о захвате пленных как одной из целей войны можно объяснить не тем, что такой цели не ставили, а тем, что о ней не говорили: ведь даже самая грабительская война ведется всегда под благовидными предлогами⁶.

Весьма показательно изменение этнического состава рабов в Италии и Сицилии (сирийцы, малоазийцы, германцы,

⁴ Например, Цезарь (*B. C.*, VII, 89) распределил пленных (видимо, 10—20 тыс. галлов) по одному человеку на солдата (см. также VI, 8). Очевидно, подобная практика была традиционной и общераспространенной.

⁵ За три дня распродажи Цицерон выручил 12 млн. сест., хотя, видимо, продавал их недорого (продавались дикие горцы, не обученные каким-либо ремеслам, сразу продавалась огромная масса людей, и торговаться, конечно, не приходилось).

⁶ Полибий, например, признавал полную законность продажи пленных и завоеванных жителей в рабство (II, 58, 10).

галлы, фракийцы, иллирийцы, испанцы) в зависимости от ведшихся войн (см. рец. соч., стр. 62—65).

Правда, эти люди могли стать рабами не в результате пленения, но остается несомненным, что они попали в Италию извне, т. е. источник их рабства внешний, а не внутренний⁷. Веским доказательством точки зрения автора были бы данные о возможностях самопополнения рабского населения на вилле и, в частности, о семейной жизни рабов. Автор склоняется к признанию таких возможностей, приводя некоторые аргументы, но и они, на наш взгляд, ненадежны⁸: примеры выращивания рабов в доме относятся к городским рабам, ссылки на Варрона имеют ограниченную силу, так как имеют в виду поместную администрацию или пастухов, а не основную массу сельских рабов.

Рабы жили не в общей казарме, а в каморках, но не семьями и не особыми хозяйствами, а на казарменном положении, получая ежедневный или ежемесячный паек, по несколько человек на каморку в 6—8 кв. м, планировка и устройство таких каморок исключают возможность семейной жизни рабов. Женщин на сельских виллах было очень мало⁹.

⁷ А. И. Павловская («Полибий о рабстве в III—II вв. до н. э. Война как источник рабства», ВДИ, 1963, № 3) считает, что в конце III—начале II в. до н. э., по данным главным образом Полибия, а также Ливия, «война становится важнейшим (но, конечно, не единственным) источником рабства» (стр. 106).

⁸ Рец. соч., стр. 86: «В прологе комедии Плавта „Касина“, где интрига построена на соперничестве двух рабов, желавших жениться на рабине Касине, автор предвидит, что многие зрители скажут друг другу: „Что же это такое, разве рабы женятся и просят себе жен? Нам тут показывают новшества, не существующие ни у одного племени“. Но Плавт отвечает на подобные недоумения: „Я говорю, что это делается в Греции, Карфагене и даже в нашей земле, в Апулии. И там браки рабов большое дело, даже больше, чем у свободных“ (*Plaut.*, *Cas.*, 67—74). Апулия же, как известно, была страной крупнейших пастбищ». Очевидно, браки рабов в Италии явление чрезвычайное и для основной массы сельских рабов невозможное.

⁹ М. Е. Сергеевко («Помпеи», М.—Л., 1949, стр. 301 сл.), например, насчитывает троих женщин (две работницы и виллика) на 10 мужчин в имении под Воскореале. Правда, описывая виллу в долине Сарно (там же, стр. 306), М. Е. Сергеевко замечает: «Количество работников (на вилле в долине Сарно.— В. К.) исчисляются в 30 человек. Из этого числа значительную часть составляли

Исследование сельских вилл под Помпеями показывает удивительную скудость женских вещей и украшений¹⁰. Поместная администрация: прокуратор, вилик, акторы, магистры, мониторы, эргастурии, эпистаты и другие, видимо, имели семьи, пекулий, соответствующее жилье, но основная масса сельских рабов была лишена этого.

Усиление эксплуатации непосредственного производителя в связи с интенсификацией хозяйства не могло не препятствовать функционированию этого внутреннего источника¹¹. Если раб мог только работать и спать — основное правило Катона, то у раба просто не оставалось времени и возможности для семейной жизни и воспитания детей.

Наконец, воспитание раба в доме должно было обходиться дороже, чем его покупка, даже если и принять несколько завышенную цифру средней стоимости раба в 500 ден.¹² Так, если исходить, например, из сумм, выделявшихся мальчикам-сиротам из алиментарного фонда в конце I в. н. э. (16 сест. в месяц), то на содержание вскормленника (до 20 лет) поступало $16 \times 12 \times 20 = 3840$ сест., или 960 ден. Содержание мальчика-раба, из которого готовили работника, стоило, видимо, не меньше. Однако если хотели воспитать квалифицированного виноградаря, или пахаря, или раба, предназначенного для поместной администрации,

женщины. Разница в размерах комнат, предназначенных для рабов, объясняется, вероятно, тем, что в больших помещениях хозяин селил женатых, а в меньших холостых рабов». Однако на вилле среди находок женские вещи единичны и нет детских, инвентарь рабских каморок почти везде одинаков, т. е. предполагает одинаковый холостой быт, разница в размерах каморок не столь велика. Определение же помещений F как эргастула (M. Della Corte, «Notiz. d. Scavi», XX, 1923) более справедливо.

¹⁰ См. «Notiz. d. Scavi», 1922, стр. 459—479 (сельская половина виллы Агриппы Постума); «Notiz. d. Scavi», 1923, стр. 271—274 (вилла Гранано); Серце и е н к о, Помпеи, стр. 295—302 (вилла под Боскореале).

¹¹ Если выращивание рабов на вилле было одной из важных задач хозяйства, то совершенно не понятно, почему Катон и Варрон совершенно не упоминают о нем. Ведь о брачных отношениях пастухов источники говорят прямо, как о факте обычном, в то время как о взаимоотношениях среди рабов на вилле хранят упорное молчание.

¹² Liv., XXII, 58. Ганнибал, например, при выкупе плененных под Каннами римлян требовал за всадника 500, за пехотинца 300, за раба 100 денариев. Видимо, последние продавались по их цене.

издержки на его воспитание и обучение могли быть не больше его рыночной цены (1500—2000 ден.). Только в редких латифундиях и хозяйствах, мало связанных с рынком, с более или менее ясно выраженным натуральным производством, где степень эксплуатации была меньшей, во всяком случае ограниченной потребностями рабовладельца и его фамилии — сельской и городской, — видимо, создавались возможности для воспроизводства рабов внутри имения. Но таких поместий было мало, они были менее рентабельны и играли второстепенную роль в общей системе производства II в. до н. э. — I в. н. э.

Представляются в основном убедительными выводы Е. М. Штаерман о своеобразии положения рабов-ремесленников, о дифференциации в их среде и особенностях их эксплуатации, эти наблюдения и позволили ей прийти к заключению о классовой неоднородности рабского сословия. Однако в системе аргументации и здесь недостает некоторых звеньев. Исследуются данные не о всех категориях рабов-ремесленников, а лишь о рабах, работавших по найму или в своих мастерских, т. е. вне пределов фамилии господина. Для того чтобы выводы автора были полностью подтверждены, необходим столь же тщательный анализ организации производства в рабских мастерских на вилле или в городе, поставленных, как и сельская фамилия, под столь же строгий контроль своей рабской администрации. Автор признает, что господствующим типом мастерской была мелкая и средняя с персоналом порядка одного-двух десятков рабов, что рабство особенно быстро овладевало новыми и передовыми отраслями ремесла (иначе говоря, основной путь развития италийского ремесла был довольно близок пути развития сельского хозяйства). Хотелось бы знать, не было ли принципиального сходства и нет ли близости между организацией труда на вилле как основной ячейке рабского сельскохозяйственного производства и в официне-мастерской как основной ячейке рабского ремесла.

На некоторых виллах были собственные мастерские. Видимо, работавшие там ремесленники-рабы подначальные виллику или прокуратору, находились в условиях, очень близких остальной сельской фамилии. У рабовладельцев, таким образом, был своего рода опыт организации рабского ремесла по образцу сельских мастерских. Возможно, этот опыт оказался неприемлемым в городских условиях, а рабовладельцы перешли к системе найма или, напротив, к сдаче в наем своих ремесленников, однако, это нужно доказать.

Во всяком случае с точки зрения экономической рентабельности централизованная рабская мастерская с хорошо поставленной системой надзора, преимуще-

ществами специализации и кооперации была столь же целесообразна и эффективна, как и сдача своих ремесленников в наем.

Использование преимуществ специализации и кооперации позволяло при наличии квалифицированных специалистов применять массу, как выражался К. Маркс, необученных рабочих и в ремесленных мастерских. Поэтому нуждается в известном уточнении мысль автора, который говорит, что «грубым принуждением удавалось погнать раба в поле, рудники, на мельницу, но угрозами побоев и колодок его нельзя было принудить вырезать изящную гемму, расписать сосуд, вышить золотом плащ, выковать тончайшие хирургические инструменты» (стр. 108).

Видимо, расписывали сосуды, вышивали плащи и выполняли другую тонкую работу высококвалифицированные специалисты и даже свободные, но добывали и готовили глину, металл, ткани, топили печи рабы, гораздо менее квалифицированные, которых можно было заставить сделать это и принуждением. Любопытной иллюстрацией широкого использования малоквалифицированного рабского труда может служить изобретение во II в. до н. э. и внедрение в строительство в I в. до н. э. нового материала — бетона. Теперь (в отличие от греческой кладки, требующей тщательной отески и пригонки квадров и соответственно высокой квалификации строителей) немногие квалифицированные мастера тщательно выравнивали углы и легкий панцирь, в то время как пространство между панцирями заполняли бетоном неквалифицированные рабочие¹³. Римское строительство — одна из самых новых и передовых отраслей рабовладельческого производства, и хотелось бы, чтобы его исследованию было уделено несколько большее внимание. Можно думать, что и среди ремесленного рабского населения существовала значительная прослойка, по классовому положению и способу

эксплуатации весьма близкая сельским рабам.

Автор исследует римское классическое рабство II—I вв. до н. э. главным образом с классово-социальной точки зрения, анализируя положение различных групп рабов в обществе, отношение к ним, идеологию, классовую борьбу и т. д. Несколько слабее исследованы в книге экономические аспекты рабства: назовем, например, проблемы натурального и товарного производства и их соотношения, производительности труда и ее эволюции, возрастания эксплуатации и интенсификации труда, рентабельности рабского труда и ее границ, технического прогресса при развитии рабства, анализ системы внеэкономического принуждения и элементов экономической заинтересованности, проблему кооперации и специализации в процессе производства. В рецензируемой монографии разбросаны очень верные и глубокие замечания, касающиеся этих вопросов анализа рабовладельческого способа производства, однако хотелось бы их обстоятельного рассмотрения. Ведь как раз в исследуемую эпоху особенности рабовладельческой экономики развились в полную силу.

Последнее пожелание, возможно, преждевременно — Е. М. Штаерман сейчас работает над монографией о рабстве императорского времени, продолжающей анализ поднятых проблем и, видимо, будет исследовать их столь же тщательно и плодотворно. А ведь именно в I в. н. э. рабовладельческий способ производства достиг наибольшей законченности и зрелости.

Основные наши замечания и соображения отражают главным образом то, чего в книге нет, и, следовательно, имеют ограниченную силу. С другой стороны, нам хотелось показать, что рецензируемая работа является крупным вкладом в советскую историографию античности. Наше знание римского рабовладельческого общества обогатилось, оно стало полнее, глубже, адекватнее. В исследованиях римского рабства работа Е. М. Штаерман знаменует начало нового, более высокого этапа.

В. И. Кузицин

¹³ Vitg., книга II, ср. О. Ш у а з и, Строительное искусство древних римлян, М., 1938.

A. SWIDEREK, *W «panstwie» Apolloniosa, Spoleczenstwo wczesnoptolemiejskie w swietle Archiwum Zenona*, Warszawa, 1959, 448 стр.

Найденный в 1914 г. архив Зенона по-прежнему интересует ученых¹. Ведь не все вопросы, возникшие благодаря находке, можно считать уже решенными². Хотя работ об архиве Зенона много, до сих пор не было написанного на основании его материалов обобщающего труда по истории греко-египетского общества второй половины III в. до н. э. Восполнить пробел и взялась польская исследовательница А. Свидадек³. Книга построена удачно. После небольшого предисловия следует глава, посвященная значению архива Зенона как исторического источника (стр. 11—27). В двух главах (стр. 27—88) показаны исторические и географические условия, в которых жили и трудились люди, известные нам по архиву Зенона: особое внимание обращено на связи Фаюма с остальными частями Египта, главным образом с Александрией. В четвертой главе (стр. 88—183) рассматривается социальный состав населения Фаюма, а из последних двух глав (стр. 184—305) мы узнаем о взаимоотношениях и взаимовлиянии двух сред греческой и египетской. К книге приложены резюме на французском языке, указатели (источников, имен) и обширные примечания, куда вынесено рассмотрение

всех спорных вопросов и обзор связанной с ними литературы.

Автор, конечно, вправе ограничить интересующий его материал территориально, однако утверждение, что филиладельфийская *δωρεά* с ее центром — Филадельфией является как бы миниатюрой всего Египта, нуждается в уточнении — Фаюм имел свою специфику, сделанные здесь наблюдения не всегда можно распространять на весь Египет.

Первая глава «Архив Зенона и его значение для истории греко-египетского общества», как говорилось, рассматривает круг проблем, связанных с находкой этого собрания документов. Автора интересует личность Птолемея Филадельфа, равным образом как и его приближенного Аполлония, с которым в свою очередь был связан Зенон. А. Свидадек делит документы архива Зенона (в зависимости от его отношений с Аполлоном) на четыре периода: 1) 261—259 гг. до н. э. — касающиеся интересов Аполлония в области внешней торговли; 2) 258—257 гг. до н. э. — время пребывания Зенона на посту личного секретаря Аполлония; 3) 256 — около 246 гг. — Зенон — руководитель филиладельфийской *δωρεά* Аполлония; 4) после 246 г. до н. э. — Зенон — частное лицо.

Трудно согласиться, однако, с идеализацией правления Филадельфа, которую мы находим в книге (стр. 16). Можно ли говорить о Филадельфе как о «великодушном властителе», «новаторе», «человеке, умеющем выскнуть в мельчайшие подробности своих планов», «хорошем организаторе»? Подобная оценка базируется, очевидно, на заведомо тенденциозных свидетельствах придворных поэтов типа Каллимаха и Феокрита. А. Свидадек ссылается также на известное место из первого мимиямба Герода о «благом владыке», но забывает, что в шестом мимиямбе есть намек на тяжесть птолемеевской податной системы. Да и сама похвала Птолемею вложена в уста своднице.

С архивом Зенона связан ряд других частных вопросов. Например, — о личностях самого Зенона и Аполлония-диойкета.

Какова была, скажем, судьба Аполлония после смерти Филадельфа? Его блестящая карьера окончилась в первые годы правления Эвергета, но когда и как это произошло, установить трудно. А. Свидадек цитирует в этой связи некоторые из лондонских папирусов. Так, в P. Lond., inv. 2087 речь идет, возможно, о конфискации дома Аполлония в Александрии (стр. 20). Можно только пожалеть, что автор ограничивается короткой выдержкой из этого документа. Говоря о

¹ Об этом свидетельствуют работы опубликованные после выхода рецензируемой книги: E. van't Dack, Une lettre d'Onnophris a Zenon, «Chronique d'Egypte», 36 (1961), стр. 179—186; H. G. Gundel, Verlorene Papyri Iandanae, «Aegyptus», 41 (1961), стр. 6—16 (интересное сообщение о сохранившихся копиях утраченного собрания фрагментов из папирусного архива Зенона). Ф. Юбель (F. Uebel, AfP, 17, 1962, стр. 157—158) считает, что Pap. inv. Iand. 364 можно дополнить на основании PCZ, 59429, 1—11.

² Ср. Zaki Aliy, New Date from the Zenon Papyri, «Études de Papyrologie», 8 (1957), стр. 147—162.

³ Появлению книги А. Свидадек предшествовали многочисленные статьи, включенные в нее без существенных изменений: «La société indigne en Egypte au IIIe siècle av. n. e. d'après les archives de Zenon» (JJP, VII—VIII, 1953—1954, стр. 231—284); «La société grecque en Egypte au IIIe siècle av. n. e. d'après les archives de Zenon: Sources des revenus privés de Zenon et de son entourage grec» (JJP, IX—X, 1955—1956, стр. 365—400), «Zenon fils d'Agreophon de Caunos et sa famille» («Eos», 48, 1957, 2 стр. 133—141); «A la cour Alexandrine d'Apollonios le Dioicete. Notes ptophographiques» («Eos», 50, 1960, стр. 81).

падении Аполлония, автор не входит в область фантастических предположений⁴; однако догадка о карийском происхождении самого Аполлония кажется недостаточно аргументированной. Наличие в его окружении какого-то числа выходцев из Карии или близких к ней городов Азии еще этого не доказывает. Было бы более естественно связывать это с происхождением из Кавна самого Зенона, который покровительствовал своим землякам при дворе всемогущего диоикета.

Неубедительны и некоторые другие утверждения автора. Так, на стр. 23 читаем: «Много документов показывают нам его (Аполлония. — А. С.) как религиозного человека». Автор отсылает читателя (в сноске 35) к стр. 260—261, но там тщательно разобран лишь PCZ, 59034, содержащий обращенное к Аполлонию прошение о помощи в строительстве храма Сараписа, официального божества, культ которого был учрежден Птолемеем⁵. Этот документ вполне соответствует пропагандистским тенденциям религиозной политики первых Птолемеев, но ничего не говорит о религиозных чувствах Аполлония, как, равным образом, и то обстоятельство, что он принимает активное участие в официальных праздниках, связанных с культом царской семьи (Βασιλεία, Ἀρσιβεία). Мало что прибавляют к этому и PMZ, 31 и P. Cogn., 1. Аполлоний ревностно проводит религиозную политику Филадельфа, но о его религиозности мы вряд ли что-либо можем сказать, тем более, что, как известно, в сфере религии в эпоху эллинизма происходят глубокие изменения. В древних богов верует «деревня», но образованная часть общества относится к народной религии с иронической усмешкой, и это отражено как в гимнах Каллимаха, так и в идиллиях Феокрита. Не религия, а философия становится прибежищем интеллигентных кругов в бурную эллинистическую эпоху. Выполнение религиозных обрядов — скорее формальность, чем проявление веры в богов. Конечно, правящие классы поддерживают старые

религиозные культы и вводят новые (культ Сараписа), но руководствуются при этом политическими мотивами.

Во второй главе «Фаюм и Филадельфия» автор занимается вопросом об официальном положении Зенона в Филадельфии. Но этим, естественно, не ограничивается ее содержание. А. Свидерек рассматривает здесь вопросы, возникшие с открытием греческого Фаюма, дает краткий очерк истории филадельфийской *δωρεά* Аполлония, ее связи с мемфисской. Внимание автора привлекает также топография имения Аполлония в Фаюме, происхождение населения *δωρεά*. Говоря о должностном положении Зенона, исследовательница считает, что он был лишь неофициальным эпислатом усадьбы Аполлония. Действительно, в обращениях он нигде не назван эпислатом. Сам Зенон пишет о себе PCZ, 59832: *ἐπιστάτης τῆς ἐν Φιλαδελφείᾳ δωρεᾶς*, но в письме, написанном после падения Аполлония, это можно объяснить и стремлением подчеркнуть те функции, которые он выполнял фактически, тем более, что после конфискации усадьбы Евклея носит то же звание⁶. Может быть, Зенон хочет выражением *ἐπιστάτης* отметить то, что он и Евклея равны друг другу. Ведь он был эпислатом прежде, а тот является им теперь. Следовательно, Зенон либо был эпислатом, либо выполнял его функции. Кстати, цитированное письмо — фрагмент прошения Зенона. К тому же, сравнив функции, выполнявшие Зенон в усадьбе, с функциями эпислата⁷, можно увидеть поразительные совпадения⁸.

В третьей главе А. Свидерек рассматривает отношения между Филадельфией и Александрией. Она считает, что Александрия очень скоро стала предметом ненависти бедняков (стр. 58) и в подтверждение ссылается на комментарий Лобеля⁹ к новонайденным фрагментам «Пророчества горшечника». Это в данном случае вряд ли убедительно. Согласно Лобелю, в конце IV или в III в. до н. э. был выполнен греческий перевод египетского текста «Пророчества» или переписан ранее существовавший перевод, позднее переделанный применительно к обстоятельствам. В нем найдя выражение ненависти не только египтян, но также бед-

⁴ C. C. Edgar, *Zenon Papyri in the University of Michigan Collection*, «University of Michigan Studies», Human Series, XXIV (1931), стр. 6—7; M. Rostovtzeff, *A Large Estate in Egypt in the III Century B. C.*, «University of Wisconsin Studies of the Social Sciences and History», № 6, Madison, 1922, стр. 20; ср. H. I. Bell, «Edinburgh Review», 243 (1926), стр. 37.

⁵ То, что культ Сараписа был утвержден Сотером (а не Филадельфом, как можно бы полагать на основании сообщения Григория Синкелла), убедительно доказано в исследовании В. В. Струве «Манефон и его время» («Зап. Коллегии востоковедов», III, вып. 1, 1928).

⁶ PCZ, 59366, где Евклея назван *ἐπιστάτης τῶν κατὰ Φιλαδελφείαν* (но не *ἐπιστάτης τῆς κώμης*).

⁷ Тщательно рассмотрены в работе: E. Lavigne, *De Epistates van het dorp in Ptolemaeisch Egypte*, Louvain, 1945.

⁸ О функциях Зенона как функций эпислата см. также: W. P. Reiman — E. Van't Dack, *Prosopographia ptolemaica*, I, 1950, № 666; ср. Edgar, *ук. соч.*, стр. 6—7.

⁹ The Oxyrhynchus Papyri, vol. XXII, стр. 93.

нейших греков и прослойки греко-египтян к правящему классу греков и к их центру — Александрии. С этим трудно согласиться. Основание Александрии и ее расцвет при первых Птолемах не могли быть отражены в египетском варианте «Пророчества», возникшем гораздо раньше. Поэтому выражение *παραδάσσιος πόλις*, с которым мы встречаемся в тексте «Пророчества», появившись в нем, по всей вероятности, не раньше II в. до н. э. Как свидетельствуют материалы архива Зенона, беднейшее население усматривало причину своих бед в злоупотреблениях местной администрации, в то время как Аполлоний (не говоря уже о царе) представлялся едва ли не богом, который несомненно устранил всяческую несправедливость. Правда, от писем к «сильным мира сего» и нельзя ожидать иного тона, однако и другие источники не меняют этого впечатления. Так, на одной из найденных в Филадельфии стел мы видим рельеф Анубиса и рядом две надписи — иероглифическую и греческую, — из которых узнаем, что стелу поставил царь Пасос и молится он об Аполлонии и Зеноне (SGU, № 5796). Место находки, датировка ее, упоминание рядом обоих имен позволяет думать об отождествлении их с Аполлонием-диойкетом и известным нам Зеноном¹⁰. Наконец, против мнения А. Свидерек, следующей Лобелю, говорит и сам текст пророчества, где в сохранившейся части не только нет речи о солидарности бедных греков с египтянами, но чувствуется глубокая ненависть к грекам вообще. Там (стб. II) читаем: *οὐκ ἦν ἡμέτερος ὁ δε τὰ πεινήχοντα πέντε ἔτη, ἡμέτερος ὑπάρχων τοῖς Ἑλλησι τὰ κακά...* Дальше текст испорчен, но из сохранившегося отрывка можно сделать интересные выводы. Союз *ὁ δε* — царный, и поэтому в несохранившейся части, как можно полагать на основании сохранившегося отрывка, должно было стоять *ὁ μὲν*... Видимо, речь шла о двух правителях, из которых один не был египтянином, а другой (египтянин) должен был принести беды грекам. К тому же автор пытается применить данные пророчества, датируемого III в. н. э. (и, несомненно, подвергавшегося переработке), к обстоятельствам III в. до н. э.

Гораздо более плодотворны наблюдения и выводы автора об отражении политической истории в архиве Зенона. Очень возможно, что письмо Аполлония к Зенону о приеме послов Перисада и Феоров из Аргоса¹¹ дает материал для датировки окончания II Сирийской

войны¹². Живо нарисованы автором картины жизни царского двора и двора Аполлония. Однако толкование, которое автор дает PSI, 340, вызывает возражения. Речь в этом документе идет об открытии палестры, которое могло бы вызвать недовольство самого царя, а на автора письма бросить какое-то тяжелое обвинение. Во всем виноват некий Метродор, представивший при дворе дело в невыгодном для автора письма свете¹³. К Аполлонию автор письма¹⁴ обратиться не может, так как тот уже длительное время путешествует по Египту. Если же палестра будет открыта, сказано в письме, наибольшее подозрение падет на меня, так как я люблю молодых людей (*ὁ τι φίλονος σίμλ*). Подозрение могло бы пасть и на некоего Аминта, но тот уже имеет жену и ребенка. В случае отрицательного решения его дела автору письма пришлось бы оставить дом диойкета. Заключительное упоминание о том, что нужно послать продовольствие, деньги и одежду, указывает на профессию автору письма. Он один из многочисленных в то время *παιδοτρίβα*.

А. Свидерек, признавая, что оригинал не столь однозначен, как могло бы показаться, пытается найти интерпретацию документа (хотя и говорит только о ее правдоподобии), которая не заставила бы усомниться в добродетели автора письма. По ее мнению, слово *φίλονος* подчеркивает лишь, что автор письма, подготавливающий молодежь к состязаниям, любит свою работу. Зенон, действительно, очень интересовался подготовкой юношей к состязаниям, поскольку, как можно думать на основании PCZ, 59060¹⁵, победа на состязаниях присуждалась тому, кто нес затраты на подготовку победителя. Однако связывать это с предлагаемым толкованием

¹² Cp. W. O t t o, Beiträge zur Seleukidengeschichte des 3. Jahrhunderts, «Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss., Philos.-philol. und hist. Kl.», 34, 1928, стр. 43—44.

¹³ Возможно, его следует отождествлять с Метродором, известным нам по PCZ, 59820, 59821, 59214, 59218, 59337, 59063, 59064, 59065; PSI, 633; P. Col. Z., 58.

¹⁴ А. Свидерек (стр. 75) отождествляет его с Гиероклом, известным нам по PSI, 340. К тому же этот факт А. Свидерек (стр. 247) принимает только как правдоподобный. Палестрой занимаются, кроме Гиерокла, Птолемея и Парамона.

¹⁵ *σὺν θεοῖς ἐπιζῶ σε στεφανωθήσῃσαι*. Cp. PCZ, 59061, 59068.

¹⁰ Известно, правда, что у Зенона был брат Аполлоний (PCZ, 59576), но если бы в надписи имелся в виду он, а не диойкет, то более уместным было бы упомянуть на первом месте Зенона.

¹¹ «Symbolae Osloenses», 5 (1925), стр. 4.

слова *φύλακες* нет никаких оснований. Ссылка на РМЗ, 77, где какой-то Аполлоний¹⁶ пишет Зенону о присланном ему мальчике, вряд ли доказывает мысль А. Свидерек. И, что, пожалуй, самое главное, интерпретация А. Свидерек не дает возможности понять текст. Почему же все-таки открытие палестры вызовет недовольство царя? Почему в том, что на Аминта не падает обвинение, столь большую роль играет наличие у него жены и ребенка? Очевидно, объяснение этого следует искать в ином понимании слова *φύλακος*.

Следующий раздел книги озаглавлен «Социальный состав населения Фаюма». Автора занимает ряд вопросов, среди которых: соотношение свободного общества и рабов, взаимоотношения между различными профессиональными и этническими группировками. Автор не соглашается ни с точкой зрения Бикермана¹⁷, согласно которой в Египте привилегированное положение занимали исключительно профессиональные группировки, ни с точкой зрения Эртеля¹⁸, по которой преимущество имели греки как «правящая нация» (*Herrenvolk*). А. Свидерек отмечает (стр. 90), что в обществе того времени существовали две тенденции: одна — противопоставляющая пришельцев (греков) туземному населению, другая — объединяющая народности в общей ненависти бедных к богатым. По ее мнению, ни та, ни другая в III в. до н. э. еще не победила, а в сознании обыкновенного человека они были неразделимы.

Свободное население автор делит на следующие три группы: самых бедных, каковыми, по ее мнению, были египтяне; со средним достатком (мелкие чиновники, клеруки, часть жречества); богатых (высокопоставленные чиновники, жрецы, царь и его двор — почти без исключения греки и македоняне). В этом схематическом разделении, конечно, нетрудно найти неточности. Так, из беднейшего слоя автор исключает греков, а из высшего — египтян. Еще больше возражений вызывает трактовка автором проблемы рабства и места рабов в экономической жизни эллинистического Египта. А. Свидерек, очень хорошо владеющая материалом, оказывается недостаточно самостоятельной в этом вопросе и следует

¹⁶ В письме много литературных реминисценций, что, однако, не дает возможности отождествлять автора с одноименным поэтом.

¹⁷ E. Bickermann, *Der Heimatsvermerk und die staatsrechtliche Stellung der Hellenen im ptolemaischen Ägypte*, *AfP*, 7 (1924), стр. 226—239.

¹⁸ F. Oertel, *Der Niedergang der hellenistischen Kultur im Ägypten*, *«Neue Heidelberger Jahrbücher für das klassische Altertum»*, 45 (1924), стр. 365.

М. И. Ростовцеву и К. Прео, чьи взгляды критиковались в советской науке. Правда, этот вопрос очень сложен. Полагают, что рабство играло в хозяйственной жизни птолемеевского Египта намного меньшую роль, чем в остальных эллинистических государствах¹⁹. Это не означает, что мы должны ослаблять наш интерес к изучению этого предмета. В. В. Струве (ук. соч., стр. 81) отмечает, что мы не имеем достаточного материала для выяснения общего количества рабов, но подобных данных у нас нет и для других обществ античного мира. Не следует преувеличивать число рабов даже в тех античных обществах, которые мы рассматриваем как высокоаризмичные рабовладельческие. Согласно Платону, наличие 50 рабов в руках одного человека свидетельствовало о большом богатстве. Поэтому и 16 рабов, которыми владеет зажиточный воин птолемеевской армии Лептин²⁰, — число отнюдь не малое. В свете этого число рабов в хозяйстве Аполлония — 30 (как полагает Вестерман) или 40 (по подсчетам Ростовцева) — тоже довольно значительное. Показательно, что среди разных категорий людей, работавших в имении Аполлония, отдельные группы работников, весьма вероятно, занимали почти такое же (или такое же) положение, как и рабы²¹. Так, среди категорий «наемные рабочие», которая широко применяется западными исследователями, в частности и К. Прео, мы встречаемся с людьми, названными *γερουχοί μισθοιοί* (P. Hamb., 27)²², кото-

¹⁹ Так полагал еще У. Вилькен (U. Wilcken, *Ostraka aus Ägypten und Nubien*, B.—Lpz., 1899, стр. 681 сл.). Из новых работ см. I. Biezunskaja — Malowist, *Zagadnienia niewolnictwa w okresie hellenistycznym*, Warszawa, 1949, стр. 44; W. L. Westermann, *The Slave System of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955, стр. 46—47; К. К. Зельин, *Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э.*, М., 1960 (о рабстве в эллинистическом Египте вообще см. стр. 104—160); В. В. Струве, *Общественный строй эллинистического Египта*, «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 67—95 (особенно стр. 81—92, в ряде случаев автор возражает К. К. Зельину).

²⁰ U. Wilcken, *Chrestomatie der Papyruskunden*, B.—Lpz., 1912, № 199.

²¹ Ср. L. Westermann, *Enslaved Persons, Who Are Free*, *American Journal of Philology*, 59 (1938), стр. 9.

²² Иногда, когда работа *γερουχοί μισθοιοί* продолжалась у конкретного лица длительное время, они, подобно постоянным рабам, входили в состав семьи. См. О. О. Крюгер, *Сельское хозяйство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры*, ИГАИМК, № 108,

рых И. Д. Амусин²³ не без оснований сопоставляет с позднейшими *δοῦλοι μισθοί*. Он пишет (возражая К. Прео): Сам факт получения жалования в античном рабовладельческом обществе отнюдь не может служить единственным признаком для отнесения получающих это жалование к категории вольнонаемных рабочих... необходимо установить отношение данной категории работников к средствам производства и характер эксплуатации рабочей силы». Это следует иметь в виду и тогда, когда приходится говорить о разных названиях рабов в архиве Зенона. Вместо часто употреблявшихся в классический период *δοῦλος* и *ἀνδράποδος* для названия рабов мы встречаем: *σφύρατα*, *παῖδες*, *παῖδάρια*, *παῖδικαί*. Утверждение, что эти названия употреблялись без различия как для вольнонаемных рабочих, так и для рабов (стр. 94) не представляется бесспорным. В списке на стр. 338 автор касается только названия *παῖδες* в архиве Зенона и приходит к выводу, что мы не в состоянии различить среди них свободных и рабов. *Παῖς* собственно означает «мальчик»²⁴. Автор так аргументирует свою точку зрения. В PCZ, 59378 Феон противопоставлен *παῖδάρια*, в данном случае, несомненно, рабам²⁵. Он же в P. Col. Z., 75 назван вместе с *παῖδες*, которые получают небольшое денежное вознаграждение. Упомянутый здесь же Евтих назван в PCZ, 59782 *ὁ παρὰ Ζήνωνος*. Однако противопоставление *παῖδες* и *παῖδάρια* может быть вполне закономерно, даже если обе эти категории были рабами, но разного возраста. Того, что *παῖδες* получают какие-то деньги, еще недостаточно, чтобы считать их свободными. 10 оболов в месяц — сумма столь незначительная, что трудно говорить о ней как о вознаграждении за работу²⁶. Видимо, *παῖδες* по материальному положению действительно приближались к рабам, и когда А. Свидерек

1935, стр. 64; 82; Струве, Общественный строй..., стр. 82; ср. Зельин, ук. соч., стр. 128—129 (полемика с О. О. Крюгером).

²³ И. Д. Амусин, Новые работы по истории греко-римского Египта, ВДИ, 1950, № 4, стр. 127.

²⁴ Ср. в англ. языке значение слова «воу».

²⁵ В. В. Струве (Общественный строй..., стр. 81, прим. 88) пишет: «Во всех случаях, когда упоминаются лишь *παῖδάρια*, я их без сомнения причисляю к рабам, ибо невозможно предположить, чтобы трудоемкие работы выполнялись одними подростками».

²⁶ Свободные рабочие, прибывающие в Филадельфию, возможно, по приглашению Зенона, требуют, чтобы им платили так: мужчинам 1,5 обода и женщинам 0,5 обода за каждый день работы (PSI, 599).

(стр. 107) пишет, что *παῖδες* в большинстве случаев, если не во всех, свободные люди (стр. 107), с ней трудно согласиться. С другой стороны, она, пожалуй, права, считая, что название *παῖδες* указывает на тесную связь этих людей с домом Зенона.

А. Свидерек, хорошо знающая литературу вопроса, к сожалению, не обратила внимание на исследование И. Д. Амусина²⁷, где на материале Септуагинты убедительно показано, что слова *δοῦλος* и *δοῦλη* обозначают общее понятие рабства, тогда как *παῖς* и *παῖδική* показывают конкретное состояние трудового рабства у определенного хозяина. Наличие в Септуагинте ряда греческих адекватов библейских терминов свидетельствует о большой развитости и разработанности греческой терминологии для рабов в Египте. Жаль, что выводы И. Д. Амусина до сих пор не проверены на богатейшем материале папирусов. Трактовка вопроса о рабстве в книге А. Свидерек свидетельствует о том, что изучение проблемы рабства, различных степеней зависимости, ведущих к фактически рабскому положению — одна из наиболее актуальных задач нашей науки. Автор излагает фактический материал, удачно группируя его, но не выдвигает никаких принципиально новых положений. А. Свидерек очень тщательно рассматривает данные о каждом человеке, с которым мы встречаемся в архиве Зенона. Особенно хорошо это видно в разделе «Греки в Фаюме». Ее интересуют не только греки из окружения Зенона, но и все прибывшие в Египет люди, о которых упоминается в рассматриваемых документах. Исследуя источники доходов Зенона, автор справедливо отмечает большое значение документов, написанных после падения Аполлония-диойкега.

Внимание автора привлекает также будничная жизнь греков, интересы людей того времени, их взаимоотношения между собой. Хотя семейная жизнь не занимает в архиве Зенона слишком много места, А. Свидерек, возможно, права, говоря о Клеоне (PCZ, 59457; PSI, 528) как о сыне Зенона. Сохранившиеся письма показывают нам людей того времени, занятых своими повседневными делами, их культурный уровень. Сам Зенон, Аминт, Платон пишут на очень хорошем греческом языке, в то время как в письмах подчиненных Зенона мы встречаем много ошибок против нормативной грамматики и орфографии²⁸. Среди различных хозяйственных доку-

²⁷ И. Д. Амусин, Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте по данным Септуагинты, ВДИ, 1952, № 3, стр. 46—67.

²⁸ Именно эти ошибки для нас особенно интересны как материал по истории греческого языка в его развитии.

ментов, мы находим и фрагменты литературных произведений. Очевидно, сам Зенон или кто-то из его круга читал трагедии Еврипида, Менаандра, интересовался музыкой к трагедиям Агафона. PCZ, 59588 свидетельствует, как верно замечает А. Сви́дерек (не соглашаясь с Эдгаром), о переписке книг (стр. 245). Заслуживают внимания замечания А. Сви́дерек о греческой палестре, где подготавливались к состязаниям молодые люди. Состязания могли быть как спортивными, так и музыкальными.

Автора занимает также вопрос о религиозной жизни того времени. В этой связи интересно было бы указать на ст. 30 и сл. из первого мимиамба Герода, говоря о культуре θεοὶ ἀδελφοί. Среди исследователей получил широкое распространение взгляд, согласно которому в указанном месте Герода выражение θεοὶ ἀδελφοί показывает, что βασιλεὺς χρηστός относится к Эвергету I, поскольку якобы не может одновременно идти речь и о живом человеке, и о нем же, как об объекте культа θεοὶ ἀδελφοί. Материалы архива Зенона не могут служить подтверждением этого взгляда. Хотя за царя приносят жертвы Иси́де и Арси́ное (PSI, 539), он имеет в Крокодилополе свой жертвеник, который служит иногда местом убежища (PCZ, 59 466). В Филадельфии имеется святилище (τέμενος) θεοὶ ἀδελφοί, и в их честь происходят празднества (PSI, 431; PCZ, 59 820)²⁹.

Жизнь Зенона, по мнению автора, типичный пример карьеры энергичного человека, завоевавшего себе общественное положение на службе у царя или его вельможи. Этот человек находит потом дополнительные источники доходов, которые в дальнейшем дают ему возможность вести более или менее самостоятельную жизнь. Так образуется наиболее рельефно выступающий в архиве Зенона слой нового общества, который осознает свое положение, привилегированное относительно массы бедняков и зависимое от более могущественных. Согласно А. Сви́дерек, именно эта прослойка имела большое значение в экономической жизни Птоломеевского Египта (стр. 270), хотя переоценивать ее, думается, тоже нельзя.

Последний раздел книги посвящен разбору данных архива Зенона о египтянах. Эта глава тем более необходима, что до сих пор на местное население исследователи не обращали должного внимания, или смотрели на него с той «эллинской» точки зрения, которая очень четко выступает в исследуемом материале. Характерно, что египтяне, с которыми мы встречаемся в архиве Зенона, принадлежат преимущественно к наиболее бедным

слоям общества. Иногда бывает трудно определить, с кем мы имеем дело — с греком или с египтянином. Имена не могут служить достаточно убедительным критерием. Так, из PSI, 384 мы узнаем о Гераклиде ὁ τὴν δικήν παρατρεφόμενος, у брата которого явно негреческое имя Паап. Можно думать, что в отдельных случаях египтяне давали своим детям греческие имена, чтобы помочь им преуспеть в жизни. Это особенно чувствуется в PCZ, 59 342, где мы находим прошение некоего Сизуха о предоставлении его сыну места в канцелярии. Сын носит имя Птолемей, и это обстоятельство исподволь, но настойчиво подчеркивается автором письма. Поэтому вряд ли можно связывать (как это делает А. Сви́дерек) распространение таких имен только со смешанными браками греков и египтян. На стр. 274 автор пишет, что можно противопоставить греков и египтян не только как две народности, но и как богатых и бедных. Такой вывод кажется не совсем точным, если говорить об обществе III в. до н. э. вообще. Другое дело, что знакомство с материалом архива способствует составлению подобного впечатления. Тем не менее и здесь мы встречаем какого-то Петосири́са, к которому Зенон сам обращается (PSI, 642). С другой стороны, египтяне неоднократно пишут жалобы на чиновников египтян (PCZ, 59 491, 59 275)³⁰. А. Сви́дерек права, замечая, что письма египтян, написанные на хорошем греческом языке, свидетельствуют скорее о материальных возможностях, чем об образованности их авторов. Подтверждением тому могут служить письма-прошения типа PCZ, 59 495 с очень своеобразным стилем.

Заслуживают внимания данные архива о средствах борьбы египтян с греческой администрацией. Показательно, что иногда λαοί выступают группами, причем создается впечатление целеустремленного и сознательного сопротивления. К сожалению, эти интересные случаи не привлекли внимания А. Сви́дерек, которая ограничивается предположением, что они объясняются хорошей организацией земледельцев, восходящей к времени фараонов³¹. Несомненно, в таком объяснении есть доля истины, но только ли в этом следует искать причину солидарности сельскохозяйственных работников? Ведь ничего подобного мы не наблюдаем в среде ремесленников, где встречаемся с доносами друг на друга товарищей по труду (по-видимому, дает себя знать конкуренция), что очень хорошо видно на

³⁰ Упомянутый здесь Псо́нав был, возможно, γεννηματόφυλαξ. Ср. PMZ, 73.

³¹ Ср. M. San Nicolò, Aegyptisches Vereinswesen zur Zeit der Ptolemäer und Römer, Lpz, 1911., стр. 163; А. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 197.

²⁹ Ср. F. V i l a b e l, Die Gräko-Ägyptische Feste, «Neue Heidelberger Jahrbücher», 1929, стр. 50.

примере PCZ, 59 484, 59 481. Весьма показательно письмо, которое присылает Зенону Критий с просьбой прислать 10 стражей и мобилизовать всех, кого только можно, так как началось время сбора винограда (PSI, 345). Всем этим материалам автор не уделяет достаточного внимания, присоединяя к выводам Переманса³², который писал, что в политике Птолемеи руководствовались не национальными, а экономическими соображениями. В заключение А. Свидерек еще раз подчеркивает, что нельзя считать раннептолемеевское общество уже чем-то окончательно сформировавшимся. Его нельзя рассматривать как нечто статичное, нужно увидеть и понять раздиравшие его противоречия.

Несмотря на указанные нами спорные места, недостатки и упущения в трактовке некоторых, в том числе и принципиально важных вопросов, книга А. Свидерек оставляет хорошее впечатление. Хотя автор в большинстве случаев не выдвигает новых гипотез или теорий, книга заставляет нас еще раз вспомнить о тех нерешенных и спорных проблемах, которыми

³² W. Peremans, *Vreemdelingen en Egyptenaren in vroeptolemaeish Egypte*, Louvain, 1937.

изобилует история Птолемеевского Египта. Полной картины жизни эллинистического общества рецензируемая работа, конечно, не дает, да и не может дать. В этом повинно не только отсутствие у нас всей полноты греческих источников. К сожалению, эллинисты работают в отрыве от египтологов, а именно привлечение египетских памятников очень нужно и важно для понимания ряда вопросов жизни того времени. Насколько мне известно, до настоящего времени нет работы, которая учла бы не только греческие, но и египетские памятники периода первых Птолемеев. Тесный контакт, постоянное сотрудничество эллинистов и египтологов необходимы. Книга А. Свидерек еще раз свидетельствует об этом.

Как и другие книги того же автора («Когда египетские пески заговорили на греческом языке». Варшава, 1959; «Истории, не известные истории», Варшава, 1962), рецензируемая книга написана в общедоступной форме и рассчитана на широкий круг читателей. Поскольку у нас нет научно-популярных работ по эллинизму для массового читателя, было бы желательно перевести рецензируемую книгу и другие работы А. Свидерек.

А. П. Смотров

А. MÖSCY, *Pannonia, RE, Supplbd. IX, Stuttg., 1962, стб. 516—776*

Еще сравнительно недавно в обзоре исследований по истории Норика и Паннонии не без основания отмечалось отсутствие работ обобщающего характера по истории Паннонии¹. Прошло немногим более 10 лет, и за это время, помимо постоянно появляющихся в венгерских журналах статей и археологических публикаций, вышло в свет несколько больших и серьезных трудов по истории этой важнейшей провинции Империи, которые в большинстве своем принадлежат венгерским историкам². Рассматривае-

мая статья также написана венгерским исследователем Андрашем Мочи, с именем которого связано несколько работ по истории Паннонии. Само ее появление в RE показывает, сколь многим мы обязаны венгерской исторической науке в разработке истории этой самой значительной из дунайских провинций. Статья написана также на основании исследований австрийских, югославских, немецких и других историков, и это относится прежде всего к тем ее разделам, где излагается внешнеполитическая история Паннонии, тесно связанная с историей самой Империи, а потому и более изученная. Разделы о внутренней, социально-экономической истории провинции, истории ее поселений, этнического и социального состава населения, религиозных верований и представлений, о характере материальной культуры, истории паннонского лимеса и укреплений

¹ B. Saria, *Noricum und Pannonia*, «Historia», I, 3, 1950, стр. 437 сл.

² А. Мόссу, *Die Bevölkerung von Pannonien bis zu den Markomannenkriegen*, Budapest, 1959; E. B. Thomas, *Römische Villen in Pannonien*, Budapest, 1964. L. Varkócszi, *The Population of Pannonia from Marcus Aurelius to Diocletian* (Acta Archaeologica, 1964, т. 16, ч. 3—4). Мы не можем не назвать также и другие работы, посвященные истории Паннонии: P. Oлива, *Pannonie a počátku krize Římského impéria*, Praha, 1959; англ. изд.: P. Oлива, *Pannonia and the Onset of Crisis in the Roman Em-*

pire, Praha, 1962; M. Pavaп, *La provincia Romana della Pannonia Superior*, Roma, 1955 («Atti dell'Accad. dei Lincei, Memorie delle sc. morali», 1955, вып. VIII, т. VI, ч. 5).

основываются главным образом на работах венгерских историков и археологов.

В статье 13 разделов, каждый из которых имеет подразделы и параграфы; в ней содержится множество конкретных сведений, наблюдений и замечаний самого автора. Чтобы представить себе все многообразие содержащегося в статье материала, достаточно сказать, что она занимает 260 столбцов убогистого текста; в ней собраны и систематически изложены сведения, относящиеся к доримскому, римскому и отчасти послеримскому периодам истории Паннонии. Статья снабжена многочисленными указаниями на соответствующую литературу.

Статья открывается выяснением происхождения самого названия Паннония, затем автор знакомит нас с описаниями ее географии у древних и современных авторов, с локализацией ее племен. Этому уделены два раздела (стб. 519—527). Третий раздел, самый большой (стб. 527—582), посвящен изложению внешнеполитической истории Паннонии, начиная с взаимоотношений самих племен, затем их взаимоотношений с римлянами вплоть до завоевания провинции; истории провинции при Юлиях-Клавдиях, Флавиях, Антонинах, при Северах и в период кризиса III в., наконец, истории внешнеполитических событий за время от правления Диоклетиана до оставления провинции при Феодосии. Четвертый раздел (стб. 583—612) посвящен организации провинции и ее управлению, тем реформам и нововведениям, которые происходили в этой области с течением веков, устройству городов и peregrinских общин, характеру муниципальной жизни. Пятый раздел (стб. 612—653) отведен истории провинции как пограничной области: ее легионам и когортам, их комплектования и дислокации, участие паннонского войска в войнах вне провинции, паннонскому лимесу. Шестой раздел (стб. 653—667) повествует о дорогах и средствах сообщения не только внутри Паннонии и тех дорогах, которые связывали ее с Италией и другими провинциями, но и о тех путях, по которым происходило экономическое общение Паннонии с варварским миром. Седьмой раздел (стб. 667—693) посвящен экономике Паннонии, ее сельскому хозяйству, горнорудному делу и ремеслу, преимущественно хорошо известному керамическому производству, торговле и денежному обращению. Восьмой раздел (стб. 693—708) содержит сведения о типах поселений, характере и устройстве жилищ, уровне и образе жизни в провинции. В девятом разделе (стб. 708—716) сообщается о населении, его этническом и социальном составе. Разделы X, XI, XII (стб. 716—773) отведены истории культурной и идеологической жизни Паннонии: язычество и христианство, местные верования и римские культы, традиции

в обряде захоронения и загробные культы, скульптура и живопись, распространение латинского языка в провинции, школа, театр, цирк, музыка. Небольшой XIII раздел (стб. 773—776) посвящен вопросу о продолжительности существования римской жизни (которую автор связывает только с городами) после того как Паннония была оставлена Римом.

Уже само перечисление разделов свидетельствует, что, пожалуй, ни один из вопросов паннонской истории не был оставлен А. Мбчи без внимания. Однако мне кажется возможным указать на то, что имеющийся в распоряжении исторической науки материал о Паннонии давал А. Мбчи возможность обратить внимание еще на один аспект паннонской истории — на то огромное значение, которое имела провинция для Империи, и то положение, которое она занимала в системе римского мира. Некоторые сведения такого характера, содержащиеся сейчас в других разделах (например, Паннония как пограничная провинция, стб. 612; участие паннонского войска в войнах вне провинции, стб. 626 слл.; связи Паннонии с соседними провинциями и варварским миром, стб. 666 сл., 686 сл.; события внешнеполитической истории провинции), естественно не исчерпывают всех данных, которые могли быть здесь приведены, и тех вопросов, которые возникают в связи с этой проблемой. Поскольку все еще не написана общая история провинции, ни очерки ее истории по отдельным периодам, ни история ее социально-экономической жизни, сводная работа А. Мбчи, систематизирующая относящийся к истории Паннонии материал, может рассматриваться как краткое изложение паннонской истории, где автором затронуто или поставлено множество проблем; по некоторым из них впервые в науке высказываются суждения. Я остановлюсь на отдельных положениях, которые представляются мне наиболее интересными и на которых можно остановиться в пределах рецензии.

Заслуживает внимания тезис А. Мбчи о трех сферах господства отдельных племен в доримской Паннонии, которые сложились к моменту прихода в эти области римлян. Эти сферы автор устанавливает, основываясь на свидетельствах древних и на распространении монетной чеканки племен. Паннонские племена (а ими считались несколько племен вдоль Савы и южнее ее, вошедших потом в состав Далмации) не находились ни в каких отношениях с Римом накануне выступления против них Октавиана в Иллирийскую войну 35—33 гг. до н. э. (стб. 539). Установившиеся сферы влияния или господства отдельных племен были потом намеренно расчленены римлянами при организации *civitates*, которые были образованы именно с целью разобщить племена, так что некоторые

civitates представляли искусственные образования. «Но разбив прежние доримские образования племен, римляне сохранили прежнее социальное и политическое членение внутри самих племен» (стб. 606 сл.).

Представляется вероятным толкование, которое А. Мбчи дает известной элогии из Тускула (Dessau, 8965) относительно восстановления и понимания которой после Премерштейна, Гроага, Добиаша и других, казалось, нельзя уже было предложить ничего нового. А. Мбчи считает, что состоялся один поход Виниция и не из Карнунта, а с юга провинции, сначала против даков, а затем против их северных соседей, кельтских племен. Перечень этих последних дан в самой надписи, очевидно, согласно их действительным местам обитания — с запада на восток, но так как не эти племена были главными врагами империи, а даки, то порядок их упоминания мог не совпадать с направлением самого похода (стб. 543 сл.).

Раздел об урбанизации и колонизации Паннонии, написанный главным образом на основании исследований самого автора, содержит обоснованное заключение о том, что история урбанизации Паннонии представляла постепенный переход от колонизации к простому возведению городов в более высокий муниципальный статус и что со времени Адриана она основывалась исключительно на местном населении (стб. 596, 598). Интересны соображения А. Мбчи о судьбе легионной земли, отчасти совпадающие с высказанными уже А. Шульценом, А. Альфельди и Р. Этгером (стб. 610 сл., 647).

Новейшие исследования венгерской исторической и археологической науки существенным образом дополнили наши представления о паннонском лимесе и прежде всего о характере позднеантичных укреплений на самом лимесе, на противоположном, варварском берегу Дуная и внутри провинции. Здесь можно привести некоторые конкретные сведения. Лагери времени Константина строились на высотах или холмах с таким расчетом, чтобы крепость была как можно менее доступна. Она окружалась толстыми стенами с башнями по сторонам и с веерообразными башнями, выступающими по углам. Крепость имела подковообразные ворота (стб. 636 сл.). При переправах через Дунай также возводились большие крепости. Особый тип укреплений представляют порты напротив лагерей, на берегу Дуная, датировка которых не установлена, но которые связываются с наступательными планами римлян. Такой порт имел большое центральное здание (22 × 17 м), к которому по бокам примыкали фланговые стены длиной от 7 до 15 м. На концах этих стен стояло по башне, от которых шли параллельные стены к Дунаю. Там, где напротив военного лагеря оказывался остров, такое укрепление соорудилось также на обра-

щенной к лагерю стороне (стб. 642—643). К лимесу принадлежали и крепости, построенные в варварских землях. Прежде думали, основываясь на литературных свидетельствах, что самые ранние из них принадлежат времени Марка Аврелия и затем Валентиниана. Такие крепости были найдены в землях квадов и до сих пор не обнаружены в землях сарматов. Как показали раскопки, крепости за Дунаем в землях квадов возникли уже при Траяне (стб. 643); после Валентиниана I не существовало никакой целенаправленной политики в отношении лимеса (стб. 653). Позднеантичные укрепленные поселения внутри провинции принадлежат времени императоров династии Константина, преимущественно Констанцию II. Эти поселения находились глубоко в тылу, далеко от лимеса и не возникли заново, но были прежними поселениями, иногда со статусом муниципия только укрепленными в первой половине IV в. О многочисленности населения таких поселений свидетельствует протяженность их некрополей. Размеры крепостей составляли 292 × 268 м или 392 × 348 м; толщина стен колебалась от 2,30 м до 2,60 м; по углам и вдоль стен находились большие круглые башни, диаметром от 11 до 17 м. Характер некрополя и инвентарь могил — отчетливо христианский. Цель и назначение таких поселений, так же как и характер сбрававшегося под защиту их стен населения, еще должны быть изучены (стб. 700—701).

В разделе о дорогах и транспорте провинции представляется интересным наблюдение А. Мбчи, касающееся вопроса, хотя и частного, но имеющего значение при выяснении сепаратистских стремлений провинции в период кризиса III в. Множество мильевых столбов, поставленных императорами, следовавшими друг за другом (Макрин, Александр Север, Максимин Фракийец, Филипп Араб, Требониан Галл), свидетельствует не об улучшениях в дорожном строительстве, но имеет под собой причины политического характера: мильевые столбы свергнутого императора разрушались и успешно возводились новые (стб. 658). Интересно и другое замечание аналогичного характера (стб. 661): сражения императорских армий с войсками узурпаторов в III и в IV вв. нередко происходили у паннонских городов Мурсь и Цибале (совр. Осиек и Винковци в Югославии), потому что города эти лежали на важнейшей дороге, по которой в IV в. шло сообщение между Италией и восточнoбалканскими странами.

Интересны сведения о дорогах, ведущих из Паннонии через Дунай в *Barbaricum* (стб. 667). Данные о военных и торговых взаимоотношениях Паннонии с задунайскими племенами подчеркивают еще раз значение интереснейшей проблемы о закономерном, постоянном и многообразном

взаимодействии античного мира с его варварской периферией, взаимодействии, без которого не мог существовать и развиваться ни античный, ни варварский мир. Торговля с приходящими из-за Дуны варварами не прекращалась вплоть до оставления провинции. Валентиниан, при котором Паннония испытывала огромные военные и хозяйственные трудности, распорядился построить на лимесе Валерии (северная часть бывшей Нижней Паннонии) специальный *burgus*, cui *potest commercium, qua causa factus est* (CIL, III, 3653, стб. 690).

Многообразная религиозная жизнь Паннонии, как отмечает А. Мбчи, еще никем не была исследована настолько, чтобы можно было представить ее главные черты и ход развития (стб. 728). Заслуживает внимания подход автора к изучению местных культов. Возражая представившему очерк религиозных верований в Аквинке А. Брелиху³, который исходил из того мнения, что местное первоначальное население провинции почитало большей частью собственных богов, тождественных с «классическими», но еще недостаточно пластически оформившихся, А. Мбчи отмечает, что «различие было существенным, что недостаточно лишь говорить о степени этого тождества». Он подчеркивает, что поскольку формы проявления религиозных представлений в доримское время у местного населения в корне отличались от тех же форм в римское время, то вследствие этого обстоятельства следует всегда иметь в виду трансформацию религиозных верований местного населения. Следовательно, если в мире богов Паннонии открываются какие-то отличительные черты, то не следует тотчас же думать о продолжающейся жизни доримских культов вследствие их механической интерпретации, так как все, что может обнаруживаться как локальная особенность, возникло уже вследствие романизации. Поэтому будет правильнее говорить о локальных культах, а не о продолжающемся существовании местных доримских культов и их римской интерпретации. Вновь образовавшиеся культы возникли вследствие романизации путем синтеза римских и местных верований. Красноречивейший пример этого дает бог Сильван, который часто несправедливо характеризуется как большой доримский главный бог иллирийцев (стб. 740—741). Отсутствие местных культов в Паннонии, на которое уже обращалось внимание многими исследователями, свидетельствует, по его мнению, не о сильной романизации, но, напротив, о поздней или недостаточной романизации (стб. 745).

Вопрос о том, из какой области римского мира проникло в Паннонию христианство, остается открытым. Первые христианские общины в Паннонии возникли на юге провинции в правление Галлиена. Епископ Цибале пал жертвой гонений при Валериане (стб. 750). Среди первых христиан провинции многие носили греческие имена. Возможно, что христиане прибыли и из Северной Италии: в Равенне уже в правление Константина была построена базилика в честь христианского мученика Деметрия, погибшего в Сирмии во время гонений Диоклетиана вскоре же после издания эдикта (28 февраля 303 г.) о преследовании христиан. Имя Деметрия сохраняется в современном названии этого города Митровика (из Димитровика) в Югославии (стб. 751, 773).

О продолжительности городской жизни в провинции после оставления ее римлянами, как считает А. Мбчи, не может быть речи (стб. 773 сл.). Население оставляло Паннонию и бежало в Галлию и Италию самое позднее с приходом гуннов. Автор основывается на том, что культ христианских мучеников Паннонии обнаруживается на западе и востоке, и, следовательно, свой культ и реликвии беглецы уносили с собой. Что христианская церковь существовала на юге Паннонии в Сирмии и Сискии, не свидетельствует, по его мнению, о продолжающемся существовании городской жизни, хотя отдельные поселения функционировали вплоть до прихода в Паннонию аваров (стб. 775—776). Оставлена была провинция при Феодосии (стб. 577 сл.), последнюю попытку вернуть ее предпринял Авит в 455 г. (стб. 583).

Эти отдельные положения, которые мне казалось возможным отметить особо, свидетельствуют, что статья не является только сводкой относящегося к истории Паннонии материала. Не все положения, выдвинутые в статье, представляются достаточно убедительными или доказанными, что, впрочем, исключает и сам характер статьи; отмеченные здесь моменты не исчерпывают ее содержания. На одном из положений, не отмеченном мною, но важном для концепции А. Мбчи, мне кажется возможным остановиться. Это — тезис об устойчивости сельского населения в Паннонии (главным образом в Нижней), которое как бы осталось в стороне от многовекового процесса романизации провинции и испытало затем даже подъем, поскольку со времени Северов в легионах Паннонии, как считает автор, служили солдаты из мелких сельских типов поселений, из мелкокрестьянских слоев (стб. 646). Как утверждение о всеобщей романизации провинции и повсеместном развитии городского строя является преувеличением, так и мнение о «вечном» существовании сельских слоев. За 400-летний период

³ Laureae Aquincenses, т. I, Budapest, 1938, стр. 20 слл.

истории провинции не только не осталось неизменным само сельское население, но и не остались столь принципиальными различия между городским и сельским населением. Во всяком случае характер внутренней застройки, наличие стен, приверженность городской и сельской общины в IV в. к христианской церкви говорят больше о сходстве, чем о различиях. Города превращались в крепости (например, упоминаемый А. Мбчи муниципий Мурселла), и разбросанные виллы стремились соединиться внутри стен⁴.

По-видимому, в города такого типа превращались в III—IV вв. и центры крупных имений, которые известны нам, кстати, именно в Нижней Паннонии. Мы не можем не учитывать и того обстоятельства, что в Паннонии на протяжении веков типичной формой ведения сельского хозяйства была все-таки вилла. Размеры вилл, характер их построек и назначение различны; в одних областях страны они возникают раньше, в других — позже, но все они знаменуют новый тип хозяйства и связанные с ним социальные отношения, возникшие заново или преобразовавшиеся вследствие происшедших в стране коренных изменений. По-видимому, вопрос о судьбе сельского населения провинции и его характере все еще остается одним из тех, решение которых зависит от дальнейшего археологического исследования Паннонии; наше же представление об этих сельских слоях отличается большой неопределенностью.

Не представляется убедительным мнение о якобы искусственно вызванном расцвете муниципальной жизни в провинции при Северах (стб. 564). Расцвет городской жизни при Северах связан прежде всего с подъемом всех производительных сил страны после Маркоманнской войны, который обнаруживается в прогрессирующем распространении рабства, в III в. (надписи, упоминающие рабов, происходят теперь из других по сравнению с I—II вв. городов). Говоря о расцвете городской жизни, вряд ли можно придавать большое значение и переселенцам с Востока, так как нельзя представить себе, чтобы провинция, несмотря на все опустошения Маркоманнской войны, подверглась как бы вторичной колонизации. Кроме городов на лимесе — Аквинка, Интерцизы и Бригециона, мы в сущности нигде не видим уроженцев Востока,

а то, что в Бригеционе галаты и вифинцы имели свои отдельные коллегии, по моему мнению, как раз и свидетельствует, что не они составляли население городов, если держались в нем обособленно. Мы не можем не учитывать также значения эдикта Каракаллы для нашей провинции: здесь он мог получить большой социальный и политический смысл, поскольку население провинции постоянно пополнялось за счет поселяемых на ее землях варварских племен, представители которых становились со временем римскими гражданами. Конечно, мы должны иметь в виду возможное благоприятное положение всей провинции при Северах, поскольку наместник Верхней Паннонии Септимий Север был провозглашен императором в Карнунте в 194 г. и был поддержан легионами и остальными городами провинции.

Представляется весьма категоричным суждение А. Мбчи относительно продолжительности римской жизни в Паннонии после того, как она была оставлена римлянами (стб. 773 слл.). Города как таковые, отмечает А. Мбчи, не пережили римское время. Он усматривает это в исчезновении античных названий городов (кроме двух в Югославии — совр. Птуй из Poetovio и Сисак из Siscia) и в том, что селившиеся в них в период варварских переселений народы использовали только сами стены и здания, но не содержали дома в порядке, из чего можно заключить, что варвары не оседали в них длительно на протяжении многих поколений. Продолжительность существования церковных построек также не является следствием продолжающегося существования населения; христианские культовые помещения, открытые в областях севернее Дравы, могли находиться в пользовании не одной и той же христианской общины. Римские строения, стены, дороги для средневековых городов представляли только пассивную основу (стб. 774). В то же время А. Мбчи указывает, что раскопки обнаруживают продолжительность существования многих поселений вплоть до времени аваров, когда произошли перемены в составе населения Паннонии. Известны также позднеимские захоронения V в., хотя и немногочисленные, и традиции римской техники в изготовлении сельскохозяйственных орудий, происхождение которых, по мнению А. Мбчи, однако, не паннонское. На наш взгляд, А. Мбчи не учитывает возможного многообразия форм преемственности римской жизни и традиций и тем самым слишком акцентирует внимание на прерывности исторического процесса. Между тем одним из несомненных свидетельств такой преемственности должно считаться христианство, перенятое поселившимися в Паннонии варварами от прежнего населения. Остается непонятным в связи с этим, почему А. Мбчи склонен видеть

⁴ Описываемое Э. Томас римское поселение городского типа во внутреннем районе провинции, в Кестхей-Фенекпуста, на юго-западном берегу оз. Балатон, состояло из различных по характеру и размерам домов-вилл, объединенных одними стенами. Общественным зданием в таком поселении была христианская базилика (Thomas, ук. соч. стр. 60 слл.).

здесь влияние христиан-германцев, в то время как известно, что поселенные в пределах Паннии готы обратились в христианство вследствие влияния южно-паннонской христианской церкви⁵. Вряд ли можно полностью согласиться с тем, что только город можно считать средоточием римской жизни и традиций, тем более в поздний период, так как уже с конца III в. жизнь из городов перемещалась в укрепленные городского типа сельские поселения, которые также должны приниматься во внимание в вопросе о преемственности. Очевидно, невозможно не учитывать также и проблемы взаимодействия античного мира и его наследия с варварским миром.

Вряд ли можно полностью согласиться с А. Мóчи в том, что поселение варваров в Паннии имело целью получить дешевую рабочую силу для обработки лежащих свободными земель (стб. 710). Эту причину мы должны иметь в виду главным образом для времени после Маркоманнской войны, что согласуется и со свидетельствами источников. Поселение варваров на имперской земле в такой провинции, как Панния, чрезвычайно ответственной в военном отношении для всей империи, в первую очередь, диктовалось причинами внешнеполитического характера, которые должны были всегда учитываться. Это мнение находит подкрепление прежде всего в том факте, что все варварские племена появлялись в пределах провинции вплоть до оставления ее римлянами в результате войн между ними или вследствие несогласий среди самих племен. В разные периоды к этой основной причине могли добавляться и другие. Естественно, что, будучи поселены на имперской земле, варвары обязывались уплатой трибута. При Тиберии, когда в провинции несомненно было много свободных, необработанных земель, а плотность населения была значительно меньшей, римляне тем не менее опасались размещать варварские племена внутри Паннии. Поселив Маробода в Равенне и сменившего его Катувальду в Нарбоннской Галлии, римляне поселили за Дунаем «сопровождавшие того и другого царя свиты, чтобы они не могли производить смут в спокойных провинциях, примешавшись к их населению» (Tacit., Ann., II, 63). В 50 г. Клавдий поселил в Паннии квадов вместе с их царем Ваннием, ставленником Рима, что, как известно, имело причиной несогласие среди самих германцев (Tacit., Ann., XII, 29 сл.). Естественно, что и квады и размещенные при Нероне Тампием Флавианом германцы получили земли, которые подлежали обложению налогом наравне с землями, находившимися в распоряже-

нии местных племен. Какой характер принимали взаимоотношения Рима с соседними племенами в первые полтора века, следует из свидетельства биографа Адриана, который сообщает, что император вынужден был восстановить прежнюю сумму дани жаловавшимся на ее уменьшение роксоланам (SHA, vita Hadr., VI, 6—8). Причины внешнеполитического характера сказались, очевидно, и при поселении германцев (или только одного из царей с его свитой) в Карнунте при Септимию Севере, который даровал римское гражданство Септимию Айстомодию *reg[i] Germ[anorum]* и его братьям Септимию Филиппу и Септимию Гелиодору (CIL, III, 4453). Толкование, которое дает этой надписи А. Мóчи, не представляется убедительным. Он считает, что речь идет о лицах восточного происхождения, что следует из греческих *соgnomina*, и из предлагаемого им чтения *reg[i]one] Germ[anicia]* и понимаемого как место происхождения (стб. 711)⁶.

Два замечания — более частного характера. Автор считает, что виноградарство в Паннии было связано с крупным землевладением (стб. 669 сл.). Единственная надпись, упоминающая виноградник в 400 арпен, не дает для этого достаточных оснований, так как не известна величина самой земельной меры (CIL, III, 10 275). Пример с виноградным пресом начала II в. из виллы в Винден также, на наш взгляд, не доказателен. В следующей строительный период виллы он был употреблен как строительный материал для облицовки стены; наибольший расцвет виллы приходится не на II в., но на III и IV вв.⁷. Остается непонятным также утверждение автора, что вилла в Балаца (на северо-западном берегу оз. Балатон) указывает на рано начавшуюся концентрацию земель (стб. 699). Эта вилла, как свидетельствует вся ее площадь, весь ее архитектурный облик, роскошная стенная роспись и мозаики с самого начала (ее основание относят к последней трети I в. н. э.) возникла как крупное имение, и не исключено, что в результате императорского дарения: вилла находилась не на городской территории; земля для ее владельца была изъята, очевидно, из земель *vicus Voioium*,

⁵ E. Egger, *Römische Antike und Frühes Christentum*, Klagenfurt, I, 1962, стр. 57 слл.

⁶ Остается неизвестным, как отмечал Э. Свобода (E. S w ó b o d a, *Carnuntum, seine Geschichte und seine Denkmäler*, Wien, 1953, стр. 53), получил ли Септимию Айстомодий на имперской почве почетное убежище, подобно Марободу или Ваннию, или он должен быть отнесен к германским царям, перешедшим на сторону Рима. Греческие *соgnomina* могли отражать склонности и симпатии к греческому Востоку при династии Северов (Egger, ук. соч., стр. 95).

⁷ Thomas, ук. соч., стр. 201 слл.

и само имение представляло fundus exsertus.

Некоторые замечания библиографического характера. В связи с высказанной А. Мбчи точкой зрения на заговор Тигидия Перенна при Коммоде можно пожалеть о том, что ему осталось неизвестным исследование советского историка О. В. Кудрявцева. О. В. Кудрявцев допускал возможность того, что сын Перенна был наместником Паннонии и рассматривал сам заговор как первую попытку привлечь дунайские легионы к участию в руководстве внутренними судьбами империи⁸. Можно остановиться и на имеющем уже большую историю вопросе о локализации и этнической принадлежности озерятов — одного из племен Паннонии. В своей более ранней работе (Bevölkerung, стр. 26) А. Мбчи совершенно исключал возможность их славянского происхождения, которое допускалось многими исследователями, исходя из очевидного сходства езега (jezege) с русским «озеро». Соответственно этому озеряты помещались Кипертом на южных берегах оз. Пельзо (совр. оз. Балатон). Эта локализация принята в недавнем исследовании А. Петриковича, и А. Мбчи приводит всю относящуюся сюда литературу. В рассматриваемой

⁸ О. В. Кудрявцев, Исследования по истории балкано-дунайских областей в период империи и статья по общим проблемам древней истории, М., 1957, стр. 230 слл.

работе А. Мбчи отмечает, что название «озеряты» дает возможность предположить в Паннонии славянскую группу (стб. 708), так же как и упомянутая у Равеннского географа (Geogr. Ravenn., 218, 18) река в Паннонии с названием Bustricius, местонахождение которой не установлено. Славянское название этой реки К. Пач еще ранее усматривал в его очевидном сходстве с часто встречающимся у славян наименованием рек и ручьев Быстрица⁹. Дополнительные и, как мне кажется, несомненные аргументы в пользу присутствия в Паннонии славянского населения мы получаем из известной надписи II в. н. э. с посвящением Deo Dobrati, сделанным рабом Эвтиком. В свое время имя бога выводилось из названия фракийского племени Δοβρατες и дако-геттского поселения Дробета. О. В. Кудрявцев предложил истолковывать имя бога из славянских языков и читать его как Dobrates или Dobratis, состоящего из прилагательного «добр» и указательного постпозитивного местоимения «тот»¹⁰.

В заключение невозможно не сказать еще раз о том большом значении, которое имеет для истории римского мира появление в «Энциклопедическом словаре классических древностей» столь долго ожидавшейся статьи «Паннония».

Ю. К. Колосовская

⁹ C. Patsch, RE, III, s. v. Bustricius, стб. 1077 сл.

¹⁰ Кудрявцев, ук. соч., стр. 103 слл. (статья «Deus Dobrates»).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОРГОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ КАНИША

(По поводу книги P. Garelli «Les Assyriens en Cappadoce», P., 1963 *)

Торговые поселения на территории древнейшей Малой Азии и взаимоотношения их с Ассирией — одна из наиболее интересных и спорных проблем истории древней Передней Азии. Посвященная ей фундаментальная работа Поля Гарелли «Ассирийцы в Каппадокии» подводит итог разрозненным исследованиям опубликованных староассирийских текстов — важнейших источников для решения этой проблемы. Появление книги Поля Гарелли — событие как для историков и филологов Франции, присвоивших автору высшую ученую степень (le Doctorat ès lettres), так и для историков древнего Востока всех стран мира.

* Опубликована в серии: «Bibliothèque Archéologique et Historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul», т. XIX (далее — GAC).

Книга П. Гарелли несомненно станет настольной, в особенности благодаря увлекательному и свободному изложению. Оригинальные приемы освещения проблем и подачи материала напоминают лучшие статьи блестящего полемиста, покойного Юлиуса Леви.

Староассирийские клинописные таблицы, найденные в 20 км к северо-востоку от Кайсери (Кюль-тепе, древнейший Каниш) и восходящие к первым векам II тыс. до н. э.¹, были предметом дискуссии среди крупнейших ассириологов мира в течение более чем сорока лет. Сущность спора сводится к различной оценке

¹ Автор придерживается хронологической системы, принятой после работ академика В. В. Струве и советскими историками, по которой правление Хаммураби падает на 1792—1750 гг. до н. э. (см. GAC, стр. 46).

деятельности ассирийцев в Малой Азии: отстаивая утверждение Эд. Мейера о возникновении Ассирийской империи (включая восточную Малую Азию) еще в староассирийский период, крупнейший знаток текстов, о которых идет речь, Юлиус Леви посвятил этой идее все свои исследования и публикации, но тем не менее большинство ассириологов остались сторонниками его оппонента, Бенно Ландсбергера, считавшего ассирийские торговые поселения в Малой Азии колониями города-государства Ашшур. В итоге своего исследования П. Гарелли приходит к выводу об отсутствии материала для четкого противопоставления этих двух концепций, скорее дополняющих, чем исключающих друг друга (стр. 373). Этот вывод нуждается в значительных коррективах.

Систематические раскопки турецких археологов на Кюль-тепе, начатые в 1948 г. и еще не закончившиеся, дали материал, ломающий традиционные представления о торговых поселениях в Малой Азии. Частично эти новые сведения учтены П. Гарелли, но, с нашей точки зрения, далеко недостаточно, поэтому мы считаем необходимым отметить не только достоинства новой книги, но и высказать свои возражения по поводу освещения основных проблем, поднятых автором.

Строгое построение книги П. Гарелли и систематическое изложение каждого вопроса предопределяют сохранение той же последовательности изложения и нами. Предлагаемая здесь читателю система представлений сложилась в связи с подготовкой к публикации староассирийских текстов в собраниях музеев СССР.

В предисловии (стр. 7) автор дает хронологические рамки существования в Каппадокии ассирийских поселений, определяя их XX—XIX вв. до н. э. вместо общепринятых XIX—XVIII вв. до н. э. Из введения (стр. 21) выясняются основания такого сдвига дат: во-первых, Т. Эзгюч считает возможным отнести к ассирийскому периоду не только II слой Кюль-тепе, в котором были обнаружены ассирийские архивы, но и предшествующий ему III слой — отсюда сдвиг нижней даты вглубь. Но это не более как предположение, слишком слабо аргументированное и объясняющееся желанием как можно ближе придвинуть дату появления ассирийцев к предполагаемому до раскопок аккадскому периоду колонизации Малой Азии, существование которого не подтверждается археологией. Во-вторых, П. Гарелли выдвигает гипотезу о принадлежности всех текстов слоя Ib ко II слою Кюль-тепе (ср. 24 сл.) — отсюда сдвиг и верхней даты. Но последнее доказано только по отношению к нескольким табличкам (стр. 58 сл.). Ниже мы вернемся к этому вопросу. Далеко

не бесспорно и отмеченное автором во введении определение городища Кюль-тепе как ассирийского поселения (стр. 19). Автору точно известно, что, кроме ассирийских домов, здесь найдены и местные (стр. 21 сл.), но он не придает этому значения. Между тем это чрезвычайно важно, так как архивы, которыми пользуется автор, представляют результаты раскопок, начавшихся с ассирийского квартала (сектор А) и затронувших только часть смежного квартала (сектор Б), как выяснилось после систематических турецких раскопок 1948 года (KKR, стр. 127 сл., 131 сл.) и следующих лет (ср. НААА, стр. 53). Найденные турецкими археологами и еще не изданные 13 тысяч табличек — это архивы не только ассирийских, но и так называемых местных купцов, что позволяет предполагать соотношение этнического состава участников торговых операций, прямо противоположное, чем у П. Гарелли (см. приложение): по материалам печатей, определенных Нимет Эзгюч, в одном таком архиве малоазийского купца около 60 оттисков из 80 принадлежат малоазийским же гражданам (Bell., 66, 1953, стр. 300—303). Следовательно, и общее соотношение представителей различных этносов в функциях, рассмотренных П. Гарелли, также может оказаться обратным выведенному в его статистике (см. ниже). Кроме этих данных, против идеи автора о принадлежности торговой общины Каниша собственно ассирийцам есть и другие, еще более важные (см. ниже).

Мы вполне согласны с доводами Поля Гарелли против отождествления городища Кюль-тепе с *kāgum* 'ом Каниша, так как термин *kāgum* 'таван', собрание купцов' или, как мы предпочитаем ее называть, 'торговая община' представляет собой обозначение организации, а не жилых домов, складов (стр. 19) и трапезных (KK, 1959, стр. 99)². Более того, в ассирийском квартале большая часть построек принадлежала людям, вообще не являвшимся членами местной общины, как мы сможем убедиться из дальнейшего.

Оправдывая стремление Ю. Леви доказать, что Каниш был частью Ассирийской империи, автор справедливо отмечает небезосновательность этой теории, предполагающей существование широкого политического объединения (стр. 26), но мы бы сказали точнее — коммерческого объединения, в котором ассирийцы играли видную роль. Систематическое изложение материала, данное самим автором, поможет нам впоследствии показать, как недооценка главных признаков собственно торговой общины (*kāgum*),

² См. ниже замечания о прожиточном минимуме купцов.

не тождественной этому объединению, ведет автора к спорным выводам.

Переписка местных малоазийских царей, опубликованная К. Балканом и Б. Ландсбергером, заставила П. Гарелли пересмотреть аргументы, выдвинутые в работе Ю. Леви «О некоторых институтах староассирийской империи» (HUCA, 27). Автор заключает, что торговые общины (kānum) Малой Азии находились под контролем глав местных государств, а не ассирийского (стр. 27). Тем не менее обе основные части исследования автора (II и III), в которых рассматриваются политико-экономическая обстановка и основы коммерции ассирийцев в Малой Азии, посвящены доказательству обратного.

Таким образом, во введении дано краткое изложение основных идей книги, с которыми и при рассмотрении документов, приведенных в ходе исследования П. Гарелли, мы не сможем согласиться.

Первая часть книги («Среда») открывается главой, посвященной проблемам хронологии, изложенным в двух разделах: «Начало внедрения ассирийцев» (стр. 31 сл.) и «Руины Каниша» (стр. 51 сл.). Оба раздела, к сожалению, построены только на письменных материалах³.

Здесь уместно выразить крайнее сожаление по поводу того, что наши надежды на результаты работы П. Гарелли (сотрудника вычислительного центра в Париже, который шифровал староассирийские тексты для счетных машин) не оправдались. Когда появилась брошюра П. Гарелли в соавторстве с Ж. Гардэн⁴, можно было надеяться, что в обещанной здесь книге П. Гарелли, которую мы сейчас рассматриваем, будет решена проблема распределения контрагентов и свидетелей юридических документов, хотя бы на старших и младших современников, а на этом основании будет дана относительная хронология писем; ведь даже и список эпонимов II слоя Кюль-тепе К. Балкан дал не в хронологическом порядке, а только по алфавиту; между тем выяснение относительной хронологии текстов могло бы решить многие спорные вопросы, связанные с возникновением упомянутого коммерческого объединения. Оценка роли ассирийцев в торговле Малой Азии, которая интересует П. Гарелли, в первую очередь зависит и от ответа на вопрос, когда возник институт эпонимов — в самом ли начале появления ассирийцев при торговой общине Каниш или нет; важно ус-

тановить, когда среди эпонимов появились местные граждане (о которых в этой связи автор просто не упоминает) и когда среди эпонимов стали преобладать ассирийцы — при старших современниках периода Кюль-тепе II или младших; в каких сделках эпонимы вовсе не упоминаются (есть ведь и такие!) — в более ранних или более поздних; решение этих вопросов, вероятно, позволило бы обойтись без перемещения всех текстов слоя I в предшествовавший ему II слой Кюль-тепе ради пополнения списка эпонимов и без передатировки алишарских и богазкёйских текстов⁵.

Итоги своего исследования вопросов хронологии П. Гарелли выразил следующей таблицей синхронизмов (стр. 79): начало II слоя Кюль-тепе предположительно синхронно концу правления Иб-биСуэна в Уре (ок. 2004 г.) и воцарению Цилулу Ассирийского (до Киккии — строителя апшурских стен); расцвет торговой деятельности Каниша падает на время правления в Вавилонии СумуАбума и СумулаЭла, в Ашшуре — Саргона Ассирийского, а в самом Канише — правительницы, имя которой неизвестно, и, наконец, в Хаттуше — Питханы и Анитты. Правление ПузурАпштура II, сына Саргона, и НарамСина, внука Саргона Ассирийского, совпадают, по мнению П. Гарелли, с царствованием в Канише Инара и его сына Варшамы. Конец II слоя Кюль-тепе падает на время правления в Вавилонии АшилСина; в Ашшуре он предшествует воцарению Эришума II. Синмубаллит и Хаммураби Вавилонские и ШампиАдад I Ассирийский правили, таким образом, в период между II и I слоями Кюль-тепе. Конец периода слоя Ib в Кюль-тепе приходится на время царствования в Вавилонии Самсуилуны, в Ассирии — ИшмеДагана, в Хаттуше — Тудхали I. Автор оставляет в темноте обстоятельство, что в период I слоя Кюль-тепе Каниш процветал в большей степени, чем в предыдущий, соответ-

⁵ Важно, что в староассирийских текстах, найденных в Богазкёе (древняя Хаттуша) и Алишаре (древняя Амкува), упоминаются девять своих эпонимов, не встречающихся в текстах, найденных на Кюль-тепе (см. Balkan, Chron. Probl.), — следовательно, эти поселения не подчинялись коммерческому объединению с центром в Канише; это подтверждается и особым термином, употребленным для обозначения местных купцов, и в Мари для людей, находящихся в степи со скотом (nuā'im); в Хаттуше — центре хеттских купцов — находилась их главная контора (bit nuā'ē). Для канишского объединения они были, по нашему мнению, прасолами, а не «дикарями», как переводит этот термин Б. Ландсбергер и Ю. Леви (ср. ArOr, 18, 1948, 1—2, стр. 345, прим. 78).

³ Хронологии канишских текстов мы надеемся коснуться отдельно в статье, посвященной реконструкции системы чередования эпонимов.

⁴ P. Garelli, J. Gardén, Études des établissements Assyriens en Car-padoce, P., 1961.

ствующий II слою период, и по археологическим данным сохранил широкие торговые связи (AJA, 68, 1964, 2, стр. 151 сл.).

В главе, посвященной ономастике, приведен материал, показывающий, какие этносы и в какой пропорции противостояли ассирийцам, хотя автор и считает, что в этой главе он определил понятие «местное население Малой Азии» (стр. 127—170). Исключив ассирийские имена (вместе с западносемитскими!), автор получил примерно 450 имен, этническую принадлежность которых сравнительно легко установить (стр. 127): хаттских и лувийских оказались единицы, хеттских имен более ста двадцати (стр. 141), хурритских — 48 (стр. 155 сл.). Районы, подчиненные Канишу (юг Малой Азии), были преимущественно лувийскими, сам Каниш — хатто-лувийским (см. НААА, стр. 58), поэтому автор приходит к выводу (стр. 167 сл.), что собственно местное население не играло существенной роли в торговой организации Каниша, но из следующей части, где автор говорит о купцах-анонимах, мы убедимся в противоположном. Само собой разумеется, что хеттские купцы, пришедшие из внутренних анатолийских областей, связанных с Хаттусей, которая Канишу не подчинялась (см. выше), дают значительный процент имен в иноземном (ассирийском) квартале; то же самое и в отношении хурритских купцов, появившихся скорее всего из Сирии (ср. АТ, стр. 9 сл.), к числу которых нужно еще добавить и носителей западносемитских имен, попавших у П. Гарелли в разряд ассирийских (ср. UAR, стр. 6, 59, 76, 81 и др.; HUCA, 32).

Автор оставляет без внимания существенное наблюдение археологов о характерной для эпохи расцвета канишской торговли (II слой Кюль-тепе) сирийской бронзе и подражаниях ей в местных изделиях (AJA, 67, 1963, 2, стр. 75, НААА, стр. 56 и др.); значение этого факта подучает еще больший вес благодаря сведениям о существовании храма бога Ашшур и богини Иштар в Коммагене (древняя Урпу): жрецы этого храма назывались западносемитским термином китгим, а большая часть имен собственных, включающих в качестве теофорного элемента имя самого популярного божества — Ашшур, писалось в Канише не так, как соответствующие имена ассирийского происхождения (см. UAR, стр. 6 сл.). Даже если мы, следуя за П. Гарелли, признаем все семитские имена восточносемитскими, т. е. ассирийскими, все-таки соотношение получится не в пользу абсолютного преобладания ассирийцев: включая тезок, неассирийских имен получается 800 против 1200 ассирийских (стр. 164) — это очень высокий процент «местных» граждан для собственно ассирийского квартала, даже если иметь в виду, что часть их принадлежала рожденным от смешанных браков (стр. 165).

Таким образом, приходится признать, что так называемый ассирийский квартал был скорее м е ж д у н а р о д н ы м.

В общих замечаниях относительно китгим (торговой общины, стр. 171 сл.) автор отдает дань традиции, сложившейся до раскопок Кюль-тепе, полагая, что китгим Каниша составляет часть ашшурской государственной организации (стр. 172 сл.). Основанием для разделяемой П. Гарелли теории, выдвинутой Бенно Ландсбергером в 1925 г. (АНК), было прежде всего содержание текстов, найденных, как выяснилось только теперь, после турецких раскопок, в квартале, где преобладали семиты, и который первоначально считался самостоятельным поселением и центром Каниша. Исходя из этого общего представления о городе, Б. Ландсбергер трактовал адрес официальных писем: ana šipri ša ālim^{KI} и kīgim Kaniš как обращение к «послам города (Ашшур) и торговой колонии „Каниш“», полагая, что речь идет о Городе раг excellence, каким для ассирийцев был Ашшур, и об условном названии ассирийского же торгового поселения (GAC, стр. 171 сл.). Но филологически возможен и другой, более простой перевод, а именно, «послам городской и торговой общины Каниш».

Новое решение проблемы принадлежности торговой организации при Канише вытекает из той части данной главы, которая посвящена структуре местной канишской администрации.

По материалам последних исследований (результаты которых автор в этой части принял) выяснилось, что центр города — цитадель с дворцом Каниша — помещалась на соседнем с Кюль-тепе холме, представлявшем первоначальное городище, значительно более древнее, чем поселок на Кюль-тепе (см. BANE, стр. 320 сл.). Автор признает, что именно этот дворец, а не поселение на Кюль-тепе, был административным центром города-государства Каниш, и правитель (rubāʾum) городской общины (ālum) Каниш возглавлял местные органы власти, не только не подчинявшиеся ассирийцам, а наоборот, контролировавшие деятельность ассирийских купцов (стр. 207). Ассирийцы же, торгуя с Малой Азией, бесспорно оставались гражданами Ашшур, но это наблюдение никак не может быть основанием для вывода, что китгим города Каниша являлась чисто ассирийской торговой общиной или даже, как ее называет П. Гарелли, «элементом политического объединения», возглавлявшегося Ашшуром (стр. 173). В системе доказательств в пользу этой традиционной концепции автор считает решающим анализ деятельности главной торговой конторы (bīt kīgim). Обратимся к выводам П. Гарелли из этого анализа.

Экономическая деятельность конторы

торговой общины Каниша состояла в хранении на своих складах тканей, продуктов скотоводства (кож) и металлов (стр. 176), а также в торговле медью, большая часть оборотов с которой проходила через эту торговую общину (стр. 176 сл.). Оба эти вида деятельности характерны и для местного двorca (см. ниже). Единственным предметом ввоза, с которого торговая контора Каниша взимала ввозную пошлину (*ēribtum*), было олово (стр. 180), т. е. главный объект собственно ассирийской торговли (см. ниже), — это обстоятельство автор оставляет в стороне, хотя оно уже само по себе ясно показывает противопоставление ассирийцев конторе торговой общины.

Описывая финансовую деятельность конторы, П. Гарелли не акцентировал очень важное, как мы увидим, деление всех товаров на принадлежащие общине и на частные; последние регистрировались на имя частного хозяина (стр. 180). Это отражает существенную особенность структуры торговой общины: ее торговая контора действовала наряду с индивидуально торгующими купцами (*wēdum*), права и обязанности которых регламентировались уставом торговой общины, следовательно, они признавали ее власть и, как мы увидим ниже, пользовались ее защитой. Однако права частных купцов были ограничены: если по требованию одного из них без ведома «великих» (*gabūtum*) писец конторы созывал собрание, то с последнего полагался штраф в 10 сиклей серебра; именно не с того частного лица, по чьему велению или просьбе писец нарушил устав, а с самого писца (AL, стр. 376 сл., ср. новый перевод, ЗВАХ, II, стр. 206). Если мы вспомним, что вся переписка шла на ассирийском диалекте, то нетрудно догадаться, что писцом был скорее всего ассириец. Кто были эти купцы-одиночки и кто такие «великие», мы увидим из следующих глав работы П. Гарелли.

Состоятельность всех участников канишской торговли проверялась, видимо, раз в квартал для контроля кассовых сумм (*nikkassī šasā'um* — стр. 183). Устав торговой общины предполагает, видимо, внезапность этих проверок: все посторонние лица должны были удалиться из конторского помещения, и всякий мечущийся по нему подлежал штрафу (ЗВАХ, II, стр. 206). Нам кажется, что такие проверки производились скорее всего для выяснения, правильно ли делаются отчисления в пользу местной администрации. Обычно эта процедура сопровождалась вмешательством купцов, снимающих деньги со счетов тех, чьи имена были названы при объявлении результатов проверки. Очевидно, таким образом ненадежные компаньоны выбывали из торговли (см. ниже). Вместе с тем, купцы, торговавшие индивидуально, имели значительный вес в торговой общи-

не Каниша — даже ее контора пользовалась кредитом частных лиц (стр. 204); далее мы увидим, что взаимный частный кредит был наиболее характерной чертой деятельности именно ассирийцев.

Фискальные функции торговой конторы сводились к тому, что она среди прочих налогов собирала и взнос *nishātum* «исторжение», который П. Гарелли считает таможенным (стр. 187 сл.). С нашей точки зрения, это не столько таможенная пошлина, сколько рыночный сбор, так как его взимали в пользу местного двorca не на заставах, а в самом городе. Отмеченные Ю. Леви случаи взимания *nishātum* торговыми обществами и частными купцами свидетельствуют, видимо, в пользу нашего толкования (это переуступка права торговать на данном рынке; каким образом можно было бы переуступать таможенный сбор, объяснить труднее). В определении *nishātum* П. Гарелли считает решающим тот факт, что с контрабанды (*razzurtum*) этот сбор дворцу не платили (стр. 185 сл.), но *razzurtum* текстов — это собственно не контрабанда, а попытка обойти право дворца на преимущество при покупке (см. ниже). Товары, спрятанные от дворца, регистрировались в конторе торговой общины, хотя дворец и сажал в тюрьму купца, который на этом попадался, конфискуя все его товары и отпуская на свободу только после уплаты штрафа (стр. 186). Торговая община в таких случаях не вмешивалась и не защищала купцов; ее забота о них ограничивалась только вмешательством в том случае, если чьи-либо товары подвергались аресту за невыплаченный долг, документы о погашении которого хранились в конторе (стр. 344 сл.).

Самый высокий сбор *nishātum* (10%) взимался с торговли ассирийцев хитонами (*kutānū*), — если иметь в виду, что это был продукт также и местного промысла (см. ниже), то значительный размер сбора можно объяснить стремлением местных властей защитить своих ремесленников от конкуренции. То же самое можно сказать о торговле медью — с нее взималось 5% *nishātum* (*mētum ḥamšat*, стр. 189) в отличие от олова (ассирийского импорта), которое можно было продавать более свободно, так как сбор с него не поднимался выше 3% от всей массы металла (стр. 188).

Кроме *nishātum*, контора торговой общины собирала пошлину за право вывоза (*wašitum*) и «бакшиш» (*ḥa'tum* или *da'tum*) с каждой головы вьючного животного (стр. 190). Последний побор взимали на всем пути следования каравана в каждом селении; в горах сбор его был привилегией старейшин (*qaššum*), — П. Гарелли называет их «мэрами» (стр. 309 и прим. 1). От Аппура до Каниша в качестве *da'tum* выплачивалось 5 мин 45 сиклей серебра с каждого таланта

(30 кг) груза (стр. 190), т. е. почти 10% от общего веса всех товаров.

Основным отчислением конторы Каниша (только Каниша, но не других торговых общин) было так называемое «помещение на депозит» (*šaddu'atum* — стр. 185). Смысл этого отчисления, как нам кажется, состоял в предоставлении иноземному купцу права фрахта на том основании, что он является депонентом торгового объединения с центром в Канише. В дальнейшем мы увидим, что дворец не имел отношения к этому побору, — следовательно, *šaddu'atum* был установлен не местной администрацией.

Подводя итоги этому разделу своей работы, П. Гарелли предполагает — несколько неожиданно при новой постановке вопроса о дворцовой администрации Каниша (см. ниже), — что все сборы *kāgum* Каниша шли в сокровищницу города Ашшура (стр. 196). Это не более как рудимент традиционной теории, и последующий анализ функций местного дворца полностью раскрывает нам, к чьей политической системе относилась торговая община Каниша — ашшурской или местной канишской. Здесь же в итоговых рассуждениях, расходясь с концепцией Ю. Леви, П. Гарелли, с нашей точки зрения, совершенно правильно расценивает текст TCL, IV, 1, сообщающий о требовании ашшурского совета старейшин привлечь ассирийских купцов к участию в строительстве стен Ашшура: в попытке ассирийских участников канишской торговли уклониться от этого дела он видит свидетельство их независимости (стр. 197 сл.); однако он не делает необходимого вывода, что угроза ашшурского совета снять деньги со счетов ассирийцев в Ашшуре несомненно свидетельствует о принадлежности этих купцов к ашшурской торговой общине, подчиненной городской общине Ашшура, а не к канишской, где они выступают только как компаньоны канишских купцов (см. ниже). То же следует сказать и о малоазийских торговых общинах, которые ашшурский совет старейшин просит известить о распоряжении правителя города Ашшура, это распоряжение касается только торгующих на ашшурском рынке.

В разделе, посвященном определению места торговой общины Каниш в общественной жизни Ассирии (стр. 199 сл.), автор полностью следует традиционной схеме, сложившейся в период до турецких раскопок Каниша. Из этого раздела, выводы которого основаны только на предполагаемом сходстве ашшурской общины с канишской, можно получить лишь самое общее представление о характере соподчинения ашшурской торговой и ашшурской городской общин. П. Гарелли отмечает здесь зависимость выводов относительно общественной структуры Ассирии от сведений о роли царя в эту эпоху, но все важнейшие наблюдения по это-

му поводу мы найдем только в заключении (см. ниже). Однако особенности царской власти в Ашшуре недостаточно четко определены и там: прежде всего в ашшурских надписях этого времени нет титула «царь», а правитель постоянно упоминается по с л е города: «город и владыка» (*ālum* и *bēlum*) (даже в царских посвященных надписях — см. РЗОА, стр. 20 и прим. 5). Автор без достаточного основания отождествляет главу городского совета (*waklum/ukullum*) с правителем (*rubā'um*); на самом деле последний не всегда получал эту должность; случаи, когда главой совета становился не царь, а только родич царя (см. РЗОА, стр. 20), нельзя считать всего только формальным обстоятельством разделения функций в управлении государством.

Само собой разумеется, что правительство Ашшура волею было вмешиваться в дела ассирийских купцов, где бы они ни торговали, а все примеры П. Гарелли, приведенные по этому поводу, свидетельствуют только об этом (стр. 200 сл.). При таком вмешательстве Ашшура его поверенному (*rābišum*)⁶ не на кого было опереться, кроме как на глав общины Каниша, если купец, которым он интересовался, вел свои дела именно с ее представителями (стр. 204); однако мы не видим в этом оснований для заключения о верховной власти Ашшура над торговой общиной чужой страны, которые находит здесь автор (стр. 255 сл.).

Относительно института эпонимов мы уже писали выше, напомним только еще раз, что среди них были и местные граждане. Весьма вероятна аналогия между структурой «дома (совета) городской общины» (*bīt ālim*) Ашшура и «дома эпонима» (*bīt līmim*) Каниша, но мы совершенно не согласны с их отождествлением (стр. 202): ни свидетельство о том, что эпоним Каниша мог являться кредитором городской общины Ашшура — мало ли организаций и частных лиц кредитовали богатые купцы (см. стр. 203), ни отказ «дома эпонима» Каниша выдать некоему ассирийцу дефицитный металл (метеоритное железо?) и гематит (все это малоазийское!), ни письмо, адресованное посланцам города (Каниша) и эпониму⁶, о долге известного ассирийского купца ПузурАшшура, который числился за ним в храме бога Ашшура и был зарегистрирован в главной конторе торговой общины Каниша (*bīt kārim*) ни одно из этих приведенных П. Гарелли свидетельств не доказывает, что «дом эпонима» (*bīt līmim*) в Канише и дом городского совета (*bīt ālim*) в Ашшуре — это один

⁶ В этом случае эпоним является представителем коммерческого объединения, а не собственно местной торговой общины (*kārum*) или ее иноземного квартала (*wabartum*).

и тот же институт. Пока преждевременны и попытки отождествления «дома эпонима» (*bīt līmim*) с главной конторой торговой общины Каниша (*bīt kārim*), которая еще не найдена археологами. Официальные письма, составлявшиеся от имени торговой общины и даже от имени ее общего собрания, найдены в разных частных архивах, т. е. у тех лиц, которые в каждый данный момент исправляли должность главы объединения. Таким образом, каждый раз «домом эпонима» был собственный дом очередного эпонима, следовательно, к главной конторе он отношения не имел. Вероятнее всего, главная контора (*bīt kārim*) находилась в цитадели — к этой идее склоняется Т. Эзгюч в последнем сводном отчете (КК, 1959).

Заключительные замечания этого раздела возвращают нас снова к концепции Ю. Леви, в значительной мере базирующейся на свидетельствах официальной переписки: произвольно сокращая вводную формулу писем, Ю. Леви сразу смещает ее оценку. Мы ни разу не встретим в этих письмах обращение к «послам города» (*širgū ša ālim* — стр. 204 и др.), а только к «послам города и торговой общины Каниш» (*širgū ša ālim* и *kārim Kaniš*) и «послам торговой общины Каниш», т. е. в обоих случаях речь идет только о Канише, о его городской и торговой общинах, а не о городской общине Ашшугра и торговой общине Каниша. В самом деле, непонятно, каким образом в официальном письме, уточняя, о какой торговой общине идет речь, авторы этих писем во всех без исключения случаях забывают сделать то же в отношении городской общины, а вот что они дважды не повторяют названия одной и той же местности — это вполне понятно.

Упоминание *wabartum* (стр. 204), организации, подчиненной *kārum*, проскальзывает у П. Гарелли мимоходом, а между тем это и есть, с нашей точки зрения, организация иноземных купцов (*ubrum* < **wabrum*), к числу которых относятся и ассирийцы, занимающие в ней привилегированное положение только благодаря особой важности своего импорта и своему надежному финансовому положению, основанному на доходах с этого импорта (см. ниже).

В общей части следующей главы (стр. 207 сл.), посвященной дворцу (*ēkalum*) — административному центру канишской городской общины (*ālum*), П. Гарелли отмечает, что эта организация имела право первенства при покупке привозимых товаров, взимала налоги и пользовалась торговой общиной как своим банком (стр. 205).

Первый раздел этой главы «Организация местных княжеств» (стр. 207 сл.) дает следующую реконструкцию: город и сельская округа представляют «страну» (*mātum*), именуемую по резиденции

правителя; более слабые такие государства группируются вокруг более сильных (стр. 213). В существовании торговых общин (*kārum*) и станов иноземных купцов (*wabartum*) почти при каждом селении П. Гарелли склонен видеть доказательство слабости этих государств (стр. 207). Действительно, *wabartum* столько же сколько *kārum*, и в этом можно признать доказательство правоты автора.

В этом разделе чрезвычайно важен список должностей администрации местного дворца (стр. 216 сл.), в котором фигурируют «великие» (*rabūtum*), т. е. «начальники» следующих групп ремесленников: кузнецов (*rabi nappāḥē*), литейщиков (?) бронзы (*rabi siparrim*), ткачей (?) хитонов (*rabi kittātim*). Таким образом, выясняется, что медеплавильни находились в распоряжении местного городского (дворцового) должностного лица, и, следовательно, централизованная обработка меди была скорее местной, чем ассирийской монополией (ср. выше), так же как и производство наиболее ценных тканей (*kutānū*). В том же списке упоминаются начальники: складов (*rabi ḥuršīātum*), рынка (*rabi maḥrim*), транспорта (*rabi eṣriqqātim*) и переводчиков (*rabi targumānī*), таким образом, все важнейшие для торговой общины должности оказываются под контролем местных властей. Автор перечисляет все эти сведения, не делая из них очевидного на наш взгляд вывода — главная контора торговой организации (*bīt kārim*) должна была находиться в цитадели и быть связанной с местными властями, а не с ассирийскими.

Разъяснения П. Гарелли относительно должности *rabi sikkītim* представляются нам неудачными (стр. 220 сл. и 224). Это должностное лицо вмешивается в денежные расчеты купцов и появляется в качестве свидетеля в сделках, изменяющих имущественное положение местных граждан. В конце книги П. Гарелли приходит к выводу, что *rabi sikkītim* скорее был «министром финансов», которого с ним *rabi alaḥḥinnim*, которого без достаточных оснований считали главным мельником (стр. 291), автор отождествляет с «дворцовым экономом» (стр. 357); это толкование, если не терминологически, то по существу нам кажется значительно более убедительным.⁷

Второй раздел той же главы открывается утверждением, что список дворцовых чиновников свидетельствует о преобладании в дворцовых владениях сель-

⁷ И. М. Дьяконов считает старовавилонского *rabi sikkītim* хранителем общинных традиций в области обычного права, от культа предков до земельных отношений (ОГСД, стр. 133, прим. 61, ср. стр. 139 сл.).

ского хозяйства (стр. 221 сл.). Однако на самом деле преобладала собственно служба резиденции: стольник, виночерпий, военачальник, начальники: охраны, арсенала, конюшен, пастухов крупного и мелкого скота (волов, овец, коз). В списке нет ни одной должности, связанной с пахотными угодьями; если они и играли в малоазийских областях заметную роль, то лишь за пределами царского хозяйства. Перечень должностей, связанных с ремесленным хозяйством, наводит на ту же мысль относительно ремесел: кузнецы и литейщики бронзы имели прямое отношение к изготовлению оружия и были необходимыми в цитадели; изготовление хитонов — самых дорогих из множества видов тканей, известных по торговым записям (именно они чаще всего попадали во дворец), видимо, обеспечивало одежду только придворных. Прочие ремесла не контролировались дворцом, т. е. были свободным личным промыслом местных граждан (см. ниже).

Далее выясняется, что дворец хранил на своих складах ткани, получаемые через торговую общину или непосредственно от купцов (стр. 222), и, кроме того, именно здесь были запасы меди — в Буршуканде дворец имел в запасе около 5 тонн меди (стр. 226). Возможно, дворцовые склады и были тем общественным хранилищем товаров, которым располагала контора торговой общины (см. выше). Это подтверждается наличием товарного счета у купцов во дворце (точно так же, как в купеческой конторе, стр. 227) и взаимными погашениями долгов этих двух организаций (стр. 227 сл.), расплачивающихся поочередно с ассирийцами и другими иноземными купцами, которые, с нашей точки зрения, были вне их обеих как граждане другого государства. Видимо, дворец посредничал в торговых операциях иноземных и местных купцов (стр. 228), предоставляя свои хранилища как место депозита для торговой конторы.

Вывод автора о различии в системе субординации местных властей (по горизонтали: князь, чиновники) и Ассирии (по вертикали: царь, город, торговая община) снимается полностью, как мы увидим из материалов следующей, наиболее важной части его работы.

Эта часть исследования П. Гарелли, «Коммерция Каппадокии», открывается главой, посвященной центральной теме этой книги — кредиту. Глава распадается на три раздела: 1) *ummi'ānū* и *tamkārū*; 2) виды финансирования; 3) кредит.

В общей части этой главы в качестве примера деятельности ассирийцев автор дает полный перевод письма крупнейшего из ассирийских купцов Пушукена, адресованного в Ашшур его *ummi'ānū* ШуХубуру и компаньонам (*ša kīma īāti* — стр. 234). ШуХубур назначил (не указано для чего) срок в пять лет, а

Пушукен просит сократить его до трех, имея в виду «желание бога» и интересы своих хозяев (*bēlū*), которыми являются, очевидно, два или три купца (*tamkārū*), связанные с ним, — для них он должен освободить от сторонних претензий свои *bē'ulātum* — средства, полученные в виде процентной ссуды, которые обычно давали фрахтовщику (*kaššārum* — ср. стр. 301). Пушукен просит не объявлять имени его купцов (вероятно, в ожидании проверки счетов), так как ему не хватает двух талантов серебра (ок. 60 кг). Очевидно, в случае взыскания с него доверенной ему кассы он обанкротится и теряет право торговать, поэтому он просит заверить и прислать ему счет (*tašsistum*), обещая при сборе урожая достать необходимую сумму.

Суть дела, изложенного в этом письме, представляется нам следующим образом: во-первых, нечто следующее к продаже в Малой Азии не может быть изготовлено ранее пяти лет; обеспечить это взялся *ummi'ānū*; никаких денег он не дает, а только перечисляет (*tašsistum*) то, что к обещанному сроку будет приготовлено; во-вторых, Пушукен в Малой Азии официально купцом (*tamkārū*) не был, но действовал от имени членов торговой общины, видимо, канишской, так как именно из этого города он пишет, хотя его письмо, адресованное в Ашшур, и найдено в его собственном архиве в Канише (обычно ответ возвращали вместе с запросом).

П. Гарелли (стр. 248), исходя из упоминания «желания бога», считает, что Пушукен торговал от храма, т. е. что *bē'ulātum* ему выдал храм. Нам это объяснение кажется натяжкой, так как адреса Пушукена, сидя в Ашшуре, скорее могли бы знать, какой именно срок угоден храму Ашшуре, от которого, как полагает П. Гарелли, Пушукен получил свои *bē'ulātum*.

В первом разделе главы о кредите автор делает вывод, что в Малой Азии в отличие от Месопотамии, термин *tamkārū* значил не «купец», а скорее «вкладчик» (стр. 235), и далее очень часто исходит из этого своего допущения, с нашей точки зрения, неверного. Правильнее было бы сказать, что применение этого термина в староассирийской переписке обнаруживает истинное положение ассирийцев в Малой Азии: они не были купцами, *tamkārū*, а только их заместителями, *kīma tamkārīm* (стр. 236). Характерно, что купцы, как считает автор, чаще всего анонимны (стр. 236), т. е. являются членами некоей организации, воспринимавшейся ассирийцами в целом (стр. 242). Мы считаем, что эти безымянные люди (*tamkārū*) и были членами местной торговой общины Каниша. Кстати сказать, местных правителей и должностных лиц ассирийцы, как правило, по именам не называют.

П. Гарелли вслед за Г. Эйсером и Ю. Леви объясняет анонимность купцов удобством передачи долговых расписок, оформлявшихся, таким образом, не на определенное лицо, а на предьявителя (ЕЛ, I, стр. 14); однако подобные расписки, известные и среди документов от среднеассирийского периода, оформлялись с указанием имени кредитора и лишь с припиской о праве предьявителя (nāš ṭuprim — староассирийское wābil ṭuprim).

Достаточно обратиться к письму Пущукена, приведенному выше, чтобы убедиться, что причина анонимности купцов в другом: если имя купца (кредитора или поручителя) неизвестно, то держатель займа может избежать проверки кассы (см. выше).

П. Гарелли предполагает далее, что участие купцов-анонимов (т. е. членов местной общины) в операциях ассирийцев объясняется знанием мест сбыта, так как обычно купцам-анонимам поручается и реализация товаров (стр. 238 сл.), но ведь это уже явное доказательство прямого использования термина tamkārum (ср. стр. 242). Ассирийцы, таким образом, не во всех местностях имели право сбывать свои товары, их роль чаще всего ограничивалась доставкой, т. е. выполнением фрахта.

Сообщая об отсутствии сведений о системе кормления (kurummātum)⁸ должностных лиц (в том числе купцов) типа системы, известной в синхронной Вавилонии (стр. 240), автор и тут не приходит к необходимому заключению, что тексты ассирийских архивов освещают лишь торговлю частных лиц (wēdum), не граждан этой страны, чужеземцев (ubrum), вследствие чего местная община не обязана была заботиться о поддержании их самих и их семей.

Второй термин, обозначающий главных участников торговли, и вовсе не раскрытый автором, — это ummi'anum. Эти лица так же анонимны, как и tamkārū, но на их имя не составляются заемные документы (стр. 245). Одно уже это должно было навести автора на размышление относительно общепринятого перевода этого термина как «кредитор».

Кроме приведенного выше письма Пущукена, в котором упоминается его аш-

шурский ummi'anum ШуХубур (см. выше), автор дает для наглядности два параллельных письма Бузазу, сына Пущукена, с сообщением о смерти главного компаньона этой семьи (крупнейших ассирийских фрахтовщиков в Канише), Пузур-Ашшур (стр. 243 сл.). В момент смерти Пузур-Ашшур Бузазу находился в Вахшущане (на юге Малой Азии) и в его отсутствие сокровищница Пузур-Ашшур была вскрыта его купцами (tamkārū) при участии ummi'anū; купцы передали золото, серебро и документы на хранение некоему ЭннаСину, сыну Идилима. Вернувшись, Бузазу востребовал все это через суд; золотом и серебром сделал выплаты (ana šit PuzurAššur ša šaqālim ušaqqilma), остаток серебра передал доверил некоему АшшурШамши, а затем объявил имя купца, через которого он торгует (в письме оно не названо), и в качестве его представителя (kīma tamkārīm) отобрал деньги у доверенного лица, выкупив товары своего отцовского дома (bit abim); но в воротах города (т. е. на рыночной площади) его компаньоны (ša kīma jāti) отобрали у него эти товары (OIP, 27, 58 и TCL, XXI, 270). В дальнейшем АшшурШамши, которому Бузазу доверил серебро (обходным путем истраченное им же), подал на него в суд и потребовал возврата денег, которых уже не оказалось. В числе судей в этом процессе, неизвестно чем закончившемся, был и депозитарий интересующих нас ummi'anū, ЭннаСин (ЕЛ, I, 253).

Это наиболее прозрачные из писем, упоминающих ummi'anū. Нам кажется, что из них можно только заключить, что если tamkārū — это купцы местной торговой общины (см. выше), то ummi'anū также относятся к какой-то местной организации. Видимо, в случае с Бузазу они, так же как и tamkārū, оказались обойденными при выплатах, на которые могли рассчитывать, поэтому их депозитарий и включен в число судей. Кому мог платить фрахтовщик, и у кого, кроме купцов, мог брать деньги на сырье, как не у ремесленников, изготовлявших товары? Наконец, должны же обнаружить ремесленники, которых нет ни в дворцовых списках, не будет и в списках депонентов, где фигурируют ummi'anū (стр. 245), если мы отвергнем отождествление этого термина староассирийского периода, еще никак убедительно не раскрытого, с тем же термином старовавилонских⁹ и новоассирийских текстов — ummānu, бесспорно обозначающим ре-

⁸ Ср. ЕЛ, I, 95 — этот документ из коллекции Голенищева упоминает «дома кормления», следовательно, система раздачи недвижимости в обеспечение купцов в принципе существовала, но в данном случае не ясно, называются ли эти дома таким образом по аналогии с системой обеспечения купцов в Ашшуре, или же лица, о которых идет речь, были членами торговой общины Каниш и, соответственно, получили эти дома от местной администрации.

⁹ Ср. Законы Хаммураби, § 274, в котором дана такса по найму māg ummānīn, среди которых перечисляются: землекоп, портной, камнерез, кузнец, столяр, кожевник, плотник, строитель и др. (ЗВАН, I, стр. 257 сл.).

месленников. С большой осторожностью, в данном случае не оправданной (стр. 245, прим. 4), П. Гарелли приводит выражение, типичное для обозначения имени профессий: *meša ummi'ānū* «член (организации) *ummi'ānū*». Эти люди имели свои склады, в которых лежали товары, предназначенные для отправки в Ашшур (стр. 245 сл.), и часто им должны деньги (стр. 246) за их изделия (?). Жили они, как отмечает П. Гарелли, во второстепенных поселениях (стр. 245). Последнее делает невероятным предположение, что это крупные ростовщики, и представляется нам доказательством преобладания домашних ремесел, объясняя отсутствие в резиденции должностных лиц, ведающих рядовыми ремесленными промыслами.

Второй, очень удачный раздел рассматриваемой главы — «Виды финансирования» начинается с определения термина *be'ulātum*, автор приходит к заключению, что это 1 процентная суда, в отличие от товарищеской, беспроцентной — *tadmīqum* (стр. 249 сл.).

Для наших возражений по существу обобщений П. Гарелли очень важно его наблюдение относительно порядка использования храмовых ссуд, предоставляемых из пожертвованных сумм (*ikrībum*): торговое объединение не берет с них свой специфический сбор — *šaddu'atum* (стр. 256), который в частности и поэтому мы считаем отчислением с торговли только иноземных купцов (см. выше). Подтверждение этому мы видим в приведенном автором случае ареста ассирийского купца правителем Цальпы на том основании, что этот купец не имеет права пользоваться храмовой ссудой (*ikrību ša ilim la tukāl*, TCL, XX 85, 33 сл.). Отсутствие сбора *šaddu'atum* с храмовой ссуды предполагает, видимо, что торговое объединение было в большей степени связано с местными храмами, чем с дворцом, так как дворцовый рыночный сбор, *nishātum*, напротив, с таких ссуд взымался (стр. 257). Следовательно, храмовое хозяйство существовало, как внедворцовое. С другой стороны, арест ассирийского купца по такому поводу лишний раз подтверждает, что ассирийское, как и другое иноземное купечество, не входило в местную торговую общину, равно как и в местную гражданскую.

В конце этого раздела работы П. Гарелли мы находим обозначение частных торговых обществ, которые ассирийцы организовали при местных городах — *ešlatum* «группа, клан, караван», как переводит этот термин П. Гарелли. Автор отмечает, что в таком торговом обществе действительно одна семья была ведущей, так как глава его назывался его «отцом» (*abum*) не только метафорически (стр. 257).

Заключительный раздел этой главы, построенной на таблице этнической при-

надлежности контрагентов и свидетелей сделок, приведенной в приложении, снова подтверждает наши соображения по главному пункту наших расхождений с П. Гарелли в определении структуры торговой организации Каниша. Цифровые соотношения ссуд по этническим группам (193 сделки между ассирийцами, 45 — между ассирийскими кредиторами и местными должниками, 19 — между местными и 4 между местными кредиторами и ассирийскими должниками)¹⁰ объясняется тем, что тексты, которыми пользуется П. Гарелли, происходят почти полностью из иноземного квартала и показывают соотношение этносов только в нем. Обратим внимание читателей на одно важное обстоятельство, не разъясненное автором: в таблице этнической принадлежности свидетелей (стр. 260, прим. 2) обнаруживается, что при займах между местными гражданами ассирийцы (точнее семиты) никогда не присутствуют в качестве свидетелей, а при займах между ассирийцами в 28 сделках есть, кроме ассирийцев, и местные свидетели (стб. 2), а в одном случае — только местные свидетели (стб. 3). Если бы торговая организация Каниша была ассирийской, то такие случаи привлечения посторонних свидетелей были бы маловероятны, но, если власть в торговой общине находилась в руках местных граждан, вполне понятно и естественно такое местное представительство в сделках между иноземцами.

Мы согласны с автором, что процентные ставки выше средней известной как обычный процент торговой общины (30%), возможно предполагают ссуды контрагентам, доход которых сомнителен, а именно сельскохозяйственные ссуды (стр. 262), но скорее всего высокий процент частных ссуд не ассирийцам объясняется начислением из-за дорожных расходов и поборов; так же, как более низкая ставка (в пятнадцать случаев займов между ассирийцами ставка составляет 20—15%) объясняется скидкой для сограждан и надежным помещением денег у состоятельных компаньонов, доход которых обеспечен товаром наиболее ходовым, а именно, как мы увидим из следующей главы, привозным оловом.

Далее (стр. 265—357) П. Гарелли раскрывает состав товаров, обращавшихся в малоазийской торговле. Он совершен-

¹⁰ Деление на местных и ассирийцев нуждается в значительных поправках (см. выше), так как в первой группе преобладают хетты, не являющиеся коренным местным населением (в отличие от хаттов и лувийцев), — они пришли в Каниш из внутренних областей Анатолии, обособленных в этот период, а хурриты были коренным населением Сирии, так же как и амореи, попавшие у Гарелли в группу ассирийцев.

но прав, отказавшись от термина «биметаллизм»: при расчетах, кроме серебра и золота, употреблялись также медь и олово. Мелкие платежи в дороге производились только оловом. Золото и серебро скорее служили средством накопления и масштабом цен (стр. 267). В последнем выводе мы не вполне согласны с автором, так как все-таки слово «серебро» часто употребляется и в смысле «средство обращения, деньги». Среди перечисленных автором источников серебра (Бинарама, Каниш, Шалахшуа, Шалатувар — все малоазийские!), он считает Каниш рынком серебра, так же как и меди (стр. 268), но нам кажется, что Каниш прежде всего был обрабатывающим центром (ср. «серебро обогащенное, (из) Каниша» — *kasrum dammuqum ša Kaniš*). Перечисляя различные виды серебра (очищенное, песок, промытое и т. п.) и золота (электр, червонное, промытое, «морское» и т. п.), П. Гарелли дает для них таблицы сделок и выводит среднее соотношение стоимости золота и серебра — примерно 1 : 8. Эти два металла были в обращении в виде брусков (от 2,5 кг до 15 кг) и колец (от 25 до 500 г). Оловянные кольца достигали 7,5 кг веса, медь иногда продавали в виде топоров (*rašum*) и серпов (*niggallum*).

В разделе «Олово и свинец», ссылаясь на исследование Лимэ¹¹, автор полемирует с Ю. Леви и приходит к выводу, что под термином *annaḫum* подразумеваются оба эти белые металла, а термин *amūtum* обозначает «метеоритное железо», как предполагал первоначально и сам Ю. Леви (стр. 273 сл.). Почему ассирийцы, располагая оловом, не сосредоточили в своих руках производство бронзы? — спрашивает П. Гарелли и приходит к выводу, что добычу и обработку меди ассирийцы не контролировали (стр. 277); лейтмотивом ассирийских операций, по его мнению, были доставка в Малую Азию олова и вывоз оттуда драгоценных металлов (стр. 279). Но тем самым автор снимает свой рассуждения о принадлежности торговой общины (*kāḡum*) Каниша ассирийцам, так как эта торговая община прежде всего держала в своих руках монополию на поставки меди. Таблица сделок на олово показывает, что сбыт этого металла давал от 75 до 100% прибыли (стр. 281). Дорогу от Ашшура до Каниша П. Гарелли предлагает называть «оловянным путем» и делает предположение, что именно по нему олово попадало и в эгейские области (стр. 282). Нам это кажется вполне возможным еще и потому, что в разгар этой торговли среди эпонимов Каниша появляются мореходы.

Наиболее вероятным источником олова П. Гарелли считает район Табриза (стр. 282). Количество олова в одном караване часто превышает 30 кг, но встречается и 120, 130 кг, а в одном тексте — более 12 тонн (410 талантов); по подсчетам Ю. Леви для перевозки такого количества металла нужно было больше 200 дамасских вьючных ослов (стр. 284), а обычных ослов до 400 (см. раздел о собаках). Характерно, что это единственный металл, для которого тексты не дают разных определений, — нам кажется это одним из самых веских доказательств того, что все металлы, кроме олова, добывались и обрабатывались в торговых центрах Малой Азии.

Следующий раздел, посвященный тканям, дает перечень и определение (по цвету, фактуре, происхождению) различных видов тканей, перевозившихся в рулонах (*liwītum*). Нередко в одном караване было больше ста таких рулонов, а то и двести (стр. 285), стоимостью примерно от 8 г за штуку ткани до 6 кг серебра с лишним (царская — стр. 287). Прибыль от торговли тканями составляла 20—25%. Из хитонов (*kuṭānum*) дворец мог выбрать каждый десятый. Прибыль с последних достигала 100% (стр. 288).

В отношении торговли медью автор отмечает особую регламентацию и контроль местной администрации, в руках которой была централизована закупка этого металла (стр. 294). Различается несколько видов меди (стр. 294): «обогащенная» (*dammūqum*), промытая (*masi'um*), «в кусках» (*šikkum*), «почерневшая» (*šalūmum*) и «испорченная» (*lamḡumum*).

Центры обработки меди, кроме Каниша, группируются на юге Малой Азии: Бурушханда, Вахшущана, Шалатувар, Ваххана, и только Турхумит (район Мервифона) расположен на севере (стр. 295), в собственно хеттском районе. Кстати сказать, торговая община запретила ассирийцам вывозить медь в этот район (ССТ V, 27а, 26 сл: *awāt kārim lā tušegabam* — стр. 178 сл.). Видимо, это было привилегией местных купцов (ср. выше). П. Гарелли считает, что медь доставляли сюда из бассейна Эргани Маден, так как в одном случае упоминается хабурская медь (стр. 294), но это нам представляется скорее доказательством того, что вся основная масса меди была не хабурской. Наличие меди на Хабуре до некоторой степени объясняет запрет Каниша на доставку меди в Турхумит: иначе северомесопотамские районы могли бы конкурировать с южными районами Малой Азии, минуя Каниш, контролировавший подвоз меди с юга.

Объем одной операции с медью (стр. 295 сл.) составлял от 30—60 кг до 90—360 кг, но встречаются запасы в 5 тонн (166 талантов). Отношение цены меди к серебру зависело от ее качества: очищенная — 80 : 1, простая — 180 : 1;

¹¹ H. L i m e t, Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur, P., 1960.

при продаже через центральную контору цены были ниже — от 46 : 1 до 70 : 1 (стр. 298). Привилегированные цены централизованной торговли А. Гетце объясняет скидкой для вывоза в Ашшур (КА, стр. 78), — возможно, ради более выгодного обмена на олово.

Специальный раздел работы П. Гарелли посвящен ценам на экипировку караванов и наем сопровождающих лиц (стр. 299). Главными транспортными животными были вьючные ослы (*emāḡum šalātum*)¹², стоившие дороже волов, примерно от 160 до 240 г (20—30 сиклей) серебра (волы — от 50 до 200 г серебра); цена отдельных экземпляров поднималась до 300 г серебра (37 сиклей); цена упряжки (*unūtum*) — от 8 до 24 г серебра (1—3 сикля); фураж: за два воза примерно 16 г серебра (2 сикля).

Погонщик (*sarridum*) получал плату (*igrum*): за рассогнание от Ашшура до верхнего Хабура — 5 сиклей, от Катара в северной Месопотамии до Хаххума (в северной Сирии) — 11 сиклей, от Хаххума до Каниша — 6 сиклей; за весь путь, составляющий по прямой линии 1000 км, — 22 сикля серебра (меньше 200 г). Эта плата зависела от трудности дороги и условий перехода (стр. 301 сл.). Кроме платы, погонщику выдавалась часть товаров для самостоятельной торговли в пути (*be'ulātum*) — снабжение караванов вьючными животными было полностью в руках сирийцев (см. HUCA, 32, стр. 72 сл.).

Только *be'ulātum*, без наемной платы, получал фрахтовщик (*kaššarum*), участвовавший в торговых операциях, выступавший в качестве свидетеля и передававший купцам инструкции их компаньонов (стр. 301) — все эти признаки мы видели (см. выше) среди особенностей торговли ассирийцев в Малой Азии.

Эскорт (*gādi'um*)¹³, который давали каравану местные власти, стоил от 2 до 15 сиклей серебра (стр. 302 сл.). Курьеры (*alikum*), доставлявшие почту, и послы по особо важным дипломатическим поручениям (*širum*) также получали плату (*igrum*) от 1 1/3 сиклей серебра до 30 сиклей (стр. 303); специальный посол города, ехавший из Ашшура в Каниш, за оба конца получал 1 мину серебра (0,5 кг).

Постой в северомесопотамской и сирийской части пути стоил по текстам,

¹² Автор, упоминая о выясненном Ю. Леви происхождении этих животных, которых последний отождествляет с породой наиболее выносливых и рослых дамасских ослов (HUSA, 32, стр. 74), не отмечает особое значение этого вида сирийского скотоводства для участников торговли (см. ниже).

¹³ Скорее «проводник» — всегда аноним, так же как купцы и ремесленники, местные правители и должностные лица местной администрации.

доступным автору (иноземный квартал), очень дешево: от 1/4 до 5 «зерен» серебра — (в 1 сикле 180 «зерен»), но в горах южных областей Малой Азии (на территории чужой как ассирийцам, так и сирийцам и хеттам) очень дорого: 40 сиклей серебра (более 320 г). Таким же образом, судя по этим документам, возрастала такса на провизию: дорожке всего она стоила в Бурушханде, на юге Малой Азии, где преобладали лувийцы; от Ашшура до Каниша дорожные расходы составляли почти столько же, сколько на пути от Каниша до Бурушханды, значительно более коротком, — больше полутора кг серебра (стр. 304).

В итоге автор приходит к заключению, что дорожные расходы все-таки давали очень небольшое понижение прибыли по сравнению с затратами на административные отчисления (стр. 310), составлявшими не менее 10% от общей массы товаров. Исходя из этого, можно объяснить, почему средний рост канишских ссуд составляет 30% против 20%, известных для Месопотамии того же периода (ЗВАХ, I, стр. 283) — разница шла на оплату сборов, разрешавших ассирийцам участвовать в малоазийской торговле.

Сведения о прожиточном минимуме, собранные П. Гарелли, по его собственному мнению, слишком отрывочны, чтобы можно было рассчитать бюджет купца. В целом ясно, что это были расходы порядка сиклей, в то время как торговый оборот исчислялся в минах и талантах (стр. 316). Приводя данные об оптовой закупке продуктов (23 мешка полбы и 18 мешков ячменя за 4 мины и 38 сиклей), распроданных затем по частям, автор отмечает в этой сделке (TCL, XIV 53) крупную спекуляцию, но ничего не говорит о смысле этого любопытного документа, свидетельствующего об организации снабжения трапезной торгового товарищества, которое оптом покупает провизию, а потом делит ее, взимая втридорога плату, причитающуюся с тех, кто не успел или не смог запастись. П. Гарелли упоминал выше о том, что система обеспечения прожиточного минимума ассирийских купцов не известна, но здесь мы бесспорно имеем доказательство существования частной инициативы, а не задачи содержания из казны, как предполагал автор.

Любопытны приводимые П. Гарелли цены на постройки, очень высокие для этого периода: от 33 3/4 сикля (около 270 г) до 16 мин (8 кг) серебра. Понятно, почему дома строили очень тесными и в два этажа. Цены на рабов, обычные для этого периода, — от 30 сиклей (240 г) до 45 сиклей (360 г). Цены на рабыню автор извлекает из брачных документов, где они означают калым за наложницу, хотя она и названа *amtum* «рабыня».

Общий вывод автора из анализа материалов, приведенных в главе, сводится

к тому, что благодаря политической раздробленности малоазийских государств ассирийцы (мы бы сказали иноземцы) стали монополистами доставки товаров.

Главное место в последней части книги П. Гарелли — «Политические отношения между ассирийцами и местными анатолийцами» (стр. 322 сл.) — занимает полемика с последней обобщающей статьей Юлуса Леви «О некоторых институтах Староассирийской империи»¹⁴. Тщательный просмотр содержания текста КТН, 14 приводит автора к выводу, что местные правители не были осведомлены о структуре торговой организации (стр. 340), так как требовали оформления присяги иноземных купцов от тех, кто торговал в их районе, не подозревая, что без представителей Каниша они не имеют права участвовать в этой процедуре. С нашей точки зрения это свидетельствует лишь о том, что местные власти официально не признавали коммерческое объединение во главе с Канишем. Существование этого объединения было отлично известно, например, правителю Тамнии (север Малой Азии), который не церемонился с послами иноземных купцов своего района и требовал присяги непосредственно от Каниша¹⁵.

Тот факт, что в письме местного правителя АнуМХирби при описании политической ситуации полностью игнорируется торговая организация, центр которой находился во владениях его адресата Варшамы, является, с нашей точки зрения, лишним доказательством того, что АнуМХирби не расценивал ее, как «элемент ассирийской политической системы», иначе ассирийцы были бы названы в этом контексте в числе врагов или друзей (к стр. 352).

Мы полностью согласны с автором, что все приведенные им данные свидетельствуют о различии между торговой организацией Каниша и его дворцом (стр. 349 и др.), но из этого вовсе не вытекает, что торговая община Каниша является ассирийской. Бесспорно «ассирийцы не были хозяевами обстановки», как заклю-

чает автор из письма о междуусобице в Хаххуме (стр. 351).

Рассматривая данные об участии главы ашшурского городского совета (waklum, см. выше) в канишской торговле, П. Гарелли приходит к выводу, на наш взгляд абсолютно правильному, что waklum выступает здесь как частное лицо, а именно как один из крупных ассирийских купцов (стр. 353 сл.), так же как и местные правители, участвующие в торговле как частные лица (стр. 355 сл.).

Совершенно субъективны противоречивые выводы автора, полагающего, что использование кредита купцов свидетельствует о бедности местных властей (стр. 357), а широкая система взаимного кредита между ассирийцами является доказательством богатства последних (стр. 263).

В конце книги П. Гарелли приходит к заключению, что, говоря о Малой Азии начала II тыс. до н. э., мы имеем право сделать вывод о существовании не империи Ассирии, а некоего ассирийского «экономического империализма» (стр. 361). Представления автора об империализме весьма наивны.

Можно было бы на этом закончить полемику с основными положениями исследования П. Гарелли, если бы именно последние страницы книги не противоречили больше всего ее концепции в целом.

Прежде всего автор подробно и убедительно доказывает, что в период пребывания ассирийских купцов в Малой Азии правители Ашшура, судя по титулатуре в их надписях, не имели никаких претензий на мировое господство (стр. 368 сл.) и на власть над Малой Азией, в частности; это особенно показательно, так как самые эфемерные победы, как правило, были основанием для включения в состав титулатуры новых районов как якобы подвластных царю (стр. 365 сл.). Все сведения об ассирийской эксплуатации малоазийских рынков, по признанию П. Гарелли, явно относятся к внешней политике Ашшура (стр. 368). К сожалению говоря о том, чьей организацией была канишская торговая община (kânim), автор и здесь остается при убеждении, что ассирийской (стр. 369).

С нашей точки зрения, объединение купцов с центром в Канише, возможно, действительно было создано по инициативе ассирийцев и поэтому его возглавляли преимущественно иноземные для Каниша эпонимы из семитов, а переписка велась на ассирийском диалекте¹⁶, но это коммерческое объединение возник-

¹⁶ Это обстоятельство считалось решающим для определения принадлежности торговой общины Каниша ассирийцам до тех пор, пока в результате турецких раскопок не выяснилось, что местные цари, не зависевшие от властей Ашшура, вели переписку тоже на ассирийском диалекте аккадского языка.

¹⁴ J. L e w y, On Some Institutions of the Old Assyrian Empire, «Hebrew Union College Annual», 27, 1956, стр. 179.

¹⁵ Приведенный автором текст Kt f/k, 183 недвусмысленно сообщает об этом: «1торговой общине 2Каниш скажи, —3вот что (говорит) торговая община 4Тамниа: 5послы торговой общины 6Турхумит 7правителю Тамнии 8ради совершения присяги 9принесли подарок, и 10вот что он (сказал) 11послам: 12а где же послы 13отцов моих, 14торговой общины Каниша, 15пусть они придут сюда, и 16у них 17я приму клятву». И 18он третирует нас, 19(говоря) следующее: 20Я строю город... 21...25[лакуна]. 26Подарок несите ему, 27мы вам открыли глаза (букв. «открыли ваши уши»)28 — гонцов пусть не третируют».

ло, очевидно, в противовес ранее уже существовавшим местным торговым общинам (*kāgim*), главами которых и крупнейшие из ассирийских купцов не были, поскольку они не являлись их членами, так как не входили в местные гражданские общины. С другой стороны, централизация кредита в Канише, монополия на ввоз олова и широкие финансовые возможности ассирийцев (стр. 370) действительно создали для их торговли в Малой Азии — именно в канишском торговом объединении — базу, благодаря которой они продержались здесь в течение трех поколений.

По мнению П. Гарелли, торговое объединение Каниша распалось окончательно в связи с политической ассирийского царя ШамшиАдада I на западе Передней Азии (стр. 377). Однако в начале этой главы автор утверждает, что граница владений ШамшиАдада I проходила только по Хабуру, а дальше начиналась сфера влияния хеттов (стр. 366). В то же время одной из главных причин распада торговой ассоциации Каниша автор считает разбой местных правителей (стр. 361). Убедительнее было бы обобщить в конце все рассеянные в тексте книги предполагаемые причины гибели этой организации.

Наши расхождения с автором книги «Ассирийцы в Каппадокии» можно суммировать в следующем виде: через все главы этого итогового исследования, посвященные систематическому изложению материала, проходят наблюдения, свидетельствующие против предложенной П. Гарелли контаминации гипотез Б. Ландсбергера и Ю. Леви; отмеченные нами в ходе статьи противоречия между фактическим материалом и гипотезой, предполагающей, что Каниш был частью политической структуры Ашшура на Тигре, сводятся к реконструкции

канишского торгового объединения, как международной чисто коммерческой организации, состоящей преимущественно из жителей Северной Сирии, отчасти Северной Месопотамии и Анатолии (амореи, хурриты, ассирийцы и хетты). Оставаясь гражданами тех государств, с которыми они были связаны по происхождению, эти иноземные купцы образовали при канишской торговой общине (*kāgim*) фактически самостоятельную организацию частных торговых обществ, представляющих в основе родовые организации купечества и ведущих в Малой Азии и Северной Сирии торговлю по договорам местных правителей с торговым объединением иноземных купцов. Централизация кредитных операций в торговой конторе Каниша и обработка серебра в мастерских этого города укрепили особое положение *kāgim* Каниша среди торгующих, но эта торговая община оставалась тем не менее элементом местной городской общины (*ālum*) Каниша, а не Ашшура. Собственно члены местной канишской торговой общины, ее купцы (*tamkārū*) выступают в текстах иноземных купеческих архивов как анонимы-представители монолитной организации, противостоящей иноземному частному (*wēdum*) купечеству. Местные правители не считались с централизованным коммерческим объединением Каниша, как с инородной политической силой именно потому, что оно было организационно подчинено местной торговой общине, т. е. в конечном счете представляло элемент их собственной гражданской организации, являясь результатом спекулятивного частного предпринимательства, а не политической или экономической экспансии Ассирийского государства, как полагает П. Гарелли.

Н. Б. Янковская

R. N. FRYE, *The Heritage of Persia*, L., 1962, 317 стр.

Рецензируемая книга американского ираниста Р. Фрая посвящена истории и культуре мидийцев, персов, парфян и других ираноязычных народов начиная с возникновения Мидийского государства в VIII в. до н. э.¹ и до X в. н. э.,

¹ Попутно отметим, что мнение автора о возникновении Мидийского государства в области Бит-Дайаукки (стр. 71) основано на ошибочном чтении 139—140 строк Аяналов Саргона, где речь идет о стране Мидии, а не о Бит-Дайаукки; см. И. М. Дьяконов, История Мидии, М.—Л., 1956, стр. 210, прим. 3.

когда, по мнению автора, после принятия ислама персами и появления новоперсидской литературы на арабской письменности заканчивается древний период истории Ирана. При этом автор многократно подчеркивает идею постоянства, исторической неразрывности и целостности культуры, государственных традиций и экономических институтов Ирана на всем протяжении истории этой страны.

К книге приложены 126 превосходно изданных фотографий памятников материальной культуры и надписей, а также карты и краткий библиографический

очерк. Книга написана увлекательно, доступным для широкой публики языком, автор опирается на основательное знание обширной новейшей литературы, в том числе и советской. Часто взгляды Р. Фрая не расходятся с теми положениями, которые высказывались в нашей литературе, но в ряде случаев он полемизирует по кардинальным вопросам с советскими авторами. Естественно, в рецензии невозможно изложить содержание этой насыщенной фактами книги, ценной как для специалистов, так и для широкого читателя. Поэтому позволим себе остановиться лишь на некоторых основных положениях, выдвинутых автором.

Остановимся прежде всего на вопросе структуры древнеиранских государств, которому в рецензируемой работе отведено много места (стр. 112—114, 141—142, 191—195, 209—210, 279). Автор отмечает, что западные ученые Парфянское государство обычно считают феодальным, а царьков и даже сатрапов называют вассалами великого царя, хотя, по его мнению, эти термины могут быть ошибочными, когда их употребляют по отношению к древнему Ирану. Но тем не менее сам автор (например, стр. 56 и др.) и вообще называет государства древнего Востока феодальными, и в древнем Иране находит развитие феодальных отношений.

Подробно останавливаясь на земельных отношениях (стр. 112—114 и др.), автор выдвигает следующие положения. По его мнению, при Ахеменидах, как и при Сасанидах, теоретически царь считался собственником всей земли². Часть ее была реальной государственной собственностью (рудники, леса и царские имения). Большая часть земли была занята на условиях феодального владения местными правителями и племенами, над которыми царь имел мало эффективный контроль, а также крупными и мелкими землевладельцами. Ахемениды, создавая в завое-

ванных странах военные колонии и раздавая земельные наделы своим гражданским и военным чиновникам, которые назывались царскими рабами, содействовали развитию феодализма. Начиная со времени Дария I в вавилонских документах засвидетельствован введенный персидской администрацией термин *qaštu* «лук» или «надел для содержания лучника»³. Эти наделы получали разные лица за несение военной службы. Земледельцы, возделывавшие землю, были обычно прикреплены к ней как крепостные (*serfs*) и не могли оставить свое местожительство без разрешения землевладельца или государственного чиновника.

Что касается положений о верховной собственности царя на землю, то до сих пор среди огромного количества документов не обнаружено ни одного, который свидетельствовал бы об этом. В источниках времени Ахеменидов, да и более поздних нет даже никаких следов представления о такого рода принципе⁴. Напротив, имеются многочисленные свидетельства о свободной продаже, закладе, дарении и других способах отчуждения земли. Конечно, царю принадлежали в завоеванных странах большие массивы земли; он раздавал земельные наделы персидской знати и военным колонистам, но во всех этих случаях царь не распоряжался землей покоренных стран произвольно, а отбирал в свое распоряжение земли, принадлежавшие прежним царям и близкой к ним знати, — обычно в тех случаях, когда они добровольно не подчинялись персам. Под *serfs* автор подразумевает, видимо, *ижкару* Вавилонии ахеменидского периода и поздней Ассирии — зависимых земледельцев, которых в поздней Ассирии можно было продавать, сдать в аренду вместе с землей, орудиями и скотом и которые не могли оставить работу по своему желанию. Определение их социально-экономического положения еще требует дальнейшего исследования.

Утверждение автора, что на Востоке, в том числе и в Иране, экономическая база общества оставалась удивительно постоянной, так что почти для любого политического и социального процесса позднего времени можно найти прецеденты в более ранних периодах истории Ближнего Востока (стр. 56), находится в явном противоречии с данными многих тысяч документов ахеменидского времени,

² Однако автор в какой-то мере противоречит себе, когда утверждает, что в Ахеменидской державе теоретически было два вида земли, а именно, царская и храмовая (или «земля богов»). Последней владели храмы, а земледельцы, обрабатывавшие ее, платили через жрецов налоги в государственную сокровищницу. При Селевкидах, по мнению автора, храмовая земля, возможно, теоретически считалась определенным видом царской земли, пожалованной храму. Отметим, что пока нет оснований полагать, что храмовые земледельцы платили налоги государству, хотя, правда, при Ахеменидах сами храмы должны были отчислять часть своих доходов в государственную казну. Судя по документам из Нисы, парфянские цари получали вино из храмовых хозяйств (указано В. А. Лившицем).

³ Отметим, что термин *qaštu* в значении «земельный надел» встречается и до Дария I, во всяком случае, в документах времени Камбиса — см., например, J. N. Strassmaier, *Inscriptionen von Cambyses, König von Babylon*, Lpz, 1890, № 85, 1: (še) zēr bit (iš) (!) *qaštu* «зерновое поле — надел лука».

⁴ Существование такой теории в сасанидский период также до сих пор не доказано.

свидетельствующих о больших социальных сдвигах и в особенности о коренных переменях в земельных отношениях, которые имели место в VI—IV вв. до н. э. Поэтому, несомненно, было бы полезнее попытаться разобраться в сложной проблеме, что нового принесло возникновение, распад и крушение державы Ахеменидов, чем удовлетворяться повторением традиционных взглядов о вечном застое на Востоке.

Р. Фрай полагает, что представления о достижениях Ахеменидской державы в какой-то мере искажаются блестящим светом Греции, которая «стала великой благодаря любви ее жителей к свободе и страху их перед законом» (стр. 124—128)⁵. Но он сомневается в правильности ставшего обычным вопроса, почему Восток оставался позади греков и почему еще сегодня он остается слабо развитым по сравнению с Западом. Он предлагает поставить этот вопрос иначе, а именно: почему Запад развивался ненормально, в то время как Азия и Африка в течение всей истории развивались так, как следовало ожидать.

Однако такая постановка вопроса ничего не меняет, так как вместо обычного мнения, что Запад был и остается впереди Востока, предлагается считать, что Восток не был недоразвит, но Запад переразвит. Здесь, конечно, невозможно останавливаться на современном положении Востока, но что касается древности, то, как с этим, по-видимому, охотно согласится и автор рецензируемой книги, греческая культура является определенным, хотя и очень высоким, этапом в развитии древней культуры и не могла бы возникнуть, если бы ей не предшество-

⁵ В оценке тех или иных исторических событий автор нередко впадает в субъективизм и в других случаях. Так, например, он пишет, что дружественное отношение греков к местной культуре народов Востока после завоеваний Александра Македонского поразительно напоминает пример британской политики в Индии. Он считает также, что история могла бы быть другой, если бы Аргаксеркс III не был отравлен около 338 г. или если в 335 г. царем стал не Дарий III, а другой, более одаренный человек (стр. 125, 131). Столь же субъективно и его сравнение армии Александра Македонского с армией Наполеона во время египетского похода (стр. 129), греческих наемников в армии Дария с французским Иностранным легионом (стр. 130). Так же неправомерно определение движения маздакидов как революции (стр. 222), а реформ Хосрова II как глубокого изменения, скорее даже революции (стр. 228). Столь же субъективен автор и в своем утверждении, что «если бы Ездигерд III имел время, он смог бы спасти Иран от арабов» (стр. 240).

вали вавилонская и египетская математика, финикийский алфавит, материальная культура и искусство народов Востока, которые в течение многих тысячелетий бесспорно шли впереди Запада, в том числе и греков. Не следует также забывать, что сами греки часто охотно подчеркивали, что они многому научились у народов Востока, заимствовали у них их изобретения и научные достижения.

Многие страницы рецензируемой книги посвящены вопросу о рабском труде в державе Ахеменидов (стр. 53—54, 114—116, 152—153, 280). Автор пишет, что советскими исследователями написано большое количество интересных работ о классовой структуре и рабстве, но что многие их выводы основаны на недостаточных доказательствах. В частности, это относится к безуспешным попыткам найти массовые движения рабов на древнем Востоке.

Взгляды автора в этом вопросе частично опираются на книгу Мендельсона о рабстве на древнем Ближнем Востоке⁶ и могут быть охарактеризованы следующим образом.

Рабство на Ближнем Востоке, в том числе и в державе Ахеменидов, коренным образом отличалось от рабства в Римской империи, так как основой сельского хозяйства в течение всей истории Востока были свободные земледельцы и арендаторы, и в ремесле также доминировал труд свободного ремесленника. Само рабство первоначально было результатом нищеты, рабы были той же расы и языка, что и хозяева их, и переход от рабского состояния к свободному и наоборот не был труден, так как человек мог продать себя или членов своей семьи в рабство, чтобы добыть деньги или расплатиться за долги. Раб мог быть усыновлен, отпущен на свободу или мог выкупиться. Хотя большинство рабов были доморожденными, между купленным на рынке и домашним рабом, а также между рабом и свободным человеком резкой разницы не было. Раб на Востоке никогда не был закованным волочильщиком камня, работавшим под ударами бича. Многие рабы находились в более благоприятном положении, чем свободные люди, так как в тех случаях, когда рабы работали в царских имениях, о них заботились больше, чем о свободных, которые выполняли временные повинности и гибель которых не могла нанести ущерба царскому хозяйству, потому что погибшие заменялись новыми подданными.

Далее, по мнению Р. Фрая, некоторые рабы были квалифицированными ремесленниками или высокообразованными людьми, которым доверяли ответственные должности. К ахеменидскому времени рабы стали юридически правомочными

⁶ I. Mendelsohn, Slavery in the Ancient Near East, N. Y., 1949.

лицами, которые владели своими имениями, рабами, имели свои печати и платили определенный процент от своих доходов рабовладельцам. Цены на рабов в течение всего ахеменидского и селевкидского времени непрерывно повышались, и поэтому рабский труд не мог соревноваться с квалифицированным трудом свободных работников и стал экономически невыгоден⁷. А в селевкидское время частное рабство пришло в упадок, так как новые философские и религиозные учения были гуманны, и манумиссии стали частыми⁸. Что же касается Ирана, там рабов было мало и рабство было менее развито, чем в других странах Ближнего Востока.

В этом изложении автора ряд утверждений, как нам представляется, находится в противоречии с данными источников.

Прежде всего нельзя согласиться с тем, что абсолютное число рабов было незначительно, — почти в любом древнем обществе было много рабов-военнопленных и особенно много было их в странах, входивших в состав державы Ахеменидов; в Вавилонии, например, продавались люди, увезенные из Египта и Бактрии, которых называли «добычей лука», а в Египте было немало рабов киликийского происхождения. Противоречат данным источников и утверждения Р. Фрая о мягких формах восточного рабства. Во-первых, самозаклад и тем более самопродажа в рабство были в ахеменидский период явлением крайне редким; редки и документы об усыновлении рабов и отпуске их на волю; таким образом, эта группа аргументов автора в пользу его тезиса критики не выдерживает. Документы свидетельствуют также, что рабы были одним из главных видов движимого имущества и что различие между рабом и свободным имело принципиальный характер — при продаже раба продавец нес ответственность за то, что проданный не является свободным человеком, а также гарантировал покупателя в течение ста дней от побега купленного раба. О побегах рабов вавилонские документы ахеменидского времени дают много разнообразных сведений, и все они также противоречат тезису Р. Фрая о мягком характере рабовладения.

Иногда рабам удавалось скрываться от своих хозяев по крайней мере в течение нескольких лет. Беглых рабов ловили, клеймили, как скот, заключали в кандалы и возвращали обратно на работу. Наиболее непокорных рабов, которые

неоднократно совершали побеги или которых подозревали в намерении бежать, держали под особым надзором в специальных работных домах, где был установлен тюремный режим. Иногда рабы совершали и массовые бегства. В крупных рабовладельческих хозяйствах периодически устраивались проверки и тщательно записывались общее количество и имена беглых рабов, очевидно, с целью попытаться поймать их. Рабы выступали против плохих жизненных условий, несвоевременной выдачи пищи, а иногда оказывали и активное сопротивление своим угнетателям с оружием в руках и даже убивали их. Нередко рабы помогали друг другу, просили освободить из тюрьмы своих товарищей. Иногда рабы перебежали к другим рабовладельцам, надеясь найти у них лучшие условия жизни⁹.

Но само существование рабства, по-видимому, представлялось рабам нормальным явлением. Организованных массовых выступлений рабов в VI—IV вв. до н. э., вероятно, не было. Это легко объясняется тем, что в Вавилонии не было крупных мастерских, основанных на рабском труде. Правда, храмы и крупные торговые дома владели сотнями рабов, но и в этих больших хозяйствах рабы чаще всего работали мелкими группами или в одиночку в различных местах.

Необоснованы и утверждения Р. Фрая о том, что рабы часто находились в более привилегированном положении, чем свободные, — оно опирается лишь на неверное¹⁰ истолкование персепольских документов, их невнимательное изучение.

Что же касается утверждений Р. Фрая о том, что в ахеменидский период рабы стали юридически правомочными лицами, то, во-первых, в этот период, когда число рабов стало очень велико, вывод их на пекулий и отпуск на волю мог быть уже результатом начавшегося разложения рабовладельческих отношений, а во-вторых, по-видимому, анализ документов может в ряде случаев показать, что в это время в результате терминологической эволюции рабом мог быть назван и свободный, но зависимый человек; то, что он не был в действительности рабом, иногда видно из других документов.

Все сказанное, однако, не противоречит тому, что, хотя абсолютное число рабов было велико, их все же значительно меньше, чем свободных земледельцев и ремес-

⁷ Однако рост цен на рабов может свидетельствовать и о выгоде использования их труда в ахеменидский период.

⁸ Отпуск рабов на свободу, очевидно, объясняется не философскими призывами воздержаться от их угнетения, а скорее, сами такие призывы являлись признаком разложения рабства и невыгодности держать рабов.

⁹ Анализ документов, подтверждающих эти данные, см. в статье: М. А. Д а н д а м а е в, Упоминания о беглых рабах в позднеавилонских документах, ПС, 12, 1965, стр. 90 слл.

¹⁰ См. рец. на работу F. Altheim und R. Stiehl, Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden, ВДИ, 1963, № 4, стр. 189.

ленников, труд которых использовался в широких масштабах как в государственном и храмовом, так и в частном хозяйстве.

Ряд возражений вызывает предлагаемое Р. Фраем толкование событий, связанных с захватом царской власти Дарием. Во-первых, автор полагает, что переворот Гауматы был встречен многочисленными контрвосстаниями, из которых только восстание Дария было удачным (стр. 92). Однако Бехистунская надпись (I, 72 сл.) ясно указывает, что восстания покоренных персами народов вспыхнули после убийства Гауматы и были направлены против Дария: «после того как я (т.е. Дарий) убил мага Гаумату... Ассина восстал в Эламе... Нидинту-Бел... восстал в Вавилоне...» и т. д. Во-вторых, § 14 Бехистунской надписи, повествующий о политике Гауматы и Дария I, автор переводит следующим образом (стр. 90): «Говорит Дарий царь: царство, которое было отнято у нашей семьи, его я на (его) место поставил. Я восстановил его на его основании. Как прежде, так я сделал храмы, которые разрушил маг Гаумата. Я вернул народу движимое имущество, стада¹¹, слуг и дома, которые маг Гаумата отнял у них. Я восстановил народ на его основании и (в) Персии и (в) Мидии и (в) других странах». В этом переводе, который близко примыкает к переводу Кента¹², на наш взгляд допущены некоторые неточности, которые частично объясняются тем, что аккадский вариант соответствующего места надписи не использован. Прежде всего оборот *uāḫa raḡuwaššū awaḫā* («как прежде, так») относится не к храмам, а к предшествующему предложению. В аккадском вариан-

¹¹ *Gaiḫā*. Значение этого слова теперь хорошо известно благодаря исследованиям В. Хинца. Оно засвидетельствовано в эламских документах, где является составной частью заимствованного из древнеперсидского языка титула надзирателя за скотом *gaiḫarati*. Недавно В. Эйлерс нашел этот титул и в вавилонском документе в форме *gi-te-pa-tu-ḫa*. Перс. *gaiḫā* в эламском варианте соответствует слово *āš*, которое встречается в эламских надписях различных периодов и которое, как показал Хинц, значит «скот». Некоторые исследователи ранее предлагали читать *āš* как логограмму *ZIZ* («полба»), но Хинц справедливо отвергает это мнение, так как в эламском языке ахеменидского времени логограммы не употребляются без знака MEŠ (см. W. Hinz, Zu § 14 der Behistun-Inschrift, ZDMG, 113, 1963, стр. 233).

¹² R. G. Kent, *Old Persian, New Haven*, 1953, стр. 120. См. также W. Brandenstein und M. Mayrhofer, *Handbuch des Altpersischen*, Wiesbaden, 1964, стр. 84.

те (строка 21)¹³ это место частично разрушено, но ясно, что слова, передающие рассматриваемую персидскую конструкцию, не имеют отношения к храмам: «Царство, которое прежде [от нашего рода было отнято, я вернул, как прежде было, так на] место его я установил. Я построил храмы...». Далее, конец предложения следует перевести: «Я поставил народ на место и Персию, и Мидию, и другие страны», как это несомненно вытекает из персидского, аккадского и эламского вариантов надписи.

Недавно В. Хинц опубликовал интересную статью, посвященную исследованию 14 параграфа, которая является ответом на работы советских авторов¹⁴. В эламском варианте этого места упоминается слово *kur-taš*¹⁵. До сих пор полагали, что эламскому *kurtaš* в персидском варианте соответствует *māniya*, которое переводили «слуга» или «домашний раб». Хинц считает, что слову *kurtaš* в персидском соответствует *abišariš*, которое обычно переводили «пастище», а *māniya*, по его мнению, в эламском варианте переведено через *lu-taš*¹⁶. В толковании *abišariš* Хинц предлагает вернуться к предложенному 25 лет назад Э. Херфельдом переводу «слуги» (с ссылкой на санскритское *abhi. cara*). В таком случае приходится полагать, что в рассматриваемом месте в эламском варианте порядок следования прямых дополнений был

¹³ W. C. Benedict and E. von Voigtlander, *Darius' Bisitun Inscription, Babylonian Version, Lines 1—29*, ICS, X, 1956, 1, стр. 4.

¹⁴ Hinz, Zu § 14 der Behistun-Inschrift, стр. 231—235.

¹⁵ Слово это хорошо известно из персепольских документов, в которых оно употребляется для обозначения работников царского хозяйства. В этих работах теперь многие видят рабов, но некоторые считают, что они были свободными людьми, которые принудительно работали в царском хозяйстве, отбывая повинности в течение определенного времени, а остальное время работали на себя. Последнее, однако, маловероятно, так как, во-первых, *kurtaš*, по свидетельству документов, работали на царя круглый год и, во-вторых, они являлись чужеземцами, увезенными из Египта, Сирии и других стран, а увозить тысячи квалифицированных работников за многие сотни километров в Персеполь, чтобы они выполняли там повинности в течение определенного количества дней в году, было бы экономически невыгодно.

¹⁶ Выдвигавшееся некоторыми исследователями толкование слова *lu-taš* как *UDU-taš* «баран» Хинц отвергает, так как в таком случае получилось бы смешанное шумерийско-эламское слово, для чего нет никаких аналогий.

иным, чем в персидском. Такое предположение возможно, хотя именно в этом параграфе эламская версия наиболее близко примыкает к персидской, что, впрочем, и затрудняет понимание текста, так как сама персидская фраза по грамматической структуре очень необычна.

Для др. перс. māniya Хинц с ссылкой на совр. перс. mānā предлагает значение «домá», возвращаясь тем самым к старому толкованию В. Фои. Далее, слово viḫ-bišča, ссылаясь на элам. (h)UL.ḪI(lg) «царский дворец» и акк. šarḫu «царь» (сохранившееся после лакуны), Хинц переводит «зависимые от царского двора люди»¹⁷.

Спорное место Хинц переводит: «Я восстановил военной знати ее челядь и скот и ее дворы, а именно с помощью зависимых от царского двора людей...». Этот перевод следует учитывать в качестве рабочей гипотезы, однако словом kāga, как полагает вслед за некоторыми советскими исследователями и автор рецензируемой книги, обозначались все свободные, а не только знатные. Кроме того, нет уверенности, что слова abīcariš и kurtaš действительно являются коррелятами. Далее, и предлагавшиеся прежде значения abīcariš и māniya также опирались на довольно убедительные этимологии. Но независимо от различных мнений из сохранившейся части арамейского варианта совершенно ясно, что Дарий вернул знатым персам «их дома и их движимое имущество», которое отнял Гаумата. Дальнейшие находки и исследования могут дополнить и расширить этот вывод, однако они не могут поколебать его.

Вызывает известные возражения и тезис автора о благотворительной роли греческих полисов для азиатского крестьянства, превращавшегося по мере приписки к полисам из «рабов» в свободных. По мнению автора, это было «главным базисом для социальных и экономических изменений при эллинизме». В

¹⁷ «Königshof-Hörige». При этом Хинц отвергает наш перевод персидского viḫ как «дом», полагая, что в ахеменидских надписях оно всегда имеет значение только «царский дом». Наша аргументация подробно изложена в книге: М. Д а н д а м а е в, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, стр. 187—194, которую Хинц не успел учесть, поэтому здесь не место подробно останавливаться на этом. Отметим только, что если viḫ всегда «царский дом», то непонятно, почему в аккадском, арамейском и эламском вариантах оно переводится как «дом», если не считать § 14, откуда, возможно, вытекает, что речь идет о царском дворце. Короче говоря, если рассматриваемое персидское слово было однозначно, то чем объяснить такой разницей в его переводе на другие языки?

сушности это не очень новое положение, выдвигавшееся еще В. Тарном¹⁸, для которого «греческий полис был благодетелем азиатского крестьянина». Конечно, нельзя полностью отвергать возможности подобных изменений в положении азиатского крестьянства в эпоху существования эллинистических государств¹⁹. Однако имеется целый ряд фактов, которые заставляют подойти более осторожно к рассматриваемой проблеме. В советской науке уже давно было доказано, что при всем различии конкретных условий для большинства эллинистических государств является характерным такое развитие производственных отношений, при котором основными работниками остаются зависимые крестьяне, «лаоы»²⁰, т. е. преобладающими являются те отношения, которые характерны были для Ближнего Востока с глубокой древности. Кроме того, когда местные деревни попадали в зависимость от греческих полисов, не исключалась и возможность того, что (как в случае с Дура-Европос)²¹ крестьяне оказывались в зависимости от отдельных поселенцев, получавших надель (клеры). Необходимо учитывать также и сами масштабы греческой колонизации. Они далеко не могли охватить своим влиянием сколько-нибудь значительные районы, особенно в тех областях, которые исследуются в работе Р. Фрая, т. е. к востоку от Месопотамии. Колонизационная политика Александра и Селевкидов в основном касалась направления главных стратегических дорог, на трассе которых основывались полисы и военные поселения. Хорошее представление о главной из них, унаследованной парфянами от Селевкидов, дает Исидор Харакский (Mansiones Parthicae). Очень показательное значительное уменьшение числа полисов как только дорога покидает Месопотамию. Это отражает тот бесспорный факт, что вне пределов Сирии и Месопотамии колониационная политика Селевкидов была очень ограниченной. Таким образом, серьезного влияния на изменение социального положения основных масс крестьянства восточной половины Селевкидской державы оказать не могло и поэтому не могло стать основой социальных и экономических изменений. Кроме того, последовательное проведение этого тезиса оказывается во внутреннем противоречии с основной концепцией автора о феодальном характере восточных обществ этого времени, что также, как отме-

¹⁸ В. Т а р н, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 137.

¹⁹ А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 105.

²⁰ К. К. З е л ь и н, Некоторые основные проблемы истории эллинизма, СА, XXII, 1955, стр. 105.

²¹ F. C u m o n t, Fouilles de Doura-Europos. P., 1926, стр. XXI.

чалось выше, не имеет под собой оснований.

Примеры внутренней противоречивости концепций Р. Фрая можно найти и в других местах его работы. Так, оценивая роль аршакидского Ирана в истории Ближнего Востока, автор считает возможным характеризовать его только как «переходный от древней к средневековой эре, чем и объясняется различие между ранними и поздними парфиями» (стр. 179). Подобные взгляды, достаточно широко распространенные в литературе, низводящие значение целого полутысячелетнего периода в истории Ирана до роли простого передатчика достижений и традиций древневосточного государства Ахеменидов Новоираискому царству Сасанидов уже в середине 30-х годов были отвергнуты М. И. Ростовцевым²², доказавшим большую самостоятельную, творческую ценность аршакидской эпохи, создавшей целый ряд новых явлений в культуре Ирана²³.

Этот вывод выглядит особенно фундаментальным в настоящее время, когда в результате раскопок советских археологов в коренных районах обитания парфиян получен новый громадный материал²⁴. Старые концепции живучи. Причем, однако, характерно то, что если в самой общей форме автор неоднократно возвращается к этой концепции (стр. 129, 178), то в своем конкретном исследовании тех или иных явлений культуры он зачастую высказывает прямо противоположные мнения. Так, он доказывает, что административная система Сасанидов целиком заимствована от Аршакидов; отмечается, что развитие религиозной системы зороастризма в сасанидский период базируется на вкладе в это развитие жрецов Аршакидского Ирана (кодификация Авесты), архитектура Сасанидов является дальнейшим развитием тех принципов, которые возникли в предшествующую, аршакидскую, эпоху и т. д. Таким образом, налицо явное противоречие в тех итогах, которые получены при исследовании частных проблем, и общей концепцией автора. Однако последнее утверждение Р. Фрая заслуживает критики и с другой точки зрения. Аршакид-

скую эпоху никак нельзя считать тем водоразделом, с которого начинается средневековье, если понимать последнее как эпоху феодализма. Переход к феодализму с нашей точки зрения происходит позднее, после утверждения династии Сасанид, а позднеаршакидское и раннесасанидское время остаются в пределах одной формации, что главным образом и определяет ту значительную степень единства культуры их, которую отмечает и сам автор.

Особого внимания заслуживает тезис автора о возникновении и развитии такого специфического явления в искусстве парфиянского времени, как так называемая «схема фронтальности», позднее широко распространившаяся в искусстве всего Средиземноморья и особенно в искусстве Византии²⁵. Автор принимает за исходный тезис взгляды Ростовцева, считавшего главным районом, где возникла система фронтальности, Северную Месопотамию. Этот прием затем заимствуется северными иранцами, мидянами, гирканцами, а от них переходит к их кочевым соседям, также ираноязычным народам: сакам и сарматам. Вместе с этими двумя ветвями кочевых народов схема фронтальности проникает в южную Россию и месопотамские районы Парфии²⁶. Мы уже имели возможность писать об этой концепции, отмечая ее несоответствие фактам²⁷. И сам Р. Фрай понимает слабость данной концепции, а поэтому стремится подкрепить ее новейшими выводами Д. Шлюмберже²⁸. Однако в общем чрезвычайно ценная и интересная работа Д. Шлюмберже в данном разделе не самостоятельна²⁹, а опирается в свою очередь на выводы Э. Вилла³⁰, которые отнюдь нельзя принять как бесспорные³¹. Кроме того, абсолютно невозможно пытаться сочетать взгляды М. Ростовцева со взглядами Шлюмберже—Вил-

²⁵ J. H. Breasted, *Oriental Fore-runners of Byzantine Painting*, Chicago, 1924.

²⁶ Rostovtzeff, *Dura and the Problem...*; он же, *L'art gréco-iranien*, «Revue des arts asiatiques», 7, 1933, 4.

²⁷ Г. А. Кошелевко, О фронтальности в парфиянском искусстве, «Историко-археологический сборник», М., 1962, стр. 140.

²⁸ D. Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec*, «Syria», 37, 1960, стр. 131 сл.

²⁹ Г. А. Кошелевко, Культура Парфии в современной зарубежной литературе, ВДИ, 1962, № 3, стр. 167.

³⁰ E. Will, *La relief cultuel grecoromain*, P., 1955, стр. 220—248; он же, *Art parthe et art grec*, «Etudes d'archéologie classique», II, P., 1959, стр. 125—134.

³¹ Кошелевко, О фронтальности..., стр. 135.

²² M. Rostovtzeff, *Dura and the Problem of Parthian Art*, YClSt, V, 1935, стр. 170 слл.

²³ Необходимо, однако, учитывать, что М. И. Ростовцев не смог правильно найти источники этих новых явлений в культуре, объясняя их вторжением скифских влияний.

²⁴ См., например, М. Е. Массон, Народы и области Южной части Туркменистана в составе парфиянского государства, ТЮТАКЭ, 5, 1955; Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958.

монетном дворе Аки их было только две. Особенно поразительно отсутствие единства и координации в монетном деле Селевкидов проявляется в то время, когда в Антиохии начинает выпускаться монетная серия с новым реверсным типом Зевса и новой легендой, резко отличающейся от всех легенд появившихся на монетах Селевкидов прежде — ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ. В это же время монетный двор Аки продолжает выпускать монеты старых типов. Точно так же уменьшение веса монет антиохийского монетного двора после 173/172 г. до н. э. никак не отразилось на монетном дворе Аки — Птолемаиды. Все эти факты заставляют прийти к выводу, что по крайней мере в эпоху поздних Селевкидов отсутствовало действительное единство в монетном деле Селевкидского государства. Кстати заметим, что Р. Фрай не прав, утверждая, что золото в монетном чекане Селевкидов появлялось только в первые годы существования государства. Хотя и изредка, но и в последующее время можно наблюдать выпуски золотых монет, имеющие, видимо, в основном только коммеморативное значение.

Также нуждается в уточнении тезис Р. Фрая о возникновении в Селевкидском государстве культа обожествляемых правителей. Автор, следуя Бикерману⁴⁰, детально изучавшему это явление, совершенно справедливо различает развитие этого процесса в разные эпохи существования государства, подчеркивая усиление тенденции к обожествлению правителей на позднем этапе, связывая это с новыми религиозными, в первую очередь сотериологическими, идеями. Однако необходимо учитывать те аспекты этой проблемы, которые очень удачно отметил в уже упомянувшейся работе О. Моркхольм, подчеркивающий в частности варианты в титулатуре Антиоха IV в различных категориях памятников. Так, в памятниках (надписях, монетах и т. д.), предназначенных для территорий внутри Селевкидского государства, в титулатуре Антиоха IV является правилом употребление термина θεός, в то время как в памятниках, предназначенных для зарубежных территорий, этот термин ни разу не появляется. Это существенное наблюдение, характеризующее некоторые аспекты политики Селевкидского двора, необходимо учитывать при воссоздании картины развития культа обожествляемых правителей.

Нельзя полностью согласиться и с трактовкой Р. Фраем развития искусства Ирана в селевкидскую эпоху. Для него процесс развития искусства Ирана в это время сводится к взаимодействию традиций древнего иранского «имперского»

искусства с греческим, причем добавляются влияния новых культурных традиций из Средней Азии, главным образом парфянских (стр. 154). Эта концепция, опирающаяся на работы М. И. Ростовцева⁴¹, нуждается в некоторых уточнениях. Дело в том, что для Ростовцева влияния, идущие из Средней Азии, — это прежде всего влияния культуры кочевых народов. Конечно, в настоящее время этот тезис представляется уже односторонним. Наличие цветущей городской культуры в оазисах Средней Азии заставляет учитывать и эту сторону явления, хотя, конечно, полностью отрицать наличие влияний культуры кочевых народов было бы неправильным. Кроме того, само противопоставление культуры Ахеменидского Ирана и среднеазиатских областей неправомерно. Многие из них входили на протяжении достаточно длительного времени в состав державы Ахеменидов, и при достаточной этнической близости проходил процесс интенсивных взаимных влияний, в котором, конечно, перевес принадлежал Персиде. Поэтому и в более позднее время культура многих областей Средней Азии насыщена многими элементами, имеющими либо общеиранское, либо ахеменидское происхождение. Таким образом, картина развития искусства Ирана в селевкидскую эпоху должна иметь несколько иной характер, нежели это представляется автору.

Некоторых уточнений требует и тот раздел работы Р. Фрая, который посвящен греко-иранскому религиозному синкретизму, в частности, образу Геракла (стр. 156). Автором справедливо, хотя и несколько бегло, указывается на две социальные струи, ясно различимые в этом культе. Хотелось бы только отметить, что этот религиозный образ продолжает играть значительную роль и в селевкидскую эпоху. Видимо, вслед за Селевкидами и Аршакидские правители Ирана рассматривали Геракла, как своего божественного покровителя⁴².

Некоторого ограничения заслуживает также положение автора о падении полисной религии и широком распространении «индивидуалистических» культов. В общем, в применении к всему эллинистическому миру это положение не вызывает сомнений, но необходимо иметь в виду особые конкретные условия Селевкидской державы, в которой царская власть опиралась на сеть греческих полисов, предназначенных для подавления местного, завоеванного населения. В таких условиях в полисе сохранялись очень многие черты более раннего

⁴¹ M. I. R o s t o v t z e f f, Some New Aspects of Iranian Art, «Seminarium Kondakovianum», Prague, 1933, стр. 161; о н ж е, L'art greco-iranien, стр. 202.

⁴⁰ E. B i k e r m a n, Institutions des Seleucides, P., 1938, стр. 79, 87 и 100.

⁴² К о ш е л е н к о, Культура Парфии..., стр. 172—173.

времени. Существование полиса как коллектива полноправных граждан, призванных с оружием в руках защищать существующий строй, поддерживалось искусственно, и это естественно способствовало консервации полисных культур. Конечно, в них вторгались и некоторые новые явления, в Дура-Европос мы видим почитание основателя династии Селевкидов — Селевка. Но своеобразие условий развития полиса и сила традиций были таковы, что даже культ правителей предстает перед нами не в своем чистом виде, а скрестившись с обычным в греческом городе образом ктиса — основателя города, ибо Селевк почитался в Дура-Европос в первую очередь как основатель города. Решительные изменения происходят только с приходом парфян, когда окончательно начинает разлагаться полисная форма коллектива граждан. Этот процесс находит свое внешнее выражение в перестройках храмов, теряющих свой греческий облик и перестраивающихся по типу древних вавилонских храмов.

Совершенно не оправдано внесение автором в число «царств диадохов» Боспорского государства (стр. 158). Вслед за В. Тарном, считавшим, что в число главных эллинистических государств, помимо царств Селевкидов, Птолемеев, Атталидов и Антигонидов, нужно включить Эвтидемидов Бактрийских, Р. Фрай требует включения в это число и царства Спартокидов, обосновывая свое положение тезисом о сходстве положения греков в Южной России с положением греков в Батрии. Конечно, известные аналогии здесь можно найти, но в общем этот тезис совершенно неправомерен. Дело не только в том, что Боспорское царство не может быть включено в состав царств диадохов чисто формально, ибо оно никогда не входило в состав державы Александра Македонского. Гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что социально-экономические и политические условия развития Боспора были совершенно иными. Хотя имеются значительные параллели в развитии Боспора и эллинистических государств, однако общие, характерные для всего эллинистического мира черты стали проявляться на Боспоре значительно раньше, задолго до похода Александра Македонского. В. Д. Блаватским был предложен, с нашей точки зрения, весьма удачный термин, которым объединяются несколько подобных государств (также, как Кария, Сицилийская держава), — «протоэллинизм»⁴³. Видимо, тезис В. Д. Блаватского ближе

к истине, нежели предположения Р. Фрая.

Вызывает возражения и попытка автора точно датировать события возникновения Парфянского государства. В настоящее время имеется достаточно обширная литература, посвященная этому вопросу⁴⁴. Однако существующие трудности в интерпретации противоречивого материала письменных источников, видимо, столь велики, что вряд ли возможно точно датировать все эти события. В недавней работе М. Е. Массон очень убедительно показал всю необоснованность подобных попыток⁴⁵. Видимо, до получения нового материала более правильным будет избегать точных дат, ограничиваясь указанием на десятилетия и не пытаться детально восстановить весь ход событий.

Некоторые замечания можно сделать и по разделу, посвященному римско-парфянским взаимоотношениям. Этот вопрос имеет уже очень значительную литературу и внешняя сторона событий исследована настолько полно и подробно, насколько позволяют наши источники. Однако все еще не до конца ясны проблемы внутривосточной борьбы в Парфии безусловно в значительной мере определявшие и ее внешнюю политику и то или иное развитие многих политических акций Рима в Парфии. С этой точки зрения подвергался исследованию только один период (вторая половина I в. до н.э. — начало I в. н.э.)⁴⁶, однако, несомненно, что и последующий период римско-парфянских взаимоотношений должен быть изучен, исходя не только из внутривосточной борьбы в Риме, но и в Парфии. В связи с этим вопросом находится и другой — о месте греческих городов в системе аршакидского Ирана. Автором повторяются выводы относительно покровительства греческим городам со стороны аршакидского правительства, основанием чему служит появление на монетах парфянских царей после завоевания Месопотамии термина «филэллин». Однако в таком случае совершенно необъяснимыми будут и постоянная враждебность греческих городов парфянам, достаточно хорошо

⁴⁴ I. W o l s k i, *Arsace I le fondateur du royaume parthe*, EOS, 1937; А. Г. Б о к щ а н и н, К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Греко-Бактрийского и Парфянского государств, Сб. «Древний Восток», М., 1962; С. П. Г о л т о в, Древний Хорезм, М., 1948.

⁴⁵ М. Е. М а с с о н, К вопросу о времени возникновения парфянского государства, ИАН ТуркмССР, о.н., 1962, № 5, стр. 3 сл.

⁴⁶ Г. А. К о ш е л е н к о, Внутривосточная борьба в Парфии, ВДИ, 1963. № 3, стр. 56.

⁴³ V. D. B l a v a t s k y, Il periodo del protoellenismo sur Bosporo, «Atti del Settimo congresso internazionale di archeologia classica», III, Roma, 1961, стр. 49—66.

засвидетельствованная источниками (например, *Plut., Crass., 17, 21*), неоднократные восстания их, подавляемые вооруженной силой (*Just., XLII, 4; Strabo, XVI, 1, 5*), постепенное усиление парфянского контроля над греческими городами, сводящего на нет их автономию⁴⁷.

Совершенно нельзя согласиться с Р. Фраем в его анализе развития архитектуры в эпоху Парфянского государства. Не говоря уже о том, что им совершенно не дифференцируются процессы, происходившие в различных областях Парфии, что совершенно неверно, так как развитие архитектуры парфянской Месопотамии имеет больше различий, чем точек соприкосновения с развитием архитектуры Парфии, он в анализе памятников, архитектуры коренных районов Парфии самым решительным образом впадает в противоречия с фактами. С его точки зрения, конструкция зданий — чисто греческая, а декор выдержан в восточных традициях. Анализ же архитектуры Старой Нисы убеждает нас в противоположном⁴⁸. Например, в так называемом «квадратном зале» можно видеть развитие древних иранских принципов храма огня квадратного в плане с четырьмя мощными колоннами, как бы ограничивающими центр целлы. В планировочных принципах так называемого «круглого храма» видно сочетание эллинистических идей (идущих от храма великих богов Диоскуров на Самофраке) с местными традициями, засвидетельствованными такими памятниками, как хорезмийская Кой-крылган-кала. Но в декоре обоих этих памятников явно преобладают эллинистические элементы. Таким образом, картина получается прямо противоположная той, какую рисует автор. При преобладании местных традиций в основных планировочных решений, декор получает западный греческий характер.

В анализе Р. Фраем религиозной политики кушанов вызывает удивление отсутствие даже упоминаний о значении храма, недавно исследованного Д. Шлюмберже в Сурх-Котале. А между тем его открытие заставляет по-новому взглянуть на всю систему религиозных взаимоотношений в Кушанской державе,

⁴⁷ Г. А. Кошеленко, *Городской строй полисов Западной Парфии*, ВДИ, 1960, № 4, стр. 73.

⁴⁸ Пугаченкова, *Пути развития...*, стр. 78.

поскольку становится ясным, что наряду с широкой веротерпимостью кушан, засвидетельствованной многочисленными источниками, правители поддерживали и династийный культ. С этой точки зрения чрезвычайно интересны и недавние раскопки Г. А. Пугаченковой в Южном Узбекистане, позволяющие, по-видимому, говорить о зарождении этого явления еще в эпоху, предшествовавшую сложению единой кушанской державы⁴⁹.

Также вызывает недоумение и трактовка автором роли Кушанской державы в культурных взаимоотношениях Дальнего и Среднего Востока в это время. Для автора на первом месте стоят китайские влияния на Индию, хотя более правильно было бы говорить об обратном, автор никак не использовал те многочисленные данные письменных источников, которые говорят о роли Средней Азии (как кушан, так и парфян) в распространении буддизма в Китае⁵⁰.

Наконец, можно возразить и по некоторым аспектам трактовки автором урбанизационной политики первых Сасанидов, которую он противопоставляет позиции в этом вопросе Аршакидов. Отнюдь не желая уменьшить значения этих мероприятий сасанидского правительства, отметим только, что и в предшествовавшую, аршакидскую, эпоху мы видим достаточно оживленную деятельность по основанию новых городов. Достаточно вспомнить основания Ктезифона Вологазокерта, Хатры, многочисленных городов Маргианы (Дурнали, Чильбурдж, Гебеклы, Кырк-депе и т. д.). Видимо, и в этом отношении ранние Сасаниды выступали продолжителями политики предшествовавшей династии.

Заканчивая нашу рецензию, хочется отметить, что книга Р. Фрая основана на глубоком знании истории и культуры Ирана и содержит большое количество тонких наблюдений и хорошо аргументированных выводов. Поэтому она несомненно принесет большую пользу всем специалистам по древнему Ирану.

М. А. Дандамаев, Г. А. Кошеленко

⁴⁹ Г. А. Пугаченкова, К проблеме искусства Северной Парфии и Северной Бактрии, «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 6, стр. 51 сл.

⁵⁰ Н. Масpero, *Les origines de la communauté bouddhiste de Lo-yang*, JA, 225, 1934, 1, стр. 93.

J. RYCKMANS, *La Chronologie des rois de Saba et dū-Raydān*, Istanbul, 1964 (Publications de l'Institut historique et archéologique néerlandais de Stambul, XVI).

Публикация сабейских надписей, обнаруженных во время раскопок Американской археологической экспедиции в Марибе, в храме 'Аввам, посвященном богу луны 'Алмахаху¹, ввела в сабеистику громадный новый материал, подобного которому не появлялось почти сто лет, со времен публикаций Ж. Халеви. Хотя подавляющее большинство новых текстов — стандартные votivные надписи, относящиеся к довольно ограниченному времени и территории, — их большой объем и богатое содержание дают обильные новые сведения о всех сторонах жизни древнего Йемена. Естественно, что подробное филологическое и историческое исследование А. Жамма, сопровождающее издание, не могло сразу исчерпать все вновь открывшиеся исследовательские перспективы и является лишь первым шагом в изучении нового материала.

Важнейшим дальнейшим шагом является рецензируемая работа Ж. Рикманса, посвященная самой важной и наиболее спорной проблеме истории древнего Йемена — проблеме хронологии надписей. Действительно, не успели еще умолкнуть споры между сторонниками «долгой» и «краткой» хронологии, продолжавшиеся полвека, как появилась «кратчайшая» хронология Ж. Пиренн², и различие в датировке некоторых памятников и событий вновь достигло почти 500 лет. При этом наибольшие споры вызывает именно период «царей Саба» и зу-Райдана, датировка которого целиком зависит от различной интерпретации надписи Ry 535=Ja 576 и различной идентификации упомянутых в ней лиц³.

Новые надписи марибского храма впервые дают исследователю-сабеисту однородный массовый материал, происхождение которого точно фиксировано, и тем самым позволяют широко использовать метод эпиграфического анализа, исследовать употребление определенных слов или формул. Главная заслуга Ж. Рикманса состоит в том, что он положил в основу своей работы именно этот метод

эпиграфического анализа, еще недостаточно вошедший в сабеистику и, в частности, совершенно не использованный первым издателем надписей А. Жаммом.

Новый метод дал большие и убедительно аргументированные результаты. Уже исследование разных форм числительного «три» — *šlt* и *tlt* — позволило Ж. Рикмансу разделить надписи двух правителей с одинаковым именем и титулом: царей Саба⁴ и зу-Райдана 'Илшараха Йахдуба I, отца Ватара Йуха'мина и Са'дшамса 'Асра⁵, и 'Илшараха Йахдуба II, сына Фари'ума Йанхуба и отца Наша'кариба Йу'мина Йухар'хаба. Полученные данные были подтверждены и уточнены анализом синонимичных глаголов *s'd* и *ḥmg* «дать, даровать», очень часто встречающихся в посвячительных надписях, и ряда других терминов: *ḡm* и *ḡmṯ* «добыча», *nku* и *pkut* «рана, мучение» и т. д. Аналогичные результаты принесло исследование имен божеств, упоминаемых в финальных посвящениях надписей, упоминаний в текстах лошадей и всадников и т. п. Таким образом, Ж. Рикманс смог разделить исследуемые надписи на довольно дробные хронологические периоды, иногда продолжительностью в одно—два поколения, и установить последовательность или одновременность большинства известных «царей Саба» и почти всех «царей Саба» и зу-Райдана. При этом ему удалось окончательно доказать, что различие в титуле не является хронологическим. Полученные выводы, основанные на массовом материале, на многочисленных объективных критериях, дополняющих и проверяющих друг друга, становятся чрезвычайно убедительными.

Действительно, содержание надписей полностью подтверждает предложенную хронологическую схему: так, надпись Ja 629 сообщает о войне царя Саба⁶ и зу-Райдана Са'дшамса 'Асра⁵ и его сына Марсада Йухахмида против некоего Вахаб'ила зу-Ма'ахира. В то же время надпись Gl 1228⁴ рассказывает о войне царя Саба⁶ Вахаб'ила Йахуза против Са'дшамса и Марсада. Идентификация этих лиц представляется бесспорной, тем более, что надпись Ja 629 называет еще ряд лиц, известных по другим надписям, упоминающим разных правителей⁵.

⁴ J. M. Sola-Solé, *Inscripciones de Riyam*. Sammlung Eduard Glaser IV, Wien, 1964 (SBÄWW, phil.-hist. Kl., 243, Abh. 4), стр. 26—30.

⁵ R y c k m a n s, *Chronologie*, стр. 2—3.

¹ A. J a m m e, *Sabaeen Inscriptions from Maḥram Bilqis (Mārib)*, Baltimore, 1962.

² J. P i r e n n e, *Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution à la chronologie et à l'histoire de l'Arabie du sud antique*, I, Brussel, 1956.

³ J. P i r e n n e, *L'inscription «Ryckmans 535» et la chronologie sud-arabe*, «Le Muséon», 69, 1956, стр. 165—181; A. J a m m e, *On a Drastic Current Reduction of South-Arabian Chronologie*, BASOR, 145, 1957, стр. 25—30.

ТАБЛИЦА САБЕЙСКИХ ЭПОНИМОВ ПЕРИОДА
ЦАРЕЙ САБА' И ЗУ-РАЙДАНА*

1.	'bkrb (kbrhll-hzfrm)	* Ja 589	—
2.	...l (hdmt)	* СІН 430	—
3.	smhkrb/bn/tb'krb/bn/fdhm	СІН 81, 404	—
4.	hywm/bn/'bkrb/bn/kbrhll (hzfrm)	Ja 645, RES 4727	RBSMS NMRN
5.	(tb'krb/bn/.../bn/hdmt)	—	—
6.	m'dkrb/bn/smhkrb/bn/fdhm	Fa 71; * Ja 567, * 589	'LHN NHFN
7.	wdd'l/bn/hywm/bn/hzfrm (kbrhll)	СІН 99, Condé 5, * Ja 589	S'R 'WTR
8.	smhkrb/bn/tb'krb/bn/hdmt	СІН 83, * Ja 589	—
9.	'bkrb/bn/m'dkrb/bn/fdhm	Ja 633, * СІН 430	S'R 'WTR
10.	tb'krb/bn/wdd'l/bn/hzfrm (kbrhll)	Ja 653, 735, СІН 314 + 954, * СІН 430	SMR YHR'S I; 'LSRH w Y'ZL
11.	('bkrb/bn/smhkrb/bn/hdmt)	* СІН 430?	—
12.	(m'dkrb/bn/'bkrb/bn/fdhm)	* СІН 430?, * Ja 567?	—
13.	m'dkrb/bn/tb'krb/bn/hzfrm	RES 4646, * Ja 567	'LSRH YHDB II
14.	smhkrb/bn/'bkrb/bn/hdmt	Ja 751, 877, 567	NS'KRB Y'MN YHRHB; 'LSRH YHDB
15.	nš'krb/bn/m'dkrb/bn/fdhm	Ja 610, * 567	NS'KRB Y'MN YHRHB
16.	('bkrb/bn/m'dkrb/bn/kbrhll)	—	—
17.	(m'dkrb/bn/smhkrb/bn/hdmt)	—	—
18.	(...bn/nš'krb/bn/fdhm)	—	—
19.	wdd'l/bn/'bkrb/bn/kbrhll	Ja 618, 613, 615, Nami NAG 11	NS'KRB Y'MN YHRHB
20.	nš'krb/bn/m'dkrb/bn/hdmt	Ja 611, 615	NS'KRB Y'MN YHRHB

* Имена эпонимов, неизвестных по надписям, заключены в круглые скобки. * отмечены надписи, где эпоним упомянут по формуле $\delta\sigma\gamma\eta\omega$ (см. J. Ruckmans, BO, XXI, 1964, стр. 92).

Таким образом, одновременность династий 'Илшараха Йахдуба I, Вахаб'ила Йахуза и Йарима 'Аймана подтверждается и прямыми данными надписей.

Центральной и наиболее дискуссионной проблемой хронологии периода царей Саба' и зу-Райдана является вопрос идентификации Шамира зу-Райдана, фигурирующего в надписях 'Илшараха Йахдуба II, и царя Саба' и зу-Райдана (позднее — царя Саба', зу-Райдана, Хадрамаута и Йаманата) Шамира Йухар'иша. Однако и здесь Ж. Рикманс сумел найти прямые доказательства. Так, надпись Ja 653 из 'Аввама, упоминающая Шамира Йухар'иша, содержит дату: «Третий год эпонимата Тубба'кариба, сына Вадад'ила, из (рода) Хазфарам», а надпись СІН 314 + 954, в которой 'Илшарах II и его брат Йа'зил Байин отмечают свою победу над Шамиром зу-Райданом, датирована шестым годом того же эпонима.

Следует отметить, что новые надписи из марибского храма значительно увеличили число известных нам датировок по эпонимам; в ряде случаев нам известны три-четыре надписи, датированные временем одного эпонима⁶, что позволяет

⁶ Практически в посвященных надписях в большинстве случаев по эпониму датируется не постановка надписи, а одно из упоминаемых в ней событий. Этим объясняется тот факт, что надпись Ja 567,

установить хронологию некоторых царей Саба' и зу-Райдана на основе подлинных сабейских датировок по эпонимам.

Система сабейского эпонимата состояла из циклов продолжительностью в 21 год; на протяжении такого цикла должность эпонима принадлежала поочередно, по 7 лет, родам Хазфарам-Халил, Хазмат и Фадахам. По окончании цикла эпонимом вновь становился представитель определенного рода, сын предыдущего эпонима из этого рода⁷.

Исходя из этой схемы, можно предложить вышеприведенную таблицу сабейских эпонимов периода «царей Саба' и зу-Райдана»⁸:

содержащая датировку последним годом эпонимата Сумхукариба, сына 'Абकारीба, из рода Хазмат, упоминает царя 'Илшараха Йахдуба II, а надпись Ja 877 с датировкой третьим годом того же эпонима упоминает царя Наша'кариба Йу'мина Йухархиба, сына 'Илшараха II.

⁷ См. А. Г. Лундин, Сабейский эпонимат и сабейская хронология, «XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1963, стр. 3—5.

⁸ В составлении этой таблицы большую помощь автору оказал Ж. Рикманс, собиравший материалы неизвестной надписи Condé 5 и установивший положение в таблице эпонимов рода Фадахам.

Данные этой таблицы полностью совпадают с относительной хронологией царей Саба⁹ и зу-Райдана, предложенной Ж. Рикмансом. Поскольку наша таблица основывается на независимом материале, не привлеченном в рецензируемой работе, совпадение результатов можно рассматривать как решающее свидетельство, окончательно подтверждающее правильность выводов Ж. Рикманса⁹. Таблица эпонимов позволяет даже установить с известной точностью продолжительность правления отдельных царей¹⁰.

Ж. Рикманс совершенно справедливо полагает, что существовали еще два правителя-омонима: Шамир Йухар'иш I, сын Иасира Йуха'нима I, современник Йилшараха II, и Шамир Йухар'иш II, сын Иасира Йуха'нима II, правивший в конце III в. н. э. Однако эпиграфические критерии, предлагаемые Ж. Рикмансом, не позволяют разделить надписи этих правителей. Так, Ж. Рикманс считает важным критерием титул: он полагает, что только Шамир II принял «длинную титулатуру» — «царь Саба», зу-Райдана, Хадрамаута и Йаманата». Однако надпись Ja 658, рассказывающая о войне Шамира против племен Хаулан, Харат[ан] и Сахаратав, неоднократно упомянутых в надписях Йилшараха II и его сына Наша'кариба, должна быть отнесена, видимо, ко времени Шамира I, хотя он и имеет здесь «длинную» титулатуру. Точно так же ко времени Шамира I относится надпись с «длинной титулатурой» СИН 430, упоминающая эпонимов, которые датируются по нашей таблице. Таким образом, «длинная титулатура» не может служить хронологическим признаком, как это уже показал сам же Ж. Рикманс для титулов «царь Саба» и «царь Саба» и зу-Райдана.

Ж. Рикманс предлагает как единственный стилистический критерий для выделения надписей царей с «длинной титулатурой» формулу $hqnymr'hw'lmqh$ «посвятил своему господину 'Алмафаху»¹¹. Однако эта формула имеется в надписи Ja 653, несомненно принадлежащей Шамиру I¹². Появление этой формулы Рик-

манс считает характерным только для надписей из марибского храма 'Алмафаха и даже связывает ее с эволюцией культа 'Алмафаха под влиянием монотеистических религий¹³. Однако эта же формула встречается и в надписях династии Шамира II, посвященных 'Астару (СИН 448; 431 + 438). Таким образом, ее следует связывать не с эволюцией культа, а с локальными или династийными особенностями эпиграфического стиля¹⁴.

Тем не менее, различие Шамира I и Шамира II представляется вполне обоснованным, и речь идет лишь о трудностях разделения надписей этих правителей.

Эпиграфические критерии и способы датировки, предложенные Ж. Рикмансом, имеют очень большое значение, так как позволяют датировать надписи, не упоминающие ни царей, ни эпонимов и ранее вообще не поддававшиеся датировке. Конечно, в некоторых случаях картина может быть искажена локальными или диалектными особенностями или просто индивидуальными нарушениями традиционного формуляра, но при комплексном использовании нескольких критериев и их взаимной проверке можно получить достаточно надежную и точную дату надписи. Следует отметить, что Ж. Рикманс пользуется предложенными критериями с достаточной, а иногда даже чрезмерной осторожностью. Так, он неоднократно подчеркивает их применимость только к надписям из марибского храма 'Алмафаха. Однако нам кажется, что часть этих критериев применима и к другим сабейским посвященным надписям, в частности к надписям из храма Та'лаба, относящимся примерно к тому же времени¹⁵, или, как отмечалось выше, к поздним надписям, посвященным 'Астару, где появляется формула $hqnymr'hw$.

Следует пожелать, чтобы по пути, указанному Ж. Рикмансом, пошли и другие ученые, с тем, чтобы выделить и обосновать эпиграфические критерии датировки надписей более ранних периодов и надписей других типов.

А. Г. Лундин

Ja m t h e, Maḥram Bilqis, стр. 159. Ему следует и Ж. Рикманс (R u s k m a n s, Chronologie, стр. 9, прим. 15), не заметивший, что ниже, в ст. 4, 'Алмафах назван $mr'hmw$.

¹³ R u s k m a n s, Chronologie, стр. 9, прим. 16).

¹⁴ Такую же локальную особенность можно уловить в употреблении форм $\dot{s}lt$ — $\dot{t}lt$: династия Йилшараха I на протяжении трех поколений использует архаичную форму $\dot{s}lt$, а синхронная ей династия Ваха'ила Йахуза — новую форму $\dot{t}lt$. Это заставляет усомниться в том, что форма $\dot{t}lt$ связана с «бедуинизацией» — скорее это диалектная форма племени Хамдан.

¹⁵ Sola-Solé, Inschriften aus Riyam, стр. 18—43.

⁹ Еще в большей степени хронология Ж. Рикманса служит важнейшим доводом, подтверждающим правильность понимания системы сабейского эпонимата, предложенного нами ранее (Л у н д и н, Сабейский эпонимат, стр. 2—7).

¹⁰ В правление Наша'кариба Йу'мина Йухархиба таблица содержит лакуну: не засвидетельствованы в надписях три последовательных эпонима. Возможно, что лакуна кажущаяся и объясняется каким-то нарушением системы эпонимата.

¹¹ R u s k m a n s, Chronologie, стр. 9, прим. 15.

¹² Начало текста фрагментировано и А. Жамм восстанавливает $hqnymw[']lmqh$:

U. E. PAOLI, *Das Leben im alten Rom. Nach 8. italienische Auflage ergänzt.* Bern — Münch., 1961, 501 стр.

Книга Паоли «Vita Romana», вышедшая в 1948 г. и выдержавшая в Италии за 10 лет восемь изданий, была переведена на испанский, голландский и немецкий языки. В 1961 г. вышло второе ее немецкое издание. Понятно нетерпение, с которым ожидали появления этой книги на полках наших библиотек не только специалисты по древней истории, но и вообще люди, интересующиеся культурой и жизнью античного Рима.

Книга снабжена прекрасными иллюстрациями; оглавление ее сулит знакомство чуть ли не со всеми сторонами римской жизни: Часть I. Город: 1. Римский дом; 2. Римская усадьба; 3. Мебель; 4. Кушавья; 5. Пирушка; 6. Одежда, обувь, украшения; 7. Борода и волосы; 8. Женщина в римской семье; 9. Рабство в Риме; 10. Похороны; 11. Помпеи, погибший город. Часть II. 1. Улицы и дома; 2. Промышленность; 3. Умственная жизнь; 4. Бумага, книги, обмен письмами, газеты и почта; 5. Адвокаты; 6. Врачи; 7. Бани; 8. Путешествия; 9. Развлечения; 10. Охота и рыбная ловля; 11. Цирковые игры; 12. Театр; 13. *Italum acetum*; 14. Страшные истории, суеверия, предсказания. В заключение особый отдел: «Строительство в древнем Риме», включающий две главы: 1. Строительные изменения в древнем Риме; 2. Строительный упадок Рима.

Несколько сумбурное распределение материала объясняется, может быть, тем, что Паоли объединил вместе несколько своих книг. И по существу беды в том нет. Она в другом.

Что знакомство с бытом древнего мира необходимо не только для понимания античных авторов, но и самой жизни древнего мира, эта истина общезвестна. Великие филологи XVI и XVII вв., такие люди как Липсий, Казобон и Салмазий, с особым вниманием и интересом разрабатывали вопросы, касающиеся разных сторон римского житейского уклада. Они собрали огромный материал и прокомментировали его с таким остроумием и так основательно, что и сейчас, четыре века спустя, работы этих ученых не потеряли своей цены. Тот, кто пожелал бы, например, заняться изучением римской одежды, но без пользы прочтет примечания Салмазия к Тертуллианову трактату *de pallio* — и это несмотря на то, что современный исследователь имеет в распоряжении превосходные новейшие работы.

После этих великанов наступил длительный перерыв в изучении «частных древностей». Работы XVIII в. на эту тему не заслуживают упоминания: это популярные, лишенные научного значения, безнадежно устаревшие книги. В самом начале XIX в. вышла маленькая

книжка Беттигера «Сабина»¹, несправедливо у нас забытая. Беттигер был превосходным знатоком древней литературы и искусства, обладал колоссальной начитанностью и владел пером. Обширные примечания, которыми он снабдил свою книгу, и отдельные экскурсы делают его «Сабину» ценным вкладом в разработку той стороны римского быта, которой он коснулся. Тема его, однако, как видно из самого заглавия, была слишком узка; только об одном и не очень важном уголке римской жизни давала она представление. Изобразить эту жизнь во всей широте — и государственные учреждения, и религиозные установления, и быт частных людей — замыслил Дезобри. Судя по тому, что его книга² выдержала четыре издания (первое в 1835, последнее в 1875) и автор работал над каждым, обновляя и дополняя свою работу; охотников прочесть ее нашлось достаточно. Читателей своих Дезобри, бесспорно, знакомил с древним Римом; книга его для многих представляла занимательное и легкое чтение. К сожалению, она, действительно, легка: совершенное отсутствие критического отношения к своим многочисленным источникам и абсолютное забвение исторической перспективы (Цицерон и Кассиодор одинаково использованы для времени Августа) лишают этот труд научной ценности.

Настоящая работа над «частными римскими древностями» началась после почти четырехсотлетнего перерыва с книги Беккера «Галл»³. В обработке, которой подверг «Галла» Гелль⁴, этот трехтомник послужил фундаментом и для Марквардта⁵ и для Блюмнера⁶. Все, кто интересовался бытом древнего Рима, знают, что без этих книг шагу не ступить; всякая серьезная работа в этой области неизменно начинается с их внимательного изучения. При всех своих достоинствах и при особенностях каждой все три обладают тремя общими недостатками. В первом авторы неповинны: новый археологический материал может сделать иногда

¹ K. Böttiger, *Sabina oder Morgenstunden im Putzzimmer einer reichen Römerin*, Lpz, 1806.

² Ch. D é z o b r y, *Rome au siècle d'Auguste*, P., 1835 и др. изд.

³ W. A. Becker, *Gallus oder römische Scenen aus der Zeit August*, Lpz, 1838.

⁴ W. A. Becker, *Gallus...*, neu bearb. von H. Göll, B., 1880—1882.

⁵ I. Marquardt, *Das Privatleben der Römer*, Lpz, 1886.

⁶ H. Blummer, *Die römischen Privataltertümer*, Münch., 1914.

устаревшей книгу, вышедшую накануне. Чтобы познакомиться с римскими инсулами, надо читать Миггса⁷; Блюмнер (не говоря уже о Беккере и Марквардте) не располагал материалом остийских раскопок, а как раз он и дал нам представление о римской инсуле. Другие два недостатка можно поставить в вину авторам: во-первых, они рассматривают подробности римского быта как-то в одной плоскости, забывая о хронологических границах и стирая их, а во-вторых, сообщая ряд подробностей, и важных и мелких, о еде, об одежде, о доме и его убранстве, они за ними не видят человека, который вольно или невольно создает этот быт. Исправить эти недочеты — основная задача каждого, кто возьмет на себя нелегкую работу писать о *vita Romana*.

Паоли не только этой задачи не решил, но, боюсь, он просто не подозревал о ее существовании. Книга поражает каким-то легкомысленным скольжением по поверхности явлений. В области археологии он знает то, чего не знали Марквардт и Блюмнер, но совершенно игнорирует то, чему научил нас Боециус и его ученики. Он перечисляет особенности инсулы и особняка, дает краткую, но хорошую характеристику отдельных помещений и ничего не говорит ни о происхождении, ни об истории ни инсулы, ни особняка. Сейчас родословие домов и того и другого типа твердо установлено: особняк — от богатой крестьянской усадьбы, инсула — от скромной деревенской или городской однокомнатной или двухкомнатной хижины — таберны. Только «наследственными чертами» можно объяснить ряд непонятных для современного читателя особенностей особняка: широкий проем в крыше атрия, который открывает главную комнату дома ливням, холоду, вообще всем атмосферным явлениям; отсутствие дверей в «крыльях» (*alae*), непосредственную связь атрия с таблинном (нет дверей). Одновременное наличие двух совершенно разных домов: особняка (*domus*) и инсулы заставляет всякого, кто не только пробегает книгу глазами, но и думает над ней, недоуменно спрашивать, откуда же появились эти дома современного, привычного нам типа. Работы Боециуса дают исчерпывающий ответ и Паоли, явно не археологу, надо было только пересказать его выводы. И если особняк был жилищем очень богатого человека, то в квартирах инсул жили не только состоятельные люди, но и бедняки. Между квартирами одних и других была, конечно, разница, и материал остийских раскопок позволяет ее подметить. Прошла пора, когда быт древнего Рима рассматривался как нечто общее и неизменное для всего населения, без учета различий временных, классовых, имущественных.

Поразительна в этом отношении глава о кушаньях (4-я в I части). Ужели вся Италия — и столица и селения, и богатые люди и бедные ели одинаково? О разнице, несомненно здесь существовавшей, не сказано ни слова, равно как и о тех изменениях, которые постепенно произошли и в составе пищи и в способе ее приготовления; между тем стол Катона, человека богатого, и стол богатого современника Марциала, конечно, разнятся между собой; и разница эта говорит об изменении в нравах и в житейском обиходе. Глава эта оставляет без ответа и другие существенно важные вопросы. Была ли еда древнего италийца по преимуществу мясной или вегетарьянской, какие здесь происходили изменения и в каких кругах? Состояло ли все римское общество I в. н. э. в верхних своих слоях из людей, для которых изысканный стол и вообще еда были главной заботой в жизни? Поражают пропуски и неточности: в перечне фруктов пропущены винные ягоды, которые в пищевом режиме — особенно людей бедных — стояли среди плодов на первом месте. Неверно, что курицу как кушанье ставили низко: откормленная курица была лакомым блюдом, а павлин, начиная с I в. н. э., постепенно исчезает из меню богатого стола. Книга Андре о римской кухне⁸, вышедшая в 1961 г., могла быть неизвестна Паоли, но статья Грималья и Моно о гаруме, напечатанная в 1952 г. (REA, LIV), позволила бы ему объяснить, какое значение в кухне древних имел гарум и почему без него редко обходились.

Такие же недоуменные вопросы возникают и при чтении главы об одежде (6-я в I части). Естественно спросить, неужели крестьянка или работница, жена какого-нибудь золотобоя, работавшая вместе с ним в грязной мастерской, носила ту же одежду, что и богатая женщина, не знавшая никакой физической работы? Если автор считает, что известная помпейская фреска, на которой изображены школьники — девочки и мальчики, — не дает ответа на этот вопрос, то поставить его, указать на обязательную разницу в одежде богатой и бедной женщины, было необходимо.

Такое же единообразие в описании мебели (3-я глава I части); можно подумать, что мраморные карибулы и бронзовые столики стояли во всех квартирах. Автор правильно отметил две основные черты, отличавшие обстановку римского дома: малое количество мебели («наши комнаты показались бы римлянам мебельным складом») и художественное — в большей или меньшей степени — ее офор-

⁷ R. Meiggs, *Roman Ostia*, Oxf., 1960.

⁸ J. Andre, *L'alimentation et la cuisine à Rome*, P., 1961; см. рец. М. Е. Сергеевко, ВДИ, 1964, № 3, стр. 217 сл.

мление, но совершенно не прав, говоря, что главным материалом для римской мебели были мрамор и металлы. Картины были, конечно, мраморными, у богатых людей имелись предельные столики целиком из серебра (как в Гильдесгеймском кладе) или из бронзы (столлик Юлии Феликс из Помпей), но у людей среднего достатка, не говоря уже о бедняках, мебель была, разумеется, деревянной. Достаточно проглядеть XVI книгу «Естественной истории» Плиния, чтобы увидеть, как широко использовали дерево италийские столяры и токари. На следующей странице Паоли говорит, что рамы для кроватей делали из дерева: не только рамы, но и ножки. Их вытачивали из дерева и затем или обивали бронзой, или оклеивали костяными пластинками. На табл. XLIII рис. 2 снабжен подписью: «ножка стола». Кажется просто невероятным, чтобы человек, живущий в Италии, который может своими глазами видеть то, о чем он пишет, допустил подобную ошибку. Фигура, о которой идет речь, изображает силену, несущего какую-то тяжесть (скорее всего кувшин). Эта статуэтка принадлежит к числу тех художественных произведений, в которых мастерство работы (фигура пожилого человека, все мускулы которого напряжены, расставленные ноги, чуть-чуть отведенная назад рука, несколько выдающийся живот — все говорит о внимательном глазе и умелой руке) соединяется с вымученной оригинальностью замысла: силен держит в руке свисающую в кольцо змею. И в это кольцо, к которому приделаны три пальметки, и вставляют кувшин. Может такая вещь служить ножкой для стола? Находится она в Неаполитанском музее. Паоли мог говорить о ней *de visu*.

Глава, посвященная римским усадьбам (2-я в I части), написана также небрежно. Автор использовал для ее характеристики материал столь разнородный, как усадьбу под Боскорале, описания Варрона и Колумеллы и письма Плиния Младшего. Реконструкции вилл этого последнего производилась рядом ученых (Паоли называет их начиная с XVII в. и кончая 1935 г.); они столь различны, что единственный вывод из этих работ — признание того, насколько ненадежно и потому бесполезно описание любого археологического комплекса при отсутствии плана, который можно сделать только на основании остатков постройки, извлеченных при раскопках. Усадьба под Боскорале (почему, кстати, Паоли решил, что в этой усадьбе баня с тремя отделенными и прекрасной бронзовой ванной в кальдарии предназначалась для рабов?) затронута просто мимоходом; последних раскопок под Помпеями, давших такой богатый материал для характеристики хозяйственной жизни в Кампании, будто и не было. Можно ли в кни-

ге, вышедшей первым изданием в 1948 г., говорить о *villae rusticae*, не привлекая этих новых и свежих данных?

Глава о рабстве (9-я в I части) дает в общем верные, но беспорядочно нагроможденные сведения о рабах с неожиданным заключением о «целых войсках рабов» в императорское время, когда с наступлением рах *Romana* прекратились войны и было уничтожено пиратство — два главных поставщика рабов. Не входя в ближайшее рассмотрение вопроса о «войсках рабов» и памятуя, что у защитников этого тезиса наготове ссылки на Исидора (Plin., n. h. XXXIII, 135: 4118 рабов), на Красса, считавшего, что богат только тот человек, который может выставить на свои средства легион солдат, и на Педания Секунда, в доме которого в час его смерти оказалось 400 рабов, скажем только, что как не следует считать население Парижа состоящим из одних Ротшильдов, так не следует и думать, что Рим был населен по преимуществу богачами. Даже соглашаясь с Вотшицким, который считает, что количество инсул в Риме преувеличено чуть ли не в двое: для 46 тысяч, которые называют Нотиции, места бы не хватило⁹, все-таки их было значительно больше, чем особняков (1790 — эта цифра сомнений не возбуждает). Мы теперь имеем представление о квартирах в этих инсулах. Где можно было разместить в такой пятишестикомнатной квартире сотни рабов? Педаний Секунд, префект города, жил, конечно, в собственном особняке; Статилии Тавры, богатейшие люди, имевшие несколько парков и инсул, могли обзавестись собственными прачечными и сукновальнями, прядильнями и ткацкими мастерскими, пекарнями и мельницами и держать необходимый для их обслуживания персонал. Но «жилплощадь» обитателя инсулы вводила число рабов в жесткие границы — большее число их просто негде было разместить. О том, что хозяин нанимал для рабов отдельное помещение, источники наши не говорят ни слова; ясно, что держать рабов где-то «на отшибе» было хозяину неудобно, да и накладна была при дороговизне римских квартир оплата отдельного рабского жилья. Говоря о «полках рабов», следует учитывать все эти конкретные обстоятельства.

Конец главы о рабах отведен отпущенникам. Им посвящено около страницы — говорится только о видах отпуска, причем не указана даже граница между *manumissio iusta* и *manumissio minus iusta*. Отпущенники играли слишком большую роль в жизни Рима, чтобы ограничиться только этими сведениями.

И в остальных главах такая же «лег-

⁹ A. W o t s c h i t z k y, *Insula*, «*Ser-ta Philologica Aenipontana*», Inshruck, 1962, стр. 363—375.

кость в мыслях». Глава об умственной жизни (3-я во II части) не дает никакого о ней представления: неужели она вся исчерпывалась рецитациями? Характер преподавания в школе грамматика и риторика никак не освещен; фактические ошибки налицо. Бедняки, конечно, к грамматике детей не посылали, ограничиваясь начальной школой, в этой школе греческого языка никогда не преподавали равно как и стенографии; практическое обучение красноречию при республике никогда не переводилось: «войне учились на поле боя» (Тас, dial. 34). На основании чего Паоли решил, что Цецилий Эпирот заменил в грамматической школе чтение Ливия Андроника и Энния чтением современных поэтов под влиянием Горация?

Паоли посвятил целую главу врачам (6-я во II части) и начинает ее рассказом об италийской народной медицине. Медицина эта, как всякая народная медицина, заслуживает серьезного внимания; наряду с суевериями и бессмысленными заговорами, она знает средства, эффективность которых проверена вековым опытом. Современные врачи, изучая народные средства, часто бывают вынуждены признать их силу и целительность их действия. Благодарной задачей для современных историков медицины, врачей и филологов было бы совместное изучение тех книг «Естественной Истории» Плиния, которые посвящены медицине. Результаты обрадовали бы всех. Целебные свойства многих растений — как диких, так и садовых и огородных, — были бы подтверждены авторитетом научной медицины, была бы установлена связь между римской древностью и тем, что и по сей час бытует в италийской деревне; новое и неожиданное узнали бы мы о методах Плиниевой работы. Автор хорошо бы сделал, если бы при содействии врача дал оценку некоторым народным лекарств, а не ограничился сообщением о некоторых косметических средствах или средствах от облысения, которые заставят неопытного читателя отвергнуть как нечто нелегое и смешное всю медицину, созданную древним италийцем. И неужели стоило среди многочисленных известных нам римских врачей назвать только едва различимого Архагата и вовсе неизвестного Кв. Стертиния? История медицины знает много превосходных врачей, работавших в древнем Риме; Велльман собрал о них богатый материал¹⁰, ознакомиться с которым Паоли следовало.

Главу о промышленности (2-я во II части) вернее было бы озаглавить *de omnibus rebus et quibusdam aliis*. Перечисляя места, известные своей промышленной деятельностью, Паоли заканчивает Аквилеей, куда между прочими товарами привозили и янтарь. Отсюда

переход к обычаю тереть его между пальцами, чтобы его запахом заглушить вонь римских улиц (!). Появляется Веррес с его венками из роз. Сострадательное замечание о человеческой глупости, побуждающей приготавливать духи и вообще всякие ароматные вещества. Суммарное перечисление товаров, шедших в Рим с Востока. Стекло из Египта. Оконные стекла — редкость. Мы, имеющие возможность следить из окон за тем, что делается в непогоду на улице, подобны олимпийцам, бесстрастно смотрящим со своих уютных высот на тревожения смертных. Испанские мечи, испанский гаррум, галльская посуда, галльская «галопи», шерстяные изделия (все только перечисляется). Уменье римских магистратов наживаться в провинциях. Закон, запрещавший сенаторам иметь судно вместимостью больше чем в 300 амфор. Римская крупная индустрия никогда не подавляла мелкой. Доказательства: афинская мастерская, где 20 рабов заняты были изготовлением кроватей: Никий, сдававший в наем своих рабов-ремесленников, и (наконец, мы в Риме!) Атик, организовавший мастерскую для переписки книг (кстати сказать, мы не знаем, сколько человек работало в этой мастерской). Гончарные мастерские Арретия, которые дают возможность хотя бы приблизительно высчитать число людей, занятых в этой отрасли промышленности, вовсе не упомянуты. Вообще пробелы, допускаемые Паоли, приводят в изумление. Говорить о золотых и серебряных дел мастерах, плотниках, столярах, кожевниках, мозаичистах, даже цирюльниках и ни слова не сказать ни о мельниках и пекарях (хлеб — главная статья питания для всего бедного населения Италии!), ни о фуллах, этих прачках древней Италии. Рисунок, изображающий работу этих последних и приведенный в тексте, остается без всяких пояснений.

Слова Плиния Старшего, что нет такой плохой книги, которая в чем-либо не оказалась бы полезной, применимы и к книге Паоли. Главы о Риме, о римских улицах, о строительстве Рима хороши. Ничего нового они не дают, но материал расположен хорошо, интересно и вразумительно. За эти качества можно простить Паоли обычную для него любовь к многословию.

Напрасно, однако, Паоли ставит (в «Библиографических примечаниях», предваряющих изложение) свою книгу рядом с серьезным исследованием Каркопино о повседневной жизни Рима¹¹. На научное значение книга Паоли притязать не может; в ней нет и следа исследовательской работы, да строго говоря, мало и мысли. Это популярное руководство для людей, вовсе не знакомых с Римом и предпочитающих легкое чтение серьезной научной книге.

М. Е. Сергеев

¹⁰ M. Wellman, Die pneumatische Schule, B., 1895; он же, A. Cornelius Celsus, B., 1904.

¹¹ J. Carcopino, La vie quotidienne à Rome, P., 1938.

К 75-ЛЕТИЮ ФЕДОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПЕТРОВСКОГО

21 апреля 1965 года исполнилось 75 лет выдающемуся советскому ученому и переводчику, доктору филологических наук Федору Александровичу Петровскому.

Общезвестно, что в области классической филологии переводческая и исследовательская работа — нераздельны. О многочисленных переводах античных авторов, выполненных Ф. А. Петровским, это следует сказать в первую очередь. Все переводы античных и средневековых, художественных и научных текстов, принадлежащие Ф. А. Петровскому, представляют большой научный интерес как образцы интерпретации сложных и важных памятников мировой культуры.

Лучшим образцом такого единства научного и художественного творчества является классический перевод поэмы Лукреция «О природе вещей», выполненный Ф. А. Петровским, вместе с подробнейшим комментарием и рядом специальных работ по Лукрецию. Сама поэма Лукреция представляет собой единственный в своем роде синтез науки и поэзии — перевод Ф. А. Петровского с одинаковым совершенством передает и эту науку и эту поэзию. Все тонкости сложной научной терминологии Лукреция переданы здесь с величайшей точностью, и весь поэтический пафос этого произведения сохранен в выразительности и силе перевода. Не случайно именно работа Ф. А. Петровского стала основой коллективного труда советских ученых, посвященного 2000-летию юбилею поэта-материалиста, — двухтомного издания поэмы «О природе вещей», вышедшего в 1945—1946 гг.

Другой образец неразрывной связи исследовательской и переводческой работы — выполненный Ф. А. Петровским перевод трактата Витрувия «Десять книг об архитектуре», произведения, одинаково важного как для истории античной литературы, так и для истории античной материальной культуры. Насколько глубоко было знание исследователем своего материала, видно из того, что работа над Витрувием дала Ф. А. Петровскому возможность руководить занятиями по античной архитектуре во Всесоюзной Академии архитектуры и составить совместно с В. П. Зубовым ценнейший сборник источников «Архитектура античного мира». А использование витрувиевского материала придало особую ценность недавнему исследованию Ф. А. Петровского на такую далекую от архитектуры тему, как античное учение о даровании и мастерстве («Eirene», 2, 1964).

Третий пример высокой научной ценности переводов Ф. А. Петровского — его работы в области римской сатиры. Его перевод сатир Персия, самого темного и трудного для понимания римского поэта, блестяще соединяет точность и художественность и еще долго будет путеводителем для всех русских исследователей Персия. Почти все диссертации молодых советских ученых, посвященные римской сатире, были выполнены под руководством Ф. А. Петровского. Им написаны также все главы о латинских сатириках в двухтомной академической «Истории римской литературы».

Плодотворная деятельность Ф. А. Петровского не слабеет с годами. В 1962 г. вышла его книга «Латинские эпиграфические стихотворения» — текст, стихотворный перевод и комментарий многих десятков надписей, одинаково интересных и важных для историка и для филолога. В 1963 г. под его редакцией вышли переводы Катутлла, Тибулла и Проперция. Ждут издания полный перевод эпиграмм Марциала, подготовленный Ф. А. Петровским, и перевод риторических трактатов Цицерона, осуществленный при его участии и под его редакцией.

Мы горячо поздравляем юбиляра и желаем ему многих лет доброго здоровья и сил для плодотворного продолжения его работы.

*Сектор древней истории Института истории АН СССР
Редакция «Вестника древней истории»*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ISOCRATIS ORATIONES

ИСОКРАТ РЕЧИ

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. М. КОЛОБОВОЙ

І. К ДЕМОНИКУ *

В речи «К Демонику» подробнейшим образом излагаются правила поведения простого гражданина, живущего в государстве с монархическим строем (очевидно, имеется в виду один из городов Кипра). Наставление обращено к некоему Демонику — молодому человеку, с отцом которого автор находился в дружеских отношениях. В речи широко используется наследие дидактического эпоса и гномической поэзии, а также прещепты, оставленные древними мудрецами и философами. Однако изложение отличается бессистемностью, что в сочетании с некоторой монотонностью отрицательно сказывается на литературных достоинствах сочинения. О времени речи нет никаких указаний; возможно, она относится к раннему периоду творчества Исократ. Некоторые исследователи (Бласс, Эммингер, Дреруп) ставят под сомнение принадлежность этой речи Исократу, однако, как кажется, без достаточных на то оснований.

СОДЕРЖАНИЕ, СОСТАВЛЕННОЕ НЕИЗВЕСТНЫМ ГРАММАТИКОМ ¹

Исократ написал много речей, к числу которых относятся наставления ², хотя некоторые пытались утверждать, что они не принадлежат ему, ввиду несовершенства стиля. Естественно, что мы читаем их в первую очередь не потому, что они лучше других речей, — ведь и «Панегирик», и многие другие превосходят их, — но потому, что в них разбирается вопрос о нравах. Нравы же необходимо упорядочить прежде речей, подобно тому как земледелец, прежде чем заниматься семенами и растениями, которые он намерен посадить, должен удалить с участка все, что им вредит, например, сорную траву и тому подобное. Вот почему, поскольку он писал это также и для детей, он вынужден был пользоваться более низким стилем, так что и наставления вполне могут принадлежать ему. Стоит спросить также, по какой причине мы читаем их именно в таком порядке: сначала наставление к Демонику, затем наставление к Никоклу, а не безразлично в каком порядке, как это делается с другими его речами. Мы думаем, что Исократ хотел быть полезным для всех, однако, считая составление советов, обращенных ко всем, занятием тягостным и назойливым, он пожелал написать их как бы для Демоника и Никокла. На самом же деле посредством трех этих наставлений он обращается с увещаниями ко всем людям, подобно тому, как и Гесиод, когда он говорит своему брату: «работай, о Перс безрассудный!» ³, — дает наставления всем людям. Так делает и Исо-

* Перевод Э. Д. Фролова.

¹ «Содержания» (ὑποθέσεις), составленные неизвестным грамматиком к речам Исократ, относятся к позднеимперскому времени (IV или V в. н. э.).

² Имеются в виду речи: «К Демонику», «К Никоклу» и «Никокл или к жителям Кипра».

³ Hes., Op. et dies, 397 (здесь и дальше перевод В. В. Вересаева).

крат. При этом первой он ставит речь «К Демонику», поскольку сначала он обращается к простым людям, а затем уже, в речи «К Никоклу», учит царствовать. Ведь всякий, достигающий царской власти, сначала бывает простым человеком. Наконец, в речи «К Никоклу или к союзникам» он говорит, как надо простому человеку подчиняться царям. Эти наставления относятся к виду совещательных речей, называются же они «наставлениями» (*παραινέσεις*) от слова *αἶνος*, что означает «совет», подобно тому как и Гесиод говорит: «Басню (*αἶνον*) теперь (расскажу я) царям»⁴. Однако они не содержат спора, ибо в них нет того, кто выступал бы с возражениями. Теперь время, как мы сказали⁵, перейти, наконец, к самому истолкованию речей. Однако, поскольку самому истолкованию необходимо предпослать указания о содержании и цели речей, надо разъяснить прежде всего содержание этой речи. Некто Гиппоник, как об этом рассказывают многие, был по происхождению киприотом и состоял в дружбе с софистом Исократом. Гиппоник умер, оставив сына по имени Демоник. Исократ, видя, что последний еще ребенок и нуждается в заботливом воспитании, пишет ему ряд наставлений, желая научить его, как надо жить, и таким образом как бы донести и до сына ту любовь, которую он питал к его отцу, как он и говорит об этом во вступлении, в самом начале речи. Итак, Исократ обращается к нему с советами, изложив их в письме, ибо он не мог оставить Афины из-за своих учеников. Некоторые даже пытаются называть эту речь «Письмом к Демонику». Таково видимое содержание речи. Однако мы сказали уже выше, что Исократ хочет сделать общепользными свои наставления, дав совет, как надо жить простому человеку. Он это делает здесь на примере Демоника, а для советов, как надо царствовать, использует в качестве предлога обращение к Никоклу. Избегая быть назойливым, Исократ незаметно подчиняет речи собственной цели. Он начинает с религии, затем говорит об отношении к родителям, друзьям, дому, отечеству, касается вопросов физического и духовного развития человека. Наконец, надо обратиться и ко «вступлению» (*προοίμιον*) — от слова *οἶμος*, т. е. «дорога». Гесиод говорит: «высока и длинна к ней дорога (*οἶμος*)»⁶. Дорога же, по которой движется речь, — это борьба мнений и защита своего дела.

(1) Во многом, Демоник, мы можем обнаружить, как сильно отличаются друг от друга настроения порядочных людей и помыслы дурных, но наибольшее различие между ними проявляется в общении с другими: одни чтут друзей, только когда они присутствуют, другие же любят их и тогда, когда они находятся далеко. Привязанности дурных разрушает короткое время, тогда как дружбу порядочных не могла бы стереть и целая вечность. (2) Так вот, считая, что стремящимся к славе и претендующим на то, чтобы называться воспитанными людьми, пристало быть подражателями порядочных, а не дурных, я отправил тебе в качестве дара вот эту речь — как свидетельство любви к вам, как знак привязанности к Гиппонику, ибо детям надлежит наследовать как имущество, так и дружеские отношения своих отцов. (3) К тому же я вижу, что и судьба нам содействует, и настоящий момент благоприятствует: ибо ты стремишься получить образование, а я берусь воспитывать других; к тому же тебе сейчас самое время заняться философией⁷, а я обучаю тех, кто ею занимается

⁴ Ibid., 202.

⁵ Ссылка на несохранившуюся часть древнего комментария.

⁶ Ibid., 290.

⁷ Термины *φιλοσοφία*, *φιλοσοφείν* употребляются Исократом по-разному: или в самом общем смысле для обозначения глубокого рассмотрения какого-либо предмета (ср. IV, 6: *σκοπεῖν καὶ φιλοσοφεῖν τοῦτον τὸν λόγον*); или, как здесь, для обозначения занятий науками вообще, причём под этим понимается главным образом моральное и политическое воспитание, соединенное с риторическим образованием, иными

ся. Конечно, люди, которые составляют речи, обращенные с увещаниями к собственным друзьям, предпринимают хорошее дело, однако они занимают еще не самым главным в философии. (4) Напротив, все, кто обучает молодых людей не приемам, благодаря которым они смогут выработать мастерство в речах, а способу приобрести репутацию людей порядочных по своему нравственному облику,— эти приносят слушателям несравненно большую пользу, чем первые: те призывают только к занятию красноречием, эти же исправляют их характер.

(5) Вот почему мы занялись не изысканием призывов, а записью наставлений, намереваясь посоветовать тебе, к чему следует стремиться молодым людям, от каких дел воздерживаться, с какими людьми общаться и как вообще устроить свою жизнь. Ведь только те, кто прошел свой жизненный путь таким образом,— только они и смогли по-настоящему достичь добродетели — достоинства, величественнее и прочнее которого нет ничего на свете. (6) Ведь красоту или время стирает, или болезнь иссушает; богатство служит скорее низости, чем благородству, предоставляя возможность быть нерадивым и призывая юношей к удовольствиям; сила также всегда приносила пользу вместе с разумом, тогда как без него она скорее вредила тем, кто ею обладал: тела упражняющихся она украшала, но зато мешала заботе о душе. (7) Обладание же добродетелью, когда она развивается закономерно, вместе с духовными силами,— единственное, что не покидает человека даже в старости. Оно лучше богатства и полезнее знатности, ибо оно делает возможным то, что невозможно для других, и дает силы на перенесение того, что внушает страх массе людей, с порицанием заставляет относиться к бездействию и с похвалой — к труду. (8) В этом легко убедиться на примере подвигов Геракла и трудов Тезея, на чьи дела нравственная доблесть наложила такой отпечаток доброй славы, что никакое время не сможет привести к забвению содеянного ими.

(9) Впрочем, если ты вспомнишь о нравственных правилах своего отца, то ты тоже будешь иметь близкий и прекрасный пример того, о чем я говорю тебе. Ведь твой отец провел жизнь не пренебрегая добродетелью и не предаваясь беспечности; нет, он тело свое закалял трудами, душою же отважно противостоял опасности. К богатству он не пылал чрезмерной любовью, но вкушал от имеющихся благ как человек, которому все равно суждено умереть, заботился же о своем достоинстве, как если бы рассчитывал на бессмертие. (10) Он отнюдь не придерживался низменных правил в своей жизни: умел ценить красоту, был щедрым и общительным с друзьями. При этом тех, кто радел о его интересах, он ценил больше, чем кровных родственников, ибо он считал, что в делах дружбы природные симпатии гораздо важнее, чем закон, характер — чем происхождение, свободный выбор — чем принуждение. (11) Нам нехватило бы никакого времени, если бы мы стали перечислять все его поступки. Подробное описание их мы дадим как-нибудь в другой раз ⁸, а пока мы представили в общих чертах характер Гиппоника, который ты должен взять за образец в

словами то, что составляет предмет практического воспитания (*παιδεία*), ставящего целью дать «хорошо воспитанного (*παιδευμένος*) человека» (ср. II, 35; V, 29; XII, 209; XV, 247, 292); наконец, поскольку в этом воспитании риторическое образование играет первостепенную роль, слова *φιλοσοφία*, *φιλοσοφείν* могут означать просто серьезное занятие красноречием, его изучение или преподавание (этот случай наиболее част, ср. II, 51; III, 1, 9; IV, 10; V, 84; IX, 8; XV, 41, 48, 50 и др.). Употребление этих слов у Исократе отражает его полемику как с представителями «высокой науки» (натурфилософы, старшие софисты, школа Сократа), так и с современными ему софистами — преподавателями риторики (см. в особенности XV, 265 слл. и речь «Против софистов»).

⁸ Намерение Исократе дать жизнеописание Гиппоника осталось невыполненным.

своей жизни, положив для себя законом его образ поведения, став подражателем и ревнителем отцовской добродетели. Ведь будет стыдно, если в противоположность художникам, которые стремятся воспроизвести прекрасный облик живых существ, дети не станут подражать хорошим родителям. (12) Знай, что никому из атлетов не следует так готовиться к встрече с противниками, как надлежит тебе заботиться о том, чтобы в поступках своих оказаться достойным соперником своего отца. Однако невозможно проникнуться такого рода мыслями тому, кто не наслушался множества полезных советов. Ведь от природы устроено так, что тела развиваются соответствующими возрасту трудами, души же серьезными речами. Вот почему я постараюсь кратко показать тебе, благодаря каким поступкам ты сможешь, по моему мнению, более всего успеть в добродетели и приобрести добрую славу у всех людей.

(13) Прежде всего будь благочестивым во всем, что касается богов, не только совершая жертвоприношения, но и соблюдая клятвы, ибо одно есть признак материального достатка, другое же — свидетельство духовного благородства. Почитай божество всегда, особенно же вместе со всеми гражданами: таким образом люди увидят, что ты и богам приносишь жертвы и законы соблюдаешь. (14) Будь по отношению к родителям таким, какими ты хотел бы видеть по отношению к себе собственных детей. Запняйся не теми физическими упражнениями, которые развивают силу, а теми, которые способствуют здоровью. Желаемого результата ты достигнешь, если будешь прекращать занятия, оставаясь в состоянии еще заниматься. (15) Ни смеха не терпи неумеренного, ни слова не одобряй сказанного дерзко: одно — глупо, другое же — безрассудно. Что делать постыдно, то, считай, и говорить нехорошо. Приучайся быть не угрюмым, а сосредоточенным, ибо угрюмость создаст тебе репутацию надменного человека, сосредоточенность же — рассудительного. Верь, что более всего тебе к лицу — стыдливость, справедливость и скромность, ибо считается, что все это украшает нравственный облик молодого человека. (16) Никогда не надейся остаться незамеченным, совершив какой-либо постыдный поступок. Ведь даже если ты укроешься от других, сам ты все равно будешь сознавать это за собою. Страшись богов, почитай родителей, соведись друзей, повинуйся законам. Ищи удовольствий, согласных с добрым именем, ибо наслаждение, сообразное с понятием о прекрасном, — самое лучшее, не сообразное же — самое худшее. (17) Остерегайся клеветы, даже если она лжива, ибо большинство людей истины не знает, в своих суждениях же следует за молвой. Во всех своих поступках руководствуйся тем соображением, что они не укроются ни от кого. Ведь если даже ты утаишь их в настоящее время, все равно они вскроются позднее. Более всего будешь пользоваться уважением, если будет видно, что ты не делаешь того, что сам стал бы порицать в других. (18) Если будешь любознательным, будешь много знать. Что знаешь, то сохраняй упражнением, а чему не научился, то стремись присоединить к своим знаниям, ибо так же стыдно не поучиться, слушая полезную речь, как не принять от друзей какой-либо подарок. Используй досуг в своей жизни на прилежное слушание речей. Ведь так тебе с легкостью удастся узнать то, чего другие достигли с трудом. (19) Верь, что множество выслушанных наставлений полезнее множества денег. Деньги быстро исекают, тогда как наставления остаются на всю жизнь, ибо мудрость — единственное из всех достояний, которое бессмертно. Не колеблись совершить большое путешествие ради тех, кто обещает научить чему-либо полезному. Ведь стыдно будет, если в противоположность купцам, которые пересекают столь обширные моря, чтобы увеличить свое состояние, молодые люди не решатся на сухопутные путешествия, чтобы обогатить свой разум.

(20) Будь по характеру приветливым, в речах — любезным. Приветливость проявляется в радушном обращении со встречными, любезность — в дружеской беседе с ними. Будь обходительным со всеми, близкие же отношения устанавливай с лучшими. Так ты не навлечешь на себя вражду одних и завяжешь дружбу с другими. Не веди бесед ни слишком частых с одними и теми, ни слишком продолжительных об одном и том же, ибо пресыщение бывает во всем. (21) Упражняй себя добровольными трудами, чтобы при случае быть в состоянии переносить и вынужденные. Чему постыдно покоряться душою, во всем этом вырабатывай твердость характера — в стремлении к прибыли, в проявлениях гнева, в наслаждении, в печали. Ты добьешься этого, если прибылью будешь считать то, что принесет тебе доброе имя, а не то, что создаст тебе богатство; если в гневе ты будешь относиться к провинившимся так же, как ты хотел бы, чтобы и другие относились к тебе в подобном случае; если среди наслаждений ты будешь помнить, что постыдно человеку, умеющему властвовать над рабами, быть рабом своих удовольствий; если в трудных обстоятельствах ты вспомнишь о неудачах других и напомним себе, что ты тоже смертный. (22) Доверенный секрет сохраняй еще больше, чем доверенные деньги: порядочные люди должны вести себя так, чтобы их поведение являлось лучшей поручкой, чем клятва. Знай, что дурным надлежит не доверять в такой же степени, как честным — доверять. О своих тайнах не рассказывай никому, разве что твои собеседники будут заинтересованы в сохранении тайны не меньше, чем ты сам. (23) На клятву решайся лишь в двух случаях: или себя освобождая от позорного обвинения, или друзей спасая от великой опасности. По поводу же денег не призывай в свидетели никого из богов, даже в подтверждение правды, ибо одним ты покажешься клятвопреступником, другим же — корыстолюбцем.

(24) Никого не делай своим другом, прежде чем не выяснишь, какие отношения у него были с прежними друзьями, ибо ты должен ожидать, что он и по отношению к тебе окажется таким, каким был по отношению к ним. Дружбу завязывай неторопливо, но, раз став чьим-либо другом, старайся остаться им, ибо одинаково зазорно и не иметь друзей вовсе, и часто менять своих товарищей. Не испытывай своих друзей с ущербом для них, но и не оставляй своих товарищей неиспытанными. Ты достигнешь этого, если, не нуждаясь, притворишься нуждающимся. (25) О том, что можно рассказать, сообщай, как о тайне: просчитавшись, ты не получишь никакого вреда; если же твои расчеты оправдаются, ты лучше узнаешь их характер. Проверь друзей во время жизненных неудач и в совместных опасностях, ибо золото мы испытываем в огне, друзей же распознаем в несчастьях. Лучшие отношения с друзьями у тебя будут в том случае, если ты не станешь дожидаться просьб с их стороны, а сам по собственному побуждению будешь приходить к ним на помощь в нужный момент. (26) Считай одинаково постыдным уступать врагам в причинении зла и отстаивать от друзей в добрых делах. Из товарищей своих почитай не только тех, кто сокрушается по поводу твоих бед, но и тех, кто не завидует твоим удачам. Ведь многие сочувствуют своим друзьям в их несчастье, в счастье же — завидуют. Вспоминай об отсутствующих друзьях перед присутствующими, чтобы было видно, что ты и ими не пренебрегаешь, когда их нет. (27) В одежде своей стремись к красоте, а не к щегольству. Человеку со вкусом присуще великолепие, щеголю же — фатовство. Высоко цени не чрезмерное приобретение имущества, а надлежащее использование его. Презирай тех, кто ревностно стремится к богатству, не умея пользоваться уже имеющимся состоянием. С такими людьми случается примерно то же самое, как если бы кто-нибудь приобрел прекрасного коня, не умея хорошо ездить верхом. (28) Старайся относиться к богатст-

ву как к ценности и собственности: ценностью оно является для тех, кто умеет им пользоваться, собственностью же — для тех, кто способен приобретать. Дорожи имеющимся состоянием по двум причинам: чтобы быть в состоянии выплатить большой штраф или помочь в беде хорошему другу. Во всем остальном не питай к нему чрезмерной любви, но относись сдержанно. (29) Будь доволен тем, что есть, однако стремись к лучшему. Никого не попрекай неудачей, ибо судьба распоряжается всеми, и будущее не известно. Делай добро хорошим людям, ибо сущий клад — признательность порядочного человека. Делая же добро плохим, испытываешь то же, что случается с людьми, кормящими чужих собак: те все равно лают на людей, дающих им пищу, как на чужих; точно так же негодяи благодетелям своим причиняют обиды все равно, что врагам. (30) К льстецам относись с такой же ненавистью, как к обманщикам: и те и другие, когда им верят, причиняют поверившим зло. Если будешь признавать друзьями лишь тех, кто согласен угождать самому дурному, не будет у тебя в жизни друга, который рискнул бы навлечь на себя ненависть, лишь бы только обратиться тебя к лучшему. С теми, кто общается с тобой, будь обходительным, а не надменным. Ведь спесивость тех, кто преисполнен презрения, с трудом смогут выносить даже рабы, характер же людей обходительных одинаково приятен всем. (31) Обходительным же ты станешь, если не будешь ни сварливым, ни привередливым, ни упрямым спорщиком; если на гнев близких тебе людей не будешь отвечать сурово, даже если они гневаются несправедливо, а наоборот, будешь уступать им, когда они в запальчивости, обращаясь с упреками лишь тогда, когда они перестанут сердиться; если во время веселья не будешь напускать на себя серьезный вид, а в серьезных делах не станешь предаваться шуткам, ибо неуместное поведение всегда неприятно; если любезность не будешь оказывать с нелюбезным видом, как это случается с большинством людей, когда они оказывают услуги друзьям, но делают это заведомо неохотно; если не будешь ни приставать с порицаниями, поскольку это неприятно, ни доносить упреками, поскольку это раздражает. (32) Пьяных сборищ остерегайся более всего; если же когда-нибудь тебе случится присутствовать на таком собрании, встань и уйди, не дожидаясь опьянения. Ведь когда рассудок затуманится вином, с ним случается то же самое, что с колесницами, потерявшими возничих: как те несутся в беспорядке, лишившись людей, которые ими управляли, так и душа часто сбивается с правильного пути, когда рассудок помутится. Стремись к бессмертию величием своей души; не забывай, однако, о смертных делах, надлежащим образом исполняя имеющиеся блага. (33) Будь уверен, что воспитание является тем большим благом по сравнению с невоспитанностью, что в отличие от других пороков, которым все могут предаваться с выгодой для себя, этот один всегда таит в себе наказание для тех, кому он присущ. Ибо часто, задев кого-нибудь словами, люди расплачивались за это делами. С кем хочешь подружиться, о тех отзывайся с похвалой перед людьми, которые могут передать о твоих словах. Ведь похвала — начало дружбы, поношение же — вражды.

(34) Принимая решение, суди о будущем на примере прошедшего, ибо неизвестное быстрее всего распознается по известному. Обдумывай решения медленно, приводи их в исполнение быстро. Знай, что самое лучшее — это от богов удостоиться удачи, а самим обладать рассудительностью. О чем стыдишься сказать откровенно, но хочешь посоветоваться с друзьями, об этом говори, как будто о делах постороннего человека: так ты и мнение друзей узнаешь, и себя не выдашь. (35) Если намерен посоветоваться с кем-нибудь по поводу своих дел, посмотри сначала, как этот человек управился с собственными, ибо всякий, кто плохо позаботился о своих де-

лах, никогда не придумает ничего хорошего для других. Более всего ты будешь побужден хорошо обдумывать свои решения, если посмотришь на несчастья, проистекающие от необдуманности. Ведь и о здоровье мы более всего начинаем заботиться тогда, когда вспомним о неприятностях, проистекающих от болезней. (36) Подражай нравам царей и следуй их поступкам: так ты создашь себе репутацию сторонника и ревнителя царской власти. В результате ты приобретешь большее уважение народа и более прочную благосклонность царей. Повинуйся царским законам, однако самым сильным законом считай царскую волю. Ведь точно так же, как гражданин демократического государства должен относиться с почтением к народной массе, так и живущий при монархии должен почитать царя. (37) Будучи поставлен на какую-нибудь должность, не привлекай к управлению дурных людей: за все, в чем они провинятся, ответственность возложат на тебя. С общественных постов уходи не обогатившись, а прославившись. Ведь похвала, заслуженная у народа, лучше богатства. Не выступай ни в поддержку, ни в защиту никакого дурного дела, иначе сочтут, что ты сам тоже занимаешься такими же делами, какие совершают те, кому ты станешь помогать. (38) Развивай в себе способности добиться большего, живи же, довольствуясь равным, чтобы считали, что ты стремишься к справедливости не из-за собственной слабости, а в силу присущей тебе порядочности. Предпочитай честную бедность нечестно нажитым деньгам. Ведь справедливость много лучше богатства: одно приносит человеку пользу только при жизни, другое же создает славу и после смерти. Деньги могут доставаться и негодяям, тогда как справедливость никак не может быть достоянием дурных. (39) Не завидуй тем, кто добивается выгоды нечестным путем; напротив, почитай таких, кто терпит ущерб, оставаясь верным справедливости. Ведь люди справедливые, если даже ни в чем другом и не добиваются большего по сравнению с нечестными, то все-таки превосходят их надеждами на будущее вознаграждение за свою добропорядочность. (40) Заботься обо всем необходимым в жизни, но более всего развивай свой разум. Великое в малом — вот что такое хороший ум в теле человека. Приучай тело к труду, а душу — к размышлениям, чтобы с помощью одного быть в состоянии совершить намеченное, посредством же другого уметь предвидеть полезное. (41) О чем бы тебе ни предстояло говорить, сначала обдумай это в душе. Ведь у многих язык опережает мысль. Вступай в разговор только в двух случаях: когда речь идет о предмете, тебе хорошо знакомом, или когда вынуждает говорить необходимость. Только в этих случаях речь предпочтительнее молчания, во всем остальном всегда лучше молчать, чем говорить.

(42) Держись того мнения, что ничто человеческое не прочно: так ты не будешь ни удачам слишком радоваться, ни в несчастьях слишком печалиться. Радуйся выпадающему счастью, в меру огорчайся по поводу случающихся бед, но ни в том, ни в другом случае не проявляй своих чувств перед другими, ибо нелепо — имущество прятать в домах, мысли же свои держать нараспашку. (43) Более остерегайся порицания, чем опасности, ибо для дурных должно быть страшно расстаться с жизнью, а для порядочных — жить в бесславии. Старайся по возможности ограждать свою жизнь от всякого риска, однако, если когда-нибудь тебе случится подвергнуться опасности, не ищи спасения на войне в ущерб доброй славе и хорошему имени. Ведь судьба всех осудила на смерть, однако лишь достойным людям природа предоставила право умереть с честью.

(44) И не удивляйся, если многое из сказанного мною не подходит сейчас для твоего возраста. Ведь от меня это тоже не укрылось, однако я предпочел все же одновременно дать тебе совет относительно нынешней жизни и оставить наставление на будущее. Ведь возможность употребить

все это ты найдешь легко, а вот доброжелательного советчика обрести будет трудно. Поэтому, чтобы ты не искал в будущем советов у другого, но черпал их отсюда, как из сокровищницы, я решил, что не следует пропустить ни одного наставления, которое я могу тебе дать.

(45) Я буду очень признателен богам, если не ошибусь во мнении, которое у меня сложилось о тебе. Ведь мы легко можем убедиться, что люди в большинстве своем как в пище скорее радуются приятному, чем полезному, так и в дружбе чаще сближаются с соучастниками своих прегрешений, нежели с теми, кто наставляет их на путь истины. Напротив, ты, как я полагаю, придержишься противоположных взглядов. Я заключаю об этом по твоему прилежанию во время предшествующего обучения. Ведь тот, кто предписывает себе всегда поступать наилучшим образом, тот, естественно, и среди других людей будет почитать таких, которые призывают к добродетели. (46) Более всего ты проникнешься стремлением к прекрасным делам, если убедишься, что и удовольствия настоящие мы получаем в сущности лишь от них. Ведь при легкомысленном и распущенном образе жизни сразу же за удовольствиями следуют разочарования, тогда как ревностное стремление к добродетели и к скромности в жизни всегда приносит с собой наслаждение чистое и постоянное. (47) В первом случае насладившись сначала, затем испытывают разочарования; здесь же после огорчений мы получаем удовольствия. Между тем во всех делах мы не так вспоминаем о начале, как ощущаем конец. Ибо большую часть своих поступков в жизни мы совершаем не из-за самих этих дел, но ради возможного результата. (48) Заметь также, что негодным людям позволено поступать как угодно, ибо они с самого начала делают это своим жизненным правилом. Напротив, людям достойным нельзя не заботиться о добродетели: иначе они навлекут на себя со всех сторон упреки. Ведь всем внушают ненависть не столько те, кто совершает прегрешения, сколько те, кто претендует на высокие моральные качества, а на самом деле ничем не отличается от самых заурадных людей. И это естественно. (49) Ведь если мы презираем тех, кто обманывает только словом, то уж, конечно, мы назовем негодными таких, у которых вся жизнь — сплошное надувательство. Мы имеем все основания считать, что такие люди не только поступают предосудительно по отношению к себе самим, но и обманывают судьбу. Ведь она предоставила им богатство, почет, друзей, а они оказались недостойными дарованного им счастья. (50) Если только позволено смертному истолковать волю богов, то я думаю, что и они тоже показали, в особенности на примере ближайших им людей, как они относятся к дурным и как — к хорошим. Так, Зевс, произведя на свет Геракла и Тантала, согласно мифам, в правдивость которых верят все, одного из них за его доблесть сделал бессмертным, другого же за его злодейство наказал величайшими карами. (51) Помня об этих примерах, ты должен стремиться к нравственному совершенству и не только быть верным моим наставлениям, но и изучать лучшие творения поэтов и читать, если есть какие-либо полезные высказывания у других софистов. (52) Мы видим, как пчела садится на все цветы и с каждого из них собирает самое лучшее; точно так же всякий, кто хочет стать воспитанным человеком, не должен оставлять неиспробованным буквально ничего, но отовсюду обязан добывать для себя полезное. Ибо даже при таком старании человек лишь с трудом может одолеть свои природные недостатки.

II. К НИКОКЛУ*

Речь «К Никоклу» — такой же образец наставления, как и речь «К Демонику». Однако на этот раз автор обращается с советами не к частному лицу, а к правителю (Никокл был царем города Саламина на Кипре). Как и первая речь, это сочинение служит важным источником для изучения политических, этических и философских взглядов Исократ. Речь написана, по-видимому, вскоре после прихода Никокла к власти (374/373 г. до н. э.).

СОДЕРЖАНИЕ РЕЧИ «К НИКОКЛУ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ», СОСТАВЛЕННОЕ НЕИЗВЕСТНЫМ ГРАММАТИКОМ

Мы уже прежде сказали о причине, по которой мы придерживаемся такого порядка чтения¹, видимое же содержание речи таково. Никокл, сын Эвагора, выведивший свой род от Тевкра и Теламона, как с божьей помощью мы узнаем об этом из самого «Эвагора»², стал царем Саламина, одного города на Кипре, который теперь называется городом Константина³ и является столицей Кипра. Исократ обращается к нему с наставлениями, как надо правильно царствовать. Гермипп в книге «Об Исократе»⁴ утверждает, ссылаясь на некоего Эвандра, нападавшего на софистов⁵, что сам Исократ получил от Никокла 20 талантов и за это послал ему эту речь после смерти Эвагора, как бы желая и Никоклу тоже быть полезным после смерти его отца.

(1) Люди, Никокл, имеющие обыкновение привозить вам, царям, одежду, изделия из меди или золота или какие-либо другие вещи такого же рода, которых у них самих недостаточно, а у вас в избытке, явно занимают, как мне представляется, не подношением даров, а торговлей, причем они продают свои подарки гораздо дороже, чем обычные лавочники — товары. (2) Я подумал поэтому, что самым лучшим подарком, самым полезным и наиболее подходящим: для меня — поднести, а для тебя — принять, было бы, если бы я смог указать тебе, к каким делам ты должен стремиться и от каких воздерживаться, чтобы лучше всего управлять и своим городом, и всем царством. В самом деле, на простых людей может оказывать благотворное влияние множество обстоятельств: во-первых, невозможность проводить свои дни в роскоши и необходимость ежедневно заботиться о средствах к жизни; (3) затем различные законы, в соответствии с которыми они живут в своих государствах, а также свобода речи и возможность открыто: друзьям — порицать, а врагам — нападать на ошибки других; кроме этого, некоторые из древних поэтов также оставили наставления, как надо жить⁶, так что благодаря всему этому простые люди, естественно, располагают возможностями для своего совершенствования. (4) У тиранов же ничего подобного нет: люди, о чьем воспитании следовало бы заботиться больше всего, как только придут к власти, оказываются навсегда лишенными каких бы то ни было наставлений. Ведь

* Перевод Э. Д. Фролова.

¹ См. «Содержание», составленное этим же автором к первой речи («К Демонику»).

² См. Исократ, IX («Эвагор»), 12—18.

³ Разрушенный землетрясениями в первой половине IV в. н. э. Саламин был затем заново отстроен при Констанции II (337—361 гг.) и получил новое имя — Констанция (Κωνσταντία). Это название передано в тексте описательно: τῆς οὖν Κωνσταντίνου καλουμένης (sc. πόλεως).

⁴ Гермипп из Смирны — писатель эллинистического времени (ок. 200 г. до н. э.). Составленные им жизнеописания замечательных людей древности, в том числе и сочинение «Об Исократе», до нас не дошли.

⁵ Кто был этот Эвандр, нам неизвестно.

⁶ Имеются в виду поэты-гномики (ср. § 44 и прим.), а также Гомер и Гесиод.

большинство людей не имеет к ним доступа, а те, кто общается с ними, стремятся во всем им угодить. И вот, становясь обладателями огромных богатств и неограниченной власти, они пользуются этими возможностями так нехорошо, что многие начинают сомневаться по поводу того, чья жизнь заслуживает предпочтения: людей простых, но порядочных, или тиранов. (5) Действительно, когда люди смотрят на почести, богатства, могущество, то все считают обладателей единоличной власти чуть ли не равными богам; когда же они подумают о страхе и опасностях и, перебирая прошлое, увидят, что одни тираны были убиты теми, от кого менее всего этого можно было ожидать, другие сами были вынуждены причинять зло близким, а третьих постигли оба эти несчастья, тогда все начинают думать, что лучше самое скромное существование, чем власть над всей Азией, если она сопряжена с такими невзгодами. (6) Причиной такого несоответствия и путаницы во взглядах является то, что царскую власть, как и жречество, считают делом, доступным для любого человека, а между тем из всех человеческих занятий это — самое сложное, требующее наибольшей предусмотрительности.

Советовать по каждому отдельному поводу, как лучше всего можно было бы управиться с тем или иным делом, чтобы и успех обеспечить, и неудачи избежать, — это обязанность тех, кто будет всегда находиться рядом с тобой; я же постараюсь рассказать тебе о принципах поведения в целом, о том, что следует иметь в виду и чем надо заниматься. (7) Конечно, будет ли этот труд, предназначенный в подарок тебе, по свершении своем достоин поставленной задачи — об этом трудно судить с самого начала. Ведь многие стихотворные произведения, равно как и сочинения в прозе, будучи еще в замыслах составителей, подавали большие надежды, законченные же и показанные публике не оправдывали ожиданий. (8) Как бы там ни было, само это начинание прекрасно: исследовать то, что было упущено другими, и дать надлежащие установления для монархического правления. Действительно, тот, кто занимается воспитанием простых людей, приносит пользу только им одним, тогда как человек, сумеющий обратиться к добродетели властителей народа, окажет услугу и тем, и другим — и повелителям, и их подданным: для одних он сделает более безопасным их правление, для других — более мягкими государственные порядки.

(9) Итак, сначала надо выяснить, что составляет долг людей, обладающих царской властью. Ведь если мы в целом сумеем правильно схватить существо этого дела, то, опираясь на это, мы лучше сможем рассуждать и о частностях. Все, конечно, согласится с тем, что цари обязаны избавлять свое государство от несчастий, охранять его благополучие и добиваться того, чтобы оно из малого стало великим, ибо все прочие дела, происходящие каждодневно, следует выполнять ради этой цели. (10) При этом совершенно ясно, что людям, претендующим на такое могущество и преследующим столь великие цели, не следует быть беспечными и нерадивыми; они должны всячески заботиться о том, чтобы превзойти своим разумом других, ибо известно, что успех правления царей зависит от того, сколь совершенен будет их разум. (11) Поэтому никому из атлетов не нужно так развивать свое тело, как царям — свою душу. Ведь вообще на всех празднествах не устанавливается даже части тех наград, за которые вы боретесь каждый день. Помня об этом, ты должен приложить все усилия к тому, чтобы настолько же отличаться от прочих людей добродетелью, насколько ты превосходишь их своим положением. (12) Не думай, что усердие полезно лишь в прочих делах, а для морального и умственного совершенствования оно не имеет никакой силы. Не осуждай человечество на такое несчастье: не думай, что в то время как для животных мы нашли различные средства, с помощью которых можно укротить и улучшить их

прав, самим себе мы ничем не сможем помочь в достижении добродетели. Наоборот, проникнись убеждением, что и воспитание и усердие в огромной степени могут помочь совершенствованию нашей природы. (13) Сближайся с людьми самыми разумными из твоего окружения, приглашай таких же со стороны, кого только сможешь. Знай, что тебе не должен остаться неизвестным ни один из знаменитых поэтов или софистов; будь слушателем одних, учеником других, готовь себя к тому, чтобы стать судьей менее знающих и соперником более сведущих. Посредством такой подготовки ты скорее всего станешь таким, каким, по нашему мнению, должен быть всякий, кто намерен царствовать правильно и управлять государством как следует. (14) Более же всего ты поощришь себя к этому, если проникнешься убеждением, что скверно, когда худшие правят лучшими; а неразумные распоряжаются умными. Ведь чем сильнее ты будешь презирать чужую глупость, тем больше будешь развивать собственный разум.

(15) Итак, тем, кто намерен достигнуть надлежащей цели, следует начинать с этого, но, кроме того, они должны относиться благожелательно к людям и любить свой город. Ведь невозможно как следует управлять ни лошадьми, ни собаками, ни людьми, ни кем-либо другим, если не относиться с любовью к тому, кого приходится опекать. Заботься о народе и ставь выше всего, чтобы твое правление было ему угодно. (16) Знай, что из всех форм правления — и олигархических, и всяких иных, — те дольше других сохраняются, которые лучше всего заботятся о народе. Ты сможешь отлично управлять народом, если не будешь позволять бесчинствовать толпе и не станешь спускать бесчинства над нею другим, если, напротив того, будешь следить, чтобы лучшие жили в почете, а прочие ни в чем не терпели обиды. Это первый и самый важный принцип хорошего правления. (17) Из установлений и обычаев отменяй или изменяй такие, которые существуют без всякой пользы. Всеми силами старайся изыскать лучшие установления; в противном случае заимствуй то, что есть правильного у других. Ищи для своего государства законы в целом справедливые и полезные, согласные между собой, такие, при которых у граждан возникает менее всего споров, а их разрешение становится наиболее быстрым, ибо именно такие качества и должны быть присущи хорошим установлениям. (18) Старайся сделать для своих граждан труд прибыльным, а тяжбы — убыточными, с тем чтобы этих последних они избегали, а к труду относились с большим рвением. Выноси решения по поводу их споров между собой нелицеприятные и не противоречащие друг другу; всегда суди одинаково об одном и том же, ибо прилично и полезно, чтобы мнение царей о справедливости оставалось неизменным так же, как хорошо установленные законы. (19) Управляй городом так же, как отцовским хозяйством: с блеском и царственной пышностью при возведении сооружений, со строгостью при взимании налогов, чтобы одновременно и имя свое прославить, и средствами располагать достаточными. Великолепие проявляй не в каких-либо дорогостоящих и преходящих затеях, а в том, о чем уже было сказано, равно как в красивых приобретениях и в благодеяниях друзьям, ибо такого рода издержки и тебе самому будут полезны и потомкам останутся более ценным достоянием, чем потраченные при этом деньги.

(20) Во всем, что касается богов, поступай так, как указали предки; учти, однако, что лучшим приношением и величайшим служением богам будет, если ты выкажешь себя наиболее достойным и справедливым человеком, ибо можно ожидать, что именно такие люди, а не те, кто приносит множество жертв, заслужат у богов какой-либо милости. Назначай на почетные должности самых близких тебе людей, истинным же доверием почитай самых преданных. (21) Наиболее надежной охраной для себя

считай доблесть друзей, преданность граждан и собственный разум. С их помощью скорее всего можно и приобрести тиранческую власть, и удерживать ее. Заботься о личном имуществе граждан; имей в виду, что все их траты расточают, а все их приобретения увеличивают твое собственное состояние. Ведь все, что принадлежит населению города, составляет собственность того, кто правильно в нем царствует. (22) Всегда старайся показать, что ты более всего ценишь правду, чтобы твои слова внушали больше доверия, чем клятвы других. Для всех чужеземцев сделай свой город надежным пристанищем и справедливым участником деловых соглашений, более же всего цени из приезжающих не тех, кто везет тебе дары, а тех, кто сам хочет удостоиться их от тебя, ибо почитая таких людей, ты больше прославишься и среди других. (23) Искорени всякий страх из умов граждан и не стремись к тому, чтобы были объаты ужасом те, кто ни в чем не виновен. Ведь как ты других сумеешь расположить к себе, так ты и сам будешь относиться к ним. Не делай ничего в гневе, однако делай вид, что ты раздражен, когда тебе это удобно. Будь в глазах людей и грозным — благодаря умению все замечать, и снисходительным — вследствие обыкновения наказывать мягче, чем того требует проступок.

(24) Доказывай свою способность к управлению не суровостью и не жестокостью наказаний, а стремлением всех превзойти своей мудростью, так, чтобы люди считали, что об их благополучии ты сумеешь позаботиться лучше, чем они сами. Своими знаниями и подготовкой покажи, что ты можешь воевать, а своим отказом от каких бы то ни было несправедливых притязаний — что ты склонен к миру. Так относись к более слабым государствам, как ты хотел бы, чтобы более сильные относились к тебе.

(25) В спор вступай не по любому поводу, а лишь из-за того, что в случае победы принесет тебе пользу. Никчемными считай не тех, кто с пользой готов уступить, а тех, кто с ущербом для себя стремится выиграть. Верь, что величие духа присуще не тем, кто берется за дела не по своим силам, а тем, кто стремится к прекрасному и способен завершить любое свое начинание. (26) Подражай не тем, кто распространил свою власть на множество новых владений, а тем, кто лучше всего управился с уже имеющимися. Имей в виду, что полного счастья ты достигнешь не в том случае, если со страхом, опасностью и насилием будешь повелевать всеми людьми, а если, оставаясь таким, каким следует, и действуя так же, как теперь, будешь стремиться к умеренным целям и всегда достигать их.

(27) Своими друзьями делай не всех желающих, а лишь близких тебе по характеру, и не тех, с кем ты сможешь очень приятно провести время, а тех, чья помощь будет наиболее полезна для управления государством. Тщательной проверке подвергай людей, которые тебя окружают, ибо ты должен знать, что все, кто не имеет к тебе доступа, будут судить о тебе по поведению твоих приближенных. При выборе людей для руководства делами, которые совершаются без твоего участия, не упускай из виду, что ответственность за любые их поступки все равно падет на тебя. (28) Верными считай не тех, кто одобряет все, что бы ты ни говорил или ни делал, а тех, кто порицает тебя за ошибки. Предоставь свободу открыто высказывать свои мысли людям рассудительным, чтобы в случае затруднений иметь помощников, готовых помочь тебе советом. Различай хитрых льстецов и преданных слуг с тем, чтобы плуты не пользовались преимуществом перед честными. Прислушивайся к высказываниям людей друг о друге и старайся понять одновременно и говорящих, что они за люди, и тех, о ком они говорят. (29) Лживых клеветников карай теми же наказаниями, как и преступников.

Властвуй над собою ничуть не меньше, чем над другими; считай, что самое высокое проявление царственных качеств состоит в том, чтобы не

быть рабом никаких удовольствий, а напротив, управлять своими страстями еще больше, чем гражданами. Не завязывай никаких знакомств набум или без расчета, но приучи себя находить удовольствие в беседах, из которых и сам почерпнешь полезное, и другим дашь повод судить о тебе лучше. (30) Не проявляй тщеславия в том, что вполне доступно и дурным; лучше гордись добродетелью, которая никак не может быть достоянием негодных. Знай, что проявления уважения бывают подлинными не тогда, когда они выказываются публично и под влиянием страха, а когда люди, находясь у себя дома, больше восхищаются твоими решениями, чем удачей. Старайся скрыть, если тебе случится увлечься каким-либо вздором; наоборот, выставляй напоказ свое рвение в серьезном и значительном деле. (31) Не думай, что всем прочим следует жить благопристойно, а царям позволено предаваться беспутству; лучше сделай собственную скромность примером для других, памятуя о том, что нравственный облик всего государства всегда схож с характером правителей. Пусть будет для тебя признаком успешного царствования, если ты увидишь, что, благодаря твоим стараниям, подданные твои все более преуспевают в богатстве и благогоумии. (32) Знай, что более ценно оставить детям хорошую славу, чем большое богатство, ибо одно преходяще, другое же бессмертно. Деньги можно приобрести с помощью славы, славу же не купить за деньги. Деньги бывают и у никчемных людей, славы же могут достигнуть только выдающиеся. Допускай роскошь в своей одежде и украшениях, но сохраняй суровую простоту, как это подобает царям, во всех других отношениях, чтобы сторонние наблюдатели считали тебя достойным власти, судя по твоему внешнему виду, а близкие придерживались того же мнения, зная о твоих духовных силах. (33) Всегда обдумывай свои слова и поступки, чтобы допускать как можно меньше ошибок. Конечно, самое лучшее — это дожидаться наиболее удобного случая, но если в обстоятельствах трудно разобраться, тогда лучше отступить, чем зарваться сверх меры. Ведь разумная мера скорее заключается в недостатке, чем в избытке. (34) Старайся быть вежливым, не теряя, однако, достоинства. Ведь достоинство приличествует положению тирана, вежливость же нужна при общении с людьми. Однако это самое трудное из всех предписаний, ибо ты легко можешь убедиться, что люди, стремящиеся сохранить достоинство, в большей части оказываются холодными, а желающие быть вежливыми производят впечатление приниженных. Следует обладать обоими этими качествами, но при этом избегать присущих каждому из них недостатков. (35) Если ты захочешь основательно овладеть каким-либо предметом, знание которого приличествует царям, то изучай его и на опыте, и с помощью философии⁷, ибо занятие философией укажет тебе путь, а практические упражнения дадут силу, чтобы справиться с любым делом.

Наблюдай за всем, что происходит или случается с простыми людьми и с тиранами, ибо если ты будешь держать в памяти события прошлого, то лучше будешь судить о будущем. (36) Ужасно, если в противоположность простым людям, которые подчас идут на гибель, чтобы смертью своей снискать похвалу, цари не будут отваживаться на поступки, которыми они еще при жизни могут прославить свое имя. Стремись к тому, чтобы твои изображения остались скорее напоминанием о твоей доблести, чем воспроизведением твоей внешности. Более всего старайся обеспечить безопасность и себе, и городу; если же придется подвергнуться опасности, предпочитай славную гибель позорному спасению. (37) Во всех делах помни о своей царской власти и заботься о том, чтобы не совершить чего-нибудь недостойного столь высокого положения. Не допускай, чтобы ты

⁷ О смысле, который Исократ вкладывает в понятие «философия», см. стр. 214, прим. 7.

погиб со своею смертью: коль скоро ты получил смертное тело, старайся по крайней мере оставить бессмертную память о своей душе. (38) Приучай себя все время рассуждать о хороших поступках, чтобы выработать в себе привычку и думать о том же, о чем говоришь. Что при размышлении покажется тебе наилучшим, то и на деле совершай. Чьей славе завидуешь, тех и поступкам подражай. Что ты хотел бы посоветовать своим детям, тому стремись и сам следовать. (39) Пользуйся этими моими наставлениями или старайся найти лучшие. Мудрыми считай не тех, кто тонко спорит о мелочах, а тех, кто правильно рассуждает о важном; и не таких, которые другим обещают счастье, а сами испытывают массу затруднений, но таких, которые о себе говорят в меру, зато способны управляться с делами и ладить с людьми и не приходят в смущение от превратностей жизни, а умеют хорошо и спокойно переживать и удачу, и неудачи.

(40) И не удивляйся, что я говорю много такого, что ты и сам знаешь. Я не был в неведении относительно этого; напротив, я знал, что из множества людей, живущих на свете, — и простых, и правителей, — одни уже изложили частично эти наблюдения, другие слышали, третьи видели, как их осуществляли на практике, четвертые сами так поступали. (41) Однако в том-то и дело, что в этих речах не следует искать откровений: здесь нельзя сказать ничего неожиданного, невероятного или выходящего за рамки общепризнанного. Наиболее сведущим здесь надо считать того, кто более всего сможет собрать ценностей, рассыпанных в рассуждениях других, и лучше всего расскажет о них. (42) При этом мне было хорошо известно также и то, что назидательные поэмы и сочинения всюду признаются наиболее полезными, однако слушают их отнюдь не с величайшим удовольствием, а наоборот, испытывают к ним то же чувство, что и к мудрым наставникам, ибо и их тоже хвалят, но сближаться все люди предпочитают с соучастниками своих прегрешений, а не с теми, кто пытается отвратить от них. (43) В качестве доказательства можно было бы сослаться на творения Гесиода, Феогнида и Фокилида. Ведь и о них говорят, что они были лучшими наставниками в жизни людей, однако признавая это на словах, все предпочитают говорить и слушать всякие глупости, а не изучать их наставления. (44) Кроме того, если бы кто-нибудь собрал из сочинений выдающихся поэтов так называемые гномы⁸, над составлением которых они трудились с особым тщанием, то и к ним отношение было бы одинаковое: люди с большим удовольствием стали бы слушать самую дурную комедию, чем эти составленные столь искусно изречения. (45) Впрочем, к чему тратить время на перечисления. Ведь если бы мы захотели взглянуть на природу людей в целом, то обнаружили бы, что большинство из них не находит радости в наиболее здоровой пище, в прекрасных поступках, в превосходных делах, в полезных животных⁹, но испытывает удовольствие в том, что совершенно противно пользе, причем воздержными и трудолюбивыми считаются те, кто хоть в чем-то поступает надлежащим образом. (46) Как же можно угодить таким людям, обращаясь к ним с наставлениями, с поучениями или с какими-нибудь полезными советами? Ведь помимо того, о чем я уже сказал, они еще недоброжелательно относятся к рассудительным людям, а простыми и честными считают тех, кто не имеет ума; они так избегают всякой правды, что не знают положения даже собственных дел. Более того, они даже огорчаются, когда им при-

⁸ Гномами (*γνώμαι*) называли небольшие назидательные изречения, составленные в стихах (чаще всего в форме элегических двустиший). Среди поэтов, наиболее прославившихся в этом жанре, были Солон, Феогнид и Фокилид (ср. упоминание о двух последних в § 43).

⁹ По мнению Кобета, сохранившего чтение лучших рукописей ГЕ — *φρεμμάτων*, вместо обычного *μαθημάτων*, здесь может содержаться намек на разведение перепелов (*ὄρνυθτροφία*).

ходится думать о своих делах, и радуются, когда можно посудачить о чужих. Они предпочли бы скорее испытать физическое неудобство, чем поработать головой и подумать о каких-либо полезных вещах. (47) В обществе, как всякий может убедиться, они всегда бранятся, наедине же с собой не размышляют, а предаются мечтаньям. Конечно, я говорю это не о всех, а лишь о тех, кто подвержен этим склонностям. (48) Итак, совершенно очевидно, что всякий, желающий сложить или сочинить что-либо приятное толпе, должен изыскивать не наиболее полезные, а наиболее чудесные темы для своих произведений, ибо люди находят удовольствие в таких рассказах, в созерцании сражений и поединков. Вот почему достойны восхищения и поэмы Гомера, и первые создатели трагедий: подметив природу людей, они умело воспользовались обеими этими формами для своего творчества. (49) Гомер слагал мифы о состязаниях и войнах полубогов, трагики же воплотили эти мифы в спорах и действиях на сцене, так что мы стали не только слушателями их, но и зрителями. При наличии таких примеров становится совершенно очевидным для всякого, кто хочет привлечь внимание слушателей, что надо оставить советы и наставления и рассказывать лишь о том, что, как он видит, более всего приятно толпе.

(50) Все это я изложил в убеждении, что тебе, — коль скоро ты не один из многих, а тиран над многими, — не пристало держаться мнения, одинакового с другими: ты не должен судить о значении вещей или о рассудительности людей, применяясь к собственным удовольствиям, а обязан оценивать их в соответствии с понятиями о пользе. (51) Недаром специалисты, обучающие философии, расходятся лишь в выборе упрежнений, необходимых для совершенствования души: одни утверждают, что их ученики станут рассудительнее, благодаря искусству спорить, другие выдвигают политическое красноречие, третьи — еще что-нибудь, однако все согласны с тем, что человек, получивший хорошее воспитание, должен любым из этих способов показать себя умеющим рассуждать. (52) Итак, оставив в стороне все спорное, следует основываться в своих оценках на том, что является общепризнанным. В особенности надо наблюдать, как люди дают советы в конкретных обстоятельствах, а если это невозможно, — то как они рассуждают о делах вообще. При этом отвергай как совершенно непригодных тех, кто не располагает никакими нужными знаниями, ибо очевидно, что человек, который не может быть полезен самому себе, не научит разуму и другому. (53) Напротив, высоко цени и окружай вниманием людей умных и способных видеть больше других, ибо ты должен знать, что хороший советник — это из всех сокровищ самое ценное и наиболее нужное тирану. Верь, что те особенно будут способствовать успеху твоего царствования, кто более всего сможет принести пользы твоему разуму.

(54) Итак, я дал тебе советы, какие мог, и таким образом почтил тебя тем, что было в моих силах. Ты же старайся, чтобы и другие, как я сказал вначале, привозили тебе не обычные дары, за которые подносящим вы платите гораздо больше, чем торговцам, а такие, которые даже при ежедневном их использовании не утрачивают своих качеств, но, наоборот, становятся все более дорогими и ценными.

III. НИКОКЛ ИЛИ К ЖИТЕЛЯМ КИПРА *

По своему содержанию речь «Никокл или к жителям Кипра» тесно связана с предшествующей речью — «К Никоклу». Автор последовательно обосновывает превосходство монархии над другими формами политического устройства и дает целый ряд наставлений, которыми должны руко-

* Перевод Э. Д. Фролова.

водствоваться граждане такого государства. Эта речь имеет исключительное значение для понимания политических воззрений Исократ и, в частности, для правильной оценки его монархических устремлений. Сочинение написано спустя несколько лет после прихода Никокла к власти, по видимому, в начале 60-х годов IV в. до н. э.

СОДЕРЖАНИЕ РЕЧИ «НИКОКЛ ИЛИ К СОЮЗНИКАМ»,
СОСТАВЛЕННОЕ НЕИЗВЕСТНЫМ ГРАММАТИКОМ

Эта речь составлена не по тому же поводу и произносится она не тем же лицом, что и предыдущая¹. Ведь в предшествующей речи разговор шел о том, как надо царствовать, здесь же — как надо подданным подчиняться царской власти. Равным образом там речь исходила от Исократ и была обращена к Никоклу, здесь же — от Никокла к наиболее почтенным из подданных, а речь эту послал ему Исократ. Если же кто-нибудь спросит, почему все-таки Исократ не послал эту речь прямо подданным Никокла, то мы ответим так: совершенно естественно, что Исократ обращается к ним с советами не лично, а через царя, потому что, обращаясь с советами к народу, он по необходимости должен был примешать к своим доводам устрашение, чтобы народ полностью послушался его наставлений. В заглавии написано «Никокл или к союзникам» не потому, что таким путем мы устраняем одно из названий, а потому, что здесь два названия означают одно, так же как в заглавии: «Фэдон или о душе»². Называется этот союз раздельным, но он вполне подтверждает и первую часть заглавия. Ведь речь действительно произносится Никоклом, и обращена она к союзникам и подданным. А что речь эту Исократ действительно послал царю по названной причине, то об этом он сам ясно говорит в этой речи: «Итак, одну из таких речей — о том, как следует поступать тирану, вы слышали уже от Исократ; об обязанностях же подданных постараюсь теперь рассказать вам я, не потому, что я стремлюсь превзойти Исократ, но потому, что мне и надлежит рассказать об этом»³.

(1) Есть люди, которые неприязненно относятся к красноречию и сильно порицают всех, кто занимается философией⁴, утверждая, что целью подобных занятий является не достижение добродетели, а своекорыстная выгода. Признаюсь, я с удовольствием спросил бы у людей с такими убеждениями: почему они порицают всех, кто желает хорошо говорить, и в то же время осыпают похвалами тех, кто стремится правильно действовать? Ведь если их огорчает выгода, то нам легко убедиться, что она чаще и больше проистекает от дел, нежели от слов. (2) Далее, нелепо также не замечать, что мы относимся благочестиво к богам, почитаем справедливость и воспитываем в себе прочие добродетели не для того, чтобы оставаться в худшем положении по сравнению с другими, а наоборот, чтобы окружить свою жизнь как можно большими благами. Поэтому надо осуждать не занятия, с помощью которых можно добиться выгоды честным путем, а людей, которые допускают предосудительные поступки или пользуются речами для обмана и нечестных целей. (3) Меня удивляет, как это люди с такими взглядами не осуждают богатство, силу, мужество? Ведь если из-за преступников и обманщиков они относятся сурово к красноречию, то им следует тогда порицать и все другие способности людей, ибо среди тех, кто обладает ими, также найдутся такие, которые используют их

¹ Имеется в виду речь «К Никоклу».

² Название одного из диалогов Платона.

³ Цитируется в слегка измененной форме начало § 11 настоящей речи.

⁴ См. стр. 214, прим. 7.

предосудительно и во вред другим. (4) Однако несправедливо осуждать силу только потому, что кто-то обрушивается с побоями на встречаемых, или порицать мужество из-за отдельных негодяев, убивающих ни в чем не повинных людей, или вообще переносить на вещи то, что проистекает от человеческой подлости. Скорее надо порицать тех, кто дурно пользуется этими благами и то, что способно приносить пользу, пытается обратить во вред своим согражданам. (5) Между тем отдельные люди, не удосужившись разграничить таким образом одно от другого, неприязненно относятся ко всякому красноречию и настолько упорствуют в своем заблуждении, что даже не замечают, как становятся врагами такого свойства человеческой природы, которое является источником высших благ. В самом деле, во всем остальном, чем нас наделила природа, мы ничуть не превосходим животных. Более того, многим из них мы даже уступаем в быстроте, в силе и в других полезных качествах. (6) Однако, обладая способностью убеждать друг друга и ясно выражать любые свои мысли, мы не только покончили с животным образом жизни, но и объединились в общество, основали города, установили законы и изобрели искусства. И почти во всем, что было нами придумано, нам оказало свое содействие слово. (7) Это оно установило границы справедливого и несправедливого, прекрасного и постыдного; без этих разграничений мы не смогли бы вести совместную жизнь. Это с его помощью мы изблячаем дурных и превозносим хороших, через его посредство наставляем безрассудных и испытываем разумных, ибо умение говорить так, как следует, мы считаем величайшим признаком рассудительности, и в правдивом, честном и справедливом слове видим отображение доброй и справедливой души. (8) С помощью слова мы рассуждаем о спорных и размышляем о непознанных предметах, ибо доводы, которыми мы пользуемся для убеждения других, служат нам и для собственного размышления. При этом красноречивыми мы называем тех, кто обладает способностью выступать перед народом, а рассудительными признаем таких, которые наедине с собою могут лучше всего рассудить о деле. (9) Если бы понадобилось кратко охарактеризовать этот дар человека, то мы могли бы сказать: ничто из того, что совершается с разумом, не обходится без помощи слова; более того, во всех делах и помыслах слову принадлежит руководящая роль, причем особенно успешно им пользуются те, кто обладает наибольшим умом. Поэтому все, дерзающие клеветать на обучающихся красноречию или на занимающихся им, заслуживают ненависти ничуть не меньше, чем осквернители храмов.

(10) Что касается меня, то я одобряю всякую речь, способную принести нам хоть немного пользы, однако самыми лучшими, самыми достойными внимания царей и наиболее подходящими для себя я считаю такие речи, которые содержат наставления о поведении человека и управлении государством, особенно те из них, которые поучают властителей надлежащему обращению с народом, а простых людей — должному отношению к правителям, ибо я вижу, что эти речи более всего способствуют процветанию и величию государств. (11) Одну из таких речей — о том, как следует поступать тирану, вы слышали уже от Исократы, а об обязанностях подданных постараюсь теперь ответить вам я, не потому, что я стремлюсь превзойти Исократы, но потому, что именно мне и пристало более всего рассказать вам об этом. Ведь если я не объясню, какого поведения я ожидаю от вас, то я не вправе буду сердиться, если вы будете поступать не так, как мне хочется; однако, если я предупрежу вас, а вы не будете выполнять моих указаний, то я смогу уже с полным правом порицать неповинующихся. (12) Я думаю, что лучше всего мне удастся побудить и склонить вас к запоминанию моих наставлений и к повиновению им, если я не ограничусь одними советами и не расстанусь с вами после простого их перечисления;

а покажу вам: во-первых, что существующим государственным устройством надо дорожить не только по необходимости и не потому, что мы им пользовались во все времена, но потому, что оно самое лучшее из всех существующих; (13) а затем, что я обладаю этой властью не вопреки закону и не отняв ее у другого, но в соответствии с божественным и человеческим правом, вследствие заслуг и далеких предков моих, и моего отца, и моих собственных. Если это будет показано с самого начала, то кто не признает себя заслуживающим самого сурового наказания в случае неповиновения моим наставлениям и предписаниям?

(14) Итак, относительно государственного устройства, — ибо с этого я решил начать, — я думаю, все придерживаются того мнения, что самое ужасное — это уравнение в правах людей порядочных и дурных, а самое справедливое — тщательное проведение разграничения между ними с тем, чтобы люди, неравные между собою, не получали и равных благ, но каждый пользовался и положением, и почетом по достоинству. (15) Между тем олигархические и демократические государства всегда добиваются равенства среди тех, кто располагает гражданскими правами, и у них высоко ценится, если один ни в чем не может иметь преимущества перед другим, — обстоятельство, которое на руку дурным людям. Напротив, государство с монархическим устройством более всего предпочитает привилегий тому, кто в особенности выделяется своим достоинством, затем — следующему за ним, потом — третьему, четвертому и так далее по тому же принципу. И если даже это не везде осуществляется на практике, то, по крайней мере, таково намерение монархического государства. (16) Как бы то ни было, все, вероятно, согласится с тем, что оценка человеческой натуры и поведения более последовательно проводится при тираническом правлении. Кто, однако, из разумных людей не согласился бы скорее жить при таком строе, где не останутся незамеченными его высокие качества, чем затеряться среди толпы, так и не будучи оцененным по достоинству? Более того, мы можем с полным основанием признать, что такой строй и более мягок, поскольку всегда легче сообразоваться с волей одного человека, нежели стараться угодить множеству различных настроений. (17) Конечно, в подтверждение того, что монархический режим и приятнее, и мягче, и справедливее, можно было бы привести еще много доказательств, однако и с помощью приведенных в этом нетрудно убедиться. Впрочем, насколько государства с монархическим строем превосходят другие в принятии решений и выполнении необходимых дел, это мы лучше всего увидим, если попытаемся путем сопоставления разобраться в важнейших вопросах управления. В самом деле, люди, которые вступают в должность всего лишь на год, становятся частными лицами прежде, чем поймут что-нибудь в государственных делах и приобретут в них опыт. (18) Напротив, те, кто постоянно возглавляет один и тот же пост, даже если они по природе менее даровиты, все равно намного превосходят других своей опытностью. Далее, первые многое оставляют в небрежении, надеясь друг на друга, вторые же ничего не упускают, ибо знают, что все должны делать они сами. Кроме этого, политические деятели в олигархических и демократических государствах своим взаимным соперничеством причиняют вред общественным интересам, тогда как главы государств с монархическим строем, не видя, кому они могли бы завидовать, во всем поступают наилучшим образом, насколько это возможно. (19) Далее, первые не поспевают за делами, ибо большую часть времени они заняты своими личными занятиями, а когда собираются на совещания, то чаще их можно застать там погрязшими в спорах, чем совместно принимающими решения. Наоборот, вторые, не имея строго установленных совещаний и сроков, дни и ночи заняты государственными делами и потому не упускают ника-

кой возможности, но каждое дело совершают своевременно. (20) К тому же первые настроены недоброжелательно; они хотели бы, чтобы и предшественники их по должности, и преемники как можно хуже управляли делами государства с тем, чтобы они сами приобрели как можно больше славы. Наоборот, вторые, оставаясь руководителями государства всю жизнь, на все время сохраняют и благожелательное ко всему отношение. (21) Самое же главное: одни заботятся об общественных делах, как о своих, другие же — как о чужих; одни привлекают в качестве советников самых дерзких граждан, другие же из всех людей выбирают для этого самых рассудительных; одни почитают тех, кто способен произносить речи перед толпой, другие же — людей, умеющих управляться с делами. (22) Однако не только в обычных и повседневных делах управления государства с монархическим устройством отличаются в лучшую сторону, но и на войне они получают все преимущества, ибо подготовить военные силы и воспользоваться ими так, чтобы обмануть и опередить врага, убедить одних, принудить силой других, подкупить третьих, привлечь на свою сторону иными услугами четвертых, — ко всему этому государства с тираническим правлением более пригодны, чем все другие. И в этом всякий может убедиться на основании фактов ничуть не меньше, чем на основании слов. (23) Так, все мы знаем, что могущество персов достигло столь огромных размеров не благодаря их особому уму, но потому, что они более других народов почитают царскую власть. С другой стороны, мы знаем, что тиран Дионисий⁵, придя к власти в момент, когда вся Сицилия была опустошена, а его родной город осаждали враги, не только избавил свое отечество от угрожавших ему опасностей, но и сделал его величайшим из эллических государств. (24) Кроме того, нам известно, что карфагеняне и лакедемоняне, имеющие лучшее сравнительно с другими государственное устройство, во внутренних делах придерживаются олигархического правления, но на войне подчиняются царям. Наконец, можно было бы показать, что даже государство, которое в особенности ненавидит тиранию⁶, всякий раз, когда отправляет для руководства военными действиями многих стратегов, терпит неудачи, а когда пускается в опасное дело под командованием одного, добивается успеха. (25) Разве можно было бы еще яснее, чем на этих примерах, показать превосходство монархии? Ведь оказывается, что наибольшим могуществом обладают народы, которые всецело находятся под управлением тиранов; что государства, имеющие правильное олигархическое устройство, в наиболее серьезных случаях ставят во главе своих армий: одни — одного только стратега, другие же — царя; что те, кто ненавидит тиранию, не совершают ничего дельного всякий раз, когда отправляют руководить военными действиями нескольких начальников. (26) А если надо еще сослаться и на предания старины, то говорят, и боги тоже подчиняются Зевсу, как своему царю. Если предание об этом говорит правду; то очевидно, что и боги предпочитают такое устройство; если же допустить, что никто не знает об этом наверняка и судим мы так о богах на основании собственных предположений, то и тогда это признак того, что все мы отдаем предпочтение монархии, ибо мы никогда не стали бы утверждать, что боги пользуются таким устройством, если бы не считали, что оно намного превосходит другие.

(27) Конечно, вопрос о том, насколько разные государственные устройства различаются между собою своими качествами, невозможно в полном объеме ни выяснить, ни изложить. Тем не менее для данного случая об

⁵ Имеется в виду сиракузский тиран Дионисий Старший (правил с 405 по 367 г. до н. э.).

⁶ Афины.

этом сказано и так достаточно. Что же касается наших прав на эту власть, то об этом речь будет значительно короче, и основываться она будет на еще более известных фактах. (28) В самом деле, кто не знает, что основатель нашего рода Тевкр вместе с предками нынешних граждан приплыл сюда и здесь основал для них город и наделил их землей ⁷, а отец мой Эвагор, преодолев огромные опасности, вновь завладел властью, которую утратили до него другие, и так все изменил, что финикийцы больше уже не властвуют над саламинянами, но кому царская власть принадлежала вначале, те владеют ею и теперь ⁸.

(29) Итак, из того, что я наметил, мне осталось еще рассказать о себе, чтобы вы знали, что над вами царствует такой человек, который не только благодаря предкам, но и в силу собственных достоинств с полным правом мог бы претендовать на еще большие почести, чем теперь. В самом деле, я думаю, все согласится с тем, что наиболее ценными из человеческих добродетелей являются скромность и справедливость. (30) Ведь они не только полезны нам сами по себе; нет, если мы пожелаем взглянуть на характер, значение и целесообразность различных деяний, то обнаружим, что все, что лишено этих качеств, служит источником огромных несчастий, тогда как все происходящее от справедливости и скромности приносит человеческой жизни много пользы. Однако, если кто-нибудь из предшествующих людей прославился когда-либо за такие качества, то мне, я думаю, также можно претендовать на такой почет.

(31) Итак, о моей справедливости вы лучше всего сможете судить по следующим фактам. Когда я пришел к власти ⁹, я застал царскую казну пустой и все накопления истощившимися; дела были в полном беспорядке и требовали большой заботы, надежного обеспечения и значительных расходов. Я знал, что другие в подобных обстоятельствах поправляют свое положение всеми возможными способами и часто, по необходимости, прибегают к действиям, которые идут вразрез с их собственными взглядами. (32) Однако я не позволил себе пойти на поводу у подобных обстоятельств. Напротив, в заботах о делах я проявил столько благочестия и добросовестности, что не упустил ни одного средства, которое могло способствовать возвышению нашего государства и росту его благосостояния. Равным образом я относился с такою мягкостью ко всем гражданам, что за время моего царствования не произошло ни изгнаний, ни казней, ни конфискаций, ни других каких-либо неприятностей такого же рода. (33) В то время из-за возникшей войны ¹⁰ Эллада была нам недоступна, и со всех сторон наша страна подвергалась грабежам и опустошениям. Я положил конец большей части этих затруднений: одним я уплатил все, что они требовали, другим — лишь часть, от третьих добился отсрочки, с четвертыми уладил споры на возможно лучших условиях. Кроме того, к нам питали тогда враждебные чувства остальные жители острова, а царь ¹¹,

⁷ Подробнее о легендарном основателе Саламина Исократ говорит в другой своей речи — «Эвагоре» (§ 17—18).

⁸ См. «Эвагор», 19—32.

⁹ После смерти Эвагора в 374/373 г. до н. э. Перечисляемые далее финансовые и политические трудности, с которыми Никокл столкнулся в начале своего правления, были, очевидно, следствием той длительной и тяжелой войны, которую его предшественник вел с персами (см. «Эвагор», 57—64).

¹⁰ Слова «из-за возникшей войны» (διὰ τὸν πόλεμον τὸν γεγεννημένον) не содержат никакого указания на место, и потому можно только гадать, о какой войне здесь идет речь: о местных ли кипрских неурядицах или же о новой общегреческой войне, начало которой было положено демократическим переворотом в Фивах (379/378) и образованием Второго Афинского морского союза (378/377 г. до н. э.).

¹¹ Имеется в виду персидский царь Артаксеркс II Мнемон (404—358 гг. до н. э.). Греческие писатели обычно называют персидских царей просто «царями» (или «великими царями»).

хотя и помирился с нами на словах, на деле оставался нашим врагом. (34) И там, и тут я добился умиротворения: в отношениях с царем — посредством всевозможных услуг, в отношениях же с жителями острова — благодаря соблюдению справедливости, ибо я всегда был далек от стремления к чужому. Другие, если хоть чуточку превосходят силою своих соседей, отхватывают куски их территории и стремятся к иным преимуществам, я же, наоборот, не считал возможным принять даже предлагавшуюся мне землю, но предпочитаю соблюдать справедливость и владеть только своей территорией, нежели бесчестным путем умножать имеющиеся владения. (35) Впрочем, к чему тратить время на перечисления, тем более, что я могу кратко охарактеризовать свое поведение? Ибо легко установить, что я никому никогда не причинял обиды, но напротив, совершил больше благодеяний и гражданам и другим эллинам и одарил их более великолепными дарами, чем вообще все цари, бывшие до меня. А между тем люди, гордящиеся своей справедливостью и заявляющие о своем презрении к богатству, могли бы употребить более громкие выражения в разговоре о себе.

(36) Как бы то ни было, относительно моей скромности я могу сослаться на факты еще более значительные. В самом деле, я знаю, что все люди более всего дорожат своими детьми и женами и в особенности гnevаются на тех, кто причиняет зло этим дорогим для них существам. Оскорбления такого рода бывают причиной величайших бед и многим уже, и простым людям, и властителям, стоили жизни. Поэтому я всячески старался не навлечь на себя подобных обвинений: известно, что со времени вступления на престол я не вступал в интимную связь ни с кем, кроме собственной жены. (37) Разумеется, я хорошо знал, что можно сохранить уважение народа, если строго придерживаться справедливости в отношении к гражданам, а источники удовольствия подыскивать себе где-нибудь в другом месте. Однако я хотел быть как можно дальше от всего, что навлекает подобные подозрения; вместе с тем я старался сделать свое поведение примером для других граждан, ибо я знал, что народ имеет обыкновение следовать в своей жизни тем же правилам, каких, как он видит, придерживаются и его правители. (38) К тому же я считал, что цари должны быть настолько лучше простых людей, насколько они превосходят их своим положением: возмутительно, если те, кто требует от других благопристойного поведения, сами не будут вести себя более скромно, чем их подданные. (39) Кроме того, я видел, что многие люди могут быть воздержными в различных отношениях, однако даже самые лучшие не могут противостоять влечению к мальчикам и женщинам. Поэтому я решил показать себя способным к воздержанию в такой области, где я мог, по-видимому, превзойти не только обычных людей, но и таких, которые гордятся своею добродетелью. (40) К тому же я осуждал как глубоко порочное поведение всякого, кто, взяв себе жену и сделав ее спутницей всей своей жизни, не уважает обязательств, которые сам же принял на себя; кто в угоду своим удовольствиям причиняет горе той, от которой он сам не потерпел бы никаких огорчений; кто в общении с другими людьми проявляет порядочность, а в отношении собственной жены поступает как негодяй. А между тем дружбою с женой следовало бы тем более дорожить, что она покоится на связях более интимных и более прочных, чем любые другие отношения. (41) Такие правители не замечают, что они роняют семена раздора в собственных дворцах. Между тем хорошие цари обязаны всеми силами поддерживать согласие не только в государствах, которыми они управляют, но и в собственных домах и в местах, где они поселяются, ибо все это — проявление скромности и справедливости. (42) Относительно детей я также не разделял мнения большинства царей. Я считал, что не следует одних

детей иметь от низкой женщины, а других — от благородной, одних оставлять незаконнорожденными, а других — законными. Я хотел, чтобы все могли возвести свое происхождение, как по отцу, так и по матери, среди смертных — к моему отцу Эвагору, среди полубогов — к Эакидам, среди богов — к Зевсу¹², и чтобы никто из мною рожденных не был лишен права на такое благородное происхождение.

(43) Среди многих обстоятельств, побуждавших меня оставаться верным этим принципам, немалую роль играло также и то, что мужеством, ловкостью и прочими блестящими качествами, как я видел, обладали даже многие низкие люди, справедливость же и скромность были исключительным достоинством благородных. Я полагал, что самое прекрасное — это суметь превзойти других такими качествами, которые ни в какой степени не свойственны дурным людям, а являются самыми благородными, самыми прочными и заслуживающими наибольшей похвалы. (44) Задавшись такою целью, я из всех качеств более всего стал развивать в себе скромность, предпочитая находить удовольствие не в поступках, которые не делают никакой чести, а в славе, порождаемой нравственным совершенством. Впрочем, не следует подходить ко всем этим качествам с какой-то одной меркой: о справедливости надо судить по поведению человека в нужде, о скромности — когда он находится у власти, о воздержности — когда он в молодом возрасте. (45) Однако легко убедиться, что мой характер подвергся уже испытаниям во всех случаях. Оставшись без средств, я так старался соблюсти справедливость, что не причинил огорчений никому из граждан; получив возможность делать все, что угодно, я вел себя скромнее простых людей; наконец, в обоих случаях я удержался от соблазнов еще в том возрасте, когда большинство людей, как мы можем убедиться, чаще всего допускает несправедливые поступки. (46) Обо всем этом я, быть может, и не решился бы сказать перед другими слушателями — не потому, что не чувствую гордости за свои поступки, но потому, что другие не поверили бы моим рассказам; вы же сами свидетели всего, о чем я говорил. В общем справедливо, конечно, хвалить и уважать тех, кто по природе своей благоразумен, однако еще больше заслуживают этого люди, которые становятся такими сознательно. (47) Ведь все, кто по воле случая, а не намеренно придерживается скромного поведения, при случае могут и измениться, тогда как люди, обладающие, помимо природных склонностей, еще и убеждением, люди, верящие, что добродетель есть величайшее из благ, несомненно останутся верными такому настроению всю свою жизнь. Разумеется, я только потому уделил так много места рассказу о себе и о прочих вещах, о которых я упоминал, чтобы не оставить вам никакого повода не выполнять охотно и усердно все то, что я посоветую и прикажу.

(48) Я заявляю, что каждый из вас должен заботливо и честно выполнять все, что ему поручено, ибо в каком бы отношении вы ни допустили небрежность, от этого неизбежно пострадают дела государства. Ни к одному из моих предписаний не относитесь с невниманием или с пренебрежением. Не думайте, что общественное благо не зависит от этого; наоборот, проникнитесь убеждением, что хорошее или плохое состояние целого всегда зависит от состояния его частей, и потому ревностно выполняйте свои обязанности. (49) Заботьтесь о моих интересах ничуть не меньше, чем о своих, и не считайте малой наградой те почести, которые получают люди, хорошо исполняющие наши поручения. Уважайте чужое достоинство, чтобы тем безопаснее владеть своим собственным. Считайте своим долгом

¹² Подробнее о родословной дома Эвагора говорится в другой речи Исократ («Эвагор», 12—18).

так относиться к другим, как вы хотели бы, чтобы я относился к вам. (50) Старайтесь не столько приобрести богатство, сколько создать себе хорошую репутацию, ибо вы должны знать, что и среди эллинов, и среди варваров именно те становятся обладателями величайших благ, кто более всего прославлен за добродетель. Будьте уверены, что обогащение, идущее вразрез со справедливостью, принесет вам не состояние, а одни лишь неприятности. Не думайте, что «получать» всегда означает выгоду, а «тратить» — убыток. Ведь ни то, ни другое действие не имеет всегда один и тот же смысл; нет, то из них, которое совершается своевременно и честным путем, то только и приносит человеку пользу. (51) И пусть ни одно мое предписание не будет тягостным для вас. Ведь тот из вас, кто проявит наибольшую заботу о моем доме, принесет больше всего пользы и своему собственному. Пусть каждый из вас знает, что любое дело, которое окажется на его совести, не укроется и от меня: если даже лично я и не присутствую, то мысленно — будьте уверены! — я наблюдаю за всем происходящим. Проникнувшись такими мыслями, вы будете более благоразумны во всех своих решениях. (52) Ничего не скрывайте — ни из приобретений своих, ни из поступков, ни из намерений; знайте, что любое утаивание неизбежно порождает бесконечный страх. В общественной жизни старайтесь избегать хитростей и тайных действий; во всем поступайте просто и открыто, так, чтобы трудно было оклеветать вас, даже если бы кому-нибудь пришло такое желание. Тщательно проверяйте свои поступки; считайте дурными те из них, которые вам хотелось бы скрыть от меня, а хорошими такие, за которые, узнав о них, я стал бы больше уважать вас. (53) Не умалчивайте, если увидите, что кто-либо дурно расположен к моей власти, но изобличайте таких и считайте, что скрывающие преступление заслуживают такого же наказания, что и преступники. Счастливыми считайте не тех, кому удается скрывать свои дурные поступки, а тех, кто ни в чем не повинен. Ведь первые все равно понесут наказание, соответствующее их проступку, тогда как вторые получают благодарность, какой они окажутся достойными. (54) Не создавайте ни обществ, ни союзов без моего ведома. Ведь если при другом строе такого рода объединения обладают известными преимуществами, то при монархическом режиме они только навлекают на себя опасность. Воздерживайтесь не только от преступлений, но и от таких занятий, которые неизбежно могут возбудить подозрения. Мою дружбу считайте самой надежной и самой прочной из всех. (55) Оберегайте существующий порядок и не стремитесь ни к каким переменам. Знайте, что политические смуты неизбежно приводят к гибели государства и к разорению частных владений. Будьте уверены, что не одним лишь характером тиранов обуславливается суровость или мягкость их правления: не меньшую роль играет и поведение граждан. Многие правители из-за дурного поведения своих граждан вынуждены были поступать круче, чем им хотелось бы. Полагайтесь не столько на мою мягкость, сколько на собственную добродетель. (56) Надежность моего положения считайте залогом вашей собственной безопасности. Ведь если со мной все будет хорошо, то и с вами будет точно так же. Вы должны быть покорны моей власти, строго придерживаясь обычаев и соблюдая законы, установленные царем; зато вы должны проявлять широту и размах при исполнении общественных повинностей и моих распоряжений. (57) Молодых людей побуждайте к добродетели не только наставлениями, но и практическим примером, показывая им, какими должны быть хорошие граждане. Обучайте своих детей повиновению царской власти, приучайте их как можно серьезнее относиться к тем обязанностям, о которых здесь шла речь. Ведь если они научатся как следует повиноваться, то они сами смогут повелевать многими. При честном отношении к долгу они получают

свою долю в наших приобретениях, а при плохом рискуют лишиться уже имеющегося достояния. (58) Знайте, что вы подарите своим детям самое большое и самое прочное состояние, если оставите им в наследство наше благоволение. На всех, кто не оправдал оказанного доверия, смотрите как на самых жалких и несчастных людей. Ведь они неизбежно проводят остаток жизни в полном отчаянии, в сплошном страхе, доверяя друзьям не больше, чем врагам. (59) Завидуйте не тем, кто обладает наибольшим богатством, а тем, кто не знает за собой ничего дурного, ибо с таким сознанием приятнее всего можно прожить свою жизнь. Не думайте, что порок может быть более полезен, чем добродетель, и что только имя у него более неприятное; будьте уверены: какое название получила каждая вещь, таким и свойством она обладает. (60) Не относитесь с завистью к людям, пользующимся у меня особым почетом; лучше соревнуйтесь с ними и своим усердием старайтесь сравняться с выдающимися. Считайте своим долгом любить и почитать тех, кого любит и почитает царь, с тем, чтобы и вам удостоиться от меня того же. Что говорите обо мне в моем присутствии, то думайте обо мне и в мое отсутствие. (61) Преданность нам выказывайте лучше делами, чем словами. За что сердитесь на других, того не делайте людям сами. Что осуждаете в своих речах, того не допускайте в своих поступках. Знайте, что ваши успехи в жизни будут зависеть от вашего отношения ко мне. Хороших людей не только хвалите; но и подражайте им. (62) Мое слово считайте законом и старайтесь повиноваться ему. Знайте, что чем усерднее вы будете выполнять мои желания, тем скорее сможете жить, как вам хочется. Основное в моих словах сводится к следующему: какого послушания вы требуете себе от своих подчиненных, с такой покорностью вам самим надлежит повиноваться моей власти.

(63) Если вы будете поступать так, то стоит ли много говорить о последствиях? Ведь если я и сам буду таким, каким был до этого, и вы будете выполнять свои обязанности, то вы скоро убедитесь, как возрастет ваше благосостояние, как расширится моя власть, каким процветающим станет наше государство. (64) Разумеется, ради таких благ имеет смысл не пожалеть никаких усилий, более того, выдержать любые трудности и опасности. Однако вам можно добиться всего этого без всяких мучений: нужно только честно относиться к своему долгу.

(Продолжение следует)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский Временник
 ВЯ — Вопросы языкознания
 ЗВАХ I—II — И. М. Дьяконов и Я. М. Магазинер, Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства, ВДИ, 1952, № 3—4
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 ИСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
 ИСИА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
 И н и к и т с к и й, ДЭЭ — А. Н и к и т с к и й, Дельфийские эпитафические этюды, Одесса, I—VI, 1894—1899
 ИГДСД — И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй древнего Двуречья, Шумер, М., 1959
 ИС — Палестинский сборник
 ИЗОА — И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949
 УЭЛГУ — Ученые записки Ленинградского Государственного университета
 УЗМГПИ — Ученые записки Московского Государственного педагогического института им. В. И. Ленина
 ЭВ — Эпиграфика Востока
 АС — Archaeologia Classica
 АГО — Archiv für Orientforschung
 АГР — Archiv für Papyrusforschung
 Аг.— M. R u n e s, Der etruskische Text der Agramer Mumienbinde, Göttingen, 1935
 АНК — В. L a n d s b e r g e r, Assyrische Handelskolonien in Kleinasien, Lpz, 1925
 АЖА — American Journal of Archaeology
 АЖФ — American Journal of Philology
 АЛ — G. R. D r i v e r and J. C. M i l l e s, The Assyrian Laws, Oxf., 1935
 АрОр — Archiv Orientalní
 АТ — D. J. W i s e m a n, The Alalakh Tablets, L., 1953
 АЗ — Aegyptische Zeitschrift
 В а л к а н, Chron. Probl.—K. В а л к а н, Observations on the Chronological Problems of the Karam Kaniš (ТТК Jayınlarında VII, 28), Ankara, 1955
 BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
 ВСН — Bulletin de correspondance hellénique
 Bell.— Belleten Türk Tarih Kurumu
 Bell. 14 — В. L a n d s b e r g e r, K. В а л к а н, Die Inschrift des assyrischen Könige Irişum gefunden in Kültepe, Ankara, 1950, стр. 219—268
 ВГУ — Aegyptische Urkunden aus den Staatl. Museen zu Berlin, Griechische Urkunden, В., 1915
 ВО — Bibliotheca Orientalis
 В u o n a m i c i, EE — G. В u o n a m i c i, Epigrafia Etrusca, Firenze, 1932
 Ch.É — Chronique d'Égypte
 CGL — Corpus Glossarum Latinarum
 CIE — Corpus Inscriptionum Etruscarum
 CIH(CIS) — Corpus Inscriptionum Semiticarum (Pars IV. Inscriptiones himyariticas et sabaeas continens, P., 1889—1931)
 CII — A. F a b r e t t i, Corpus Inscriptionum Italicarum, Torino — Firenze, 1867—1880
 CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
 Cl. Rev.— Classical Review
 СPh — Classical Philology
 CRAI — Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et des belles-lettres
 EFS — W. D e e c k e und C. P a u l i, Etruskische Forschungen und Studien, I—VI Stuttgart
 EL I—II — G. E i s s e r — J. L e v y, Die Altassyrischen Rechtsurkunden vom Kültepe (MVAG 33/1—2 и 35/3), 1930, 1935
 ELE — M. P a l l o t t i n o, Elementi di lingua Etrusca, Firenze, 1936
 FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. C. M ü l l e r
 HAAA — Hittite Art and the Antiquities of Anatolia, L., 1964
 HUCA — Hebrew Union College Annual, Cincinnati
 HUCA 32 — J. L e v y, Amurritica, HUCA 32, 1961, стр. 31—74
 HW — J. F r i e d r i c h, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952
 JA — Journal Asiatique
 J. A i s t l e i n e r, WUS — J. A i s t l e i n e r, Wörterbuch der ugaritischen Sprache, В., 1963
 JCS — Journal of Cuneiform Studies
 JJP — Journal of Juristic Papyrology
 JRS — Journal of Roman Studies

- KA — A. G o e t z e, Kleinasien, Münch., 1957
 KK — T. Ö z g u ç, Kültepe Kaniş, New Researches at the Center of the Assyrian T^h de Colonies (TTK Jayınlarından V, 19), Ankara, 1959
 KKR 1948 — T. Ö z g u ç, Ausgrabungen in Kültepe 1948 (TTK Jayınlarından 10), Ankara, 1950
 KTH — J. L e w y, Die Kültepetexte aus der Sammlung Frida Hahn, Lpz, 1930
 LB — Linguistique Balkanique
 LE — A. T r o m b e t t i, La lingua Etrusca, Firenze, 1928
 MGH AA — Monumenta Germaniae Historica, Auct. Ant.
 MVAG — Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft
 OA — Oriens Antiquus
 OIP — University of Chicago, Oriental Institute Publications
 OIP 27 — I. J. G e l b, Inscriptions from Alishar and Vicinity 1935
 Or. — Orientalia
 PCZ — Papyrus Cairo Zenon
 PSI — Papiri greci e latini, Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei papiri Firenze
 Pyrgi... — Scavi nel santuario Etrusco di Pyrgi. Relazione preliminare della settima campagna, 1964, e scoperta di tre lamine d'oro iscritte in Etrusco e in Punico, AA XVI, 1964, 49—117, tav. XXV—XXXIX
 RE — P a u l y's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, Bearbeitung, begonnen von G. W i s s o w a, hrsg. von W. K r o l l
 REA — Revue des Études Anciennes
 REG — Revue des Études Grecques
 RhM — Rheinisches Museum für Philologie
 RLA — Reallexicon der Assyriologie, B.— Lpz, Bd. I, 1928; Bd. II, 1938
 RSO — Rivista degli studi orientali
 SBAWW — Sitzungsberichte Wiener Akademie der Wissenschaften
 SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum
 SGDI — Sammlung der Griechischen Dialektinschriften, II, Göttingen, 1905
 SHA — Scriptorum Historiae Augustae
 St. Etr. — Studi Etruschi, Firenze
 TCL — Textes Cunéiformes du Louvre, P., 1926
 TCL IV — G. C o n t e n a u, Tablettes Cappadociennes, P., 1920
 TCL XIX—XXI — J. L e w y, Tablettes Cappadociennes. Troisième série, P., 1935—1937
 TLE — M. P a l l o t t i n o, Testimonia linguae Etruscae, Firenze, 1954
 T o r p, EB — A. T o r p, Etruskische Beiträge, I—II, Lpz, 1902—1903
 TTK — Türk Tarih Kurumu
 UAR — H. H i r s c h, Untersuchungen zur altassyrischen Religion, Graz, 1961
 W.—P.— A. W a l d e, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Herausgegeben von J. P o k o r n y. Bd. I—II, B.— Lpz, 1926—1930
 YClSt — Yale Classical Studies
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
 ZSRA — Zeitschrift der Savigny-Stiftung, Romanistische Abteilung

ИСПРАВЛЕНИЯ К ВДИ, № 1—2, 1965 г.

№№	На странице	В строке	Следует читать
1	175	28 снизу	названные трагедии
212	212	11 сверху	ariyāršan-
2	45	10 снизу	(DB, III, § 38—39)... Парфии (DB, III, § 36—37)

Дополнение к статье Н. Г. Доконт (№ 2, 1965 г., стр. 209. 212), поступившее от автора после подписания номера в печать.

Когда настоящая работа уже печаталась, вышли в свет следующие публикации памятников Одесского музея: О. Д. Берлев, Памятники начальника пашен DD, TW. Сб. Ассириология и Египтология, Л., 1964, стр. 81—94; его же, Древнеегипетский ключ из собрания Одесского государственного археологического музея, Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Огам, Одесса, 1965, стр. 101—102.